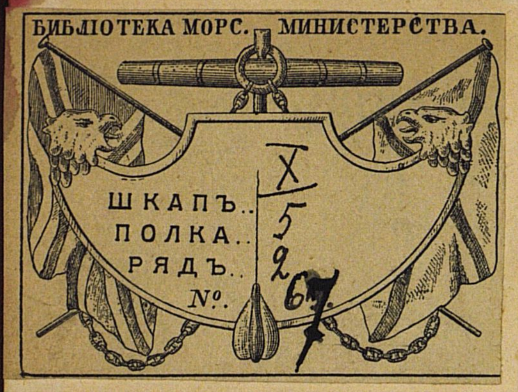
Е. Разина.

Первый труженикъ земли русской Петръ Великій

Кн-во „Просвѣщеніе"
С. Петербургъ.

Разина
Петръ Великій

БИБЛИОТЕКА МОРС. МИНИСТЕРСТВА.
ШКАПЪ.. X
ПОЛКА.. 5
РЯДЪ.. 2
№.. 67

БИБ

Е. Разина.

ПЕРВЫЙ ТРУЖЕНИКЪ ЗЕМЛИ РУССКОЙ.

ПЕТРЪ ВЕЛИКIЙ.

Историческiй очеркъ.

Съ рисунками, факсимиле и портретами.

Обложка работы художника С. В. ЧЕХОНИНА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщенiе“,
Забалканскiй пр., соб. д. № 75.

Типо-лит. Акц. О-ва „Самообразованіе", С.-Петербургъ, Забалканскій пр., д. № 75.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Часть четвертая.

СПИСОКЪ РИСУНКОВЪ.

Часть I.

Глава I.

Первые годы жизни царевича Петра.

Рожденіе царевича Петра. — Первые годы жизни царевича Петра. — Обычные пріемы воспитанія царевичей. — Измѣненіе порядковъ въ воспитаніи Петра. — Первоначальное обученіе царевича Петра. — Возвращеніе Натальи Кирилловны и Петра ко двору. — Избраніе Петра на царство. — Протестъ царевны Софіи.

Рожденіе царевича Петра.

Въ пятомъ часу утра 30 мая 1672 года, въ день Исаакія Далматскаго, колокольный звонъ по всѣмъ церквамъ московскимъ возвѣстилъ «всемірную радость», какъ тогда говорили: у царицы Натальи Кирилловны, второй жены царя Алексѣя Михайловича, родился сынъ, названный въ святомъ крещеніи Петромъ. Три дня звонили въ колокола по всей Москвѣ, три дня палили изъ пушекъ и шли «почетные» пиры во дворцѣ. 29 іюня, въ день св. апостоловъ Петра и Павла, совершилось крещеніе маленькаго царевича; крестнымъ отцомъ мальчика былъ братъ его, десятилѣтній царевичъ Ѳеодоръ, а крестной матерью — тетка Ирина Михайловна. И опять были почетные пиры у царя и царицы.

Первые годы жизни царевича Петра.

Радостно и весело жилось царственному ребенку первые годы его жизни: баловали и миловали его усердныя нянюшки и мамушки; не наглядѣлась на него мать-царица. Съ радостью смотрѣлъ и царь-отецъ на своего сына-богатыря, который при рожденіи былъ уже 11 вершковъ ростомъ, въ полгода сталъ свободно ходить, а къ году уже говорилъ и былъ хорошъ, какъ свѣтлое майское утро: волосы его вились кудрями, ясныя очи смотрѣли пытливо и радостно. Окруженный нѣжными заботами, жилъ онъ на привольѣ и свободѣ, забавляясь игрушками, которыя ему во множествѣ дарили «московскіе гости», т. е. купцы, да тѣшился въ кругу «робятокъ» — своихъ сверстниковъ, изъ которыхъ образовалъ особый Петровъ полкъ. Царь Алексѣй Михаиловичъ самъ прини-

малъ участіе въ этой забавѣ сына: назначилъ его полковникомъ Петрова полка и «по обычаю военному повелѣлъ обо всемъ рапортировать ему и повелѣній отъ него требовать». Для маленькаго царевича были изготовлены особыя латы, маленькая сабля, каска, и онъ очень серьезно исполнялъ свои полковничьи обязанности. Саблю же свою онъ такъ любилъ, что не разставался съ нею и не ложился спать безъ нея. Ребенокъ онъ былъ рѣзвый, подвижной, чѣмъ приводилъ въ ужасъ своихъ мамушекъ и нянюшекъ, которыя звали его не иначе какъ «огневый мальчикъ». Разъ въ селѣ Коломенскомъ царица Наталья Кирилловна тайно смотрѣла на пріемъ кесарскаго, т. е. австрійскаго посланника, изъ сосѣдняго покоя, стараясь скрыть свое присутствіе тамъ и, конечно, говоря не иначе какъ шопотомъ; но «огневому мальчику», которому было въ то время 3 года, не могла понравиться такая сдержанность: онъ вырвался изъ рукъ державшей его няни и настежь распахнулъ двери въ тронную залу со словами: «Чего тутъ сидѣть одной, матушка, лучше смотри въ открытыя двери».

Обычные пріемы воспитанія царевичей.

Тогда боялись иноземцевъ, боялись ихъ «лихого глаза», боялись и вообще всѣхъ «чужихъ», т. е. не родственниковъ, а потому и царскихъ дѣтей воспитывали въ тишинѣ дворца, тщательно скрывая отъ всѣхъ постороннихъ: у каждаго изъ царевичей были свои особыя хоромы, свои особые прислужники и до 15 лѣтъ, кромѣ родственниковъ и ближнихъ бояръ, ихъ никто не могъ видѣть. Только въ 15 лѣтъ ихъ «являли народу», — выводили «на смотрѣніе» людямъ, и царевичи были большею частью робки и застѣнчивы, какъ красныя дѣвицы. Такъ, вѣроятно, предполагалось воспитывать и царевича Петра, потому что въ мартѣ 1676 года, уже послѣ смерти царя Алексѣя Михайловича, искуснѣйшему живописцу того времени поручено было расписать по слюдѣ оконницу въ «хоромы» царевича, и расписать такъ, чтобы «изъ хоромъ всквозѣ видно было, а съ надворья, чтобы не видно было», т. е. хотѣли, чтобы никто не могъ посмотрѣть на царевича, чтобы ничей «лихой глазъ» не могъ повредить ему. Такъ собирались беречь-хоронить молодого богатыря отъ всякаго общенія съ жизнью улицы, отъ всякаго общенія съ простыми людьми, но не то было нужно его огневой натурѣ, не то сулила ему и судьба.

Петру не было четырехъ лѣтъ, какъ умеръ отецъ его, Алексѣй Михайловичъ, и положеніе мальчика круто измѣнилось.

Измѣненіе порядковъ въ воспитаніи Петра.

Старшій братъ его, царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, вступилъ на престолъ 14 лѣтъ и, будучи крестнымъ отцомъ Петра, сначала нѣжно заботился о своемъ маленькомъ крестникѣ, часто заходилъ къ вдов-

Царица Наталья Кирилловна (Нарышкина), родительница Петра Великаго.

ствующей царицѣ, чтобы поиграть съ братомъ, а когда тому пошелъ пятый годъ — пригласилъ къ нему учителемъ грамотея Никиту Моисеевича Зотова. Царь настолько былъ внимателенъ къ выбору учителя, что поручилъ извѣстному ученому того времени Симеону Полоцкому — въ своемъ присутствіи произвести Зотову испытаніе. Ему велѣли прочитать нѣсколько страницъ изъ книги, списать одну страницу и продиктовали нѣсколько фразъ, и Симеонъ Полоцкій, просмотрѣвъ написанное и прослушавъ чтеніе Зотова, объявилъ государю, «яко право то писаніе и глаголъ чтенія»; тогда только государь представилъ царицѣ выбраннаго учителя. Не прошло однако и года по смерти Алексѣя Михайловича, какъ молодой четырнадцатилѣтній царь подпалъ подъ вліяніе своей властной сестры Софіи и родственниковъ по матери — Милославскихъ, которые обвинили воспитателя Натальи Кирилловны, Матвѣева, въ чернокнижіи и настояли на томъ, чтобы онъ и братья царицы были отосланы въ ссылку, въ дальніе города; сама оскорбленная царица удалилась въ село Преображенское, а «нарочитыя», т. е. особенныя заботы царя о крестникѣ и братѣ настолько ослабѣли, что не успѣлъ тотъ кончить свое «книжное ученіе», какъ учителя его, Зотова, взяли отъ него и послали въ Крымъ для заключенія мира съ «салтаномъ турскимъ», и ученье Петра было прервано.

Первоначальное обученіе царевича Петра.

Зотовъ, однако, сдѣлалъ, что могъ: скоро и легко прошелъ у него маленькій Петръ всю «книжную премудрость», т. е. выучился читать, изучилъ часословъ и псалтырь, а Евангеліе и Апостолъ зналъ наизусть. Научиться же писать сколько-нибудь порядочно царевичъ Петръ не успѣлъ, такъ какъ по обычаю того времени сталъ учиться письму, когда ему шелъ уже восьмой годъ, а менѣе чѣмъ черезъ годъ учитель былъ взятъ отъ него, и занятія письмомъ не возобновлялись, пока самому державному ученику не захотѣлось этого. Занимаясь съ царевичемъ «книжнымъ ученьемъ», т. е. чтеніемъ, Зотовъ въ то же время часто занималъ его разсказами «о блаженныхъ дѣлахъ родителя его, Алексѣя Михайловича, о подвигахъ Александра Невскаго и Димитрія Донского, о трудахъ царя Іоанна Грознаго», показывая при этомъ книги съ «кунштами», т. е. съ картинками. Съ радостью разсматривалъ картинки маленькій царевичъ, съ жадностью слушалъ разсказы о подвигахъ предковъ, о разныхъ иностранныхъ земляхъ и городахъ. Замѣтивъ его интересъ къ разсказамъ, Зотовъ просилъ, чтобы выбраны были особые искусные художники, которые составили бы царевичу «потѣшныя книги», т. е. книги съ картинками. Хотя и въ опалѣ была Наталья Кирилловна, но для пользы сына не побоялась просить «потѣшныхъ листовъ», и

скоро хоромы царевича были убраны картинами «фряжскаго», т. е. иноземнаго письма, и на нихъ изображены были: города иноземные, палаты разныя, битвы великія и т. под. Когда Зотовъ замѣчалъ, что его маленькій ученикъ начинаетъ уставать, онъ бралъ изъ рукъ его книгу и, переходя изъ комнаты въ комнату, отъ картины къ картинѣ, объяснялъ,

Портретъ Петра Великаго въ дѣтствѣ.
(Оригиналъ въ Оружейной Палатѣ.)

какъ умѣлъ, что на нихъ изображено. Бѣда была только въ томъ, что самъ учитель «не гораздо» твердъ былъ въ тѣхъ знаніяхъ, которыя брался сообщать царевичу, и часто вопросы даровитаго ученика ставили его втупикъ. Какъ бы то ни было, а онъ умѣлъ пробудить любознательность талантливаго царевича, который въ своихъ дѣтскихъ играхъ съ «робятками» въ лицахъ изображалъ все видѣнное на картинкахъ: и крѣпости строилъ, и полки водилъ. Въ отдаленномъ Преображенскомъ никто не препятствовалъ ему въ этомъ, пока серьезно забо-

лѣвшій царь Өеодоръ не пожелалъ увидѣть мачеху съ братомъ и не вызвалъ ихъ въ Москву.

Возвращеніе Натальи Кирилловны и Петра ко двору.

Кротокъ и слабъ характеромъ былъ юный царь, и, какъ злой геній, стояла надъ нимъ умная и властолюбивая сестра Софія, не забывавшая никогда своей распри съ мачехой. Софія, учившаяся съ братомъ и знавшая все, что знали образованнѣйшіе мужчины тогдашняго времени, ухаживая за больнымъ братомъ-царемъ, не оставляла его и въ случаѣ прихода бояръ. Она присутствовала при совѣщаніяхъ сановниковъ у постели больного и такимъ образомъ участвовала во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ. Хотя Софія искренно печалилась объ опасномъ положеніи больного, но не безъ удовольствія думала о томъ, что послѣ бездѣтнаго Өеодора вступитъ на царство братъ ея Іоаннъ, болѣзненный, слабый физически и умственно, вовсе неспособный къ управленію государствомъ, и тогда вся власть будетъ въ ея рукахъ, а потому ни за что не хотѣла допустить ненавистной мачехи къ брату. Но кромѣ царевны Софіи на молодого царя имѣла огромное вліяніе и жена его, Мареа Матвѣевна, женщина кроткая, тихая, богобоязненная. Она съ горемъ замѣчала вражду мужа съ Натальею Кирилловной и повліяла на него такъ, что онъ отдалъ приказъ возвратить Матвѣеву всѣ его вотчины и перевелъ его изъ дальней ссылки ближе къ Москвѣ, вызвалъ мачеху къ себѣ, помирился съ нею и, какъ говорятъ, сдѣлалъ устное распоряженіе, чтобы на царство вступилъ Петръ, такъ какъ Іоаннъ вовсе неспособенъ былъ къ дѣлу правленія. Еще во время болѣзни Өеодора возникъ вопросъ: кто изъ его братьевъ будетъ царемъ — совершеннолѣтній ли, но болѣзненный, почти слѣпой и малоумный Іоаннъ, или девятилѣтній, но сильный тѣломъ и духомъ, царевичъ Петръ, который по росту и виду казался шестнадцатилѣтнимъ? Одни стояли за избраніе Петра, другіе за Іоанна, и такимъ образомъ образовались двѣ партіи: партія Милославскихъ, державшаяся старины и желавшая возведенія на престолъ Іоанна, и партія Нарышкиныхъ, стоявшая за всякія «новшества» и стремившаяся къ возведенію на царство Петра. 27 апрѣля 1682 года печальный звонъ большого колокола извѣстилъ Москву о смерти царя Өеодора, и по этому сигналу люди всѣхъ званій и состояній стали толпами стекаться въ Кремль, такъ какъ всѣхъ томила неизвѣстность, всѣ хотѣли скорѣйшаго рѣшенія вопроса: кому быть царемъ?

Избраніе Петра на царство.

Въ то время какъ народъ толпился на площади и наполнялъ залу дворца, въ которой было выставлено на поклоненіе тѣло усопшаго царя, бояре и высшія духовныя лица собрались въ «передней» комнатѣ для

рѣшенія вопроса о престолонаслѣдіи. На вопросъ патріарха: «кому быть царемъ — девятилѣтнему ли Петру, или болѣзненному Іоанну?» — большинство бояръ высказалось въ пользу Петра. Приверженцы Милославскихъ, однако, протестовали, говоря, что Петръ еще несовершеннолѣтенъ, что избраніе такое неправильно, что совершеннолѣтній Іоаннъ имѣетъ всѣ права на престолъ. Тогда престарѣлый патріархъ Іоакимъ (вѣроятно, по настоянію царевны Софіи) вышелъ на крыльцо и предложилъ народу рѣшить вопросъ, кому изъ царевичей быть царемъ. Весь народъ, какъ одинъ человѣкъ, воскликнулъ: «Да будетъ царемъ Петръ». Еще разъ спросилъ патріархъ: «Ему единому или вмѣстѣ съ братомъ царствовать?» — Шумный голосъ народа еще разъ отвѣтилъ: «Да будетъ царь Петръ единымъ самодержцемъ всея Руси». Съ этимъ отвѣтомъ вернулся престарѣлый патріархъ въ царскіе покои и, преклонивъ колѣна передъ царственнымъ ребенкомъ, объявилъ ему волю народа и избраніе его на царство. Взволнованный Петръ сталъ отказываться, говорилъ, что онъ еще малъ и не хочетъ и не можетъ быть царемъ, что царствовать долженъ братъ Іоаннъ. Но патріархъ отвѣчалъ, что избраніе его совершено волею народа, что никто не можетъ отмѣнить его. и, не слушая дальнѣйшихъ возраженій царевича, тутъ же благословилъ его на царство, а потомъ вышелъ къ народу и объявилъ о согласіи Петра вступить на престолъ. Въ тотъ же день Москва цѣловала крестъ юному царю, и во всѣ концы государства были разосланы гонцы съ извѣстіемъ объ этомъ.

Протестъ царевны Софіи.

Дѣло царевны Софіи было проиграно и, не имѣя силъ сдержать себя при мысли о торжествѣ ненавистной мачехи, она при всѣхъ собравшихся воскликнула: «Избраніе это неправо. Петръ еще юнъ и неразуменъ, Іоаннъ же совершеннолѣтенъ — онъ долженъ быть царемъ». Но среди всеобщаго волненія восклицаніе это было оставлено безъ вниманія, и гордая царевна наравнѣ съ другими должна была принести поздравленіе новоизбранному царю.

Великій переворотъ совершился въ жизни царственнаго ребенка! Онъ былъ провозглашенъ царемъ — престарѣлый патріархъ преклонилъ передъ нимъ колѣна, бояре почтительно цѣловали его руку, били ему челомъ, т. е. кланялись «земно», сама гордая царевна Софія, гонительница его матери, поклонилась ему, какъ царю, до земли. Онъ видѣлъ восторгъ любимой матери, которая изъ обиженной и угнетенной становилась, за малолѣтствомъ сына, властительницею цѣлаго государства, — понятно, что чувствовалъ живой, впечатлительный, не по лѣтамъ развитой, ребенокъ.

Глава II.

Первый стрѣлецкій бунтъ и его послѣдствія.

Недовольство Софіи. — Войско стрѣлецкое. — Подстрекательство стрѣльцовъ къ бунту. — Первые часы стрѣлецкаго бунта. — Разгаръ бунта въ первый день. — Ссылка старика Нарышкина и установленіе двоевластія. — Провозглашеніе Софіи правительницею. — Впечатлѣніе, произведенное бунтомъ на царя Петра. — Правленіе царевны Софіи. — Занятія Петра въ селѣ Преображенскомъ.

Недовольство Софіи.

Волею всего народа былъ избранъ молодой царь Петръ; радовались этому всѣ близкіе ему люди, а особенно царица Наталья Кирилловна, которая спѣшила вызвать изъ дальняго города своего воспитателя и благодѣтеля Матвѣева, спѣшила вернуть изъ ссылки и своихъ любимыхъ братьевъ. Все, казалось, предвѣщало тишину и спокойствіе въ Москвѣ, но Милославскіе и царевна Софія не дремали.

Не могла гордая, честолюбивая царевна безъ борьбы уступить власть ненавистной мачехѣ и въ самый день избранія, призвавъ патріарха, заявила ему, что, во имя законности и правъ первородства, онъ долженъ отмѣнить народное избраніе, а, когда патріархъ рѣшительно отказалъ ей въ этомъ, она воскликнула: «Пусть, по крайней мѣрѣ, оба царствуютъ». Но и на это патріархъ не согласился, заявивъ: «Многоначаліе пагубно. Да будетъ одинъ царь: такъ угодно Богу». Властолюбивая царевна, однако, не желала признавать единодержавіе Петра. Она знала, что слабоумный Іоаннъ совершенно равнодушенъ къ избранію брата, даже, можетъ быть, радъ избавиться отъ тяготы правленія, но ей нужно было, чтобы именно этотъ безсильный, безвольный братъ былъ царемъ, такъ какъ только тогда она могла забрать власть въ свои руки.

Царевна Софія.

(Картина И. Е. Рѣпина.)

Страстно желая этого и не останавливаясь въ выборѣ средствъ для достиженія престола, она стала волновать стрѣльцовъ черезъ преданныхъ ей Милославскихъ.

Войско стрѣлецкое.

Войско стрѣлецкое было совсѣмъ особенное, нисколько не похожее на тѣ войска, какія мы знаемъ теперь. Стрѣльцы жили въ особыхъ слободахъ подъ Москвою и въ другихъ городахъ, жили семьями, несли въ мирное время самую легкую караульную службу, занимались земледѣліемъ, ремеслами и торговлей, при чемъ, торгуя «безданно», «безпошлинно», наживали значительныя богатства, а потому всякой войной тяготились, смотря на нее какъ на помѣху главнымъ своимъ занятіямъ. Въ свою частную жизнь они вносили грубыя привычки лагерной жизни, требовали себѣ подчиненія отъ мирныхъ жителей, а сами не хотѣли признавать ничьей власти. Въ шестилѣтнее царствованіе болѣзненнаго и слабаго волей царя Θеодора стрѣльцы привыкли къ полному своеволію и въ послѣдніе дни его жизни, недовольные своими начальниками, многихъ изъ нихъ самовольно убили, а потому съ неудовольствіемъ и страхомъ услышали вѣсть о скоромъ возвращеніи своего бывшаго начальника, справедливаго, но всегда строгаго боярина Матвѣева.

Подстрекательство стрѣльцовъ къ бунту.

Этимъ настроеніемъ стрѣльцовъ и воспользовалась партія Милославскихъ съ царевной Софіей во главѣ. Обѣщаніемъ щедрыхъ наградъ, чиновъ и денегъ они привлекли на свою сторону нѣсколько стрѣлецкихъ полковниковъ и уговорились съ ними поднять стрѣльцовъ, а во время мятежа извести Матвѣева и всѣхъ родственниковъ царицы — Нарышкиныхъ и возвести на престолъ царевича Іоанна. Простымъ рядовымъ стрѣльцамъ, конечно, не выдали всего плана, а только смущали всѣхъ угрозами перемѣнъ, которыя произойдутъ въ ихъ жизни съ пріѣздомъ Матвѣева, да разсказами о томъ, что бояре неправильно избрали Петра вмѣсто Іоанна, котораго Нарышкины собираются вовсе извести. Волновались стрѣльцы этими слухами, собирались толпами, толковали громко, что надо помочь обиженному царевичу, а неопытная въ дѣлахъ правленія царица Наталья Кирилловна и царь-мальчикъ ничего не знали объ этомъ и спокойно радовались возвращенію друга своего Матвѣева, при свиданіи съ которымъ была «радость неизреченная, что никакое человѣческое писало по достоянію исписати не возможетъ». 12 мая вечеромъ вернулся изъ дальней ссылки бояринъ Матвѣевъ, и, испуганные его возвращеніемъ, Милославскіе постарались ускорить мятежъ. 15 мая въ стрѣлецкія слободы прискакали посланные отъ Софіи и, проѣзжая среди стрѣлецкихъ полковъ, кричали: «Нарышкины задушили царевича Іоанна. Спѣшите на помощь царской семьѣ».

Стрѣльцы заволновались, — начальники ихъ знали, что это только условный знакъ къ дѣйствію, но люди простые думали, что въ самомъ дѣлѣ надо спасать «царскій корень», т. е. царскую семью, и съ громкимъ крикомъ, съ барабаннымъ боемъ и съ распущенными знаменами двинулись въ Кремль.

Первые часы стрѣлецкаго бунта.

Было 12 часъ дня, и бояре спокойно расходились изъ Кремля. Матвѣевъ спускался съ дворцоваго крыльца, когда прискакалъ бояринъ Урусовъ и съ ужасомъ объявилъ, что стрѣльцы шумной толпой идутъ на Кремль. Матвѣевъ, узнавъ объ этомъ, приказалъ скорѣе запереть кремлевскія ворота, но было уже поздно: стрѣльцы ворвались въ ворота и шумной толпой разсыпались по Кремлю, съ неистовыми криками требуя выдачи Нарышкиныхъ и Матвѣева, говоря, что тѣ хотятъ извести «царскій корень». Растерялись бояре, не зная, что дѣлать. Одинъ Матвѣевъ и отецъ государыни сохранили присутствіе духа; они успѣли вызвать во дворецъ патріарха, а потомъ посовѣтовали государынѣ выйти на Красное крыльцо и показать стрѣльцамъ царя и царевича. Испуганная, дрожащая царица вышла изъ дворца въ сопровожденіи патріарха и бояръ и вывела на крыльцо сына и пасынка. При этомъ бояре, пришедшіе съ царемъ, громко воскликнули: «Вотъ царь Петръ и царевичъ Іоаннъ. Оба милостью Божьею здравы и невредимы. Успокойтесь же. Чего же вамъ надо? Успокойтесь, васъ обманули». Казалось, это должно было успокоить стрѣльцовъ, но, опьяненные буйствомъ, они бросились на крыльцо, стали подставлять лѣстницы и полѣзли наверхъ, на площадку, гдѣ стояло имъ напоказъ царское семейство, и, хватая царевича Іоанна за руки и платье, допрашивали его: точно ли онъ — царевичъ Іоаннъ? точно ли ему не дѣлаютъ зла?

Испуганный, дрожавшій отъ страха, болѣзненный юноша едва могъ говорить, но все же увѣрялъ, что это точно онъ, что никакого зла онъ не терпитъ. Ребенокъ Петръ, одинъ среди испуганныхъ, трепещущихъ родныхъ и бояръ, сохранялъ гордый, царственный видъ и не показывалъ страха. Можетъ быть, этотъ величественный видъ царя-ребенка образумилъ стрѣльцовъ, — они стали смолкать, успокаиваться. Воспользовавшись затишьемъ, царица съ царемъ и царевичемъ поспѣшила уйти во дворецъ. Матвѣевъ же, глубоко увѣренный въ правотѣ своей, спокойно сошелъ съ крыльца въ ряды стрѣльцовъ и сталъ ихъ уговаривать разойтись, обѣщаясь выпросить имъ полное помилованіе отъ молодого царя. Спокойныя, увѣренныя рѣчи образумили стрѣльцовъ: они стали было расходиться, и Матвѣевъ поспѣшилъ въ палаты — успокоить царицу.

Разгаръ бунта въ первый день.

Но въ его отсутствіе все перемѣнилось: Долгорукій, начальникъ стрѣлецкаго приказа, давно не любимый стрѣльцами, вздумалъ кричать на своихъ расходившихся подчиненныхъ, вздумалъ грозить имъ строгими наказаніями, и это привело стрѣльцовъ въ настоящее бѣшенство. Они толпами бросились на крыльцо, схватили Долгорукаго и съ яростнымъ крикомъ сбросили его на копья товарищамъ, а потомъ съ ужасными криками: «Любо, любо!» разрубили тѣло его на куски. Видъ пролитой крови точно опьянилъ стрѣльцовъ: они ворвались во дворецъ и, встрѣтивъ въ первой комнатѣ боярина Матвѣева, кинулись на него. Царица и царь Петръ схватили его за руки, престарѣлый бояринъ Черкасскій заслонилъ его собою, но стрѣльцы оттащили боярина, разорвавъ на немъ весь кафтанъ, вырвали Матвѣева изъ рукъ царицы и бросили съ крыльца на копья, а потомъ тѣло изрубили въ куски. Испуганные бояре разбѣжались, трепещущая царица поспѣшила увести сына въ Грановитую палату, а стрѣльцы, ворвавшіеся во дворецъ, стали бѣгать по всѣмъ царскимъ покоямъ, отыскивать бояръ, указанныхъ имъ въ спискахъ царевны Софіи, особенно преслѣдуя ненавистныхъ ей Нарышкиныхъ. Всюду врывались бунтовщики, даже въ спальню царицы и царевенъ, гдѣ раскидали перины и подушки, предполагая, что тамъ гдѣ-нибудь спрятаны Нарышкины; потомъ они кинулись въ церковь и, найдя въ алтарѣ, подъ престоломъ старшаго брата государыни, Аѳанасія — вытащили его за волосы на крыльцо и тамъ изрубили въ куски. Кровопролитіе опьянило стрѣльцовъ: до поздней ночи неистовствовали они на площади передъ дворцовымъ крыльцомъ, требуя, чтобы народъ, выгнанный ими изъ домовъ, одобрялъ ихъ поступки криками «любо, любо», а молчавшихъ били и тиранили. Неистовые крики, пѣсни и похвальбы продолжались до поздней ночи. Наконецъ буйство умолкло, но мертвыхъ не приказано было трогать, не приказано было выходить изъ домовъ. Можно представить, какую ужасную ночь провела царица Наталья Кирилловна и царь-ребенокъ, бывшій свидѣтелемъ всѣхъ неистовствъ, произведенныхъ стрѣльцами.

На третій день, опьяненные успѣхомъ и кровью, стрѣльцы рѣшительно объявили царицѣ, что она должна выдать имъ для расправы брата своего Ивана, иначе они перебьютъ всѣхъ бояръ, и бояре стали умолять Наталью Кирилловну не губить ихъ, не скрывать болѣе брата. Несчастная царица, дрожавшая больше всего за любимаго сына, принуждена была исполнить требованіе стрѣльцовъ, тѣмъ болѣе, что и самъ Иванъ Кирилловичъ выразилъ желаніе умереть за всѣхъ. Онъ исповѣдался, причастился Св. Тайнъ, даже пособоровался масломъ и, пригото-

15 мая 1682 года.

(Картина А. I. Шарлеманя.)

вившись къ смерти, сталъ прощаться съ родными. Какъ безумная рыдала царица, прощаясь съ любимымъ братомъ, а царевна Софія и бояре торопили ее окончить прощаніе, говоря: «Сколько вамъ, государыня, брата ни держать, а отдать его надо будетъ». На это Иванъ Нарышкинъ, хорошо понимая, кто является главнымъ виновникомъ бунта, сказалъ Софіи: «Государыня-царевна, воистину, не боясь на смерть свою иду, токмо усердно желаю, чтобы моею невинною кровью всѣ тѣ бывшія кровопролитія до конца прекратились». Царица вывела его за рѣшетку, и стрѣльцы на ея глазахъ потащили несчастнаго за ноги въ застѣнокъ, гдѣ начали мучительно пытать, надѣясь въ его показаніяхъ найти оправданіе своимъ злодѣйствамъ. Нарышкинъ, однако, не произнесъ ни слова и былъ замученъ до конца, а потомъ разрубленъ на куски. Но его невинно пролитая кровь какъ бы потушила разгорѣвшіяся страсти стрѣльцовъ: они притихли, позволили убрать тѣла замученныхъ ими людей и разошлись по своимъ полкамъ.

Ссылка старика Нарышкина и установленіе двоевластія.

На четвертый день, 18 мая, къ царю явились выборные отъ стрѣлецкихъ полковъ уже безъ оружія и «били государю челомъ», т. е. уже смиренно, кланяясь въ землю, просили, чтобы онъ велѣлъ отца царицы, Кирилла Полуектовича, постричь въ монахи. Старикъ Нарышкинъ, совершенно убитый всѣмъ пережитымъ, добровольно отдался въ руки стрѣльцовъ, тотчасъ былъ отведенъ ими въ Чудовъ монастырь и постриженъ въ монахи подъ именемъ Кипріана, а потомъ его отвезли въ простой телѣгѣ въ дальній монастырь на Бѣло-озеро. Черезъ три дня стрѣльцы «били челомъ» государю, чтобы онъ сослалъ въ ссылку остальныхъ своихъ дядей Нарышкиныхъ и молодого Матвѣева, т. е. лучшихъ своихъ сторонниковъ; черезъ недѣлю они потребовали, чтобы вмѣстѣ съ Петромъ правилъ братъ его Іоаннъ, угрожая въ случаѣ отказа опять придти въ Кремль «съ оружіемъ и учинить мятежъ великій», а потомъ потребовали, чтобы первымъ царемъ по первородству считался Іоаннъ, а Петръ былъ вторымъ.

Провозглашеніе Софіи правительницею.

Еще черезъ недѣлю стрѣльцы объявили черезъ своего новаго начальника Хованскаго, что, за малолѣтствомъ царей, должна управлять государствомъ сестра ихъ, царевна Софія. Всѣ ихъ дерзкія требованія были исполнены: Нарышкины и всѣ ихъ друзья были отосланы въ дальніе города, двоевластіе было утверждено собраніемъ бояръ и освящено благословеніемъ патріарха. О назначеніи царевны Софіи правительницею были посланы грамоты по всей землѣ Русской — и царевна Софья торжествовала. 25 іюня 1682 года состоялось торжественное вѣнчаніе на царство обоихъ царей — Іоанна и Петра, для чего былъ

устроенъ особый — двойной тронъ для обоихъ государей, а за нимъ было сдѣлано для царевны особое мѣсто, чтобы она могла подсказывать братьямъ, что имъ отвѣчать во время царскаго вѣнчанія. Съ этой минуты настоящей властительницей Россіи стала царевна Софія Алексѣевна.

Наталья Кирилловна уже не въ силахъ была бороться съ нею, сломленная потерею близкихъ, а, можетъ быть, страхомъ за любимаго сына, на которомъ тяжело отозвалось все происшедшее. Потрясающія событія стрѣлецкаго бунта навсегда оставили слѣдъ въ душѣ его: онъ никогда не могъ говорить или думать о стрѣльцахъ спокойно, и съ того времени у него стала трястись голова, а въ лицѣ при малѣйшемъ волненіи появлялись судороги. Впечатлѣніе, произведенное бунтомъ на царя Петра.

Цѣлыхъ семь лѣтъ царевна Софія удерживала власть въ своихъ рукахъ, и нельзя сказать, чтобы она плохо правила государствомъ. Нѣтъ, она сумѣла обуздать зазнавшихся было стрѣльцовъ, и, казнивъ ихъ начальника Хованскаго, черезъ четыре мѣсяца по вступленіи въ дѣла правленія, совсѣмъ смирила ихъ, обративъ изъ гордыхъ повелителей въ покорныхъ рабовъ своихъ; она заключила вѣчный и очень почетный для насъ миръ съ Польшей, при чемъ получила Кіевъ въ вѣчное владѣніе и вошла въ союзъ съ Польшей, Австріей и Венеціей, заключивъ съ ними «священный союзъ» для борьбы съ исконными врагами христіанъ — турками; она исполнила завѣтную мысль царя Ѳеодора, открывъ въ Москвѣ Славяно-греко-латинскую Академію, и въ глазахъ лучшихъ людей своего времени явилась покровительницею наукъ въ Россіи. Только брата Петра хотѣла она оставить безъ науки и просвѣщенія, думая этимъ упрочить свою власть и вліяніе надъ нимъ. Ему не дали никакого учителя послѣ удаленія Зотова, и ученье его надолго прекратилось: его держали вмѣстѣ съ матерью въ селѣ Преображенскомъ, вдали отъ дворца, въ опалѣ, о немъ почти не упоминали въ придворномъ кругу. Оттого мы почти ничего не знаемъ о первыхъ годахъ его жизни въ Преображенскомъ, и только 14 лѣтъ онъ выступаетъ на самостоятельную дорогу, требуя себѣ учителей и находя ихъ среди «новыхъ людей» — среди иностранцевъ Нѣмецкой слободы. Правленіе царевны Софіи.

Что же дѣлалъ Петръ въ своемъ изгнаніи, въ своемъ Преображенскомъ, когда не было у него ни учителя, ни книгъ, ни опредѣленнаго дѣла? «Тоска скучнаго пустого дворца, гдѣ передъ глазами была вѣчно печальная, вѣчно плачущая мать, — выгнала его на улицу, на волю-вольную, гдѣ вокругъ него собрались и товарищи-подростки, и люди «охочіе» всѣхъ возрастовъ, гдѣ онъ сначала только игралъ съ «робятами», Занятія Петра въ селѣ Преображенскомъ.

а потомъ сталъ устраивать примѣрныя сраженія, формировать новые полки новаго войска. Цѣлый день проводя на свѣжемъ воздухѣ, среди великолѣпныхъ рощъ Преображенскаго, юный царь закалялъ свои силы, такъ какъ несъ солдатскую службу наравнѣ со своими товарищами, ни въ чемъ отъ нихъ не отставая: онъ и безъ пищи оставался цѣлыми днями, въ случаѣ нужды, онъ и на караулѣ стоялъ, какъ простой солдатъ, чтобы «доподлинно» изучить «ратное дѣло». Онъ ушелъ изъ Кремля, изъ дворца съ его строгими формами этикета, степенности и чинности, онъ не хотѣлъ знать и прежнихъ формъ обращенія съ подчиненными; съ товарищами своихъ игръ и занятій онъ сталъ обращаться запросто и эту простоту обращенія внесъ въ послѣдующую свою жизнь, когда самый простой человѣкъ могъ сдѣлаться для него близкимъ другомъ — лишь бы былъ «новымъ» человѣкомъ, сочувствовалъ бы его преобразованіямъ. Многому доброму научила царя жизнь улицы, отъ которой въ малолѣтствѣ такъ хотѣли уберечь его, но она же привила ему многія грубыя привычки и между прочимъ — пристрастіе къ вину, къ шумнымъ несдержаннымъ пирушкамъ»[1]. Занимаясь игрой въ войну со своими сверстниками, которыхъ всѣ величали потѣшными, Петръ въ то же время пристрастился къ занятію ремеслами, и по его царскому указу въ Преображенское были доставлены токарный и столярный станокъ, инструменты переплетные и для гравированія на камнѣ. Царь учился и рисованію, и гравированію, и слесарному, и переплетному, и столярному дѣлу. Учителями его являлись, вѣроятно, иностранцы изъ Нѣмецкой слободы, люди простые, не знающіе этикета, и ребенокъ-царь не скучалъ, проводя въ ихъ обществѣ цѣлые дни за изученіемъ всякихъ ручныхъ работъ.

---

[1] Слова историка Соловьева.

Глава III.

Ученье царя Петра и побѣда его надъ Софіею.

Пробужденіе жажды знанія. — Первое знакомство съ математикой. — Увлеченіе дѣломъ кораблестроенія. — Женитьба царя Петра и оставленіе жены ради дѣла. — Характеристика юноши Петра. — Первыя столкновенія Петра съ царевной Софіею. — Новыя попытки Софіи поднять стрѣльцовъ. — Открытая борьба Петра съ Софіею. — Побѣда Петра.

Пробужденіе жажды знанія.

Не могъ удовольствоваться механическими работами пытливый умъ царя Петра, многое хотѣлъ знать геніальный отрокъ, но вокругъ не было никого, кто бы могъ удовлетворить его любознательности, никого, кто бы могъ понять его запросы и сообщить ему необходимыя знанія. Не совѣтъ воспитателя, не указаніе кого-нибудь изъ окружающихъ, а простой случай натолкнулъ его на изученіе математики, и онъ самъ впослѣдствіи описалъ этотъ случай въ предисловіи къ Морскому регламенту.

Въ 1687 году (когда царю было уже 14 лѣтъ 9 мѣсяцевъ) бояринъ Яковъ Долгорукій, отправлявшійся посломъ во Францію, явился къ молодому царю на поклонъ и спросилъ, какого гостинца привезти ему изъ чужихъ странъ. Петръ, съ малолѣтства любившій занятія механикой, попросилъ привезти какой-нибудь инструментъ. Бояринъ тутъ, при случаѣ, разсказалъ, что у него былъ диковинный инструментъ, которымъ можно было измѣрять разстояніе, не доходя до того мѣста, гдѣ былъ нужный предметъ. Царь хотѣлъ тотчасъ увидѣть такую диковинку, но оказалось, что у боярина она давно затерялась. Царь приступилъ тогда къ Долгорукому съ горячей просьбою привезти диковинный инструментъ. Бояринъ съ точностью исполнилъ «наказъ»: черезъ годъ, вернувшись изъ Франціи, онъ привезъ государю желаемый имъ подарокъ — то

была астролябія и готовальня съ циркулями. Но что дѣлать съ этими вещами, какъ ими пользоваться? Никто не могъ отвѣтить пытливому мальчику на эти вопросы; измученный напрасными усиліями найти учителя среди русскихъ, онъ обратился къ придворному доктору-нѣмцу, спрашивая его, не знаетъ ли онъ этого дѣла. Докторъ отвѣчалъ, что не знаетъ, «но можетъ сыскать такого человѣка, который знаетъ». Вотъ какъ говоритъ объ этомъ самъ Петръ: «Оный дохтуръ въ скоромъ времени сыскалъ голландца, именемъ Франца, прозваніемъ Тиммермана,

Петръ учится обращенію съ астролябіей.

которому я вышеписанные инструменты показалъ, и который, увидѣвъ, сказалъ, что онъ употреблять ихъ умѣетъ; къ чему я гораздо присталъ съ охотою учиться геометріи и фортификаціи. И тако сей Францъ, черезъ сей случай, сталъ при дворѣ быть безпрестанно и въ компаніяхъ съ нами».

Первое знакомство съ математикой.

Тиммерманъ былъ математикъ далеко не искусный: онъ дѣлалъ ошибки въ простомъ умноженіи на 2 и на 5, какъ это видно изъ сохранившихся учебныхъ тетрадей Петра. Тетради эти очень интересны, такъ какъ показываютъ, до какой степени было небрежно первоначальное обученіе царевича, который на шестнадцатомъ году едва умѣлъ выводить буквы, дѣлая ошибки чуть не въ каждомъ словѣ, не отдѣляя одного слова отъ другого, вставляя букву ъ въ середину словъ безъ всякой надобности. Но по этимъ же тетрадямъ можно прослѣдить, съ какимъ жаромъ принялся царь за науку, съ какой удиви-

тельной понятливостью и добросовѣстностью относился къ ученью и какъ быстро перешелъ отъ простыхъ началъ ариѳметики къ труднымъ и сложнымъ задачамъ по фортификаціи. Тиммерманъ съ трудомъ могъ сообщить ему первыя четыре правила ариѳметики, но талантливый ученикъ уже самъ изъ этого немногаго почерпнулъ многое. Сообразивъ въ чемъ дѣло, онъ самъ своею рукою, еще плохо владѣющей перомъ, безошибочно и отчетливо изложилъ всѣ четыре правила ариѳметики, пояснилъ ихъ примѣрами, привелъ способы провѣрки, разобралъ

Упражненія съ потѣшными Петра Алексѣевича.

путаницу съ «онами», т. е. нулями, въ которую ввелъ его малоопытный учитель, затѣмъ безъ труда понялъ именованныя числа и перешелъ къ высшимъ частямъ ариѳметики. Самый почеркъ настойчиваго отрока-царя измѣнился отъ постояннаго упражненія въ писаніи, самое правописаніе его улучшалось и, заканчивая свои тетради изложеніемъ того, какъ употреблять астролябію при измѣреніи поля, онъ сталъ писать не въ примѣръ лучше прежняго, а слогъ его пріобрѣлъ уже краткость и силу изумительную.

Изучивъ очень скоро правила постройки крѣпостей, юный царь стремился сейчасъ же примѣнить ихъ на дѣлѣ, и не прошло 4 мѣсяцевъ со времени начала его занятій съ Тиммерманомъ, какъ онъ при помощи своихъ потѣшныхъ, въ сентябрѣ 1688 года, собственноручно соорудилъ на берегу Яузы крѣпость Пресбургъ. Онъ своею царскою волею приказалъ взять изъ Конюшаго приказа упряжь для своей артиллеріи, раз-

дѣлилъ прежде нестройныя толпы своихъ потѣшныхъ на правильно организованные полки — Преображенскій и Семеновскій, взялъ всѣхъ барабанщиковъ Бутырскаго полка и перевелъ къ себѣ въ Преображенское почти всѣхъ стрѣльцовъ особенно преданнаго ему Сухарева полка. Царевна Софія, презрительно называвшая потѣшныхъ не иначе какъ «конюхами» и «пьяницами», тѣмъ не менѣе со страхомъ стала замѣчать успѣхи брата въ военномъ дѣлѣ.

Увлеченіе дѣломъ кораблестроенія.

Къ ея удовольствію, однако, молодой царь скоро увлекся такой забавой, которая, конечно, могла въ то время считаться прямо глупостью и въ глазахъ всѣхъ благомыслящихъ людей дѣлала царя смѣшнымъ: онъ увлекся кораблестроеніемъ и мореплаваніемъ, живя за тысячи верстъ отъ моря. Самъ царь разсказывалъ впослѣдствіи, какъ разгорѣлась въ немъ эта страсть, какъ бы случайно, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства. Всюду таскалъ онъ съ собой своего новаго учителя Тиммермана и при видѣ всякаго новаго предмета задавалъ ему массу вопросовъ: что это? зачѣмъ это? какъ устроено? «Предметовъ новыхъ было мало, а видѣть хотѣлось многое, и безпокойный мальчикъ въ Измайловѣ забрался въ амбаръ, гдѣ лежали старыя негодныя вещи двоюроднаго дяди царскаго, Никиты Ивановича Романова, и вдругъ — судно особаго рода, иностранное. Запросъ Тиммерману: «Что это за судно?» — «Ботъ англійскій . . . » — «Гдѣ его употребляютъ?» — «При корабляхъ для ѣзды и возки . . . » — «Чѣмъ лучше нашихъ?» — «Ходитъ на парусахъ не только что по вѣтру, но и противъ вѣтра . . . » — «Противъ вѣтра? Быть не можетъ. Есть ли такой человѣкъ, который бы починилъ ботъ и ходъ его показалъ? . .» — «Есть» [1].

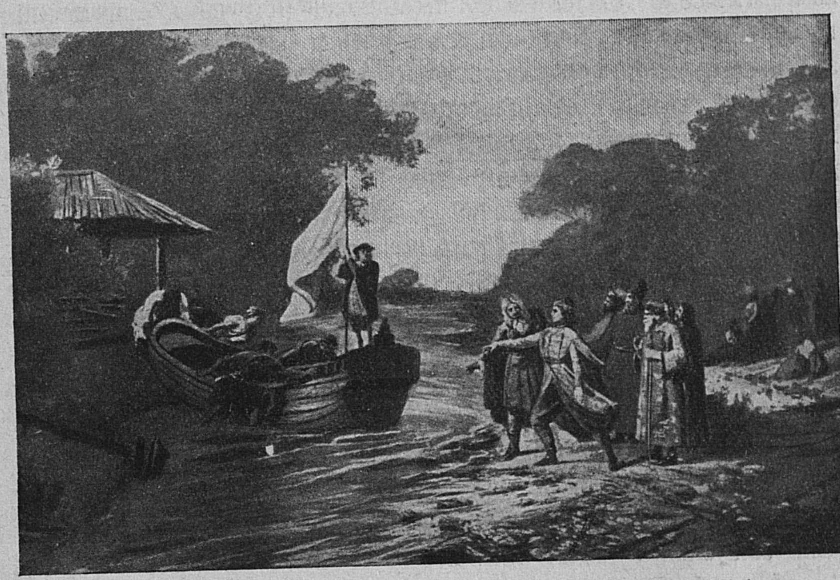
Тиммерманъ скоро привелъ къ царю своего соотечественника, голландца Карштенъ Бранта, который былъ вызванъ изъ Голландіи для постройки судовъ на Каспійскомъ морѣ, а послѣ сожженія ихъ во время бунта Стеньки Разина жилъ очень бѣдно въ Нѣмецкой слободѣ, добывая хлѣбъ столярной работой. Карштенъ Брантъ сумѣлъ починить ботъ, сдѣлалъ мачту, укрѣпилъ ее, укрѣпилъ паруса и началъ лавировать на рѣкѣ Яузѣ.

«Это мнѣ паче удивительно и зѣло любо стало», — разсказывалъ царь впослѣдствіи. — «Потомъ, когда я часто употреблялъ ботъ и ботъ не всегда ворочался, но болѣе упирался въ берега, я спросилъ его: «для чего такъ?». Онъ сказалъ, что узка вода. Тогда я перевезъ его (ботъ) на Просяной прудъ въ Измайловѣ, но и тамъ немного авантажу сыскалъ, а охота стала часъ отъ часу болѣе». Царь сталъ провѣдывать: гдѣ бы

---

[1] С. Соловьевъ, „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“.

отыскать больше воды? Ему отвѣчали, что ближе нѣтъ большого озера, какъ въ Переяславлѣ, въ 120 верстахъ отъ Москвы, и царь сталъ просить у матери позволенья съѣздить въ Троицкій монастырь, будто на богомолье, а самъ махнулъ на озеро Плещеево, которое сразу плѣнило его своей красотой. Царь, отправляясь осмотрѣть озеро, не смѣлъ явно сказать объ этомъ матери, а — по его выраженію — «туда подъ образомъ обѣщанія въ Троицкій монастырь выпросился». Видно, что новая забава сына смущала царицу Наталью Кирилловну, что она дрожала за

Спускъ ботика на Яузу.

самую жизнь его, зная злые умыслы царевны Софіи. Но сопротивляться желаніямъ сына она не могла, и цѣлую осень, до наступленія сильныхъ морозовъ, молодой царь провелъ за постройкой судовъ, работая наравнѣ съ простыми корабельными мастерами. А мать съ ужасомъ, съ невыразимымъ страхомъ смотрѣла на частыя отлучки сына, боясь, что его могутъ убить, когда онъ вдали отъ нея, опасаясь, что онъ можетъ простудиться, заболѣть, умереть отъ работы, что царевна Софія и передъ своими и передъ иноземными «ославитъ его», какъ гуляку и пьяницу, неспособнаго править государствомъ.

Женитьба царя Петра и оставленіе жены ради дѣла.

Сильное средство употребила Наталья Кирилловна, чтобы удержать дома своего сына-богатыря: женила его на красавицѣ Евдокіи Лопухиной, не спросясь на то его воли, не развѣдавъ, по сердцу ли ему

будетъ молодая, но холодная красавица-жена. Петру не было и 17 лѣтъ, когда состоялась его свадьба съ Лопухиной, 27 января 1689 года (слѣдовательно, ему было 16 лѣтъ 8 мѣсяцевъ). Повидимому, сразу между мужемъ и женой установились отношенія холодныя, такъ какъ царь попрежнему рвался изъ дома отъ матери и молодой жены. Въ началѣ апрѣля 1689 года онъ былъ уже на Переяславскомъ озерѣ и писалъ оттуда матери: «Вселюбезнѣйшей и паче живота тѣлеснаго дражайшей моей матушкѣ, государынѣ царицѣ и великой княгинѣ Натальѣ Кирилловнѣ, сынишка твой въ работѣ пребывающій Петрушка, благословенія прошу и о твоемъ здравіи слышать желаю, а у насъ молитвами твоими здорово все. А озеро все вскрылось сего 20 числа, и суды всѣ, кромѣ большого корабля, въ отдѣлкѣ; только за канатами станетъ: и о томъ милости прошу, чтобъ тѣ канаты по семи сотъ саженъ изъ Пушкарскаго приказу, не мѣшкавъ, присланы были. А за ними дѣло станетъ, и житье наше продолжится». Послѣдними словами царь видимо желалъ постращать мать и добиться скорѣйшаго исполненія своего желанія, но мать вмѣсто канатовъ прислала ему строгій наказъ возвращаться скорѣе и быть непремѣнно 27 апрѣля на панихидѣ по Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ. Молодой царь попробовалъ было не послушаться и въ слѣдующемъ письмѣ писалъ: «А что изволила ко мнѣ приказывать, чтобы мнѣ быть въ Москвѣ, и я быть готовъ, только гей, гей — дѣло есть. И то присланный самъ видѣлъ — извѣститъ яснѣе». Но приказъ былъ повторенъ, и, послушный волѣ матери, царь исполнилъ ея приказаніе: пріѣхалъ въ Москву, но прискакалъ уже къ самой панихидѣ, чѣмъ, конечно, заслужилъ осужденіе многихъ.

Мать, болѣе чѣмъ когда-нибудь дрожавшая за благополучіе сына, всѣми силами старалась удержать его при себѣ, но онъ недолго оставался въ семьѣ и черезъ мѣсяцъ уже укатилъ на озеро, гдѣ съ бо́льшимъ жаромъ чѣмъ прежде принялся за отдѣлку своихъ судовъ. Царь до того увлекся ими, что не имѣлъ времени и матери писать, какъ она того требовала, а если писалъ, то наскоро, на лоскуткахъ грязной бумаги, дрожащимъ почеркомъ, видимо измученный дневной работой, но зато исполненный радости, что корабли его «зѣло хороши». Такъ, одно изъ писемъ содержитъ всего три строчки: «Гей, о здравіи слышать желаю и благословенія прошу; а у насъ все здорово; а о судахъ паки подтверждаю, что зѣло хороши всѣ, и о томъ Тихонъ Никитичъ [посланецъ Натальи Кирилловны] самъ извѣститъ.

Недостойный Petrus».

Вселюбезнейшей і паче живота телеснаго дражайщей моей матушьке, гасударыни царице і великой княгине Наталиі Кириловнѣ, сынишъка твой, въ работе пребывающей, Петрушъка благосъловения прошу, а твоемъ здравиі слышеть желаю. А у насъ молитвами твоіми здорово все, а озеро все вскрылось сего 20-го числа, і суды все кромѣ болшого коробля в оддѣлъкѣ, тол(ко) за канатами станетъ, і о томъ милости прошу, чтопъ тѣ канат(ы) по семисотъ саженъ исъ Пушъкарского приказу не мешкоѳъ присланы были; а за ними дѣло станетъ, і житье наше продолжитца. По семъ паки благословения прошу.

Ісъ Переславъля, апреля 20 д. 1689.

Письмо Петра Алексѣевича къ царицѣ Наталіи Кирилловнѣ.
(20 апрѣля 1689 г.)

Характеристика юноши Петра.

Пока юный царь такъ увлекался любимымъ дѣломъ и трудился въ потѣ лица, враги его не дремали и, называя его «озорникомъ», «пьяницей» и «сумасшедшимъ», задумывали отнять у него престолъ. Это было тѣмъ легче, что онъ казался страннымъ многимъ изъ своихъ современниковъ. Профессоръ Платоновъ такъ характеризуетъ юношу Петра. Онъ не былъ образованнымъ человѣкомъ по понятіямъ того времени и не зналъ того, что слѣдовало знать благовоспитаннымъ людямъ его вѣка. Зато онъ зналъ такія вещи, которыхъ царевичамъ знать «не повелось». Въ компаніи солдатъ и рабочихъ онъ огрубѣлъ, отсталъ отъ правилъ дворцоваго этикета, привыкъ къ низменнымъ забавамъ, даже къ вину. Тѣ, кто замѣчали въ немъ только эти странности, были очень недовольны молодымъ государемъ и говорили о немъ, что онъ «уклонился въ потѣхи и, оставя лучшее, началъ творити всѣмъ печальное и плачевное».

Пользуясь этимъ общенароднымъ настроеніемъ, и мечтала дѣйствовать царевна Софія, стремясь къ достиженію полной самодержавной власти.

Первыя столкновенія Петра съ царевной Софіею.

Царевна Софія, семь лѣтъ благополучно правившая государствомъ, не могла безъ ужаса думать, что скоро ей придется разстаться съ властью, такъ какъ она была назначена правительницею только по малолѣтству брата и видѣла, что этотъ враждебный ей братъ, достигшій совершеннолѣтія, потребуетъ ея удаленія отъ дѣлъ, между тѣмъ какъ власть стала невыразимо мила и дорога ей. Она уже не довольствовалась титуломъ правительницы, а еще въ 1685 году (когда Петру было 13 лѣтъ) наименовала себя вмѣстѣ съ братьями «Самодержицею всея Россіи», приказала отпечатать за границей свои портреты, гдѣ была изображена въ коронѣ, съ державою и скипетромъ въ рукахъ, и стала являться передъ народомъ во всѣхъ случаяхъ или одна, или со старшимъ братомъ, такъ какъ Петръ по возможности избѣгалъ случаевъ быть съ ней вмѣстѣ.

Подрастая и мужая съ лѣтами, Петръ сталъ открыто высказываться противъ самовластія сестры и сталъ показывать самостоятельность и требовательность, которыя вовсе не нравились Софіи. Такъ, 8 іюля, въ день празднованія явленія чудотворной иконы Казанской, молодой царь рѣшительно сказалъ, чтобы Софія не ходила на крестный ходъ, что только ему съ братомъ подобаетъ быть на виду у народа, а не ей — царевнѣ. Когда же она, не послушавшись, взяла икону и пошла за крестами, то царь, весь вспыхнувъ, ушелъ съ крестнаго хода и даже уѣхалъ къ себѣ въ Преображенское. Это была, конечно, мелочь, но въ ней высказалась самоувѣренность недавняго ребенка, непослушаніе недавняго изгнанника изъ Кремлевскаго дворца, и царевна Софія заволновалась, а потомъ и совсѣмъ струсила и оскорбилась, когда

непокорный братъ не пожелалъ дать награды ея любимцу и лучшему другу, князю Василію Голицыну. Голицынъ въ 1689 году ходилъ походомъ противъ крымскихъ татаръ и потерпѣлъ полное пораженіе, но

Петръ Великій въ эпоху послѣ брака съ Евдокіей Ѳеодоровной.
(Съ гравюры Смита, сдѣланной съ портрета, писаннаго съ натуры Кнеллеромъ въ 1697 г.)

Софія старалась всѣхъ увѣрить, что ея любимецъ одержалъ «неслыханныя побѣды надъ агарянами» и непремѣнно желала наградить его за неудачный походъ. Молодой царь открыто выразился, что «за пораженіе наградъ не даютъ», а когда, послѣ многихъ уговоровъ, наконецъ, подписалъ указъ о наградахъ, то все же отказался принять князя Василія, когда тотъ пріѣхалъ благодарить его.

Поняла Софія, что пѣсня ея спѣта, что уже ничто, кромѣ насилія, не дастъ ей короны, и употребила всѣ силы, чтобы поднять преданныхъ ей стрѣльцовъ.

Новыя попытки Софіи поднять стрѣльцовъ.

Начальникъ стрѣлецкаго приказа, Шакловитый, возведенный ею въ чинъ окольничаго и беззавѣтно ей преданный, прямо говорилъ: «Чѣмъ тебѣ, государыня, не быть — лучше царицу известь». Пылкій и дѣятельный Шакловитый не жалѣлъ никакихъ средствъ, чтобы только возмутить стрѣльцовъ и поднять ихъ на мятежъ. Стрѣльцовъ возбуждали противъ царя разсказами о томъ, что царь любитъ только своихъ «пьяницъ-потѣшныхъ», а ихъ, стрѣльцовъ, изведетъ и уничтожитъ; ихъ соблазняли разсказами о поживѣ, которую они найдутъ въ боярскихъ домахъ, когда поднимутъ мятежъ; имъ указывали на то, что они должны стоять за древнее благочестіе, за государыню-царевну, которая все Богу молится, а «тамъ (въ Преображенскомъ) только на органахъ и на скрипицахъ играютъ». Но всѣ эти подстрекательства были напрасны: стрѣльцы помнили крестное цѣлованіе, оставались спокойны и, твердя, что готовы исполнять волю государыни-царевны, ждали распоряженій, а не хотѣли начинать дѣло «по набату». Тогда Шакловитый рѣшилъ дѣйствовать силой — идти на Преображенское, поджечь его и во время пожара «принять медвѣдицу (такъ звалъ онъ Наталью Кирилловну), буде можно, и съ медвѣженкомъ»: онъ зналъ, что во время пожаровъ Петръ, забывая себя, отдается дѣлу спасенія людей и имущества. 7 августа стали распускать въ Москвѣ слухъ, что ночью придутъ «потѣшные конюхи», чтобы убить царя Іоанна Алексѣевича и всѣхъ сестеръ его, что надо быть наготовѣ противъ нападенія, и къ ночи собрали въ Кремль 400 отборныхъ стрѣльцовъ да 300 стрѣльцовъ отправили на Лубянку, чтобы всѣмъ вмѣстѣ идти въ Преображенское.

Всѣ были въ ужасномъ волненіи, и всѣ распоряженія какъ-то плохо приводились въ исполненіе: собравшіеся видимо ждали знака къ началу дѣйствій, но ни у кого не было рѣшимости подать этотъ знакъ. Правда, одинъ изъ самыхъ ярыхъ приверженцевъ Софіи, стрѣлецкій полковникъ Гладкій, всячески стремясь къ «началу дѣла», напалъ на царскаго постельничьяго Плещеева (присланнаго за чѣмъ-то изъ Преображенскаго), стащилъ его съ лошади и избилъ ни за что, ни про что такъ сильно, что того полуживого снесли наверхъ въ покои царевны Софіи, къ Шакловитому. Но извѣстіе объ этомъ самоуправствѣ только смутило, а не воодушевило стрѣльцовъ; въ ихъ толпѣ нашлось нѣсколько человѣкъ, которые рѣшили предупредить Петра о грозившей ему опасности, и двое изъ нихъ, темною ночью, помчались въ Преображенское.

Два часа «не передыхаясь» скакали они до царскаго села и пріѣхали туда около полуночи. Въ Преображенскомъ было все спокойно и темно, никто не ждалъ никакого нападенія. Царь спокойно спалъ. Стрѣльцы потребовали, чтобы его разбудили, и, бросившись передъ нимъ на колѣни, разсказали, что его хотятъ погубить, что стрѣльцы уже идутъ на Преображенское, что царь долженъ спрятаться или бѣжать.

Страшныя сцены стрѣлецкаго бунта были неизгладимыми чертами запечатлѣны въ сердцѣ Петра, и потому, въ первую минуту по полученіи вѣсти о новомъ зломъ умыслѣ сестры, онъ малодушно испугался и, какъ былъ, въ одной рубашкѣ выбѣжалъ на дворъ, бросился въ конюшню, схватилъ первую попавшуюся лошадь, вскочилъ на нее и на неосѣдланной поскакалъ въ ближній лѣсъ, въ страхѣ ожидая появленія ужасныхъ стрѣлецкихъ полковъ. Въ лѣсъ ему принесли платье и сѣдло, онъ наскоро одѣлся, лошадь осѣдлали, и въ сопровожденіи нѣсколькихъ ближнихъ людей царь съ величайшей быстротой поѣхалъ въ Троицкую Лавру. Проскакавъ безъ отдыха 60 верстъ, онъ въ 6 часовъ утра пріѣхалъ въ монастырь до того измученный и взволнованный, что не имѣлъ силы самъ слѣзть съ лошади; его подхватили подъ руки, потомъ на рукахъ въ полубезчувственномъ состояніи снесли въ игуменскую келью и уложили въ постель. Тутъ юный царь, обливаясь слезами, разсказалъ о новомъ зломъ умыслѣ Софіи и просилъ защиты у настоятеля, который успокоилъ его, какъ могъ, и остался у его постели, пока онъ не заснулъ.

Въ ту же ночь изъ Преображенскаго выѣхала Наталья Кирилловна съ дочерью Натальею и съ молодой невѣсткой — женою царя. Въ сопровожденіи ближнихъ бояръ, царедворцевъ, потѣшныхъ и стрѣльцовъ Сухарева полка, царицы къ полудню пріѣхали въ Троицкую Лавру. Свиданіе съ ними совершенно успокоило царя, а сонъ подкрѣпилъ его силы, и онъ сталъ дѣйствовать противъ Софіи уже рѣшительно и смѣло. Съ полнымъ сознаніемъ своихъ правъ онъ прежде всего запросилъ сестру: что значилъ необыкновенный сборъ стрѣльцовъ въ Кремлѣ, для чего они были созваны?

Этотъ запросъ былъ совершенно неожиданъ для Софіи и ея приверженцевъ, такъ какъ они не знали, что произошло ночью въ Преображенскомъ, а сами ничего еще не сдѣлали для выполненія своего плана. Стрѣльцы только переночевали въ Кремлѣ, утромъ имъ роздали по рублю награды, и сама Софія поблагодарила ихъ за охрану, а потомъ распустила по слободамъ. Когда стало извѣстно, что Петръ ушелъ въ Троицкій монастырь, глава заговора, Шакловитый хотѣлъ поднять на

смѣхъ царя и притворно-равнодушно говорилъ: «Вольно жъ ему взбеленясь бѣгать, ушелъ босъ, въ одной сорочкѣ — храбёръ больно». Но народъ сочувствовалъ этому бѣгству подъ защиту монастыря, и всѣ въ Москвѣ волновались и ужасались, такъ какъ понимали, что начинается междоусобная борьба брата и сестры, и всѣ со страхомъ ждали, чѣмъ кончится дѣло.

Открытая борьба Петра съ Софіею.

Болѣе всѣхъ была взволнована и смущена сама царевна Софія, такъ какъ понимала, что въ Троицко-Сергіевской лаврѣ, за крѣпкими стѣнами Петръ недоступенъ для всѣхъ тайныхъ злоумышленій, а для открытой борьбы у нея не было достаточно силъ и сторонниковъ. Прежде всего ей надо было выиграть время, сосчитать свои силы, и потому на запросъ Петра, отчего были собраны стрѣльцы, отвѣтила безъ запальчивости, а обстоятельно, даже любезно, что собрала ихъ только изъ-за того, что хотѣла идти на богомолье въ Донской монастырь и, конечно, одна идти опасалась. Послѣ такого отвѣта брату Софья стала особенно заискивать передъ стрѣльцами, щедро одаряя ихъ деньгами и подарками, но именно такое ея обращеніе еще сильнѣе выдавало опытнымъ людямъ ея безпокойство и ея безпомощность, а потому стрѣльцы, знавшіе объ умыслѣ Софіи, стали тайно и явно уходить къ молодому царю и постепенно открыли ему всѣ подробности заговора, составленнаго Шакловитымъ. Царь потребовалъ тогда, чтобы къ 18 августа прислали ему въ Троицу по 10 человѣкъ изъ каждаго стрѣлецкаго полка, но Софія, позвавъ къ себѣ стрѣлецкихъ полковниковъ и старшинъ, строго объявила имъ, чтобы не смѣли уходить къ Троицѣ, такъ какъ всякій, кто осмѣлится уйти къ Петру, будетъ «смертью казненъ». Сама она въ это время послала брату его духовника, а потомъ и патріарха съ просьбою о примиреніи. Но патріархъ остался у молодого царя, и Софія уже не могла удержать стрѣльцовъ, когда къ нимъ пришелъ новый приказъ явиться къ Троицѣ. Цѣлыя толпы стрѣльцовъ потянулись туда, и молодой царь, въ сопровожденіи матери и патріарха, самъ вышелъ къ нимъ и, милостиво поговоривъ съ ними, велѣлъ дьяку прочесть показаніе бѣжавшихъ къ нему стрѣльцовъ о заговорѣ Ѳедора Шакловитаго. Стрѣльцы съ воплями и криками заявили, что они Ѳедькинаго злого умысла не знаютъ и не знали, что рады служить государю и ловить воровъ и измѣнниковъ. Софія поняла тогда, что безсильна противъ брата, сама поѣхала къ Троицѣ мириться съ нимъ, но на половинѣ дороги ее встрѣтилъ бояринъ Бутурлинъ и объявилъ ей, чтобы она не ѣхала далѣе, что въ случаѣ непослушанія съ нею «нечестно поступлено будетъ», т. е. ее арестуютъ. Она вернулась въ Москву

страшно раздраженная, возмущенная, вызвала къ себѣ старыхъ стрѣльцовъ, на которыхъ могла особенно разсчитывать и, расказавъ объ оскор-

Стрѣльцы клянутся царевнѣ Софiи въ вѣрности.
(Картина И. Е. Рѣпина.)

бленiи, нанесенномъ ей, потребовала клятвы и крестнаго цѣлованiя, что «они не побѣгутъ къ Тройцѣ». «Верховая дѣвица», т. е. прислужница царевны, вынесла крестъ, и стрѣльцы клялись Софiи въ вѣрности. Но

это не помѣшало имъ бѣжать при первомъ удобномъ случаѣ, и положеніе властолюбивой правительницы становилось со дня на день хуже. 1 сентября (въ день празднованія новаго года по тогдашнему лѣтосчисленію) отъ Петра пріѣхалъ гонецъ Нечаевъ съ грамотой, въ которой царь, обращаясь къ царю Іоанну и царевнѣ Софіи, требовалъ выдачи Шакловитаго, при чемъ высчитывалъ и вины его. Царевна пришла въ ярость и приказала тотчасъ отрубить голову дерзкому посланнику, рѣшившемуся передать ей требованіе брата. Но палача не нашлось, вѣрнѣе, никто не хотѣлъ стать палачемъ невиннаго человѣка, а Софіи было не до того, чтобы повторять свое приказаніе, такъ какъ всѣ сторонники ея бѣжали: самъ ея любимецъ, князь Василій Голицынъ уѣхалъ въ свой загородный домъ. Остался только Шакловитый, который хоть и сдѣлалъ всѣ нужныя приготовленія къ бѣгству, но бѣжать не рѣшился, зная враждебное отношеніе стрѣльцовъ къ себѣ и боясь, что каждый можетъ схватить его и выдать царю. Онъ написалъ воззваніе къ стрѣльцамъ и къ народу, гдѣ говорилъ, сколько добра для царства сдѣлала царевна Софія, а Нарышкины хотятъ извести ее и царя Іоанна Алексѣевича, такъ надо всѣмъ встать на защиту ихъ. Не произвело никакого впечатлѣнія это воззваніе, и, когда Петръ снова въ новой грамотѣ потребовалъ выдачи Шакловитаго и прихода иноземныхъ войскъ, эти войска, несмотря на воспрещеніе Софіи, ночью оставили Москву и къ полудню 4 сентября были уже у Троицы.

На новое требованіе выдачи Шакловитаго (требованіе, обращенное уже къ одному Іоанну), Іоаннъ написалъ, что отъ выдачи заговорщика не отказывается, только желаетъ со всѣмъ своимъ дворомъ побывать у Троицы и обо всемъ поговорить съ братомъ. Софія старалась протянуть время, но стрѣльцы негодовали на ея нерѣшительность и въ ночь на 6 сентября явились съ требованіемъ выдать имъ Ѳедьку Шакловитаго, котораго они сами свезутъ къ Троицѣ на допросъ. Софія смѣло отвѣтила стрѣльцамъ, чтобы они убирались по домамъ, что Шакловитаго она не выдастъ, но среди собравшихся послышались грозные крики, что нечего дожидаться царевны, что пора ей въ монастырь идти, что надо приниматься за набатный колоколъ. Испуганные бояре умоляли царевну уступить, и она уступила. Она поняла, что борьба больше невозможна, и сама выдала стрѣльцамъ Шакловитаго, какъ въ достопамятные дни перваго бунта царица Наталья Кирилловна выдала бунтующей толпѣ своего невиннаго брата.

Побѣда Петра.

7 сентября стрѣльцы привели Шакловитаго къ Троицѣ, а вечеромъ того же дня пріѣхалъ къ царю и князь Голицынъ съ сыномъ. Царевна

осталась одна безъ помощниковъ и совѣтниковъ, силы ея были сломлены. Шакловитый послѣ допроса «съ пристрастіемъ», т. е. подъ пыткою, повинился въ зломъ умыслѣ противъ царя и приговоренъ былъ къ казни вмѣстѣ со своими сообщниками, а князь Голицынъ съ сыномъ осужденъ былъ на ссылку въ дальній городъ Яренскъ.

Два мѣсяца длилась открытая распря Петра съ сестрою, и надо сказать, что во все это время онъ держалъ себя съ замѣчательнымъ достоинствомъ, поддавшись страху только въ первую минуту при полученіи страшной вѣсти о возмущеніи стрѣльцовъ. Семнадцатилѣтній юноша, конечно, не могъ вести всего дѣла самъ, но онъ не позволилъ боярамъ излишней ревности при розыскѣ своихъ враговъ, ограничилъ наказаніе Голицыну ссылкою, долго не соглашался даже на казнь Шакловитаго съ его сообщниками, и только патріархъ уговорилъ его подписать ихъ смертный приговоръ. Когда же слишкомъ усердные служилые люди, «служа великому государю» (какъ тогда говорилось), били челомъ, чтобы Шакловитаго передъ казнью подвергли вторичной пыткѣ, «пусть де объявитъ своихъ сообщниковъ», то царь выслалъ имъ сказать, что доволенъ показаніями Шакловитаго, и имъ непригоже мѣшаться въ это дѣло.

Брату Іоанну онъ писалъ, что настаетъ время имъ обоимъ Богомъ врученное царство править самимъ, такъ какъ они оба «пришли въ мѣру возраста своего», и просилъ разрѣшенія «учинить по приказамъ праведныхъ судей, а неприличныхъ перемѣнить, чтобы государство тѣмъ успокоить и обрадовать вскорѣ». Брата онъ обѣщалъ «яко отца почитать» и не позволилъ себѣ никакихъ гнѣвныхъ словъ противъ коварной сестры, не позволилъ мстить ей за горе, испытанное въ дѣтствѣ, только не пожелалъ ее видѣть и велъ переговоры съ нею черезъ бояръ. Софіи предложено было удалиться въ монастырь, и послѣ нѣкотораго колебанія она уступила требованію торжествующей стороны. Въ самомъ началѣ октября 1689 года она удалилась въ Новодѣвичій монастырь, гдѣ ее окружили удобствами и почестями, приличными царской дочери, но не позволили выѣзжать изъ монастыря безъ особаго разрѣшенія.

7 октября Петръ вернулся въ Москву и сдѣлался уже самостоятельнымъ и самодержавнымъ правителемъ своего огромнаго государства, такъ какъ Іоаннъ, сохранявшій титулъ перваго царя и занимавшій на выходахъ первое мѣсто, на самомъ дѣлѣ ни въ чемъ не противорѣчилъ младшему брату и во всемъ исполнялъ его волю, какъ прежде волю сестры.

Глава IV.

Первые годы царствованія Петра.

Изученіе военнаго дѣла. — Увлеченіе всѣмъ иноземнымъ. — Стремленіе къ простотѣ. — Постройка военнаго корабля на Переяславскомъ озерѣ. — Первое путешестіе въ Архангельскъ и переписка съ матерью. — Распоряженія, сдѣланныя въ Архангельскѣ. — Смерть Натальи Кирилловны и второе путешествіе въ Архангельскъ. — Истинная оцѣнка Бѣлаго моря. — Рѣшимость идти на Азовъ.

Изученіе военнаго дѣла.

Первыя шесть лѣтъ послѣ достиженія полной власти Петръ почти не вступалъ въ дѣла правленія, предоставивъ вѣдать ихъ своимъ ближнимъ боярамъ, а самъ подъ руководствомъ иностранцевъ занялся развитіемъ военнаго и судоходнаго дѣла. Онъ изучалъ по книгамъ и на практикѣ правила ружейной и пушечной стрѣльбы, устройство крѣпостей, отливку орудій, приготовленіе огнестрѣльныхъ снарядовъ, постройку и оснащеніе кораблей. Онъ работалъ и циркулемъ, и топоромъ, и лопатой, собственноручно чертя планы крѣпостей, собственноручно набивая порохомъ гранаты, собственноручно устраивая рвы, траншеи и «всякія хитрости» для своихъ потѣшныхъ крѣпостей. Потѣхи его принимали видъ дѣла, служили школой для стрѣльцовъ и для молодыхъ его полковъ, Семеновскаго и Преображенскаго.

Увлеченіе всѣмъ иноземнымъ.

Иноземцы въ это время пріобрѣли особое расположеніе царя. Сначала онъ только приблизилъ ихъ къ себѣ, какъ людей знающихъ, и добровольно сдѣлался ихъ ученикомъ, потомъ сталъ появляться въ домахъ знатнѣйшихъ иностранцевъ, а потомъ такъ увлекся всѣми порядками Нѣмецкой слободы, что проводилъ тамъ цѣлые дни. Простой народъ съ ужасомъ смотрѣлъ на это сближеніе царя съ чужеземцами «еретиками и чернокнижниками», какъ ихъ тогда называли; мать, жена и старикъ патріархъ, чтимый Петромъ, тоже съ неудовольствіемъ видѣли вліяніе

иноземцевъ, ничего добраго не ждали отъ этого и употребляли всѣ силы и средства, чтобы удержать царя въ рамкахъ старой придворной жизни. Наталья Кирилловна, желая подчеркнуть свое нерасположеніе къ иностранцамъ, въ день своихъ именинъ «жаловала» изъ своихъ рукъ чарой вина всѣхъ торговыхъ и ратныхъ людей, а иностранныхъ генераловъ и полковниковъ не удостоила этой чести и даже запретила ввести ихъ въ свои палаты. Старикъ патріархъ до того ненавидѣлъ всѣхъ иноземцевъ, что въ день празднованія рожденія царевича Алексѣя рѣшительно потребовалъ удаленія изъ царскихъ палатъ любимца государева полковника Гордона, который былъ приглашенъ на торжественный обѣдъ самимъ царемъ. Но ни ропотъ народа, ни упреки близкихъ людей не могли удержать Петра отъ сближенія съ нужными ему и его народу учителями-иноземцами, не могли удержать и отъ увлеченія жизнью Нѣмецкой слободы, гдѣ онъ нашелъ ту простоту и свободу, къ которой съ малолѣтства былъ пріученъ жизнью «улицы» — «на вольной волюшкѣ». Отъ скучно-церемоніальной жизни дворца, отъ докучливыхъ упрековъ жены и матери онъ убѣгалъ въ Нѣмецкую слободу, гдѣ учился у всякаго, кто могъ научить чему-нибудь, и гдѣ работалъ съ утра до поздней ночи, если было дѣло, въ минуты же отдыха отдавался самому беззаботному веселью и пировалъ съ самыми простыми людьми, какъ равный съ равными. Особенно приблизилъ онъ къ себѣ двухъ иноземцевъ — Франца Лефорта и Патрика Гордона. Гордонъ былъ учителемъ Петра въ артиллерійскомъ дѣлѣ; царь проводилъ цѣлые дни въ его мастерской-лабораторіи надъ изобрѣтеніемъ новыхъ составовъ для набивки бомбъ или надъ приготовленіемъ «потѣшныхъ огней», какъ тогда называли фейерверки. Лефортъ полюбился государю съ той минуты, какъ привелъ къ нему свой отрядъ иноземцевъ-солдатъ въ первые же дни его бѣгства въ Троицкую Лавру. Лефортъ былъ человѣкъ молодой, краснорѣчивый, увлекательно веселый и скоро сдѣлался любимцемъ царя, который звалъ его своимъ «единственнымъ другомъ» и впослѣдствіи оплакивалъ его смерть не менѣе, чѣмъ смерть матери.

Стремленіе къ простотѣ.

Эти иноземцы были пріятны царю, какъ люди простые, взявшіе въ обращеніи съ нимъ тотъ простой тонъ, который особенно нравился ему и съ которымъ долго не могли свыкнуться русскіе бояре, привыкшіе раболѣпствовать передъ царемъ, отдавая ему земные поклоны, величая себя холопами государевыми, подписываясь на челобитныхъ именами Гришекъ, Ванекъ и т. д. Царь Петръ не терпѣлъ этихъ преувеличенныхъ знаковъ почтенія: самъ обращался со всѣми просто и отъ другихъ требовалъ того же.

Для изученія «ратнаго дѣла» царь устраивалъ «потѣшные походы», т. е. маневры, во время которыхъ во всемъ подражали настоящей войнѣ. Во второй «потѣшный походъ» (состоявшійся въ октябрѣ 1691 года) Петромъ образованы были двѣ арміи: одна изъ нихъ, называвшаяся «нашей», состояла подъ начальствомъ боярина-генералиссимуса Ромодановскаго, который при этомъ случаѣ носилъ имя короля Фридриха; другая — «непріятельская» — была подъ начальствомъ боярина Бутурлина. «Наша» армія, въ рядахъ которой сражался самъ царь, какъ сержантъ Преображенскаго полка, — побѣдила. Съ тѣхъ поръ Петръ сталъ величать Ромодановскаго не иначе, какъ «кесаремъ», т. е. королемъ, титуловалъ его «величествомъ», «доносилъ рабски», «билъ челомъ» и все это совершенно серьезно въ письмахъ крайне важныхъ, а Ромодановскій тоже совершенно серьезно хвалилъ сержанта-царя, а иногда и замѣчанія ему дѣлалъ, и въ чины производилъ не иначе какъ за дѣйствительныя заслуги.

Постройка военнаго корабля на Переяславскомъ озерѣ.

Разыгрывая роль подчиненнаго, Петръ въ концѣ 1691 года писалъ, что получилъ отъ «кесаря» Ромодановскаго «государевъ указъ» построить военный корабль на Переяславскомъ озерѣ и, захвативъ съ собою 16 своихъ учениковъ, «корабельныхъ дѣлъ мостильщиковъ», съ такимъ жаромъ принялся за работу, что не хотѣлъ было и въ Москву возвращаться для торжественнаго пріема персидскаго посланника, и бояре насилу его убѣдили въ необходимости дать послу обычную аудіенцію [1], такъ какъ иначе могла бы произойти ссора съ шахомъ.

Труды царя увѣнчались успѣхомъ, и 1 мая 1692 года первый русскій корабль, построенный трудами государя, былъ спущенъ на озеро при пушечной и ружейной пальбѣ, при радостномъ перезвонѣ всѣхъ церквей въ Переяславлѣ. Несказанно былъ обрадованъ молодой царь, когда къ нему въ Переяславль пріѣхала сама государыня Наталья Кирилловна съ невѣсткой — полюбоваться трудами сына, и обѣ царицы открыто присутствовали на маневрахъ, совершавшихся на водѣ и на сушѣ.

Первое путешествіе въ Архангельскъ и переписка съ матерью.

Радовался молодой царь такому отношенію матери къ его трудамъ и «потѣхамъ», но мало ему стало этихъ потѣхъ, тѣсно стало озеро Плещеево, хотѣлось настоящаго дѣла, хотѣлось увидѣть настоящее «океанъ-море», и сталъ онъ проситься у матери въ дальній путь, къ далекому Архангельску, который одинъ изъ всѣхъ городовъ русскихъ стоялъ у моря. Испугалась Наталья Кирилловна новой затѣи сына и,

[1] Аудіенція — пріемъ иностранныхъ пословъ государемъ.

по выраженію Петра, «обычаемъ любви матерней сей опасный путь многократно возбраняла», но потомъ, какъ всегда, сдалась и, видя «великое желаніе сына и неотмѣнную къ тому охоту, и нехотя позволила», взявъ, однако, съ него обѣщаніе не пускаться въ море, а только съ берега смотрѣть на иноземные корабли. Не утерпѣлъ, однако, юный богатырь: только завидѣлъ онъ море, какъ забылъ обѣщаніе, данное матери, и, желая только немного проводить голландскіе корабли, такъ увлекся этими проводами, что пять дней пробылъ въ плаваніи. По правдивости своей, онъ самъ извѣстилъ объ этомъ мать и обѣщалъ пріѣхать, какъ только придутъ изъ-за моря голландскіе и гамбургскіе корабли. Наталья Кирилловна пришла въ неописанный ужасъ, узнавъ о морскомъ путешествіи сына, и написала ему слезное письмо. «Сотвори, свѣтъ мой, надо мною милость, пріѣзжай къ намъ, батюшка мой, не замедливъ. Ей-ей, свѣтъ мой, велика мнѣ печаль, что тебя, свѣта моего, радости, не вижу. Писалъ ты, радость моя, ко мнѣ, что хочешь всѣхъ кораблей дожидаться, а ты, свѣтъ мой, видѣлъ, которые прежде пришли, чего тебѣ, радость моя, тѣхъ дожидаться? Писалъ ты, радость моя, ко мнѣ, что былъ на морѣ, а ты, свѣтъ мой, обѣщался мнѣ было не ходить». На это письмо государь отвѣчалъ не менѣе ласково, хотя и поставилъ на своемъ: дождался прихода кораблей. «Радость моя», — писалъ государь матери, — «по письму твоему ей, ей зѣло печалился, потому: тебѣ печаль, а мнѣ какая радость? Пожалуй, сдѣлай меня бѣднаго безъ печали тѣмъ: сама не печалься. Изволила ты писать, что предала меня въ паству Матери Божіей: и такого пастыря имѣючи, почто печаловать? Тоя бо молитвами и предстательствомъ не точію я одинъ стою, но міръ сохраняетъ Господь. А истино не заживусь: искупя, что надобетъ, поѣду день и ночь». Наталья Кирилловна стала тогда безпокоиться, какъ бы сынъ «не надсѣлся скорою ѣздою, ѣдучи день и ночь», на что Петръ отвѣчалъ ей: «Не надсади только ты меня своею печалью: я, слава Богу, ничѣмъ инымъ надсаживать себя не стану и поѣду по мѣрѣ, не замѣшкавъ». Еще около шести недѣль пробылъ царь въ Архангельскѣ, но не любопытство видѣть иностранные корабли, а гораздо болѣе важныя дѣла удержали его тамъ.

Распоряженія, сдѣланныя въ Архангельскѣ.

Ведя въ Архангельскѣ свой обычный дѣятельный и простой образъ жизни, царь работалъ на верфи надъ постройкой кораблей, осматривалъ суда, приходившія въ гавань съ разнообразными товарами, запросто ходилъ въ дома иностранныхъ и русскихъ купцовъ, по праздникамъ слушалъ обѣдню въ небольшой приходской церкви, при чемъ нерѣдко самъ читалъ Апостолъ и пѣлъ басомъ на клиросѣ съ пѣвчими, а потомъ захо-

дилъ къ приходскому священнику для бесѣды, разговаривая съ простыми торговцами и рыбаками, какъ съ равными. Разнообразная, дѣятельная жизнь Архангельска увлекала его: онъ воочію видѣлъ тутъ значеніе морской гавани для развитія торговли, онъ наслаждался поѣздками по безбрежно-широкому морю, увлекался его красотой и могуществомъ. Но не одно великое море узналъ въ Архангельскѣ юный государь, не одни чудеса иностранныхъ кораблей возбуждали его интересъ; узналъ онъ тутъ силы и духъ своего великаго народа. Въ Архангельскѣ увидѣлъ онъ отважныхъ поморовъ, которые безстрашно пускались въ открытое море на своихъ утлыхъ суденышкахъ и не только своею отвагой и удалью, но и своимъ искусствомъ не уступали опытнымъ иноземнымъ мореходамъ; онъ узналъ, что русскіе на своихъ верфяхъ сооружали купеческія суда для англичанъ и голландцевъ, что ни въ умѣньи, ни въ отвагѣ у нихъ недостатка нѣтъ; а между тѣмъ среди судовъ, безпрестанно приходившихъ въ архангельскую гавань, — онъ не видѣлъ судовъ русскихъ, которыя бы отправлялись за границу. Съ грустью узналъ царь, что русскаго флага даже не существовало на моряхъ, такъ какъ иностранцы всѣми силами препятствовали русскимъ купцамъ вступать въ прямыя сношенія съ Западной Европой, и ни одинъ русскій торговый человѣкъ не рѣшался послать свои товары за границу на свой счетъ. Сдѣлалъ такую попытку предпріимчивый ярославецъ Лаптевъ, но потерпѣлъ страшную неудачу: онъ ходилъ въ Амстердамъ съ грузомъ дорогихъ мѣховъ и не могъ продать ихъ ни на одинъ рубль, благодаря стачкѣ амстердамскихъ купцовъ, а когда привезъ мѣха обратно, то нѣмецкіе купцы немедленно раскупили ихъ за дорогую цѣну. Обидно, грустно было царю, что иноземцы свысока смотрятъ на «нашихъ», и, думая помочь своему народу, онъ рѣшилъ положить въ Архангельскѣ начало русскому флоту, русскому мореходству и русской торговлѣ. Для него же «рѣшиться» значило — дѣйствовать. Онъ самъ составилъ рисунокъ русскаго флага и велѣлъ приготовить къ отпуску за море два купеческихъ корабля: одинъ снарядилъ въ путь при себѣ, другой назначилъ отправить будущимъ лѣтомъ, приказавъ нагрузить ихъ товарами, которые больше всего требовались за границу — поташемъ, смолой, икрой и рыбьимъ клеемъ. Кромѣ того Петръ задумалъ пріучить своихъ солдатъ къ плаванію на морѣ, а для этого надо было имѣть хоть два корабля. И вотъ онъ поручилъ купить въ Голландіи новый корабль для себя, а другой корабль собственноручно заложилъ на новой верфи въ Архангельскѣ, куда назначилъ «изъ своихъ» новаго воеводу Апраксина, работавшаго съ государемъ на озерѣ Пере-

ярославскомъ и хорошо знавшаго дѣло строенія судовъ. Вернувшись въ Москву, царь снова занялся своими войсками и будущими морскими маневрами: придумалъ новые морскіе сигналы, отлилъ пушки для своихъ кораблей, собственноручно точилъ блоки для подъема парусовъ и дѣятельно приготовлялъ лучшихъ солдатъ къ морской службѣ. Адмираломъ будущаго флота онъ назначилъ генералиссимуса Ромодановскаго, а самъ принялъ скромный титулъ «шкипера», требуя отъ своихъ товарищей, чтобы они такъ называли его и въ своихъ офиціальныхъ бумагахъ. Всецѣло погруженный въ дѣло, онъ видѣлся съ матерью рѣдко, а она между

Петръ I въ Архангельскѣ отправляетъ первые корабли за границу.

тѣмъ, стала сильно недомогать, хотя тщательно скрывала отъ сына свою болѣзнь, боясь огорчить его.

Смерть Натальи Кирилловны и второе путешествіе въ Архангельскъ.

Не подозрѣвая ничего опаснаго въ общемъ недомоганіи матери, царь весело готовился къ какому-то празднику въ домѣ Лефорта, какъ вдругъ утромъ 24 января къ нему въ Преображенское прискакалъ гонецъ съ вѣстью, что Наталья Кирилловна умираетъ. Бросивъ все, царь поскакалъ въ Москву и засталъ мать въ совершенно безнадежномъ состояніи. Едва успѣвъ благословить своего Петрунку, она скончалась на рукахъ любимаго сына, который въ свою очередь горячо любилъ ее и сильно горевалъ о ея смерти. Три дня онъ не ѣлъ, не пилъ, а только плакалъ, но на четвертый день сталъ нѣсколько спокойнѣе и принялся за дѣло. 20 мая онъ былъ уже въ Архангельскѣ, присутствовалъ при

спускѣ заложеннаго имъ корабля, устроилъ морскіе маневры, а затѣмъ, въ ожиданіи большого корабля, заказаннаго въ Голландіи, рѣшилъ съѣздить въ Соловецкій монастырь на поклоненіе мощамъ святыхъ угодниковъ Зосимы и Савватія. Долго пришлось Петру дожидаться заказаннаго въ Голландіи корабля, но онъ не сталъ терять времени даромъ, а поспѣшилъ изучить на дѣлѣ всѣ подробности морской службы, для чего поступилъ «въ науку» къ шкиперу, т. е. капитану одного изъ купеческихъ голландскихъ судовъ. Когда царь въ первый разъ заговорилъ объ этомъ съ капитаномъ, тотъ подумалъ, что Петръ шутитъ, и, засмѣявшись, сказалъ, что морскую службу надо начинать съ должности цвиббера, т. е. каютнаго мальчика, что потомъ только можно сдѣлаться матросомъ и т. д. Но царь совершенно серьезно взялся за дѣло: въ качествѣ цвиббера онъ закуривалъ трубку голландскому шкиперу, въ званіи матроса убиралъ паруса, лазалъ на мачты, свертывалъ канаты, потомъ уже перешелъ къ исполненію высшихъ обязнностей и въ нѣсколько недѣль прошелъ такимъ образомъ всю морскую службу до офицерскихъ чиновъ. Наконецъ, 21 іюля прибылъ изъ Голландіи долгожданный корабль «Святое пророчество», и въ теченіе двадцати дней царь плавалъ на немъ въ открытомъ морѣ въ сопровожденіи всѣхъ нашихъ и иностранныхъ судовъ. Кораблемъ командовалъ искусный англійскій лоцманъ, но царь былъ постоянно при немъ и внимательно изучалъ всѣ пріемы управленія судномъ, такъ какъ хотѣлъ подробно знать все, касающееся морского дѣла.

Истинная оцѣнка достоинствъ Бѣлаго моря.

Въ первое свое путешествіе въ Архангельскъ государь былъ такъ увлеченъ моремъ и бойкой торговлей на берегахъ его, что какъ бы не замѣчалъ недостатковъ окружающей его суровой страны, хотѣлъ устроить въ Архангельскѣ нашу военную и торговую гавань, мечталъ отыскать черезъ Ледовитый океанъ путь въ Азію (что было исполнено уже въ наши дни путешественникомъ Норденшильдомъ) и думалъ сдѣлать Архангельскъ центромъ торговли между Азіей и Европой. Но при ближайшемъ знакомствѣ съ дѣломъ, геніальный «шкиперъ» скоро понялъ, что это — только «мечтанье», что Бѣлое море неудобно для сношеній съ Европой, такъ какъ отдѣлено отъ нея суровымъ и недоступнымъ Ледовитымъ океаномъ, большую часть года покрыто льдомъ и лежитъ на тысячу верстъ отъ центра государства — Москвы. Но понялъ царь также, что Россіи необходимо владѣть моремъ, и рѣшилъ положить всѣ могучія силы свои на то, чтобы добыть морскую гавань для своей бѣдной, горячо любимой родины. Какого жъ моря добиваться, если нельзя воспользоваться Бѣлымъ моремъ? Море Каспійское, хотя и

принадлежало намъ въ сѣверныхъ своихъ частяхъ, нисколько не привлекало царя, такъ какъ посредствомъ его можно было сноситься только съ малообразованными азіатскими народами, а ему, богатырю, хотѣлось общенія съ Европой, съ народами цивилизованными, которые могли бы научить уму-разуму его отсталыхъ, но много обѣщающихъ подданныхъ. Зародилась у него тутъ мечта добраться до моря Балтійскаго, которое, врѣзываясь въ центръ Европы, естественно соединяетъ съ нею Россію; но ключъ отъ этого моря былъ у шведовъ, считавшихся непобѣдимыми, и на борьбу съ ними юный царь не могъ тогда рѣшиться. Оставались, такимъ образомъ, моря Азовское и Черное, находившіяся подъ властью татаръ и турокъ.

Рѣшимость идти на Азовъ.

Сильны и храбры были эти народы, воевать съ ними было трудно, но еще во время правленія Софіи между Россіею, Польшею, Австріею и Венеціею былъ заключенъ «священный союзъ» для борьбы съ исконными врагами Креста Господня и совершено было два похода на Крымъ. Неудачны были эти походы, и глубоко скорбѣли объ этомъ и царь и весь народъ, особенно духовенство, постоянно побуждавшее царя на борьбу съ «нечестивыми агарянами». Молодой царь, однако, все медлилъ, все считалъ войска свои мало подготовленными и послѣ второго путешествія въ Архангельскъ сдѣлалъ новую пробу своимъ полкамъ, устроивъ по возвращеніи въ Москву большіе, еще небывалые маневры, извѣстные подъ именемъ «Кожуховскихъ походовъ». Маневры эти тянулись цѣлый мѣсяцъ, при чемъ самымъ интереснымъ для Петра и самымъ труднымъ для солдатъ было взятіе «непріятельской» крѣпости — «Безымяннаго городка», которая была построена по всѣмъ правиламъ инженернаго искусства и которую брали подкопами, осадою и штурмомъ тоже по всѣмъ правиламъ военной науки. Тутъ царь съ радостью увидѣлъ, что войска его сдѣлали огромные успѣхи въ военномъ дѣлѣ, такъ какъ ни защита крѣпости, ни осада ея не показались имъ невозможными, а потому рѣшилъ, что пора отъ «игры и потѣхи» перейти къ настоящему дѣлу.

Увлеченный успѣхами своихъ войскъ, онъ весело писалъ Апраксину въ Архангельскъ: «Шутили подъ Кожуховымъ, а нынѣ подъ Азовъ играть идемъ». Но подъ Азовомъ игра оказалась нешуточной и стоила жизни не одной тысячѣ народа.

Глава V.

Азовскіе походы.

Побудительныя причины къ Азовскому походу. — Мѣры предосторожности при походѣ. — Неудача перваго похода. — Рѣшимость царя построить флотъ въ Воронежѣ. — Труды государя при постройкѣ флота. — Осада и сдача Азова въ 1696 году. — Празднованіе побѣды. — Рѣшеніе строить военный флотъ на рѣкѣ Донъ. — Образованіе „кумпанствъ". — Отправка молодыхъ людей за границу.

Побудительныя причины къ Азовскому походу.

Юношески-самоувѣренно было заявленіе молодого царя, что онъ подъ Азовъ «играть идетъ», но въ самой рѣшимости идти на Азовъ, а не на Крымъ, какъ дѣлалось «при отцахъ и дѣдахъ», сказалась его геніальная прозорливость. До Петра борьба съ татарами велась рутинными способами, и со временъ Владиміра Святого ограничивались постройкой засѣкъ или укрѣпленій въ степи да иногда столкновеніями въ открытомъ полѣ, въ степи или за Перекопомъ на Крымскомъ полуостровѣ. Одинъ Петръ понялъ, что для полной побѣды надъ татарами и турками нужны иные пріемы борьбы: надо овладѣть приморской крѣпостью Азовомъ и сдѣлать гранью Россіи берега Азовскаго моря съ рядомъ крѣпостей и съ сильнымъ флотомъ. Моментъ для начала борьбы былъ самый удобный, такъ какъ договоръ «священнаго союза противъ враговъ вѣры Христовой», заключенный царевной Софіею, былъ еще въ полной силѣ; и турки въ это время были заняты борьбою съ Кесарскимъ Величествомъ, т. е. съ императоромъ Германскимъ, и не могли оказать татарамъ большой помощи. На борьбу съ «нечестивыми агарянами» звалъ царей и патріархъ Іерусалимскій, сообщавшій, что французы дали огромныя деньги турецкому правительству за то, чтобы имъ однимъ уступили охрану Святой Земли, и католики отняли у православныхъ монаховъ Святую Могилу, часть Голгоѳы и Виѳлеемскую церковь. Понималъ и царь Петръ и народъ его, что такое неуваженіе къ правамъ

православныхъ является слѣдствіемъ полнаго презрѣнія турокъ къ русскимъ, а презрѣніе вызвано неудачнымъ походомъ Голицына, когда среди степей, подожженныхъ татарами, войска, задыхавшіяся отъ дыма и оставшіяся безъ провіанта, спаслись отъ общей гибели такимъ поспѣшнымъ отступленіемъ, что оно скорѣе походило на бѣгство. Почти семь лѣтъ прошло со времени этихъ позорныхъ неудачъ и ничего не было сдѣлано для возстановленія чести русскаго оружія, а потому татары такъ «осмѣлѣли», что сами дѣлали нападенія на «исконныя» русскія области. Народъ и лучшіе люди того времени роптали, что царь проводитъ время въ «играніи» да «потѣхахъ», а царь хотя и понималъ весь позоръ неудачъ и горячо желалъ отомстить за нихъ, но уклонялся отъ новой борьбы изъ желанія лучше обучить войска ратному дѣлу. Послѣ блестящихъ результатовъ Кожуховскаго похода онъ рѣшилъ, наконецъ, исполнить общее желаніе народа, и 20 января 1695 года былъ объявленъ походъ на Крымъ. Начальство было поручено тремъ генераламъ: Гордону, Лефорту и Головину, но они должны были рѣшать всѣ вопросы въ своей «консиліи», т. е. въ своемъ совѣтѣ, не иначе какъ съ согласія «бомбардира Преображенскаго полка — Петра Алексѣева», подъ именемъ котораго царь выступилъ въ рядахъ своихъ войскъ.

Мѣры предосторожности при походѣ.

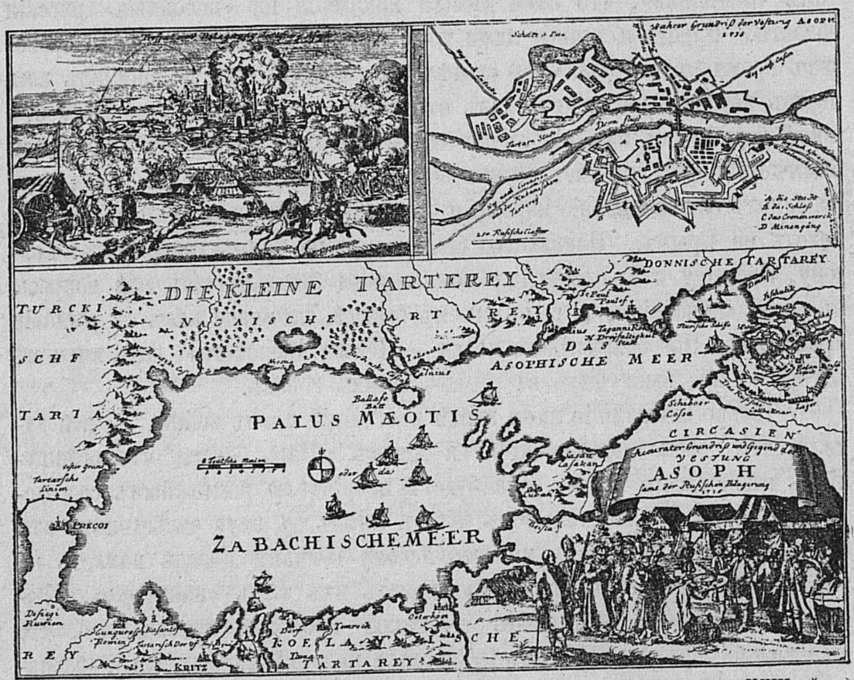
Только ближайшіе люди знали настоящій планъ войны, — всѣ думали, что войско направляется на Крымъ. Царь боялся, что оглашеніемъ цѣли своего похода дана будетъ непріятелю возможность сосредоточить свои силы подъ Азовомъ, а онъ имѣлъ въ виду разъединить эти силы, для чего приказалъ малороссійскому гетману Мазепѣ напасть на татаръ со стороны Днѣпра и удерживать ихъ тамъ «накрѣпко». Вообще походъ былъ обставленъ съ такой предусмотрительностью, что едва можно вѣрить, чтобы имъ руководилъ молодой, малоопытный двадцатидвухлѣтній царь, юноша-самоучка, въ пятнадцать лѣтъ знавшій лишь грамоту. Всѣ случайности, казалось, были предусмотрѣны: войска шли къ Азову въ разныхъ направленіяхъ, выступили въ походъ въ началѣ апрѣля, когда еще не было жаровъ, провіанту и огнестрѣльныхъ припасовъ было приготовлено въ достаточномъ количествѣ и отданы были распоряженія о своевременной ихъ доставкѣ; силы войскъ сберегались тѣмъ, что часть пути они ѣхали по Дону и Волгѣ на особо изготовленныхъ стругахъ. А все же удачи не было! Слишкомъ мало единодушія было въ главныхъ военачальникахъ, слишкомъ малоискусны они были: подкопы, сдѣланные Гордономъ, приносили больше вреда намъ, чѣмъ непріятелямъ, такъ какъ безпрестанно заливались водой или осыпались; гранаты не долетали по назначенію, а, главное, Азовъ, доступный не-

пріятельскому флоту съ моря, получалъ оттуда подкрѣпленія и съѣстные припасы.

Царь въ качествѣ бомбардира трудился неустанно: собственноручно рылъ рвы, наводилъ пушки, начинялъ порохомъ гранаты и подавалъ всѣмъ примѣръ неустрашимости, отваги и строгаго повиновенія начальникамъ.

Неудача перваго похода.

Осада тянулась три мѣсяца, были сдѣланы два штурма, но въ рукахъ нашихъ остались только двѣ «каланчи», или двѣ башни, стоявшія

(Гравюра начала XVIII вѣка.)

Планъ Азова и Азовское море.

отдѣльно отъ крѣпости и защищавшія ее съ сѣвера. Главныя твердыни Азова остались неприкосновенными, и тогда царь, видя безполезность дальнѣйшей борьбы, приказалъ 30 сентября снять осаду.

Въ ноябрѣ полки вступили въ Москву съ торжествомъ, какъ бы побѣдители, и «передъ царскимъ синклитомъ» «вели въ цѣпяхъ плѣннаго турченина». Но одинъ турченинъ являлся плохимъ трофеемъ[1], такъ что неудача похода ни для кого не осталась тайной, и враги Петра

[1] Трофей — все отнятое у непріятеля и служащее воспоминаніемъ побѣды.

говорили, что она послана ему отъ Бога въ наказаніе за сношенія съ иноземцами, за то, что иноземцы командовали полками. Для обыкновеннаго человѣка такая неудача перваго серьезнаго предпріятія была бы непоправимымъ несчастьемъ, могла бы отнять всякую энергію, но не таковъ былъ Петръ: подъ ударами судьбы у него выростала энергія, и при великихъ испытаніяхъ онъ выказывалъ такія великія силы духа, что является передъ нами поистинѣ сказочнымъ богатыремъ.

Рѣшимость царя построить флотъ въ Воронежѣ.

Понялъ царь, что наши инженеры и артиллеристы плохи, и приказалъ вызвать искусныхъ огнестрѣльныхъ и крѣпостныхъ мастеровъ изъ-за границы, не жалѣя на это никакихъ денегъ. Увидѣлъ Петръ, что многоначаліе вредно, и назначилъ одного главнокомандующаго — боярина Шейна; понялъ онъ главное, — что для взятія Азова необходимо загородить доступъ къ нему со стороны моря, что для этого необходимо завести свои корабли, и рѣшилъ — ни много, ни мало — создать въ одну зиму цѣлый флотъ на рѣкѣ Донъ. По словамъ Устрялова, «даже мысль о подобномъ предпріятіи при тогдашнихъ скудныхъ средствахъ нашихъ, при безчисленныхъ недостаткахъ всякаго рода, едва ли могла родиться въ умѣ самомъ предпріимчивомъ: въ три, четыре мѣсяца надлежало заготовить матеріалы, построить суда, оснастить ихъ, вооружить, набрать людей способныхъ къ морской службѣ и никакъ не позже первыхъ чиселъ мая вывести въ Азовское море такой флотъ, чтобы онъ могъ удержать турецкіе корабли въ почтительномъ отдаленіи отъ устьевъ Дона; а у насъ не было ни верфи, ни мастеровъ. Взамѣнъ того была могучая воля, превозмогшая все, что противодѣйствовало величію и славѣ Россіи». Для Петра «рѣшить» — значило сдѣлать, и по всей Руси закипѣла работа: въ Воронежѣ приказано было рубить лѣса, заготовлять доски, балки, мачты и строить верфи; изъ Тулы везли желѣзо, блоки, пушки, изъ Ярославля — полотно на паруса, канаты и веревки: всѣ трудились, и работа кипѣла.

Труды государя при постройкѣ флота.

По слову государя и свои, и чужеземные плотники потянулись изъ Архангельска къ далекому Дону, прельщенные щедрой платой за работу; а самъ царь принялъ на себя званіе корабельнаго мастера и надзоръ за всѣми работами. Отъѣздъ государя былъ назначенъ въ январѣ, но на Святкахъ онъ простудился и заболѣлъ; у него появилась сильная боль въ ногѣ, такъ что весь январь онъ принужденъ былъ пролежать въ постели и не могъ быть ни на панихидѣ по матери, ни на погребеніи брата Іоанна Алексѣевича, который скончался 29 января 1696 года отъ удара. Но ни горе о смерти любимаго брата, ни собственная болѣзнь не могли удержать Петра, когда онъ зналъ, что трудъ его необходимъ

для пользы Россіи, и вотъ слабый, больной, едва передвигая больную ногу, онъ отправился по весенней распутицѣ въ Воронежъ, но принужденъ былъ ѣхать очень медленно изъ-за болѣзни. Съ пріѣздомъ его дѣло закипѣло: тотчасъ было заложено до 30 галеръ [1], и царь цѣлые дни проводилъ на верфи, работая съ утра до вечера и тѣмъ заставляя работать другихъ. Погода не благопріятствовала работамъ царя: до половины марта шли проливные дожди, такъ что рѣки вскрылись, а потомъ наступилъ такой морозъ, что рѣки опять стали, и нѣсколько дней сряду не было возможности работать на верфяхъ отъ гололедицы. Какъ бы то ни было, въ началѣ апрѣля 30 большихъ галеръ и около 1300 мелкихъ судовъ были готовы и спущены въ воду, при чемъ самая большая и красивая галера «Принципіумъ» была сдѣлана руками царя. Пользуясь полноводьемъ Дона, царь поспѣшилъ къ его устью и своей флотиліей, состоящей изъ гребныхъ судовъ, загородилъ туркамъ доступъ къ Азову.

Осада и сдача Азова въ 1696 году.

Во время перваго похода, распоряжаясь осадою Азова, царь самъ руководилъ всѣми инженерными работами, а въ 1696 году пріѣзжалъ въ лагерь только изрѣдка на «консиліи» господъ генераловъ, а все остальное время былъ въ открытомъ морѣ, заграждая своей флотиліей путь къ Азову. Послѣ двухнедѣльнаго бездѣйствія паша, наконецъ, рѣшился сдѣлать нападеніе на нашу флотилію, «но едва наши стали поднимать якори, чтобы на нихъ ударить, турки тотчасъ же подняли паруса и ушли въ море». Такимъ образомъ, государь былъ въ самомъ опасномъ мѣстѣ и подвергался безпрестаннымъ опасностямъ. Сестра его, Наталья Алексѣевна, прислала ему письмо, въ которомъ умоляла его беречь свое здоровье и храниться отъ вражескихъ «пулекъ», на что державный братъ шутливо и бодро отвѣчалъ ей: «Сестрица, здравствуй, а я, слава Богу, здоровъ. По письму твоему, я къ ядрамъ и пулькамъ близко не хожу, а они ко мнѣ ходятъ. Прикажи имъ, чтобы не ходили. Однакожъ хоть и ходятъ, только по ся поры вѣжливенько. Турки на помочь пришли, да къ намъ нейдутъ, а чаю, что желаютъ насъ къ себѣ». Но турки вовсе не желали нападенія русскихъ на свой флотъ и совсѣмъ ушли въ море, а несчастный Азовъ, оставленный безъ поддержки со стороны моря, не могъ долго продержаться. Послѣ двухмѣсячной осады и сильной бомбардировки, 19 іюля азовцы сдались съ условіемъ безпрепятственно выпустить ихъ изъ города съ женами и дѣтьми, что, конечно, было исполнено царемъ въ точности. Въ Москвѣ всѣ радовались громкой, неслыханной побѣдѣ государя: патріархъ про-

---

[1] Галера — двухмачтовое, но гребное судно.

слезился отъ радости и велѣлъ благовѣстить во всѣхъ церквахъ московскихъ; всѣ поздравляли другъ друга, думая, что съ завоеваніемъ Азова настанетъ конецъ всѣмъ трудамъ и тревогамъ. А царь между тѣмъ составлялъ уже новые проекты: ему мало было взять одинъ городъ Азовъ; онъ понималъ, что одинъ пунктъ на далекой окраинѣ не можетъ служить защитой отъ сильнаго непріятеля, а потому рѣшилъ завести на Азовскомъ морѣ настоящій парусный флотъ, а по берегамъ моря построить рядъ крѣпостей. Отъ мыслей быстро переходя къ дѣлу, онъ повелѣлъ иностраннымъ инженерамъ составить рядъ новыхъ укрѣпленій для города Азова, а самъ, не теряя минуты, принялся искать, гдѣ бы устроить гавань для будущаго флота. Мѣсто было найдено, но царь не тронулся изъ Азова, пока не были возобновлены его стѣны, надъ чѣмъ усердно трудились всѣ наши войска подъ наблюденіемъ иностранныхъ инженеровъ и самого царя, который во время этихъ серьезныхъ работъ не уставалъ писать въ Москву подробныя указанія о томъ, какъ праздновать возвращеніе войскъ послѣ побѣды.

Празднованіе побѣды.

30 сентября 1696 года состоялся въѣздъ побѣдителей въ Москву, и при этомъ было торжество невиданное и неслыханное до того времени въ Москвѣ. При въѣздѣ въ городъ были поставлены громадной величины тріумфальныя ворота, украшенныя множествомъ аллегорическихъ фигуръ. При входѣ войскъ въ тріумфальныя ворота съ вершины ихъ говорили въ трубу привѣтственные стихи адмиралу Лефорту, командору, т. е. главнокомандующему Шейну, и генералиссимусу Ромодановскому. Войска шли въ стройномъ порядкѣ въ лучшихъ мундирахъ, среди нихъ вели плѣнныхъ татаръ и турокъ, несли отнятыя знамена (числомъ 60), царское знамя и святыя иконы, бывшія съ войскомъ въ походѣ. Генералы ѣхали въ раззолоченныхъ каретахъ, а адмиралъ Лефортъ въ золотыхъ парадныхъ саняхъ царя, что считалось тогда особенно торжественнымъ и почетнымъ. Самъ же царь, предоставивъ всѣ похвалы и почести своимъ генераламъ, въ скромномъ мундирѣ морского капитана шелъ впереди морского регимента (т. е. полка) за великолѣпными санями адмирала Лефорта.

Рѣшеніе строить военный флотъ на р. Донѣ.

Московскіе люди всѣхъ званій и всѣхъ чиновъ надѣялись успокоиться и отдохнуть послѣ великаго напряженія Азовскихъ походовъ, но не такъ думалъ царь-работникъ, хорошо понимавшій, что достиженіе завѣтной цѣли его потребуетъ упорныхъ и постоянныхъ трудовъ, что времени терять нельзя, такъ какъ, по его выраженію, «потерянное время смерти невозвратной бываетъ подобно». Онъ хотѣлъ вызвать къ самодѣятельности свой народъ, объяснивъ лучшимъ людямъ свои планы и

намѣренія. И вотъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ бояре и пахотные люди, купцы и высшія духовныя лица и иноземцы были созваны въ село Преображенское «для великаго государева дѣла» и было тутъ «сидѣнье» (т. е. засѣданіе). Государь въ письмѣ изложилъ, какъ необходимъ флотъ, или «караванъ морской», для войны съ турками, которыхъ иначе нельзя будетъ принудить къ выгодному миру, а послѣ того разсуждали, какими средствами въ скорѣйшемъ времени соорудить на Азовскомъ морѣ флотъ уже не гребной только, а парусный. Положено было: возложить постройку кораблей на помѣщиковъ и вотчинниковъ, какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго чина, на гостей и людей торговыхъ, на посады и слободы съ тѣмъ, чтобы богатые владѣльцы, имѣющіе отъ 8 до 10 тысячъ крестьянъ, выстроили не позже апрѣля 1698 года по кораблю, оснащенному и вооруженному, а гостямъ и людямъ торговымъ, всѣмъ въ совокупности, выстроить къ тому же времени 12 судовъ бомбардирскихъ, при чемъ съ людей посадскихъ и помѣщиковъ мелкопомѣстныхъ положено было взыскать на постройку судовъ по полтинѣ денегъ въ два срока, но было объявлено, что виновныхъ въ неисправности ждетъ отписка имѣнія на государя, т. е. потеря «животовъ и дворовъ», или иначе — потеря имущества.

Образованіе „кумпанствъ“.

Помѣщики и вотчинники, духовные владѣльцы имѣній, посадскіе и торговые люди, призванные къ сооруженію флота, не замедлили явиться въ Москву для обсужденія того, какъ повести дѣло, и рѣшили составить «кумпанства», т. е. общества, компаніи, духовные съ духовными, свѣтскіе со свѣтскими. Духовныя кумпанства (ихъ было 17) большею частью отдавали работы подрядчикамъ и вносили только деньги на постройку судовъ; въ свѣтскихъ же кумпанствахъ (ихъ было 18) добровольно раскладывали и деньги, и работу между всѣми участниками. Какъ бы то ни было, а всѣ были призваны къ участію въ великомъ дѣлѣ народномъ, всѣ волей-неволей зашевелились, и работа началась.

Царь руководилъ работами и старался облегчить ихъ для кумпанствъ. Такъ, еще до взятія Азова онъ выписалъ изъ Голландіи, Даніи и Венеціи искусныхъ корабельныхъ мастеровъ, а для стоянки строющагося флота велѣлъ сооружать корабельную гавань при Таганъ-Рогѣ, близъ Азова, и для устройства ея наряжено было 20 000 служилыхъ людей изъ украинскихъ городовъ. Кромѣ того, предвидя, какъ затруднительна будетъ доставка припасовъ и снарядовъ къ Азову изъ внутреннихъ областей, царь задумалъ вырыть каналъ между рѣками Иловлей и Камышовкой для соединенія Дона съ Волгой и для того отрядилъ 35 000 человѣкъ.

Это послѣднее предпріятіе царя показалось его современникамъ затѣей грѣшной «неудобьсказаемой», такъ какъ они думали, что проведеніемъ каналовъ, соединеніемъ двухъ рѣкъ, разъединенныхъ Богомъ, нарушается воля Божія. Противъ царя поднялось глухое неудовольствіе въ народѣ, которое еще болѣе усилилось, когда, желая прочно утвердить морское дѣло въ Россіи, «умыслилъ государь многое число благородныхъ послать въ Голландію и иныя государства — учиться постройкѣ кораблей».

Великое смятеніе поднялось среди бояръ и дѣтей боярскихъ отъ такого «умысла Государева»; въ рѣдкомъ домѣ боярскомъ не плакали и не причитали по отъѣзжающимъ, какъ по мертвымъ; сами отъѣзжающіе, за малыми исключеніями, были въ отчаяніи отъ необходимости ѣхать въ земли «басурманскія», къ нѣмцамъ «еретикамъ» да еще учиться не дворянскому, а подлому дѣлу матросской службы. **Отправка молодыхъ людей за границу.**

Много было недовольныхъ, много было ропота между всѣми, но царь ни на что не обращалъ вниманія и скоро еще болѣе поразилъ весь московскій народъ, рѣшивъ самъ ѣхать за границу. Путешествіе царя за границу было въ то время дѣломъ безпримѣрнымъ, неслыханнымъ, такъ какъ цари русскіе никогда не выѣзжали изъ предѣловъ Россіи. Всѣ пришли въ ужасъ отъ затѣи царя и всячески мѣшали ея исполненію, но юный Петръ остался твердъ.

Чтобы отдѣлаться отъ пышныхъ встрѣчъ и пріемовъ, чтобы имѣть возможность учиться и работать, а не только смотрѣть, царь рѣшилъ ѣхать за границу «инкогнито», т. е. скрывая свое имя и званіе; снарядили особое «великое посольство», во главѣ котораго поставлены были адмиралъ Лефортъ и бояринъ Головинъ; царь же записался въ число волонтеровъ (т. е. вольныхъ людей) при посольствѣ подъ именемъ «Преображенскаго полка урядника Петра Михайлова».

Глава VI.

Путешествіе Петра за границу.

Причины, побудившія царя къ путешествію. — Заговоръ Цыклера и казнь его. — Первыя впечатлѣнія въ Лифляндіи и Курляндіи. — Остановка въ Пруссіи ради государственныхъ дѣлъ. — Изученіе артиллерійскаго дѣла въ Пруссіи. — Впечатлѣніе, произведенное царемъ на умнѣйшихъ женщинъ Европы. — Впечатлѣніе, произведенное русскими на толпу. — Пріѣздъ государя въ Саардамъ. — Назойливое любопытство саардамцевъ.

Причины, побудившія царя къ путешествію.

Во время своихъ путешествій въ Архангельскъ, а особенно во время похода подъ Азовъ, царь воочію убѣдился, какъ опередили насъ иноземцы въ дѣлѣ постройки кораблей и въ дѣлѣ управленія ими, какъ велики ихъ знанія и ихъ искусство въ военномъ дѣлѣ, такъ какъ только съ ихъ помощью были сдѣланы настоящіе подкопы подъ Азовъ, съ ихъ помощью взятъ былъ городъ. Петръ вполнѣ понялъ, что «наши» — русскіе не уступаютъ иноземцамъ ни въ удальствѣ, ни въ смышлености, ни въ настойчивости, можетъ быть, даже превосходятъ другихъ во всемъ этомъ, но знаній и искусства нѣтъ ни у кого изъ «нашихъ», и необходимо пріобрѣсти ихъ у иноземцевъ. Но какъ пріобрѣсти? Призвать снова иноземцевъ въ учителя, какъ дѣлали прежде цари Московскіе — Іоаннъ III, Іоаннъ IV, Михаилъ Ѳеодоровичъ и Алексѣй Михайловичъ — значило бы наполнить Русь иноземцами, такъ какъ выписывать ихъ пришлось бы цѣлыми тысячами, а на это никакихъ средствъ не хватило бы.

Кромѣ того, изъ примѣра прежнихъ лѣтъ Петръ зналъ, что иноземцы не очень-то охотно передавали свои знанія русскимъ — слѣдовательно, необходимо изучать дѣло на мѣстѣ, гдѣ изъ окружающаго или отъ окружающихъ можно узнать, чего не хочетъ досказать учитель, а для этого необходимо было послать молодыхъ и разумныхъ, способныхъ

къ ученію людей за границу. Но понималъ царь, что не всѣ будутъ учиться съ одинаковой охотой, съ достаточной добросовѣстностью, что надо будетъ провѣрять знанія возвратившихся изъ заморскихъ странъ и провѣрять непремѣнно самому.

Для того же, чтобы провѣрять, необходимо ему самому знать все, чему будутъ учиться другіе: необходимо самому научиться корабельному, инженерному и артиллерійскому дѣлу, а слѣдовательно, надо, *необходимо надо,* ѣхать самому за границу, самому все видѣть, все понять, все усвоить. Если же это было необходимо для блага Россіи, то нельзя было обращать вниманія на слезы и причитанія недовольныхъ, нельзя было останавливаться на полдорогѣ... И царь собрался въ путь.

Отправляясь въ путь, онъ приказалъ выгравировать для себя особую печать, которую употреблялъ во все время пребыванія своего за границей. На этой печати былъ изображенъ плотникъ, окруженный инструментами, а надпись, сдѣланная вокругъ, гласила: «Азъ бо есмь въ чину учимыхъ и учащихъ мя требую», что вполнѣ выражало настроеніе царя, который вступалъ въ Европу какъ ученикъ, съ твердымъ намѣреніемъ научиться всему, что могутъ дать ему иностранцы и что можетъ быть полезно для его бѣдной, отсталой, но горячо любимой родины.

Влекла его въ Европу еще и горячая надежда составить союзъ всѣхъ христіанскихъ народовъ противъ враговъ вѣры Христовой — турокъ; влекло любопытство и желаніе видѣть воочію иноземныя страны, о которыхъ такъ много говорили ему его друзья — иностранцы.

Заговоръ Цыклера и казнь его.

Сдѣлавъ заботливыя распоряженія объ управленіи государствомъ, сдавъ дѣла самымъ довѣреннымъ своимъ боярамъ, Петръ весело готовился въ путь и наканунѣ отъѣзда весело и беззаботно пировалъ въ домѣ друга своего — Лефорта. Въ это время къ нему пришли два вѣрные стрѣльца, вызвали его изъ-за пиршескаго стола и сообщили, что думный дворянинъ Цыклеръ «съ товарищи» умыслилъ злое на него, подговариваетъ стрѣльцовъ «на пожарѣ или гдѣ индѣ — изрѣзать государя ножей въ пять» и собралъ всѣхъ заговорщиковъ у себя въ домѣ. Царь, возвратясь къ пирующимъ, не показалъ и вида, что чѣмъ-нибудь разстроенъ, сказалъ, что отлучится по дѣламъ на малое время, и, захвативъ съ собою нѣсколькихъ «потѣшныхъ» да двухъ стрѣльцовъ, сообщившихъ ему о заговорѣ, смѣло отправился самъ въ домъ Цыклера въ самое гнѣздо заговорщиковъ. Оставивъ солдатъ у входа, онъ одинъ вошелъ въ комнату, безстрашно подошелъ къ заговорщикамъ и самымъ своимъ появленіемъ, своимъ удивительнымъ безстрашіемъ такъ смутилъ ихъ,

что ни у кого изъ нихъ не поднялась рука на своего государя: всѣ они были арестованы, а потомъ подвергнуты допросамъ «съ пристрастіемъ», т. е. при помощи пытокъ. Во время пытки Цыклеръ показалъ, что еще въ первые годы своего правленія царевна Софія вмѣстѣ съ Иваномъ Милославскимъ не разъ подговаривала его убить Петра, но онъ не поддавался ни на какіе уговоры, а тутъ, дѣйствительно, готовился на убійство царя, потому что царь «побасурманился» — «предался нѣмцамъ», «ѣдетъ въ поганыя басурманскія земли».

Ужасно было впечатлѣніе, произведенное этимъ заговоромъ на Петра: милостиво простившій приверженцевъ Софіи въ 1689 году и только по настоянію патріарха подписавшій смертный приговоръ главнымъ зачинщикамъ, онъ при допросѣ и казни Цыклера съ товарищами явился жестокимъ и страшнымъ, потому что въ ихъ умыслѣ видѣлъ желаніе уничтожить то, что было ему дороже жизни — его нововведенія, его планы сблизиться съ Европой. Упоминаніе же имени Ивана Милославскаго, главнаго зачинщика стрѣлецкаго бунта, и указаніе на непріязнь царевны Софіи заставили его вспомнить, что онъ оставляетъ за собою, у себя на родинѣ, своего злѣйшаго врага — свою коварную сестру, и вотъ, желая устрашить ее, онъ придумалъ ужасную мѣру: приказано было вырыть тѣло Ивана Милославскаго, привезти его на свиньяхъ къ Лобному мѣсту, и надъ этимъ открытымъ гробомъ была совершена казнь преступниковъ, кровь которыхъ залила гробъ; потомъ тѣла казненныхъ и отрубленныя головы ихъ были выставлены на особомъ каменномъ столбѣ съ желѣзными спицами, при чемъ не приказано было убирать ихъ, и гніющіе трупы нѣсколько мѣсяцевъ наполняли Москву нестерпимымъ зловоніемъ.

Первыя впечатлѣнія въ Лифляндіи и Курляндіи.

Покончивъ такъ ужасно съ этимъ дѣломъ, разстроенный, измученный царь все же не отказался отъ своего намѣренія посѣтить Европу и 10 марта 1697 года выѣхалъ изъ Москвы въ свитѣ Лефорта, при чемъ рѣшено было ѣхать черезъ Лифляндію и Курляндію, чтобы миновать Польскія владѣнія, такъ какъ въ это время умеръ король Польскій Янъ Собѣсскій, и въ странѣ начались безпорядки по случаю выбора новаго короля. Въ Лифляндіи посольство было встрѣчено такъ нелюбезно, что Петръ никогда не могъ забыть этого; называлъ Ригу не иначе какъ «проклятымъ мѣстомъ» и впослѣдствіи выставилъ поводомъ къ войнѣ со шведами непріятности, причиненныя ему въ этомъ городѣ. Комендантъ города не только запретилъ посламъ осмотръ крѣпости, но даже не дозволилъ имъ въѣзда въ городъ, поселилъ ихъ въ предмѣстьѣ, не далъ сколько-нибудь сноснаго помѣщенія, не давалъ даже «кормежки»

и держалъ всѣхъ какъ бы подъ карауломъ, а жители брали за все тройныя цѣны, чѣмъ страшно разгнѣвали царя. «Здѣсь мы рабскимъ обычаемъ жили и сыты были только зрѣніемъ», писалъ онъ изъ Риги въ Москву и, оставивъ посольство, спѣшилъ перебраться въ Курляндію, гдѣ герцогъ встрѣтилъ его, напротивъ, крайне привѣтливо и даже угодливо.

Часть герцогскихъ владѣній прилегала къ морю, и Петръ поспѣшилъ въ приморскій городъ Либаву, или, какъ тогда говорили, — Либау. Тамъ онъ въ первый разъ увидѣлъ завѣтное для русскихъ Варяжское море и такъ плѣнился имъ, что рѣшилъ ѣхать далѣе морскимъ путемъ, для чего нанялъ купеческій корабль, а посольство отправилъ черезъ Кенигсбергъ къ курфюрсту Бранденбургскому.

Остановка въ Пруссіи ради государственныхъ дѣлъ.

Въ Пруссіи и посольство, и самъ Петръ были встрѣчены съ великими почестями; и герцогъ Бранденбургскій горячо желалъ заключить союзъ съ царемъ, но Петръ отказался, боясь раздражить сосѣдей — Швецію и Польшу, и только согласился на устный дружескій договоръ.

Въ Пруссіи Петръ Великій принужденъ былъ пробыть болѣе, чѣмъ предполагалось, такъ какъ его задержали безпорядки, происходившіе въ Польшѣ по случаю выбора новаго короля. По смерти Яна Собѣсскаго — знаменитаго побѣдителя турокъ — явилось много кандидатовъ на польскій престолъ; главнѣйшіе изъ нихъ были: французскій принцъ Конти и курфюрстъ Саксоніи Августъ. Принца Конти поддерживалъ могущественнѣйшій государь того времени, король французскій, Людовикъ XIV, а курфюрстъ Саксонскій выступилъ безъ поддержки; но на его сторону сталъ никѣмъ не знаемый тогда царь Россіи, и онъ явился побѣдителемъ на выборахъ. Дѣло въ томъ, что всѣ мысли Петра тогда были поглощены мечтою составить обще-христіанскій союзъ противъ турокъ, и для него было важно, чтобы Польша не выходила изъ существовавшаго уже священнаго союза четырехъ державъ. Людовикъ же XIV, покровительствовавшій Конти, былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ турецкимъ султаномъ, и можно было ожидать, что поставленный имъ король заключитъ миръ съ Турціей. Вопросъ о выборѣ короля въ Польшѣ былъ такъ важенъ въ глазахъ царя, что онъ остановилъ свое путешествіе и почти ежедневно «пересылался» съ нашимъ посломъ въ Польшѣ, чтобы слѣдить за дѣломъ выборовъ и по возможности руководить ими. Петръ дѣйствовалъ, какъ всегда, рѣшительно и открыто, написавъ панамъраднымъ (т. е. бывшимъ на выборахъ), что прежде онъ не вмѣшивался въ дѣло выборовъ, но теперь рѣшительно объявляетъ, что если возьметъ верхъ французская партія, то «не только поставленный противъ общаго

непріятеля союзъ, но и вѣчный миръ зѣло крѣпко будетъ поврежденъ. Чего ожидать для цѣлости союза, для вѣчнаго мира и вѣчнаго соединенія», — писалъ государь, — «когда королемъ въ Польшѣ будетъ французъ? Его предлагаютъ вамъ султанъ турецкій и ханъ крымскій — можетъ ли онъ воевать съ турками и татарами? — Мы такого короля французской и турецкой стороны видѣть въ Польшѣ не хотимъ; хотимъ, чтобы вы выбрали какого ни есть народа, только бы былъ онъ въ дружбѣ и союзѣ съ нами и цезаремъ римскимъ противъ общихъ непріятелей Креста Святого». Въ то же время царь приказалъ князю-кесарю Ромодановскому двинуть къ Литовской границѣ русскія войска отчасти для защиты польской республики отъ принца Конти, отчасти для подкрѣпленія своего грознаго слова «не хотимъ». Мѣры царя оказали свое дѣйствіе: королемъ былъ выбранъ угодный ему кандидатъ — Станиславъ-Августъ Саксонскій.

Изученіе артиллерійскаго дѣла въ Пруссіи.

Такимъ образомъ, будучи за границей, царь продолжалъ быть царемъ: дѣлалъ распоряженія великой важности и даже вліялъ на дѣла Европы, но не забывалъ и того, что «онъ въ чину учимыхъ и учащихъ себѣ требуетъ». Въ тѣ три недѣли, которыя ему пришлось провести въ Пруссіи, онъ занялся изученіемъ артиллерійскаго дѣла и скоро оказалъ такіе удивительные успѣхи въ этомъ, что его учитель выдалъ ему аттестатъ, что «Господинъ Петръ Михайловъ не только въ теоріи науки, но и въ практикѣ такіе оказалъ успѣхи и такія пріобрѣлъ свѣдѣнія, что вездѣ за исправнаго, благоискуснаго, мужественнаго и безстрашнаго мастера и художника признаваемъ и почитаемъ быть можетъ».

По окончаніи своихъ занятій артиллеріею и послѣ окончательнаго утвержденія короля Августа на польскомъ престолѣ Петръ продолжалъ свой путь въ Голландію, но уже не моремъ, такъ какъ боялся встрѣчи съ враждебнымъ намъ французскимъ флотомъ принца Конти, а сухимъ путемъ.

Впечатлѣніе, произведенное царемъ на умнѣйшихъ женщинъ Европы.

Въ маленькомъ городкѣ Коппенбрюгѣ его встрѣтили двѣ образованнѣйшія женщины Европы: курфюрстина Ганноверская Софія и дочь ея Софія-Шарлотта курфюрстина Бранденбургская, извѣстная покровительница наукъ. Онѣ такъ много слышали объ удивительномъ царѣ Московскомъ, побѣдителѣ турокъ подъ Азовомъ, что несмотря на неудобства маленькаго городка, пріѣхали туда за нѣсколько часовъ до царя и остановились въ единственномъ удобномъ домѣ.

Въ восемь часовъ вечера пріѣхалъ царь и за неимѣніемъ помѣщенія остановился въ простомъ крестьянскомъ домѣ; принцессы узнали о его пріѣздѣ и тотчасъ послали къ нему своего камергера съ предложе-

ніемъ навѣстить ихъ. Царь въ первую минуту отказался, а потомъ согласился только съ тѣмъ условіемъ, чтобы принцессы были однѣ — безъ свиты. Придворные, сопровождавшіе принцессъ, очень огорчились этимъ условіемъ и, желая хоть мелькомъ увидѣть царя, расположились на крыльцѣ для его встрѣчи, но онъ, вовсе не желая никакого парада, пришелъ къ принцессамъ заднимъ крыльцомъ и въ первую минуту встрѣчи былъ такъ смущенъ, что закрывался рукой, какъ малый ребенокъ, и твердилъ: «ich kann nicht sprechen», т. е. «я не могу ничего говорить». Умнѣйшія женщины Европы, конечно, скоро успокоили смущеннаго юношу, и, забывъ свою застѣнчивость, онъ дружески разговорился съ ними, отвѣчая на ихъ вопросы иногда самъ, а иногда черезъ переводчика, такъ какъ еще несвободно говорилъ по-нѣмецки. Онъ поразилъ принцессъ своимъ умомъ, своими удачными и остроумными отвѣтами, своей царственной осанкой и величественнымъ видомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ дикостью и рѣзкостью своихъ манеръ. Когда онъ за ужиномъ совсѣмъ разговорился, принцессы просили у него позволенія пригласить лицъ своей свиты и получили согласіе на это. Устроились танцы, и самъ государь участвовалъ въ нихъ. Танцуя съ придворными дамами, онъ наивно принялъ косточки корсета (русскія женщины тогда не знали корсетовъ) за кости тѣла и воскликнулъ: «Какъ чертовски жестки эти нѣмки!» Этимъ онъ, конечно, не мало поразилъ принцессъ, но онѣ пришли въ восторгъ отъ «русской», которую царь исполнилъ со свойственнымъ ему одушевленіемъ. Веселье длилось до 4 часовъ утра, и царь не хотѣлъ было и домой уходить, такъ что ему должны были напомнить, что хозяйки устали и нуждаются въ отдыхѣ. Уходя же, онъ уже совсѣмъ запросто поднялъ за уши маленькую десятилѣтнюю принцессу Софію-Доротею и расцѣловалъ ее и ея маленькаго брата. Это увлеченіе и простоту обращенія принцессы, конечно, осудили въ царѣ, но, отдавая честь его уму, его знаніямъ и оригинальности, записали въ своихъ мемуарахъ: «Нельзя ни описать, ни вообразить себѣ этого необыкновеннаго человѣка, не видавъ его своими глазами. У него необыкновенный умъ, доброе сердце и возвышенныя чувства, но онъ сердитъ, и, при всѣхъ достоинствахъ, которыми одарила его природа, желательно было бы, чтобы въ немъ было поменьше грубости. Это человѣкъ очень хорошій и вмѣстѣ очень дурной. Но, если бы его лучше воспитывали, онъ былъ бы примѣромъ совершенства».

Впечатлѣніе, произведенное русскими на толпу.

Такъ оцѣнили Петра образованнѣйшія женщины Европы, но ему приходилось имѣть дѣло большею частью съ людьми простыми, малообразованными, и тутъ онъ видѣлъ, съ какимъ предубѣжденіемъ отно-

сятся иностранцы къ его народу; видѣлъ, какъ, дивясь одеждамъ его спутниковъ, толпами сбѣгаются смотрѣть на русскихъ, какъ на какихъ-то дикарей, и это глубоко огорчало его, а часто и выводило изъ себя. Въ одномъ городкѣ одна бѣдная старушка предобродушно спросила членовъ посольства: «Кто вы? Христіане ли? Говорятъ, васъ скоро будутъ крестить?» — и этимъ показала, какой взглядъ на русскихъ существовалъ въ простомъ народѣ за границей, какъ низко ставили тамъ «нашихъ». Царю же хотѣлось, чтобы его русскіе ни въ чемъ не отличались отъ другихъ, чтобы голландцы и нѣмцы, къ которымъ онъ пріѣхалъ учиться, и его самого считали «своимъ» и обращались съ нимъ, какъ равные съ равнымъ. Но ему очень трудно было добиться этого, особенно первое время, когда онъ невольно выдавалъ себя своею властной манерой и своей неукротимой горячностью, къ которой былъ пріученъ у себя въ Россіи жизнью улицы и раболѣпствомъ московскихъ бояръ.

Пріѣздъ государя въ Саардамъ.

Пріѣхавъ въ Голландію, царь поспѣшилъ въ городокъ Саардамъ, о которомъ слышалъ много разсказовъ отъ корабельныхъ мастеровъ, работавшихъ съ нимъ въ Москвѣ и Архангельскѣ. Наслышавшись отъ нихъ о великолѣпныхъ и многочисленныхъ верфяхъ Саардама, Петръ надѣялся именно въ этомъ городкѣ изучить корабельное искусство, работая на верфяхъ въ качествѣ корабельнаго плотника. Чтобы лучше скрыть свое званіе, онъ переодѣлся въ одежду простого голландскаго крестьянина — вязаную красную куртку, бѣлые холстинные шаровары и клеенчатую шляпу, чего спутники его не успѣли или не пожелали сдѣлать, оставаясь въ широкополыхъ и неудобныхъ одеждахъ русскаго покроя того времени.

Пріѣхалъ государь въ Саардамъ раннимъ утромъ 7 августа 1697 года и на взморьѣ увидѣлъ своего знакомца Геррита Киста, который работалъ въ Москвѣ и былъ извѣстенъ государю какъ прекрасный кузнецъ и честный человѣкъ. Герритъ Кистъ ловилъ рыбу, когда его окликнулъ чей-то громкій повелительный голосъ; обернувшись, онъ сразу узналъ въ великанѣ-крестьянинѣ, стоявшемъ передъ нимъ, царя Московскаго — повелителя обширной страны и многихъ тысячъ народа. Растерянный, пораженный, смотрѣлъ онъ на государя, не имѣя силъ говорить отъ волненія, и еще болѣе испугался, когда Петръ попросилъ у него въ домѣ помѣщенія себѣ на нѣсколько мѣсяцевъ, пока ему придется работать на верфи, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы Кистъ никому не говорилъ, кто его новый жилецъ. Растерявшійся бѣднякъ сталъ отговариваться: увѣрялъ, что кромѣ собственнаго помѣщенія у него одинъ только крохотный домикъ — всего въ двѣ комнатки — по одному окну

каждая и при нихъ маленькая каморка, въ которой едва уставляется кровать, что этотъ домикъ занятъ вдовой, которая едва ли согласится очистить свою квартиру. Царь, однако, настоялъ на своемъ: далъ Герриту Кисту достаточную сумму денегъ, чтобы заплатить вдовѣ, и кузнецъ отправился домой устраивать это дѣло, а царь со своими спутниками вошелъ въ сосѣдній гербергъ — гостиницу и, спросивъ себѣ самую простую закуску и пива, сталъ завтракать.

День былъ воскресный, и по улицамъ бродило много праздныхъ людей, которые заинтересовались странной одеждой царскихъ спутниковъ и, собравшись толпой вокругъ герберга, стали безцеремонно разспрашивать ихъ: кто они, откуда и чего ищутъ въ ихъ маленькомъ городкѣ? Царь на эти надоѣдливые вопросы отвѣтилъ за всѣхъ: «Мы плотники изъ Московіи, пришли искать работы», и какъ только получилъ извѣстіе отъ Киста, что квартира его готова, поспѣшилъ къ бѣдному кузнецу и принялся за устройство своего помѣщенія. На другой день утромъ, съ солнечнымъ восходомъ, купивъ въ сосѣдней лавкѣ всѣ необходимые плотничьи инструменты, онъ нанялся плотникомъ и сталъ работать на лучшей верфи города.

Хорошо зная плотничье дѣло, царь отличался отъ окружающихъ развѣ необыкновенной скоростью въ работѣ, а держалъ себя совершенно просто: разговаривалъ съ окружающими какъ съ товарищами, исполнялъ послушно приказанія мастера, курилъ тотъ же табакъ, что и всѣ, а во время полуденнаго отдыха обѣдалъ въ сосѣднемъ гербергѣ и выпивалъ кружку пива, какъ и всѣ остальные рабочіе. Но въ его быстрой походкѣ, въ его властной манерѣ обращенія, въ сдержанномъ, но все же уловимомъ почтеніи къ нему его спутниковъ, наконецъ, въ самой его наружности было что-то особенное, что заставляло саардамцевъ интересоваться высокимъ плотникомъ изъ Московіи, и всякій его поступокъ обсуждался и пересуживался жителями маленькаго захолустнаго городка какъ что-то небывалое. На другой же день по пріѣздѣ онъ купилъ себѣ яликъ и по окончаніи работъ на верфи цѣлый вечеръ разъѣзжалъ на немъ по заливу Эй. Не оставлялъ онъ безъ вниманія ничего интереснаго въ городѣ и, увидѣвъ, какъ рабочіе возятся надъ поправкой вѣтряной мельницы купца Кальфа, самъ добровольно принялся помогать имъ, подробно выспросилъ и записалъ всѣ особенности устройства этой мельницы; потомъ зашелъ на бумажную фабрику, только присмотрѣлся къ пріемамъ мастера при отливкѣ бумаги и, спросивъ форму, сразу вылилъ листъ такой безукоризненной чистоты, что привелъ всѣхъ въ удивленіе и, довольный похвалами, подарилъ мастеровымъ талеръ на угощеніе.

Наконецъ, онъ купилъ себѣ настоящій буеръ (парусную лодку), собственноручно придѣлалъ къ нему особую складную мачту и нанялъ въ помощники себѣ одного юношу, который сталъ у него каютъ-юнгой. Это не могло не привлечь общаго вниманія. «Простой плотникъ — и подарилъ талеръ рабочимъ на угощеніе!». — «Простой плотникъ — и покупаетъ буеръ въ 450 гульденовъ (почти 350 рублей на наши деньги)!» — «Тутъ что-нибудь не спроста», — заговорили любопытные саардамцы.

Назойливое любопытство саардамцевъ.

Прошло четыре дня, и тайна раскрылась: одинъ плотникъ получилъ отъ сына письмо съ извѣстіемъ, что изъ Москвы выѣхало великое посольство, въ которомъ находится и самъ царь, что онъ вѣрно посѣтитъ Саардамъ инкогнито, но его легко будетъ узнать по громадному росту, по трясенію головы, по привычкѣ размахивать правой рукой да по небольшой бородавкѣ на щекѣ. Плотникъ поспѣшилъ сообщить содержаніе полученнаго письма своему пріятелю-цырюльнику, а тотъ сообщилъ тайну нѣкоторымъ изъ своихъ посѣтителей, и всѣ, видѣвшіе высокаго плотника изъ Московіи, сразу признали въ немъ царя Московскаго. Иные не повѣрили и кинулись къ Герриту Кисту съ разспросами. Тотъ, вѣрный своему слову, отвѣчалъ, что его жилецъ простой плотникъ, съ которымъ онъ работалъ въ Москвѣ (послѣднее было истинной правдой), но жена выдала его, закричавъ: «Терпѣть не могу, Герритъ, когда ты врешь». Тогда уже царю-плотнику не стало возможности работать: толпы любопытныхъ сопровождали его на работу, толпы собирались у воротъ верфи, чтобы подстеречь его выходъ вечеромъ, а мальчишки не отставали отъ него на улицѣ, всячески поддразнивая его.

Разъ царь, возвращаясь съ работы, купилъ себѣ сливъ, насыпалъ ихъ въ шапку и спокойно принялся ихъ ѣсть, какъ вдругъ мальчишки окружили его толпою, прося и ихъ угостить сливами. Царь далъ нѣкоторымъ, другимъ отказалъ и, забавляясь досадою послѣднихъ, быть можетъ, поддразнилъ обиженныхъ; они стали осыпать его насмѣшками, бросать въ него грязью и камнями. Пришлось скрыться въ сосѣдній гербергъ, и тутъ царь въ гнѣвѣ своемъ совершилъ поступокъ, который уже совершенно раскрылъ его инкогнито: онъ послалъ за бургомистромъ и потребовалъ, чтобы онъ какъ-нибудь избавилъ его отъ надоѣдливой толпы. Не по разуму усердный начальникъ города не нашелъ ничего лучшаго какъ поставить на мосту, ведущемъ къ дому Геррита Киста, усиленную стражу и вывѣсилъ по всѣмъ улицамъ объявленіе, что «подъ опасеніемъ строгаго наказанія запрещается всякое своевольство по отношенію къ знатнымъ иноземцамъ, которые хотятъ *быть неизвѣстными*».

Но слишкомъ усердныя старанія бургомистра только еще болѣе разожгли любопытство толпы, и всякому хотѣлось поближе взглянуть на царя неизвѣстной, но любопытной Московіи, на царя, принявшаго видъ плотника, работающаго въ ихъ маленькомъ городкѣ: его окружали со всѣхъ сторонъ зѣваки, безцеремонно заступая ему дорогу. Разъ, разсердившись на одного слишкомъ безцеремоннаго зѣваку, царь далъ нахалу звонкую пощечину, но вольные люди вольныхъ Нидерландовъ нисколько не испугались царскаго гнѣва, а только весело расхохотались, крича пострадавшему: «браво, браво, Марсенъ, ты пожалованъ въ рыцари».

Петръ Великій въ Саардамѣ.
(Картина Ф. Фогеля.)

Царю не осталось ничего какъ опять скрыться отъ толпы въ сосѣднемъ гербергѣ, гдѣ онъ просидѣлъ запершись, пока совсѣмъ не стемнѣло.

Только восемь дней пробылъ Петръ въ Саардамѣ; но тутъ онъ впервые сдѣлалъ попытку скрыть свое царское званіе, «опроститься» и приступилъ къ работѣ въ званіи плотника. Дѣло же это — такое необычайное, безпримѣрное въ исторіи всего міра, что изъ всѣхъ послѣдующихъ поступковъ Петра оно болѣе всего поражаетъ воображеніе, и потому многимъ представляется что Петръ долго и много работалъ въ Саардамѣ, и его называютъ по преимуществу Саардамскимъ плотникомъ, хотя не здѣсь, а въ Амстердамѣ и въ Англіи изучилъ онъ корабельное дѣло.

Глава VII.

Пребываніе Петра за границей.

Изученіе корабельнаго дѣла въ Амстердамѣ. — Разнообразныя занятія Петра. — Главная задача пребыванія Петра за границей. — Разочарованіе въ знаніяхъ голландцевъ по кораблестроенію. — Пребываніе въ Англіи. — Разочарованіе въ надеждахъ устроить общехристіанскій союзъ противъ турокъ. — Путешествіе въ Вѣну. — Церемоніи при Вѣнскомъ дворѣ. — Переговоры съ цесаремъ и результаты ихъ. — Извѣстіе о новомъ стрѣлецкомъ бунтѣ и отъѣздъ въ Россію.

Изученіе корабельнаго дѣла въ Амстердамѣ.

Надоѣдливое любопытство саардамцевъ заставило государя оставить этотъ городъ, и онъ поспѣшилъ въ Амстердамъ на встрѣчу своему посольству, которое опоздало на 9 дней вслѣдствіе торжественныхъ встрѣчъ, которыя устраивались ему по всѣмъ городамъ Голландіи.

Въ Амстердамѣ тоже не было конца празднествамъ по случаю пріѣзда великаго посольства: устраивались пиры, торжественныя театральныя представленія и фейерверки, наконецъ, въ честь царя устроено было примѣрное морское сраженіе, въ которомъ царь принималъ дѣятельное участіе, перейдя со своей яхты на военный корабль и направляя его въ самыя опасныя мѣста боя.

Но среди всякихъ увеселеній и празднествъ великій работникъ не забывалъ дѣла, ради котораго предпринялъ свое трудное путешествіе, и на другой же день по пріѣздѣ посольства просилъ бургомистра Витзена устроить его плотникомъ на какой-нибудь верфи, гдѣ бы онъ дѣйствительно могъ оставаться въ неизвѣстности и работать какъ простой человѣкъ. Желаніе его было исполнено въ точности: мастеръ Остъ-Индской компаніи, Герритъ Классъ-Поль, согласился принять царя къ себѣ въ науку въ качествѣ корабельнаго плотника, при чемъ для житья царю приготовили на взморьѣ небольшой, но довольно помѣстительный домъ, который принадлежалъ канатному мастеру и стоялъ въ отдаленіи отъ

другихъ построекъ, такъ что въ немъ можно было легко спастись отъ любопытныхъ.

Извѣстіе о согласіи Классъ-Поля пришло въ самый разгаръ пира, устроеннаго въ честь великаго посольства, и Петръ до того обрадовался, что, громко выражая свою радость, хотѣлъ тотчасъ оставить пиръ, чтобы съѣздить въ Саардамъ за своими плотничьими инструментами. Насилу уговорили его дождаться конца пира и фейерверка, устроеннаго въ честь его; но какъ только погасли послѣдніе огни, царь, несмотря на мольбы посланниковъ отложить свое намѣреніе, несмотря на опасность

Петръ I на Остенбургской верфи въ Голландіи.

ночного путешествія, рѣшительно остался при своемъ. Тогда послали въ ратушу за ключами отъ портовой заставы, опустили подъемный мостъ, ведущій къ порту, и въ 11 часовъ ночи Петръ вышелъ на своемъ буерѣ въ заливъ; въ часъ ночи онъ былъ уже въ Саардамѣ, безжалостно разбудилъ бѣднаго Геррита Киста, поспѣшно уложилъ свои инструменты и пустился въ обратный путь. Рано утромъ 20 августа 1697 года онъ былъ уже на верфи и тотчасъ приступилъ къ работѣ.

Первыя три недѣли заготовляли матеріалы, а потомъ заложили большой корабль «Петръ и Павелъ», въ постройкѣ котораго державный работникъ принималъ самое дѣятельное участіе.

Четыре съ половиною мѣсяца проработалъ Петръ въ Амстердамѣ, и тамъ, а не въ Саардамѣ, усовершенствовался въ корабельномъ искус-

ствѣ, являя примѣръ неутомимости и безусловнаго повиновенія своему мастеру. Сохранился разсказъ, что однажды пріѣхалъ на верфь какой-то знатный англичанинъ и убѣдительно просилъ Геррита Классъ-Поля показать ему царя, который работалъ, сидя на бревнѣ, и былъ скрытъ толпою. Исполняя эту просьбу, Классъ-Поль крикнулъ державному плотнику: «Питеръ-тиммерманъ (тиммерманъ — плотникъ) Саардамскій, что ты зѣваешь и не поможешь товарищамъ носить бревна?» Петръ послушно оставилъ топоръ, подошелъ къ работникамъ, несшимъ огромное бревно, и помогъ имъ перенести его на мѣсто. Вообще, избавленный отъ назойливаго любопытства, онъ успокоился, сталъ ровнѣе и относился къ товарищамъ по работѣ совершенно просто, отвѣчалъ охотно, если къ нему обращались со словами: «Тиммерманъ Питеръ» или «Питеръ изъ Московіи», и уже не сердился, а только отворачивался и молчалъ, когда его величали «Ваше Величество» или «Государь». Праздности онъ не позволялъ себѣ, говорилъ мало, отдыхалъ еще меньше, только въ случаѣ крайней усталости присаживался на какомъ-нибудь обрубкѣ, но, отдохнувъ минуты двѣ-три, снова принимался за работу и не оставлялъ ея до самаго вечера.

Разнообразныя занятія Петра.

По окончаніи работъ царь заходилъ въ сосѣдній гербергъ закусить и выпить пива съ товарищами по работѣ, иногда же покупалъ рыбы и картофеля и самъ готовилъ себѣ незатѣйливый обѣдъ, а затѣмъ отправлялся или на научныя занятія, или на осмотръ интересныхъ для него предметовъ. Интересовало же его все: и военное, и морское дѣло, и устройство плотинъ, и проведеніе каналовъ, и астрономія, и анатомія, и всякаго рода изобрѣтенія. Проводники, данные ему Витзеномъ, не успѣвали всюду поспѣвать за нимъ, — все ему надо было видѣть, все изучить: приходилось показывать и китоловный флотъ, и госпитали, и воспитательные дома, и фабрики, и заводы, при чемъ царь двумя-тремя вопросами умѣлъ вывѣдать у всѣхъ сущность дѣла и сразу постичь самыя трудныя объясненія. Интересуясь естественными науками, царь проводилъ цѣлые часы въ лабораторіи и анатомическомъ кабинетѣ знаменитаго ученаго того времени — Рюйша, слушалъ его лекціи, изучалъ анатомію подъ его руководствомъ и самъ производилъ вскрытіе труповъ. Кромѣ того онъ работалъ въ госпиталѣ подъ руководствомъ опытныхъ врачей въ качествѣ простого фельдшера: перевязывалъ раны, накладывалъ гипсовыя повязки, дергалъ зубы, пускалъ кровь и при томъ находилъ еще время учиться рѣзьбѣ по камню и гравированію, въ чемъ достигъ изумительныхъ успѣховъ.

Вѣрный своему девизу — «азъ есмь въ чину учимыхъ и учащихъ

мя требую», Петръ съ удивительною почтительностью и покорностью относился къ своимъ учителямъ, стараясь пользоваться каждой минутой для пріобрѣтенія знаній. Когда ему иногда приходилось ѣхать въ какое-нибудь мѣсто по каналу, гдѣ суда двигаются очень медленно, онъ приглашалъ съ собою различныхъ ученыхъ, которые во время пути читали ему лекціи по своимъ спеціальностямъ.

Главная задача пребыванія Петра за границей.

Пользуясь каждымъ случаемъ для пріобрѣтенія знаній, Петръ, тѣмъ не менѣе, не забывалъ главнѣйшаго дѣла своей жизни — управленія ввѣреннымъ ему народомъ. Твердо вѣря, что съ него спросится за все, совершающееся въ его государствѣ, что за все придется ему дать отвѣтъ Богу, онъ и изъ своего «далека» не переставалъ руководить своими боярами-министрами, указывая имъ, что и какъ дѣлать, хваля за разумныя распоряженія и грозя наказаніемъ за небрежность или неразуміе.

«Потрудившись на верфи, неутомимый царь принимался за другую работу: каждая почта приносила ему груду бумагъ изъ Москвы: бояре-правители, ближніе люди, кумпанцы, корабельщики извѣщали его о дѣлахъ важныхъ и неважныхъ, испрашивали разрѣшенія по разнымъ предметамъ, иногда писали одни привѣтствія, нерѣдко увѣдомляли только о своемъ здравіи, или въ шутливомъ тонѣ разсказывали о своихъ пирушкахъ. Царь отвѣчалъ имъ съ первой отходившею почтою по пятницамъ; если же не успѣвалъ, то просилъ не покручиниться — «потому что (писалъ онъ Виніусу) иное за недосугомъ, иное за отлучкою, а иное за Хмельницкимъ не исправишь». Писалъ онъ торопливо и кратко, рукою дрожащею отъ усталости, но всегда сильно и рѣзко изъявлялъ Московскимъ правителямъ свою волю, свои виды, желанія и надежды». Письма его самаго разнообразнаго содержанія. Они свидѣтельствуютъ, что, окруженный толпою грубыхъ рабочихъ, обтесывая бревна и доски, прилаживая корабельныя снасти, царь зорко слѣдилъ за современными дѣлами Европы и часто предавался думамъ о своей далекой Россіи и составлялъ планы, какъ просвѣтить, развить и обогатить свой горячо любимый народъ.

Замѣчательно, что, слѣдя за дѣлами Европы и лучше многихъ современниковъ оцѣнивая ихъ значеніе, молодой царь все же съ прежнимъ увлеченіемъ мечталъ о составленіи общаго союза противъ турокъ, не замѣчая, что этимъ вопросомъ въ сущности никто не интересуется и всѣ заняты своими мелкими разсчетами, не помышляя о тысячахъ христіанъ, страдающихъ подъ турецкимъ игомъ. Въ составленіи союза противъ враговъ имени Христова Петръ видѣлъ цѣль своей поѣздки въ

Европу и, исполненный надеждъ, писалъ патріарху, что онъ «по слову Божію къ праотцу Адаму трудится въ потѣ лица своего» ради того, чтобы добиться морского пути и, побѣдивъ враговъ Христовыхъ, освободить народы христіанскіе, страдающіе подъ игомъ невѣрныхъ. Это была неисполнимая мечта, но немудрено было обмануться молодому, не испытавшему жизни человѣку въ готовности голландцевъ вступить въ союзъ, когда онъ видѣлъ къ себѣ съ ихъ стороны не только предусмотрительность, но почти угодливость; немудрено было надѣяться на союзъ съ Англіей и Швеціей, когда король англійскій Вильгельмъ III прислалъ ему въ подарокъ прелестную яхту чудной работы и чуднаго хода, когда король Швеціи Карлъ XII (будущій врагъ) прислалъ для Азовскаго флота 300 прекрасныхъ пушекъ. Всѣ эти знаки вниманія и вѣжливости молодой, тогда неопытный царь принималъ какъ ясные признаки участія къ его призыву на общую борьбу съ невѣрными. Но на дѣлѣ помощи никто не оказывалъ и не хотѣлъ оказать.

Когда уполномоченные послы государя обратились къ купцамъ-правителямъ[1] съ просьбою оказать поддержку великому дѣлу борьбы съ общехристіанскимъ врагомъ — турками, разсчетливые коммерсанты отвѣтили отказомъ, такъ какъ боялись разсердить султана своимъ союзомъ съ Петромъ и тѣмъ повредить своей торговлѣ. Правители, правда, позволили нанимать въ Голландіи мореходовъ и мастеровъ, позволили покупать оружіе и всякаго рода корабельные припасы; но это было далеко не то, о чемъ мечталъ юный царь, впервые получившій тутъ уроки политической хитрости.

Разочарованіе въ знаніяхъ голландцевъ по кораблестроенію.

Тяжелое разочарованіе переживалъ въ это время Петръ и въ другомъ отношеніи: его упорные труды не дали ему тѣхъ знаній, къ которымъ онъ стремился, не дали ему теоретическаго знанія корабельнаго дѣла, тѣхъ руководящихъ правилъ, по которымъ можно было бы строить суда любыхъ размѣровъ, зная пропорціональное соотношеніе всѣхъ частей корабля.

«Тогда (писалъ впослѣдствіи царь собственноручно въ предисловіи къ Морскому Регламенту) зѣло ему стало противно, что такой длинный путь для сего воспріялъ, а желаемаго конца не достигъ. И по нѣсколькихъ дняхъ приключилось ему быть на загородномъ дворѣ купца Яна Тессина, гдѣ сидѣлъ въ компаніи гораздо невеселъ, ради вышеописанной причины. Но на томъ же пиру его печаль въ радость обратилась».

---

[1] Голландія была республикой, и управляли ею выборные отъ народа, по преимуществу богатые купцы.

Отъ одного англичанина, бывшаго на пиру, Петръ узналъ, что корабельная архитектура прекрасно извѣстна въ Англіи. Царь тотчасъ поспѣшилъ туда, чтобы закончить изученіе мастерства, и эта цѣль была имъ достигнута въ 4 мѣсяца послѣ упорныхъ трудовъ. Впослѣдствіи Петръ говорилъ, что если бы не поучился въ Англіи, то навѣки остался бы простымъ плотникомъ и никогда не вышелъ бы въ мастера.

Пребываніе въ Англіи.

Въ Англіи встрѣтили его прекрасно: король подарилъ ему еще яхту чудной работы, и доступъ ему былъ открытъ всюду, такъ что онъ бывалъ и въ парламентѣ, и на торжественныхъ богослуженіяхъ, и въ арсеналахъ, и на монетномъ дворѣ, всюду, налету схватывая самое интересное, усваивая самое существенное. Но никакія увеселенія, никакія театральныя представленія и удовольствія не могли отвлечь его отъ главнаго и, какъ бы поздно ни возвращался онъ въ отведенный ему домъ въ Депфортѣ (домъ этотъ заднею стороною своею прилегалъ къ верфи, такъ что государь прямо дворомъ проходилъ на работу), раннимъ утромъ онъ уже всегда былъ на верфи и работалъ до вечера, но уже не топоромъ, а циркулемъ, изучая теорію кораблестроенія. Изучилъ Петръ въ Англіи и монетное дѣло, такъ какъ литье монетъ въ Россіи было поставлено очень плохо, и государь, желая улучшить это дѣло, считалъ нужнымъ изучить его подробно.

Пробывъ въ Англіи четыре мѣсяца съ половиной, до тонкости изучивъ науку кораблестроенія и основательно ознакомившись съ монетнымъ дѣломъ, государь послѣ самаго сердечнаго прощанія съ англійскимъ королемъ, вернулся въ Голландію, надѣясь теперь достигнуть своей завѣтной цѣли — составить общехристіанскій союзъ противъ турокъ. Но тотчасъ же по пріѣздѣ онъ узналъ, что его главный союзникъ императоръ германскій, ведетъ уже переговоры о мирѣ съ султаномъ, и ведутся эти переговоры при содѣйствіи короля англійскаго и голландскихъ посланниковъ.

Разочарованіе въ надеждахъ устроить общехристіанскій союзъ противъ турокъ.

Жестоко обманулся въ своихъ надеждахъ юный государь. Понялъ онъ, что дѣло примиренія устраивается ради того, чтобы дать возможность Англіи, Австріи и Голландіи дѣйствовать сообща противъ ихъ общаго врага, короля французскаго Людовика XIV, понялъ также, что въ преслѣдованіи своихъ личныхъ цѣлей всѣ эти искусные политики оставятъ безъ всякаго вниманія интересы всѣхъ христіанъ вообще и постараются даже вовлечь султана въ борьбу съ Россіею и Польшей, чтобы самимъ безопаснѣе дѣйствовать на свободѣ.

Петръ, однако, не растерялся, не палъ духомъ, а рѣшился, нимало не медля, ѣхать вмѣстѣ со своимъ великимъ посольствомъ къ импера-

тору Леопольду II и личными переговорами сколько-нибудь поправить дѣло, — по крайней мѣрѣ, настоять, чтобы въ мирный договоръ внесено было условіе закрѣпить за Россіею Азовское море.

Путешествіе въ Вѣну.

Путешествуя на этотъ разъ въ общемъ составѣ великаго посольства, государь, тѣмъ не менѣе, не оставлялъ безъ вниманія ни одной достопримѣчательности, часто при перемѣнѣ лошадей бесѣдовалъ запросто съ рабочими и крестьянами, всматривался въ особенности ихъ жизни, тщательно записывая или приказывая записывать все сколько-нибудь

Русское посольство въ Вѣнѣ у императора Леопольда въ 1698 г.
(Съ современной гравюры.)

интересное въ свой «Юрналъ», т. е. журналъ, который велся во все время путешествія государя и по которому теперь можно прослѣдить каждый день жизни великаго путешественника. Въ іюнѣ добрались, наконецъ, до Вѣны, но тутъ, когда, казалось, достаточно было 2—3 свиданій государей, чтобы уладить дѣло великой важности и значенія, — пошли разговоры, споры и всякія препирательства о томъ, какъ въѣзжать посламъ въ Вѣну, сколько отрядовъ солдатъ будетъ выслано имъ навстрѣчу, въ какихъ каретахъ имъ ѣхать, въ какихъ платьяхъ представляться императору? Петръ довольствовался для себя ночлегомъ на

постояломъ дворѣ, въ простой корчмѣ, готовъ былъ ночевать хоть на сѣновалѣ, но для своихъ пословъ долженъ былъ требовать извѣстныхъ почестей, такъ какъ въ этомъ сказывалось отношеніе иностранцевъ къ его странѣ, къ его государству, которое для него было дороже собственной жизни, но на которое всѣ тогда смотрѣли свысока, едва признавая существованіе какой-то Московіи.

Церемоніи при Вѣнскомъ дворѣ.

Въ препирательствахъ о подробностяхъ пріема тратилось драгоцѣнное время, и, наконецъ, Петръ не выдержалъ — уѣхалъ впередъ, какъ частное лицо, поселился въ частномъ домѣ и чрезъ Лефорта сталъ просить личнаго свиданія съ императоромъ. Опять пошли переговоры, — гдѣ встрѣтиться государямъ, кому изъ нихъ поклониться первому, на какомъ языкѣ говорить, о чемъ говорить и т. д., и т. д. Наконецъ мудрые австрійскіе придворные рѣшили трудный вопросъ: рѣшили, что императоръ приметъ Петра въ своемъ загородномъ дворцѣ, въ столовой — галлереѣ съ девятью окнами по обѣимъ сторонамъ, что встрѣтиться они должны ровно на срединѣ у пятаго окна, что войдутъ въ галлерею съ разныхъ концовъ, но одновременно и будутъ сидѣть въ шляпахъ, чтобы не уронить другъ передъ другомъ своего высокаго достоинства.

Петръ согласился на всѣ эти постановленія — и нарушилъ весь установленный этикетъ: какъ только онъ увидѣлъ императора, такъ поспѣшилъ къ нему навстрѣчу и, перейдя два лишнихъ окна, встрѣтился съ нимъ не у 5, а у 7 окна, а при встрѣчѣ вмѣсто совершенія установленныхъ поклоновъ просто обнялъ и поцѣловалъ императора; усѣвшись же, снялъ по привычкѣ шляпу, чему принужденъ былъ послѣдовать и Леопольдъ, такъ что, вопреки установленному договору, оба бесѣдовали съ непокрытыми головами.

Переговоры съ цесаремъ и результаты ихъ.

Разговоръ длился не больше четверти часа; о чемъ онъ велся — осталось неизвѣстно въ точности, такъ какъ члены императорской свиты должны были стоять въ отдаленіи, а Лефортъ, служившій переводчикомъ, говорилъ очень тихо; но, должно быть, государь очень горячо настаивалъ на необходимости знать договорныя статьи предполагаемаго мира съ Турціей и получилъ согласіе на это, потому что вскорѣ послѣ этого Петръ имѣлъ свиданіе съ имперскимъ канцлеромъ Кинскимъ и такъ умѣлъ убѣдить его въ необходимости повременить миромъ, что императоръ далъ торжественное слово не заключать мира безъ соглашенія съ русскимъ царемъ и обѣщалъ горячо отстаивать всѣ интересы русскихъ при переговорахъ съ турками.

Послѣ такого торжественнаго обѣщанія царь успокоился. Въ честь него былъ данъ рядъ самыхъ торжественныхъ празднествъ. «Но

шумъ морскихъ волнъ былъ для него плѣнительнѣе императорскихъ серенадъ, и онъ спѣшилъ въ Венецію, чтобы взглянуть на ея славныя галеры». Въ Венеціи Петръ надѣялся закончить намѣченный имъ курсъ кораблестроенія изученіемъ постройки галеръ, т. е. гребныхъ судовъ, и, торопясь къ дѣлу, рѣшилъ выѣхать изъ Вѣны, не дожидаясь торжественной аудіенціи, обѣщанной его посольству, а только запросто простился съ императорскимъ семействомъ.

Извѣстіе о новомъ стрѣлецкомъ бунтѣ и отъѣздъ въ Россію.

Все было готово къ отъѣзду; но въ то время, какъ Петръ прощался съ императоромъ, пришло отъ кесаря Ромодановскаго извѣстіе, что стрѣлецкіе полки возмутились, овладѣли пушками, боевыми снарядами и идутъ на Москву, что противъ нихъ готовится выступить генералъ Гордонъ и воевода Щеинъ.

Ужасно было впечатлѣніе, произведенное этимъ извѣстіемъ на государя: гнѣвъ, негодованіе, безпокойство боролись въ немъ, а надо было ото всѣхъ скрывать полученное горестное извѣстіе. Письмо Ромодановскаго было въ дорогѣ цѣлый мѣсяцъ, и что̀ произошло за это время — Петръ не зналъ: усмиренъ ли мятежъ, погибли ли вѣрные бояре на стрѣлецкихъ копьяхъ, остается ли Софія въ монастырѣ или верховодитъ государствомъ? Все было подъ сомнѣніемъ. Царь далъ строжайшій приказъ дѣйствовать строгостью и писалъ, что будетъ въ Москвѣ такъ скоро, «какъ и не чаете». Выѣхать онъ могъ только черезъ четыре дня, такъ какъ его послы необходимо должны были быть на прощальной аудіенціи у императора, но зато на другой же день послѣ пріема онъ поскакалъ въ Россію и, мѣняя лошадей на каждой станціи, въ пять сутокъ доѣхалъ до Кракова, гдѣ получилъ извѣстіе, что мятежъ усмиренъ. Тогда Петръ продолжалъ путь уже съ остановками и ровно черезъ мѣсяцъ по выѣздѣ изъ Вѣны пріѣхалъ въ Смоленскъ, а черезъ 5 дней — 25 августа 1698 года возвратился въ Москву, пробывъ въ путешествіи безъ малаго полтора года. Въ Москвѣ государь остался всего нѣсколько часовъ: проводилъ пословъ въ ихъ посольскій домъ, навѣстилъ кесаря Ромодановскаго и тотчасъ поспѣшилъ въ свое любимое Преображенское, не пожелавъ видѣть ни жены, ни сына.

Часть II.

Глава VIII.

Возвращеніе въ Москву и стрѣлецкій розыскъ.

Противоположность дѣлъ Петра и слуховъ о немъ въ Москвѣ. — Первое движеніе стрѣльцовъ и подстрекательства Софіи. — Настоящій бунтъ и скорое подавленіе его. — Переворотъ, совершившійся въ царѣ послѣ извѣстія о стрѣлецкомъ бунтѣ. — Первый разговоръ о войнѣ со шведами. — Требованіе брить бороду и носить нѣмецкое платье. — Причины, побудившія царя къ установленію брадобритія. — Казни стрѣльцовъ и постриженіе жены и сестеръ царя въ монастырь. — Настроеніе царя во время стрѣлецкаго розыска. — Взглядъ царя на свои обязанности. — Ужасная ошибка при подавленіи стрѣлецкаго бунта.

Противоположность дѣлъ Петра и слуховъ о немъ въ Москвѣ.

Въ то время какъ Петръ за границей, не давая себѣ отдыха, упорно трудился для возвеличенія своей родины, враги его въ Москвѣ распускали о немъ самые нелѣпые слухи; говорили, что онъ «предался нѣмцамъ» — «побасурманился», что царя вовсе извели въ Стеклянномъ городѣ, — подмѣнили его жидовиномъ, что «не истинный царь, а жидовинъ вернется въ Москву и вовсе не надо пускать его въ Кремль». Слухи шли съ Верху, т. е. изъ теремовъ, гдѣ старшія сестры царя, одушевляемыя Софіей и вѣчно недовольныя своею участью, мечтали о томъ, какъ бы вернуть Софіи ея власть, а вмѣстѣ съ нею достигнуть власти и самимъ. Поддерживалось неудовольствіе противъ царя, быть можетъ, несправедливыми поступками бояръ-правителей, но, какъ бы то ни было, никто кромѣ «своихъ» «новыхъ людей» не понималъ и не цѣнилъ дѣйствій царя, а, наоборотъ, были массы недовольныхъ. Изъ нихъ первыми были стрѣльцы, которые, вспоминая свое вольное мирное житье при прежнихъ царяхъ, тяготились трудной службой и явнымъ

нерасположеніемъ къ нимъ государя, который отдавалъ во всемъ преимущество своимъ преображенцамъ и семеновцамъ. Въ прежнее время стрѣльцы несли только сторожевую службу, посылались въ походы только лѣтомъ и то по очереди, могли заниматься торговлей и промыслами, а тутъ царь «погналъ ихъ» подъ Азовъ и тамъ ихъ много погибло; послѣ этого «чаяли» они домой вернуться «къ теплой печкѣ, къ жирнымъ щамъ», а ихъ оставили зимовать въ Азовѣ, заставили работать надъ постройкой новыхъ стѣнъ крѣпости, подчинили нѣмцамъ, для нихъ ненавистнымъ. Потомъ, какъ пришли на смѣну новые полки, отправили ихъ къ литовскимъ границамъ, гдѣ приходилось терпѣть «многую нужду».

Первое движеніе стрѣльцовъ и подстрекательства Софіи.

Въ мартѣ 1698 года стрѣльцы, въ числѣ 175 человѣкъ, покинули войско и явились въ Москву, говоря, что бѣжали отъ безкормицы, что хотятъ повидаться съ семьями; но пришли они больше затѣмъ, чтобы узнать новости московскія и попытаться вернуть прежніе порядки. Какъ только царевны узнали объ ихъ приходѣ, такъ съ Верху прислали имъ сказать, что теперь имъ худо, а какъ вернется царь, такъ еще хуже будетъ, такъ какъ царь вовсе побасурманился; что надо имъ избыть бѣду, всей силой явиться въ Москву и звать на царство царевну Софію. Передано было даже воззваніе Софіи, въ которомъ она писала: «Вѣстимо мнѣ, что вашихъ полковъ къ Москвѣ малое число, а вамъ бы быть къ Москвѣ всѣмъ четыремъ полкамъ и стать подъ Дѣвичьимъ монастыремъ таборомъ и бить челомъ мнѣ идти къ Москвѣ противъ прежняго на державство; а если бы солдаты, кои стоятъ у монастыря, къ Москвѣ пускать не стали, и съ ними бы управиться, ихъ побить и къ Москвѣ быть, а кто бы не сталъ пускать съ людьми своими или съ солдаты — и вамъ чинить съ ними бой». Распустили даже слухъ, что царь умеръ, что бояре хотятъ извести царевича Алексѣя, и что «надо постоять за царскій корень».

Настоящій бунтъ и скорое подавленіе его.

Подѣйствовали злыя подстрекательства, и въ іюнѣ мѣсяцѣ стрѣлецкіе полки, стоявшіе на литовской границѣ, въ числѣ 2 200 человѣкъ, дѣйствительно двинулись къ Москвѣ, грозя «тряхнуть стариной». Ближайшіе начальники, испуганные грознымъ движеніемъ, бѣжали; перетрусили и бояре-правители и даже всѣ жители московскіе, вспоминая грозные дни перваго стрѣлецкаго бунта, представляя заранѣе тѣ ужасы, которые учинятъ озлобленные бунтовщики, если имъ удастся одержать побѣду. Бояре-правители рѣшили выслать навстрѣчу бунтующимъ регулярныя войска подъ начальствомъ генерала Гордона и боярина Шеина. Встрѣча произошла на полѣ у Дѣвичьяго монастыря и довольно

было двухъ выстрѣловъ картечью, чтобы нестройныя толпы стрѣльцовъ были разсѣяны. Тогда главные зачинщики были схвачены, казнены или сосланы въ заточеніе «подъ крѣпкіе караулы». По обычаю того жестокаго времени схваченныхъ допрашивали подъ пыткою — кто подстрекалъ ихъ къ возмущенію; но любовь стрѣльцовъ къ царевнѣ Софіи была такъ велика, что никто изъ нихъ не выдалъ участія ея, и бояре, ограничившись поверхностнымъ розыскомъ, прекратили дѣло.

Переворотъ, совершившійся въ царѣ послѣ извѣстія о стрѣлецкомъ бунтѣ.

Всѣ успокоились. Не могъ успокоиться только Петръ. Много тяжелыхъ испытаній перенесъ онъ еще въ дѣтствѣ, много горя пришлось ему пережить впослѣдствіи, но едва ли не самое тяжелое перенесъ онъ во время своего внезапнаго, поспѣшнаго возвращенія изъ за границы, едва ли не этимъ ужаснымъ потрясеніемъ объясняются тѣ вспышки жестокости, которыя омрачали съ тѣхъ поръ великія дѣла великаго царя.

Пять сутокъ бѣшеной гонки, пять сутокъ ѣзды безъ отдыха, безъ передышки до Кракова многаго стоили государю. Что̀ перечувствовалъ, что̀ передумалъ онъ въ это время — осталось вѣдомо одному ему, но можно угадывать, что мысли были тяжелы и мрачны, что онъ вспомнилъ все пережитое въ дѣтствѣ: и слезы матери, и муки дяди, и дерзость сестры Софіи, и свое безпризорное дѣтство, и невозможность учиться, несмотря на всю жажду знанія. Передумалъ онъ, что видѣлъ въ Европѣ, чего хотѣлъ для своей родины; понялъ, какая тяжелая, упорная борьба ждетъ его впереди, понялъ, что ему необходимо овладѣть моремъ, чтобы выдвинуть свой народъ и доставить родинѣ почетное положеніе среди европейскихъ державъ, понялъ, что остается одинъ противъ турокъ, что одному ихъ не одолѣть, что надо добиваться другого моря, что надо искать новыхъ союзниковъ и дѣйствовать не попрежнему, а тоньше, политичнѣе, издалека.

Первый разговоръ о войнѣ со шведами.

Въ маленькомъ мѣстечкѣ Галиціи, Равѣ, встрѣтился царь съ поставленнымъ имъ королемъ польскимъ Августомъ II и провелъ съ нимъ трое сутокъ, дѣлая смотры войскамъ, присутствуя на потѣшныхъ бояхъ, при чемъ, не забывая дѣла, сказалъ королю, что надо имъ помочь другъ другу въ борьбѣ со Швеціей. И дали они въ томъ другъ другу слово безъ письменнаго договора.

Требованіе брить бороду и носить нѣмецкое платье.

На другой день по возвращеніи царя изъ-за границы къ нему, въ село Преображенское, явились съ привѣтомъ и простые, и знатные люди, и бояре, и люди торговые, — посадскіе и купцы; всѣхъ онъ привѣтствовалъ ласково, не допускалъ до челобитья, обнималъ и цѣловалъ,

но тутъ же какъ бы «въ шутку» обрѣзалъ бороды боярамъ, не тронулъ только двухъ самыхъ заслуженныхъ старыхъ бояръ. Ужасную шутку сшутилъ тутъ царь, — поистинѣ ужасную! Чтобы понять все ея значеніе, надо узнать, какъ смотрѣли русскіе бояре на бороду, какое значеніе ей придавали. Въ бородѣ они видѣли свое отличіе отъ иноземцевъ-еретиковъ, считали, что «бритье бороды дѣло дьявольское, еретическое, уподобляющее людей псамъ и котамъ»; за бритье бороды духовенство отлучало отъ церкви, предавало проклятію, какъ за грѣхъ смертный, и лишало причастія. И это-то «дѣйство дьявольское», очевидно, желалъ ввести царь своей шуткой. Черезъ нѣсколько дней на пиру у Шейна большинство бояръ, уразумѣвшихъ въ шуткѣ дѣло, явилось уже бритыми; недогадливымъ подстригалъ бороды шутъ царскій, при чемъ обрѣзывалъ полы кафтановъ и рукава широкихъ охабней. Сказалъ тутъ же на пиру царь, что всѣмъ надо носить платье нѣмецкое, и привыкшіе къ повиновенію бояре перерядились иноземцами. Повидимому, дѣло совершилось скоро, безобидно и просто, но такъ только казалось. На самомъ дѣлѣ царь и подданные стали во враждебное отношеніе другъ къ другу. Скоро послѣдовалъ строгій указъ уже для всѣхъ сословій, кромѣ крестьянъ и духовенства, носить нѣмецкое платье и брить бороды. Это привело народъ не только въ смущеніе, но и въ негодованіе. Царь, одной шуткой, однимъ взмахомъ пера переряжая «своихъ» въ иноземцевъ, бросалъ тѣмъ вызовъ всей старинѣ, всему прошлому, какъ бы говоря: «вы попрекали меня брадобритіемъ, называли еретикомъ — будьте же всѣ по облику нѣмцы-еретики». И бѣдные подданные, видѣвшіе въ брадобритіи «печать антихристову», серьезно спрашивали у своихъ духовниковъ, что «лучше и честнѣе есть — брады ли лишиться или головы не жалѣть для ея сохраненія?». Самые ближніе и покорные изъ бояръ, въ угоду царю сбрившіе бороды, зашивали ихъ въ ладонки, носили эти ладонки на груди и завѣщали своимъ роднымъ класть ихъ съ собою въ гробъ, чтобы на Страшномъ Судѣ передъ Господомъ доказать, что не своею волею, а царскимъ повелѣніемъ лишились они своей бороды, «сего Богомъ дарованнаго украшенія».

Причины, побудившія царя къ установленію брадобритія.

Для насъ теперь кажется страннымъ такое пристрастіе къ старинѣ и такое упорное преслѣдованіе внѣшнихъ знаковъ ея со стороны Петра. Невольно возникаетъ вопросъ:

Было ли это только заблужденіе съ его стороны, излишняя придирчивость, упрямство?

Нѣтъ, конечно, нѣтъ! Хоть и грубы были пріемы царской «шутки», но онъ долженъ былъ начать съ внѣшности, долженъ былъ

сравнять своихъ съ чужими по внѣшнему виду, если хотѣлъ, чтобы науки и искусства стали безпрепятственно развиваться въ Россіи. Онъ видѣлъ, что «по одеждѣ встрѣчаютъ», что даже умъ показать трудно тому, кого плохо встрѣтили по одеждѣ, и хотѣлъ эту трудность удалить съ пути «своихъ», хотѣлъ уничтожить излишнюю роскошь, ввести простоту одежды, какъ и простоту обращенія, а, главное, хотѣлъ уничтожить предубѣжденіе противъ нѣмцевъ, сравнявъ нашихъ съ ними по одеждѣ и внѣшнему облику. Но, конечно, это понятно намъ только теперь, а тогда всѣ распоряженія царя вызывали ужасъ и негодованіе, тѣмъ болѣе, что тотчасъ по пріѣздѣ онъ занялся стрѣлецкимъ дѣломъ и поразилъ всѣхъ своей жестокостью при казни виновныхъ.

Въ самый день пріѣзда онъ потребовалъ всѣ записи допросовъ и остался очень недоволенъ мягкостью розыска. Съ ужасомъ и негодованіемъ читалъ онъ показанія виновныхъ и небывалыя розсказни о самомъ себѣ, видѣлъ тутъ злой умыселъ враговъ своихъ и непремѣнно хотѣлъ добраться до корня дѣла. Вслѣдствіе этого начались по тюрьмамъ и застѣнкамъ страшныя пытки, на которыхъ присутствовалъ самъ государь. Стрѣльцы выдали царевну Софію. Дознался царь, что всему виною она и сестры ея, особенно царевна Маѳа, которая своими подстрекательствами побудила стрѣльцовъ двинуться на Москву; но понялъ онъ, что все это движеніе питалось и поддерживалось исконнымъ вѣковымъ невѣжествомъ, слѣпымъ предубѣжденіемъ противъ иноземцевъ, враждою къ тѣмъ нововведеніямъ, которыя онъ считалъ необходимыми, неизбѣжными для пользы врученнаго ему народа, и онъ задумалъ разомъ сломить сопротивленіе, устрашить всѣхъ примѣрно-жестокимъ наказаніемъ виновныхъ.

Казни стрѣльцовъ и постриженіе жены и сестеръ царя въ монастырь.

1698 30 сентября начались казни стрѣльцовъ и тянулись цѣлый мѣсяцъ, при чемъ казнено было 1 100 стрѣльцовъ; 300 изъ нихъ повѣшены были на кремлевскихъ стѣнахъ, 30 передъ самыми окнами царевны Софіи, притомъ съ челобитнями въ рукахъ, и пять мѣсяцевъ не велѣно было убирать трупы, заражавшіе воздухъ зловоніемъ. Всего же ужаснѣе было то, что царь самъ присутствовалъ на казняхъ и заставлялъ своихъ близкихъ рубить головы стрѣльцамъ. Царевна Софія и сестра ея Маѳа, какъ главныя виновницы бунта, были пострижены въ монахини подъ именемъ Сусанны и Маргариты, и къ нимъ приставленъ былъ строгій караулъ, такъ что видѣться съ сестрами и другъ съ другомъ имъ позволялось только въ Свѣтлое Христово Воскресенье. Еще раньше сестеръ удалена была въ монастырь жена государя Евдокія, которую онъ давно не любилъ, которою еще до путешествія за границу тяготился до такой

степени, что умолялъ изъ Лондона близкихъ людей — «Бога для» — уговорить ее постричься, а по возвращеніи изъ-за границы не пожелалъ вовсе видѣть.

Настроеніе царя во время стрѣлецкаго розыска.

Ужасенъ былъ царь въ своемъ гнѣвѣ, въ своей жестокости къ стрѣльцамъ и къ близкимъ своимъ, но страдалъ жестоко и самъ; всегда былъ мраченъ, легко приходилъ въ бѣшенство и тогда какъ бы забывалъ себя и все окружающее. Все въ Москвѣ тяжело, удручающе дѣйствовало на него; онъ пріѣхалъ съ твердымъ намѣреніемъ сблизить Россію съ Европой — его встрѣтилъ стрѣлецкій бунтъ; послѣ стройныхъ регулярныхъ войскъ Западной Европы онъ увидѣлъ нестройные, неповоротливые полки, которые плохо обучались въ его отсутствіи; вмѣсто подвижныхъ, оживленныхъ иностранцевъ, прельщавшихъ его своею ловкостью, передъ нимъ были степенные, малоподвижные, точно запеленутые въ длинныя одежды бояре, боявшіеся всякой борьбы, вѣчно стремившіеся къ покою и отдыху. Бояре эти были такъ беззастѣнчиво-невѣжественны, что, напримѣръ, одинъ изъ лучшихъ и довѣренныхъ людей царя, воевода Шеинъ, сталъ на пиру хвастаться, что въ своемъ полку производилъ въ чины не иначе какъ за деньги и хорошо поживился. Царь не повѣрилъ, думалъ, что это пустое вранье пьянаго человѣка, и тотчасъ, выйдя изъ-за стола, обратился съ разспросами къ солдатамъ и офицерамъ, державшимъ караулы, и узналъ, что все сказанное — правда. Царь въ ярости бросилъ шпагу на столъ, переломилъ ее и съ крикомъ: «такъ уничтожу я тебя и полкъ твой» бросился къ Шеину, готовый задушить его, а когда между нимъ и Шеиномъ кинулись Ромодановскій и Зотовъ, очень любимые имъ люди, онъ одного отбросилъ на полъ, другого полоснулъ кортикомъ такъ, что чуть не отрубилъ палецъ, и только новый его любимецъ, Меншиковъ, сумѣлъ отвести его въ сосѣднюю комнату и тамъ успокоить.

Взглядъ царя на свои обязанности.

Приступы гнѣва всегда кончались для Петра ужасающими головными болями, во время которыхъ онъ страдалъ жестоко, и для собственныхъ своихъ интересовъ, для сохраненія здоровья ему слѣдовало бы не такъ яростно преслѣдовать враговъ своего дѣла. Но онъ, увы! видѣлъ въ этомъ долгъ свой, обязанность по отношенію ввѣреннаго ему народа. И царь продолжалъ казнить стрѣльцовъ, а оставшихся или, вѣрнѣе, оставленныхъ въ живыхъ приказалъ сослать въ отдаленные города, поселить въ особыхъ слободахъ и не принимать сосланныхъ въ военную службу, такъ что войско стрѣлецкое перестало существовать. Открытое сопротивленіе было уничтожено. Но хорошо ли было это? Правильно ли поступилъ Петръ?

Утро стрѣлецкой казни.

(Картина В. И. Сурикова.)

Ужасная ошибка при подавленіи стрѣлецкаго бунта.

Работая за границей, «въ потѣ лица своего» изучая корабельное дѣло и увлекаясь иноземной наукой, царь ставилъ себѣ самую возвышенную цѣль: онъ мечталъ пробудить наукой свой талантливый, но дремлющій народъ, онъ думалъ вызвать его великія силы къ дѣлу и пріобщить его къ семьѣ европейскихъ народовъ, оторвавъ отъ ненавистной азіатчины, привитой намъ долгимъ татарскимъ игомъ.

Но, къ сожалѣнію, и самъ онъ былъ зараженъ этой азіатчиной не менѣе другихъ, поддался неумѣренному гнѣву и, кровавыми жестокими казнями истребляя (какъ онъ говорилъ) «злое сѣмя Милославскихъ», самъ сѣялъ злое, кровавое сѣмя, и «надъ Русскою землею тотъ посѣвъ взошелъ бѣдою». Потеряна была связь между царемъ и его народомъ, народомъ, ради котораго онъ работалъ, не щадя себя. «Чужимъ чужаникомъ» сталъ для народа его царь, не столько своимъ общеніемъ съ нѣмцами и еретиками, сколько своею жестокостью, допущенною имъ при пыткахъ и казняхъ стрѣлецкихъ. Послѣ этихъ казней народъ видѣлъ въ царѣ «злого ворога», «кровопійцу», говоря о немъ: «онъ по та[1] и не успокоится, пока крови не хлебнетъ», или «котораго дня царь и Ромодановскій крови изопьютъ, того дня они веселы, а котораго дня не изопьютъ, того дня имъ и хлѣбъ не ѣстся». Таковы были результаты жестокости въ подавленіи бунта, и смѣло можно сказать, что «надъ Русскою землею тотъ посѣвъ взошелъ бѣдою», но еще большею бѣдою, отравившею всѣ послѣдующіе годы жизни царя, взошелъ посѣвъ тотъ надъ царскою семьею.

Ужасы стрѣлецкихъ казней не могли не подѣйствовать на душу царскаго сына, маленькаго Алексѣя, который и безъ того былъ потрясенъ разлукою съ любимой матерью. Конечно, не видѣлъ онъ самыхъ казней, но разсказовъ о нихъ, навѣрно, наслушался довольно отъ всѣхъ окружающихъ, и жуткій страхъ передъ отцомъ — мучителемъ и карателемъ — навсегда остался въ сердцѣ царевича, навсегда сталъ стѣною между нимъ и грознымъ отцомъ.

Царевичу шелъ тогда 9-й годъ. Воспитанный подъ вліяніемъ матери, среди теремной замкнутой жизни, онъ, конечно, не сочувствовалъ нѣмцамъ «басурманамъ», которые, по словамъ матери, отвлекали отца отъ семейной жизни, и, такимъ образомъ, уже въ эти, почти младенческіе, годы сынъ являлся противникомъ отца. Между тѣмъ всѣ недовольные царемъ искали себѣ поддержки въ маленькомъ Алексѣѣ, въ будущемъ наслѣдникѣ и преемникѣ грознаго реформатора, и въ утѣшеніе себѣ говорили: «не одни стрѣльцы плачутъ, плачутъ и царскія сѣмена».

---

[1] По та — до тѣхъ поръ.

Такимъ образомъ, народъ, недовольный преобразованіями и преобразователемъ, утѣшалъ себя мыслью, что все непріятное будетъ длиться, только пока онъ живъ, а тамъ все перемѣнится, пойдетъ «по старому», «по бывалому». Эти мечты народа и тайнымъ и явнымъ путемъ доходили до царевича Алексѣя, были, надо думать, пріятны ему, и росъ онъ и развивался въ идеяхъ противоположныхъ идеямъ отца. Тяжелые плоды принесло это впослѣдствіи, а сѣменемъ была жестокость царя при подавленіи стрѣлецкаго бунта.

Глава IX.

Первыя реформы и миръ съ Турціей.

Успѣхи кумпанствъ и радость царя. — Столкновеніе государя съ епископомъ св. Митрофаномъ. — Извѣстіе о мирѣ между Германіею и Турціею. — Смерть Лефорта. — Твердость царя въ желаніи пробудить народъ. — Театръ и отмѣна затворничества женщинъ. — Бурмистерская палата. — Введеніе новой монеты. — Установленіе новаго лѣтосчисленія. — Намѣреніе преобразовать школы, открыть университетъ. — Напряженная работа по постройкѣ флота. — Поѣздка въ Керчь и впечатлѣніе, произведенное на турокъ. — Прибытіе посла въ Константинополь. — Переговоры о мирѣ. — Установленіе должности „блюстителя патріаршаго престола". — Отношеніе царя къ церкви.

Успѣхи кумпанствъ и радость царя.

Петръ считалъ долгомъ покарать противниковъ своего дѣла и ради этого отказывался отъ другихъ дѣлъ. Такъ, напримѣръ, горячо интересовали царя дѣла его кумпанствъ, объ успѣхахъ которыхъ ему писали еще въ Голландію, но, считая своею обязанностью покончить со стрѣльцами, онъ поѣхалъ въ Воронежъ только въ концѣ ноября, послѣ послѣдней стрѣлецкой казни. Ѣхалъ онъ съ тяжелымъ сомнѣніемъ и страхомъ, что и тутъ его предположенія не оправдаются; но успѣхи судостроенія успокоили его: передъ нимъ было 20 большихъ, хорошо оснащенныхъ, совсѣмъ готовыхъ кораблей и много мелкихъ судовъ, а на низовой, луговой сторонѣ было сооружено адмиралтейство съ царскими хоромами и обширными магазинами, которые были полны всякими корабельными припасами. Въ то же время прибыли изъ Голландіи и Англіи искусные мастера, и царь, нѣсколько успокоившись, писалъ что онъ «зѣло въ изрядномъ состояніи нашелъ и флотъ и магазеи», а потому надѣется увидѣть «плодъ трудовъ своихъ». Державный мастеръ тотчасъ принялся за работу. Работа кипѣла подъ высшимъ надсмотромъ царя, который торо-

пился приготовить флотъ къ слѣдующей веснѣ, чтобы вывести его въ море и тѣмъ заставить турокъ заключить выгодный для насъ миръ.

Столкновеніе государя съ епископомъ св. Митрофаномъ.

Около двухъ мѣсяцевъ пробылъ государь въ Воронежѣ, и въ это время произошло у него столкновеніе съ епископомъ святымъ Митрофаномъ — столкновеніе, въ которомъ и царь и святитель показали себя людьми достойными своего званія.

Епископъ Митрофанъ былъ однимъ изъ немногихъ духовныхъ лицъ, сочувствовавшихъ великому царю: онъ горячо привѣтствовалъ его благія начинанія, помогалъ изъ своихъ собственныхъ средствъ постройкѣ флота; объяснялъ народу значеніе царской поѣздки за границу и вообще понималъ великаго преобразователя, но не побоялся обличить его, когда счелъ это нужнымъ. Когда въ Воронежѣ приготовляли все къ пріѣзду царя, то у входа въ царскія палаты поставили весьма искусно сдѣланныя русскими токарями статуи Нептуна и Марса. Это доставило большое удовольствіе государю, но св. Митрофанъ нашелъ предосудительнымъ, что статуи языческихъ боговъ стоятъ предъ царскимъ жилищемъ, и смѣло заговорилъ объ этомъ съ придворными, осуждая ихъ за человѣкоугодіе и обличая въ язычествѣ. Рѣчи святителя передали государю, который былъ и такъ настроенъ болѣе чѣмъ мрачно; онъ вспылилъ и потребовалъ епископа къ себѣ. Тотъ отправился было, но при видѣ ненавистныхъ статуй вернулся обратно, заявивъ, что не переступитъ порога царскаго, пока не будутъ сняты «богомерзкія, соблазнъ порождающія статуи». Царь, услышавъ рѣзкое обличеніе, громогласно заявилъ: «дурацкія измышленія! Пусть готовится къ смерти сегодня же, если не хочетъ покориться волѣ государевой» и велѣлъ передать эти слова епископу. Только что были окончены ужасныя казни стрѣльцовъ, всѣ были подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ ихъ, и потому понятно, что всѣ лица, близкія епископу, пришли въ ужасъ и смятеніе, умоляли его уступить, явиться къ государю и тѣмъ смягчить гнѣвъ его. Безстрашный святитель, убѣжденный въ своей правотѣ, отвѣтилъ: «не боюсь смерти и готовъ принять ее отъ руки государя моего, но не умолчу объ ошибкахъ его и обличу грѣхъ его — иначе не былъ бы я слугою Царя Небеснаго, поставившаго меня пастыремъ церкви». Послѣ этого св. Митрофанъ сталъ готовиться къ смерти, исповѣдался, причастился, а потомъ приказалъ читать отходную и звонить въ монастырскіе колокола, какъ на погребеніе священниковъ. Печальный звонъ, раздавшійся по городу, встревожилъ всѣхъ жителей, не знавшихъ о столкновеніи государя съ епископомъ; всѣ спрашивали другъ друга, что это значитъ. Услыхалъ печальный звонъ и государь, возвратившійся съ работы въ адмиралтействѣ, и послалъ

тотчасъ же ближайшаго слугу къ св. Митрофану — узнать, что случилось. Посланный нашелъ епископа совершенно здоровымъ, а на вопросъ, что значитъ печальный звонъ, святитель отвѣтилъ: «Государь приказалъ мнѣ готовиться къ вечеру къ смерти, и я приготовляюсь къ ней, жду часа кончины моей, а звономъ церковнымъ прошу всѣхъ помолиться объ упокоеніи грѣшной души моей». Когда отвѣтъ этотъ былъ переданъ царю, онъ тотчасъ послалъ сказать епископу, чтобы тотъ ничего не боялся и прекратилъ перезвонъ, весь вечеръ былъ печаленъ, не пилъ ничего за ужиномъ, а на утро самъ пѣшкомъ отправился къ святителю, долго бесѣдовалъ съ нимъ, а по возвращеніи во дворецъ приказалъ убрать статуи, бывшія причиной столкновенія. Такимъ образомъ, Петръ, никому и никогда не уступавшій, уступилъ святому подвижнику, глубоко цѣня его великія достоинства. Слова правды и убѣжденія, безстрашіе правоты подѣйствовали на горячаго, необузданнаго, но благороднаго царя, вся жизнь котораго была упорнымъ трудомъ на пользу родины и рядомъ тяжелыхъ испытаній.

Извѣстіе о мирѣ между Германіей и Турціей.

Не успѣлъ Петръ пріѣхать въ Москву послѣ двухмѣсячной работы въ Воронежѣ, какъ узналъ, что австрійцы не только не поддержали нашихъ требованій во время переговоровъ съ турецкими послами, но поспѣшили заключить отдѣльный миръ съ турками, уговаривая сдѣлать то же самое венеціанцевъ и поляковъ, и мы остались безъ союзниковъ и помощи противъ страшной въ то время Порты. Надо было понизить свои требованія, ограничиться пріобрѣтеніемъ одного Азова, но и для этого надо было показать, что мы не страшимся войны, хотя бы и безъ союзниковъ, а, слѣдовательно, надо было торопиться постройкой флота, надо было вывести его въ Азовское море и показать силу его туркамъ. Надо было работать, вернуться въ Воронежъ, спѣшить, а дома оставался сынъ, который тосковалъ по матери, рвался къ ней; надо было бы отцу утѣшить его, подбодрить своей лаской, да некогда, некогда, работа не ждетъ! И забываетъ царь свое семейное горе въ работѣ для родины и возвращается въ Москву только на похороны своего дорогого друга Лефорта.

Смерть Лефорта.

Лефортъ скончался отъ гнилой горячки 2 марта 1699 года, послѣ 7 дней болѣзни, о которой не успѣли дать знать царю. Петръ былъ глубоко огорченъ, прискакалъ, какъ могъ скорѣе, въ Москву, приказалъ открыть гробъ, горько плакалъ надъ трупомъ, покрывалъ его поцѣлуями и, какъ говорятъ, воскликнулъ: «Друга моего не стало. Онъ одинъ былъ мнѣ вѣренъ. На кого теперь могу положиться?»

Похороны были торжественныя: государь самъ присутствовалъ на отпѣваніи и проповѣди въ лютеранской церкви, самъ несъ гробъ съ бли-

жайшими вельможами и самъ бросилъ первую горсть земли на гробъ, а потомъ былъ на поминальномъ обѣдѣ и утѣшалъ жену покойнаго. Но великому работнику некогда было горевать, некогда было предаваться тоскѣ, и на другой же день послѣ похоронъ онъ отправился въ Воронежъ на работу.

Твердость царя въ желаніи пробудить народъ.

Многіе надѣялись, что со смертью Лефорта царь прекратитъ свою преобразовательную дѣятельность, но онъ былъ такъ увѣренъ въ необходимости нововведеній, что, несмотря на повсемѣстный ропотъ, не оставилъ своего намѣренія пробудить народъ отъ вѣкового невѣжества и призвать всѣхъ къ труду и ученію. Нѣсколько успокоившись послѣ страшнаго стрѣлецкаго розыска среди упорныхъ трудовъ по сооруженію флота, Петръ сталъ вводить новые порядки путемъ мѣръ мелкихъ, но прямо ведущихъ къ намѣченной имъ цѣли просвѣщенія и пріобщенія своего народа къ порядкамъ европейскимъ.

Театръ и отмѣна затворничества женщинъ.

Видѣлъ царь, что общества и жизни общественной на Руси не существуетъ, что всѣ живутъ особнякомъ, сходятся только въ храмахъ и общенія другъ съ другомъ не имѣютъ; женщины прячутся въ теремахъ отъ мужчинъ, а мужчины бражничаютъ и грубѣютъ безъ добраго женскаго вліянія, и устроилъ въ Москвѣ новую «комедійную храмину», т. е. по-нашему театръ. Но это былъ не придворный театръ, какъ было при Алексѣѣ Михайловичѣ, когда на представленіяхъ могли присутствовать только бояре да князья; нѣтъ, Петръ сдѣлалъ театръ общедоступнымъ и *приказывалъ* (приказывалъ, потому что уговоры не помогали) являться туда и женщинамъ въ новыхъ заморскихъ платьяхъ, а не въ древнихъ тѣлогрѣяхъ и кикахъ, *приказывалъ* и боярамъ устраивать вечеринки-балы, на которые *должны были* являться и женщины и дѣвушки. Довольны были молодыя женщины, вырвавшіяся на волю, но старики говорили, что «это пустое дѣло, дѣйство дьявольское, которое только бѣса тѣшитъ». Самъ на себѣ испытавшій ужасъ подневольной женитьбы и жизни съ постылой женой, Петръ издалъ и другое постановленіе великой важности: постановленіе, чтобы женихъ и невѣста прежде свадьбы хоть нѣсколько узнали другъ друга, и потому было объявлено, чтобы между обрученіемъ и свадьбой проходило не меньше шести недѣль, во время которыхъ обрученные должны были видѣться возможно чаще, должны были лучше узнать другъ друга и имѣли право разойтись «безъ порухи другъ другу».

Такимъ образомъ, великій преобразователь сдѣлалъ первый шагъ къ освобожденію женщинъ отъ затвора, отъ безсмысленной жизни по теремамъ, внѣ общественной жизни.

Бурмистерская палата.

Видѣлъ онъ и другое великое зло въ своемъ государствѣ: полное подчиненіе трудящагося сословія купцовъ и ремесленниковъ произволу воеводъ и подьячихъ. И вотъ черезъ четыре мѣсяца по возвращеніи, устраиваетъ онъ для людей торговыхъ и промышленниковъ особую Бурмистерскую палату, съ тѣмъ, чтобы въ ней засѣдали выборные отъ городовъ и вели свое торговое и промышленное дѣло самостоятельно: они должны были сами собирать пошлины, сами давать разрѣшенія на открытіе торговъ и промысловъ и могли входить съ челобитнями о дѣлахъ своихъ къ самому государю, помимо всякихъ бояръ и приказовъ.

Введеніе новой монеты.

Для облегченія торговаго дѣла были установлены новыя мѣдныя монеты — подъ названіемъ денежекъ, полушекъ, полуполушекъ. Монеты круглыя, опрятныя замѣнили прежнія безобразныя копейки, которыя легко было обрѣзывать и поддѣлывать. Царь началъ съ мелкой размѣнной монеты, такъ какъ отъ недостатка этой монеты много терпѣлъ бѣднѣйшій классъ народа при покупкѣ мелкихъ вещей, и это было настолько необходимо, что противъ новой монеты не возставали и самые ярые хулители царя.

Установленіе новаго лѣтосчисленія.

Зато великое недоумѣніе и ропотъ вызвало распоряженіе, послѣдовавшее въ декабрѣ 1699 года о праздновании новаго года 1 января, вмѣсто 1 сентября, какъ водилось на Руси до того времени, и приказъ считать года съ Рождества Христова, а не съ сотворенія міра. Въ своемъ указѣ Петръ обстоятельно объяснялъ, почему надо совершить эту перемѣну, и, указывая на примѣръ единовѣрцевъ нашихъ — грековъ, болгаръ и сербовъ, выяснялъ, что спасеніе рода человѣческаго Христомъ Спасителемъ такъ важно, что всѣ народы христіанскіе «согласно лѣта свои счисляютъ отъ Рождества Христова осемь дней спустя, а потому день этотъ надлежитъ нарочито праздновать».

Самыя подробныя разъясненія не помогали; всѣ были въ недоумѣніи и говорили: «Какъ тому быть можетъ, чтобы честь года не съ міра сотворенія? Какъ тому быть можетъ, чтобы зимой новый годъ праздновать, когда Ева вскорѣ послѣ творенія міра яблоко вкусила, а кое же яблоко зимой взяти?» Въ народѣ и самое празднованіе новолѣтія и счисленіе лѣтъ съ Рождества Христова прямо ославили антихристовой затѣею; даже ближніе бояре выражали сомнѣніе въ возможности сотворенія міра зимой, и напрасно царь показывалъ имъ глобусъ и толковалъ, что у Бога на землѣ всѣ времена года «за единый разъ бываютъ», — всѣ только головами качали и, исполняя приказаніе государя, тайно все же держались прежнихъ порядковъ и справляли новолѣтіе 1 сентября.

Намѣреніе преобразовать школы, открыть университетъ.

При этомъ государь не переставалъ думать объ улучшеніи образованія въ Россіи: онъ говорилъ патріарху, что ему надо поднять образованіе среди духовенства; мечталъ даже объ открытіи въ Москвѣ университета, гдѣ бы «приготовляли людей, способныхъ къ службѣ военной и гражданской и къ искусству врачебному». Но мечты эти такъ и остались мечтами: не могъ уже старый дряхлый партіархъ заняться улучшеніемъ школъ, невозможно было въ то время и царю заняться этимъ важнымъ дѣломъ. Ему необходимо было торопиться постройкой флота, чтобы добиться желаемаго мира съ турками.

Напряженная работа по постройкѣ флота.

Въ Турціи шли смутные слухи, что царь готовитъ караванъ судовъ, но не давали вѣры этимъ слухамъ, тѣмъ болѣе, что ханъ Крымскій увѣрялъ всѣхъ, что если корабли и будутъ построены, то имъ все равно не пройти устьемъ Дона, и труды царя пропадутъ даромъ. Постройка цѣлаго флота на степной рѣкѣ, за тысячу верстъ отъ открытаго моря, была дѣломъ до того необычайнымъ, что даже изъ Австріи, Голландіи и Венеціи пріѣзжали любопытные посмотрѣть на великое дѣло царя; осматривая суда, даже соскабливали краску съ кораблей, чтобы посмотрѣть, изъ какого дерева они сдѣланы. Выстроено было 86 большихъ военныхъ судовъ, изъ которыхъ было 18 военныхъ кораблей, снабженныхъ пушками, по 36—46 пушекъ на каждомъ, и приготовлено было еще 500 струговъ, т. е. гребныхъ судовъ со всякимъ провіантомъ. Флотъ былъ очень внушительный и, выступивъ изъ Воронежа 27 апрѣля 1699 года, двигался по Дону хотя и медленно изъ осторожности, но безъ всякихъ приключеній, и 1 мая благополучно достигъ Азова, гдѣ государь порадовался постройкѣ новыхъ укрѣпленій и сталъ снаряжать своего посла Украинцева къ поѣздкѣ въ Константинополь.

Поѣздка въ Керчь и впечатлѣніе, произведенное на турокъ.

Петръ рѣшилъ отправить посла своего моремъ и, боясь, что его могутъ задержать въ Керчи, рѣшилъ самъ проводить его туда, чтобы «показать туркамъ свой новорожденный флотъ въ его новомъ, но уже грозномъ величіи» [1]. Для этого путешествія отобрано было 18 лучшихъ военныхъ судовъ, и передъ отправленіемъ въ море былъ сначала «учиненъ потѣшный бой», потомъ стали еще осматривать суда, и тутъ, по увѣренію вице-адмирала Крейса, «Его Величество изволилъ работать конопатою, долотомъ и рубанкомъ — быстрѣе и усерднѣе, чѣмъ самый искусный прирожденный плотникъ». Но интереснѣе и знаменательнѣе всего то, что, работая, какъ прирожденный плотникъ, царь въ то же время писалъ подробную инструкцію своему послу о томъ, какъ вести

[1] Слова историка Устрялова.

переговоры, чего добиваться отъ турокъ, какія уступки возможно сдѣлать и т. д. Въ 4 дня доѣхали отъ Таганрога до Керчи и, салютуя, т. е. стрѣляя изъ пушекъ, остановились въ виду города, чѣмъ привели въ ужасъ турецкаго пашу, который, вѣря хану Крымскому, никакъ не ожидалъ увидѣть русскій флотъ подъ стѣнами своей крѣпости. Испуганный паша спѣшилъ оказать «всякую ласку» нежданнымъ гостямъ, встрѣтилъ ихъ съ честью и спросилъ, для чего собрали такой большой караванъ. Когда ему сказали, что для проводовъ своего посла въ Константинополь, то паша отвѣтилъ, что ему не снести головы, если онъ пропуститъ посла моремъ, что для посла удобнѣе ѣхать сухимъ путемъ, что тогда для проводовъ его онъ назначитъ самую почетную свиту, а ѣхать Чернымъ моремъ опасно, такъ какъ оно коварно и бурно. Однако всѣ доводы паши ни къ чему не послужили; посолъ объявилъ, что долженъ исполнить волю своего государя, а если ему не дадутъ провожатыхъ, то онъ одинъ пустится въ море. Въ виду грознаго флота паша принужденъ былъ уступить: обѣщалъ пропустить нашъ корабль черезъ Керченскій проливъ, и тогда наши корабли вернулись обратно въ Таганрогъ. Во время стоянки подъ Керчью вице-адміралъ Крейсъ заѣзжалъ въ городъ подъ предлогомъ покупки кофе, и самъ царь былъ съ нимъ, но подъ видомъ шкипера одной яхты въ одеждѣ простого голландскаго плотника. По удаленіи эскадры паша сталъ дѣлать новыя задержки нашему послу, но, наконецъ, принужденъ былъ исполнить его желаніе, и, послѣ довольно опаснаго плаванія, 7 сентября нашъ корабль прибылъ въ Константинополь.

Прибытіе посла въ Константинополь.

Появленіе русскаго корабля въ водахъ Босфора произвело потрясающее впечатлѣніе на всѣхъ жителей города и даже на иностранныхъ пословъ; всѣ толпами спѣшили осмотрѣть нашъ корабль. Удостоилъ его своимъ посѣщеніемъ и самъ султанъ, при чемъ осматривалъ корабль самымъ тщательнымъ образомъ, измѣряли глубину его посадки въ водѣ, ощупывали паруса и снасти, соскабливали краску, чтобы узнать, изъ какого онъ дерева сдѣланъ. Дивились, страшились и разсказывали другъ другу такія подробности, какія могло изобрѣсти только напуганное воображеніе; говорили, что вслѣдъ за посланникомъ идетъ цѣлый флотъ, что самъ царь управляетъ имъ и, скрываясь въ ближайшей бухтѣ, ждетъ только знака, чтобы напасть на городъ.

Переговоры о мирѣ.

Всѣ эти разсказы производили сначала большое впечатлѣніе, и переговоры о мирѣ пошли было очень успѣшно; но по мѣрѣ того, какъ время уходило, а подъ стѣнами Константинополя никакого флота не являлось, усердіе турецкихъ чиновниковъ ослабѣвало; не помогали и дорогіе подарки, привезенные нашимъ посломъ, не устрашалъ болѣе и

видъ нашего прекраснаго корабля. Дѣло «волочили» безъ малаго годъ, придираясь къ мелочамъ и затягивая переговоры. Только послѣ почти годовыхъ споровъ дѣло уладилось, и подписанъ былъ обѣими сторонами мирный договоръ на 30 лѣтъ перемирія. Достигнуто было многое: Азовъ со всѣми новыми крѣпостями вокругъ него былъ закрѣпленъ за Россіею; совершенно уничтожено было унизительное обязательство давать «поминки» [1] крымскому хану, кромѣ того обѣщали срыть въ устьяхъ Днѣпра всѣ турецко-татарскія укрѣпленія, изъ которыхъ татары легко могли дѣлать набѣги на наши владѣнія; дозволено было русскимъ богомольцамъ посѣщать Іерусалимъ безъ всякой дани и обѣщано было ни въ чемъ не стѣснять русскихъ духовныхъ лицъ, живущихъ въ Оттоманской имперіи. Не удалось только нашему посланнику добиться права свободнаго плаванія на Черномъ морѣ, такъ какъ турки очень боялись допустить русскихъ къ этому морю и говорили, что «это можетъ случиться развѣ тогда, когда Турецкая имперія обратится вверхъ ногами». Государь не особенно настаивалъ на внесеніи этого пункта въ мирный договоръ, такъ какъ въ то время уже новыя заботы и новыя задачи поглощали всѣ его помыслы.

Установленіе должности „блюстителя патріаршаго престола“.

Одною изъ тяжелыхъ заботъ того времени былъ для царя вопросъ объ устройствѣ церкви, такъ какъ въ 1700 году скончался престарѣлый патріархъ Адріанъ, и очень трудно было рѣшить, кого назначить преемникомъ ему. Вопросъ о томъ, кому быть патріархомъ, глубоко заботилъ царя. Но какъ разъ въ это время Петръ получилъ отъ новаго прибыльщика Курбатова письмо съ предложеніемъ повременить избраніемъ патріарха, и эта мысль какъ нельзя болѣе понравилась царю, такъ какъ, благодаря ей, для него устранялись многія затрудненія. Велико было значеніе патріарха въ Россіи: онъ являлся вторымъ государемъ, отъ него зависѣло направленіе всей дѣятельности церкви, и страшно было государю назначить на этотъ постъ человѣка слабаго волею, который бы не могъ управиться съ тѣмъ броженіемъ умовъ, которое началось послѣ нововведеній Никона и еще усиливалось нововведеніями самого Петра; еще страшнѣе было назначить человѣка сильнаго волей, но мало сочувствующаго реформамъ царя, такъ какъ съ такимъ человѣкомъ пришлось бы вступить въ открытую борьбу. Потому-то государь горячо ухватился за мысль Курбатова назначить только «временнаго хранителя патріаршаго престола», который, не имѣя патріаршей власти, находился бы въ подчиненіи у государя и во всемъ долженъ былъ слушаться его указаній.

[1] Поминки — ежегодные, почетные подарки хану, почти дань, но подъ смягченнымъ названіемъ.

Отношеніе царя къ церкви.

Воззрѣнія государя на церковь и ея значеніе были самыя возвышенныя; онъ говорилъ: «надобно, чтобы духовныя лица могли вразумлять православный народъ въ истинахъ христіанскихъ и просвѣщать зловѣрцевъ и невѣдующихъ Творца Господа — татаръ, мордву, черемисовъ». Но ему хотѣлось видѣть въ духовныхъ лицахъ не противниковъ себѣ, а помощниковъ, разъясняющихъ народу значеніе его новыхъ мѣръ и требованій. Лучшимъ средствомъ для вразумленія и наставленія духовнаго, для искорененія предразсудковъ, онъ считалъ церковную проповѣдь и, не находя краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ среди московскаго духовенства, сталъ призывать на служеніе къ себѣ лучшихъ проповѣдниковъ изъ Кіева и одного изъ нихъ, Стефана Яворскаго, сдѣлалъ «блюстителемъ патріаршаго престола», чѣмъ опять вызвалъ неудовольствіе среди духовенства и народа, который видѣлъ въ этой замѣнѣ подлинной патріаршей власти «еретическую» неудобьсказаемую затѣю.

Царь старался не замѣчать того, что говорили про него, дѣлалъ то, что считалъ нужнымъ, и серьезно готовился къ борьбѣ со шведами для пріобрѣтенія ближайшаго къ Европѣ моря — Балтійскаго.

Глава X.

Приготовленія къ войнѣ со шведами.

Развитіе первой мысли Петра о союзѣ противъ Швеціи. — Дѣятельность Паткуля. — Взглядъ Паткуля на русскихъ и царя Петра. — Прибытіе тайнаго посольства. — Двуличіе Петра при переговорахъ со шведами. — Устроеніе регулярнаго войска. — Посольство въ Швецію. — Личность Карла XII и дѣтство его. — Поступки Карла въ ранней молодости. — Пробужденіе военныхъ талантовъ Карла XII. — Миръ съ Турціей и объявленіе войны Швеціи.

Развитіе первой мысли Петра о союзѣ противъ Швеціи.

Съ апрѣля 1699 года по іюнь 1700 года, т. е. болѣе года шли переговоры нашего посланника съ турками о заключеніи мира. Переговоры о прекращеніи войны велись открыто, извѣстны были всѣмъ, кто только интересовался этимъ вопросомъ, но въ то же самое время въ Москвѣ велись уже тайные переговоры о началѣ войны противъ шведовъ и мало-по-малу мысль объ этой войнѣ, мечты завоевать завѣтное для русскихъ Варяжское море всецѣло овладѣли душою царя.

Онъ самъ первый заговорилъ съ Станиславомъ-Августомъ, королемъ польскимъ и курфюрстомъ саксонскимъ, о составленіи союза противъ Швеціи. Мысль, брошенная имъ, не только не забылась, но пышно расцвѣла подъ вліяніемъ многихъ сложныхъ обстоятельствъ.

Швеція въ то время была однимъ изъ могущественнѣйшихъ государствъ Европы: она владѣла почти всѣми берегами Балтійскаго моря и Финскаго залива, отрѣзавъ доступъ къ морю и Россіи, и Саксоніи, и Бранденбургскому курфюршеству. Всѣ эти государства готовы были вступить въ борьбу со шведами, которые кромѣ того возстановили противъ себя собственныхъ подданныхъ — всѣхъ дворянъ Лифляндіи, гдѣ произвели редукцію, т. е. отобрали въ пользу короля отъ дворянъ всѣ земли, принадлежавшія имъ по старымъ договорнымъ грамотамъ.

Дѣятельность Паткуля.

Недовольныхъ противъ Швеціи было множество въ Лифляндіи, и особенно между ними выдѣлялся своимъ умомъ и талантомъ капитанъ фонъ-Паткуль, который, горячо отстаивая права лифляндскаго дворянства, возбудилъ такой гнѣвъ шведскаго короля, что приговоренъ былъ къ

Августъ король польскій и Саксоніи.
(Портретъ Сильфестера, грав. Ц. Вортманъ, 1723 г.)

смерти, бѣжалъ въ Швейцарію и поклялся всю жизнь положить на то, чтобы возвратить своимъ собратьямъ всѣ отнятыя у нихъ права и привилегіи. Зная, что въ Лифляндіи множество недовольныхъ шведскимъ владычествомъ, зная, что король Швеціи очень молодой и взбалмошный человѣкъ, Паткуль задумалъ освободить свою родину отъ шведскаго господства, передавъ ее въ подданство Польши съ тѣмъ условіемъ, чтобы

лифляндскимъ дворянамъ возвращены были всѣ утраченныя ими права и преимущества. Но онъ хорошо понималъ, что борьба съ могущественной Швеціей не подъ силу одному польскому королю, хотя бы и съ его саксонскими войсками, а потому предложилъ Станиславу-Августу войти въ союзъ съ королемъ датскимъ, курфюрстомъ бранденбургскимъ, которому важно было добыть гавани на Балтійскомъ морѣ, и съ царемъ русскимъ.

Взглядъ Паткуля на русскихъ и царя Петра.

На русскихъ Паткуль смотрѣлъ какъ на дикарей, какъ на людей низшихъ и писалъ: «должно обязать царя помогать Его Королевскому Величеству — деньгами и войскомъ, въ особенности пѣхотою, очень способною работать въ траншеяхъ и гибнуть подъ выстрѣлами непріятелей, чѣмъ сберегутся войска Его Королевскаго Величества, которыя можно будетъ употреблять только для прикрытія апрошей» [1]. Такимъ образомъ, Паткуль предоставлялъ царю Московскому и его войскамъ низшую, служебную роль, но въ то же время съ нѣкоторымъ страхомъ смотрѣлъ на самодержавнаго великана Московскаго и прибавлялъ: «Трактатомъ необходимо крѣпко связать руки этому могущественному союзнику, чтобы онъ не съѣлъ передъ нашими глазами обжареннаго нами куска, т. е. чтобы не завладѣлъ Лифляндіей, а для того должно выяснить, на какія земли могли предки его простирать свои справедливыя притязанія, и доказать исторіею и географіею, что онъ долженъ ограничиться Кареліей и Ингерманландіей [2], такъ какъ, если онъ захватитъ Нарву, то ему легко будетъ овладѣть и Эстляндіей и Лифляндіей».

Прибытіе тайнаго посольства.

Прельщенный увѣреніями Паткуля въ легкости побѣды, Станиславъ-Августъ поспѣшилъ заключить наступательный союзъ съ королемъ датскимъ и послалъ къ Петру тайное посольство, чтобы напомнить ему о его предложеніи дѣйствовать сообща противъ шведовъ, и предлагалъ составить письменный договоръ объ этомъ, прося — какъ можно скорѣе открыть военныя дѣйствія. Во главѣ посольства былъ посланъ генералъ Карновичъ, человѣкъ замѣчательнаго ума и всесторонне образованный, а вмѣстѣ съ нимъ, подъ чужимъ именемъ, пріѣхалъ и Паткуль. Оба они употребляли всѣ силы, чтобы побудить царя къ началу войны и вмѣстѣ съ тѣмъ указать ему тѣ границы, въ которыхъ имъ желательно было держать его.

Царь былъ такъ очарованъ необыкновеннымъ умомъ и выдающейся сердечностью Карновича, что сталъ мечтать о томъ, какъ бы воспитать сына своего Алексѣя въ его домѣ, подъ его руководствомъ, подъ вліяніемъ

---

[1] Апроши — или траншеи-подступы, рвы, канавы для скрытаго приближенія къ непріятелю.

[2] Ингерманландія — нынѣшняя Петербургская губернія.

простой, но образованной нѣмецкой семьи, и даже серьезно говорилъ объ этомъ съ самимъ Карновичемъ. Однако онъ не поддался внушеніямъ относительно роли своей въ будущей войнѣ со шведами и относительно этого думалъ «безъ шуму свою онъ думу».

Двуличіе Петра при переговорахъ со шведами.

Надо сказать, что тайное посольство курфюрста саксонскаго пріѣхало въ Москву въ сентябрѣ 1699 года какъ разъ въ то же время, когда пріѣхало туда торжественное посольство отъ молодого короля шведскаго Карла XII съ предложеніемъ возобновить мирные трактаты и подтвердить дружественный союзъ клятвою надъ крестомъ и евангеліемъ. Трудно было положеніе царя въ этомъ случаѣ: надо было скрыть отъ шведскихъ посланниковъ переговоры, ведущіеся противъ нихъ, и надо было, оставляя въ силѣ прежній договоръ съ ними, найти возможность нарушить его безъ обвиненія въ вѣроломствѣ. Задача эта блестяще была исполнена царемъ, получившимъ уроки политической хитрости при англійскомъ и вѣнскомъ дворѣ: переговоры съ уполномоченными Августа велись въ селѣ Преображенскомъ до такой степени тайно, что никто изъ иноземныхъ посланниковъ, кромѣ датскаго, которому тоже былъ предложенъ союзъ, не узналъ о веденіи ихъ. Кромѣ того были приняты мѣры, чтобы можно было найти поводъ къ нарушенію мирнаго договора. Послы шведскіе были приняты съ подобающей почестью, но, во-первыхъ, государь рѣшительно отказался подтверждать свои обѣщанія клятвой, а, во-вторыхъ, посламъ было объявлено, что Его Царское Величество и все Великое Посольство были оскорблены пріемомъ ихъ въ Ригѣ во время путешествія за границу, и потому царь требуетъ строгаго наказанія оскорбителя — коменданта города Риги Дальберга. Августу царь обѣщалъ союзъ и всякую помощь и войскомъ и деньгами на другой же день по заключеніи мира съ турками, но никакъ не раньше, такъ какъ хорошо сознавалъ невозможность вести двѣ войны сразу.

Устроеніе регулярнаго войска.

Сознавалъ онъ и трудность войны съ образованнымъ и сильнымъ народомъ и, не теряя времени, сталъ старательно приготовляться къ ней. Онъ рѣшилъ преобразовать свое войско «въ регулярное», т. е. постоянное, которое не распускалось бы по домамъ для сельскихъ работъ, какъ было до того времени въ Россіи, а всецѣло занялось бы службою и изученіемъ ратнаго, т. е. военнаго дѣла. Объявлено было взять въ солдаты съ 50 дворовъ по 1 человѣку, но брать преимущественно людей праздныхъ, наполнявшихъ монастыри и боярскіе дома подъ именемъ служекъ, конюховъ, боярскихъ холопей; кромѣ того призваны были «охотники», которыхъ явилось множество, такъ какъ крѣпостные, поступавшіе въ солдаты, освобождались отъ крѣпостной зависимости. Набралось до 40000

солдатъ, изъ которыхъ образовалось 29 полковъ пѣхотныхъ и 2 конныхъ; всѣ они были хорошо обмундированы и ежедневно учились ратному строю подъ личнымъ руководствомъ государя. Офицерами были приглашены поляки, нѣмцы и частью шведы, но скоро государь убѣдился въ ихъ небрежномъ отношеніи къ дѣлу и даже въ ихъ непригодности, такъ какъ одни были «гуляки великіе», а другіе, по донесенію Головина, «и за мушкетъ не умѣли взяться», и тогда царь велѣлъ вмѣсто иноземцевъ ставить въ «начальные люди» своихъ же царедворцевъ — стольниковъ, чашниковъ и другихъ. Они настолько оправдали довѣріе государя, что онъ съ восторгомъ говорилъ: «къ чему мнѣ тратить деньги на иноземцевъ, когда мои подданные сумѣютъ то же сдѣлать, что и они». Бодрый видъ новой арміи, сравнительно стройное движеніе солдатъ давали государю надежду на побѣду, а иностранцы, пріѣзжавшіе къ русскому двору, доносили своимъ государямъ, что удивлены успѣхами русскихъ, и эти отзывы безконечно радовали царя.

Посольство въ Швецію.

Въ силахъ своихъ подданныхъ царь былъ увѣренъ, но далеко не былъ увѣренъ въ согласіи турецкаго султана на миръ; напротивъ, онъ чуть не каждый день ждалъ новаго разрыва съ Турціей, думалъ, что ему придется направить свое новосозданное войско къ югу вмѣсто желаннаго сѣвера, а потому счелъ необходимымъ послать въ Швецію особое уполномоченное посольство для утвержденія прежнихъ трактатовъ и съ повтореніемъ требованія — дать царю московскому удовлетвореніе, или, какъ тогда говорили, «сатисфикацію», за нанесенныя ему въ Ригѣ обиды. Посольство было принято милостиво, но юный Карлъ не обратилъ никакого вниманія на требованіе царя московскаго относительно наказанія своего вѣрнаго слуги — рижскаго коменданта Дальберга и отвѣчалъ Петру въ такомъ тонѣ, какъ будто судилъ двухъ своихъ подданныхъ, обязанныхъ слушаться своего короля. Такой отвѣтъ былъ отчасти пріятенъ Петру, такъ какъ давалъ ему право дѣйствовать открыто противъ Швеціи, и онъ сталъ готовиться къ походу уже рѣшительно. При этомъ, однако, онъ руководился только собственными соображеніями, а никакъ не желаніями своихъ союзниковъ, которые хотѣли признать за нимъ только служебную роль, а за его людьми — одно право: умирать въ траншеяхъ ради выгоды нѣмцевъ и поляковъ. Царь желалъ вовсе не того для себя и своего народа, а потому задумалъ взять именно тотъ городъ, отъ котораго хотѣлъ отвлечь его Паткуль, — городъ Нарву, справедливо находя, что только захвативъ этотъ городъ да крѣпость Нотебургъ (прежній Орѣшекъ) у Ладожскаго озера, мы сможемъ свободно дѣйствовать на берегахъ Финскаго залива.

Союзники его приступили къ военнымъ дѣйствіямъ въ началѣ 1700 года — и довольно удачно. Датскій король заставилъ бѣжать своего врага герцога Гольштейнъ-Готорпскаго, а Августъ неожиданно, безъ объявленія войны вступилъ въ Ливонію, взялъ городъ Динамюнде и

Карлъ XII.

(Портретъ кисти художника Крафта.)

осадилъ Ригу. Не знали еще тогда союзники, въ какую долгую и упорную борьбу вступаютъ они, не знали и не понимали силъ своего противника.

Личность Карла XII и дѣтство его.

Карлъ XII вполнѣ былъ достоинъ своего великаго соперника Петра, и борьба, которую они вели между собою, была не только борьбою двухъ великихъ народовъ, но и двухъ замѣчательныхъ людей своего времени.

И въ Карлѣ рано обнаружились задатки недюжиннаго человѣка, сильнаго духомъ и настойчивостью, но рано же обнаружилась вся односторонность его дарованій, обращенныхъ исключительно на военное дѣло, тогда какъ Петръ уже въ дѣтствѣ проявлялъ удивительное разнообразіе въ своей дѣятельности.

Родился Карлъ въ 1682 году, — слѣдовательно, былъ ровно на 10 лѣтъ моложе Петра — и, въ противоположность Петру, провелъ счастливое дѣтство подъ руководствомъ матери и выбраннаго ею воспитателя, людей замѣчательнаго ума и образованія, которые всячески старались развить удивительныя способности мальчика и сдержать необузданныя выходки его храбрости, дурачества и упрямства. Рано обнаружились въ немъ эти качества, но вмѣстѣ съ ними проявлялось въ немъ удивительное благородство. Разъ, когда ему было года три, няня, выходя изъ комнаты, взяла съ него слово, что онъ не сойдетъ съ кресла, пока она не вернется, и почему-то замѣшкалась, а въ это время вошла королева, чтобы вести сына въ церковь, но ни просьбы, ни уговоры, ни угрозы наказаніемъ не могли заставить мальчика сойти съ мѣста до возвращенія няни, такъ какъ онъ все твердилъ, что долженъ сдержать слово.

Никакія науки, кромѣ военныхъ, не интересовали его, и понадобилось много усилій разумной матери, чтобы заставить его учиться латыни и французскому языку, къ чему приступилъ онъ только тогда, когда узналъ, что этими языками занимаются и короли другихъ странъ. Къ несчастью, въ 10 лѣтъ онъ лишился матери, и съ тѣхъ поръ воспитаніе его носило чисто случайный характеръ, такъ какъ отецъ, страстно любившій сына, ни въ чемъ ему не противорѣчилъ, и самъ, увлекаясь охотой, постоянно отрывалъ сына отъ серьезныхъ занятій для этой забавы, въ которой Карлъ выказывалъ чудеса безстрашія и отваги. Не исполнилось Карлу и 15 лѣтъ, какъ отецъ его умеръ, оставивъ его на попеченіи своей матери, назначивъ ее регентшей; но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ юный король по желанію народа былъ провозглашенъ самодержавнымъ правителемъ государства, и тогда уже не было больше удержу необузданному характеру и его выходкамъ, не предвѣщавшимъ, повидимому, ничего хорошаго.

Поступки Карла въ ранней молодости.

Онъ увлекался только удалью, только охотой да шалостями, которыя состояли, напримѣръ, въ томъ, что онъ съ герцогомъ Гольштинскимъ — женихомъ своей старшей сестры — выбивалъ чаши у разносившихъ ихъ пажей или, съ громкими пѣснями разъѣзжая по улицамъ, выбивалъ холостыми зарядами стекла въ окнахъ мирныхъ жителей своей столицы, или устраивалъ охоту на зайцевъ въ тронной залѣ своего дворца,

или приказывалъ приводить телятъ въ лучшіе свои покои и забавлялся, рубя имъ головы и стараясь возможно сильнѣе обагрить ихъ кровью стѣны комнаты. Народъ былъ въ отчаяніи отъ такого поведенія своего короля, но ни уговоры вельможъ, ни публичныя обличенія лучшихъ проповѣдниковъ не могли утишить необузданнаго нрава короля, который дошелъ до того, что во время одного пира, опьяненный виномъ, позволилъ себѣ дерзкую выходку противъ своей бабушки, которую очень любилъ и уважалъ. Оскорбленная королева тотчасъ оставила пиръ и рѣшила нѣсколько дней не видать внука, чтобы показать ему этимъ свой гнѣвъ. Молодой король не помнилъ ничего, что случилось за ужиномъ, но удивился, долго не видя бабушки, и спросилъ, что это значитъ. Ему объяснили причину, и это было для него какъ бы ударомъ грома, который сразу отрезвилъ молодого удальца, понявшаго всю вину свою. Тутъ Карлъ показалъ удивительную силу духа и поразительную выдержку: онъ тотчасъ отправился къ старой королевѣ, просилъ у нея извиненія въ своей дерзкой выходкѣ и затѣмъ, приказавъ подать себѣ вина, заявилъ, что пьетъ за ея здоровье свой послѣдній кубокъ вина, что, понявъ весь вредъ опьянѣнія, никогда больше не будетъ пить ничего, кромѣ воды. И дѣйствительно онъ никогда больше не пилъ вина, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда надо было согрѣться послѣ утомительныхъ переходовъ или непогоды. Сразу отказавшись отъ пировъ, вина и попоекъ, Карлъ съ жадностью принялся за изученіе военнаго дѣла, сооружалъ крѣпости, устраивалъ маневры, какъ нашъ Петръ, подвергалъ себя самымъ большимъ лишеніямъ, спалъ въ холщевой палаткѣ, завернувшись въ плащъ, нарочно оставался безъ пищи въ теченіе нѣсколькихъ дней и не оставлялъ только одного удовольствія — охоты.

Пробужденіе военныхъ талантовъ Карла XII.

Между тѣмъ противники Карла считали его попрежнему празднымъ гулякой, шалуномъ, совершенно не опаснымъ для нихъ. Король датскій двинулся противъ Гольштиніи и изгналъ оттуда друга и зятя Карла XII — герцога Фридриха, который обратился за помощью къ Карлу. Тотъ съ жаромъ отвѣтилъ: «Я буду вашимъ покровителемъ, хотя бы мнѣ это стоило короны», и велѣлъ своимъ войскамъ двинуться въ Гольштинію, а самъ съ прежнимъ увлеченіемъ предавался охотѣ. Онъ былъ на охотѣ за медвѣдями, когда пришло извѣстіе, что король Августъ — въ союзѣ съ датскимъ королемъ и осаждаетъ Ригу. Не смутился нисколько этимъ извѣстіемъ Карлъ, а, напротивъ, обрадовался, что ему представляется случай показать всѣмъ свою удаль, и, улыбаясь, сказалъ французскому посланнику, бывшему съ нимъ на охотѣ: «Скоро заставимъ мы короля Августа убраться во-свояси той же дорогой, которою они

пришли». Послѣ этого восемнадцатилѣтній герой продолжалъ охоту и, изловивъ сѣтями 14 огромнѣйшихъ медвѣдей, самъ помогалъ вязать ихъ и забавлялся ихъ дикимъ воемъ. Сенаторы и вообще всѣ ближайшіе вельможи короля совѣтовали ему повременить войной, уладить дѣло миромъ. Онъ ничего и слушать не хотѣлъ и задумалъ однимъ ударомъ уничтожить опасный для него союзъ датскаго и польскаго королей, еще не зная, что къ этому союзу примкнулъ и царь русскій, послы котораго въ то время были въ Швеціи для утвержденія прежнихъ мирныхъ договоровъ. Держа въ строгой тайнѣ задуманный имъ планъ, молодой король 13 апрѣля 1700 года простился съ бабушкой и двумя сестрами и, говоря, что ѣдетъ въ свой увеселительный дворецъ, ночью выѣхалъ изъ Стокгольма, но не на увеселительную прогулку какъ говорилъ, а на опасную войну, изъ которой уже не суждено было ему вернуться въ Стокгольмъ, какъ не суждено было увидѣть бабушку и сестеръ. Въ своемъ увеселительномъ замкѣ Ландскронѣ Карлъ собралъ войска, снарядилъ флотъ, переплылъ Зундъ, 25 іюня вступилъ въ Зеландію и явился подъ стѣнами Копенгагена съ угрозою разорить все, если король не помирится съ герцогомъ гольштинскимъ и не откажется отъ союза съ врагами Швеціи. Беззащитный король датскій былъ принужденъ согласиться на всѣ предъявленныя требованія, 8 августа былъ заключенъ договоръ, которымъ Карлъ избавился отъ опаснаго врага и могъ свободно дѣйствовать противъ короля Августа, который, между тѣмъ, безуспѣшно осаждалъ Ригу и настойчиво звалъ Петра себѣ на помощь — на открытое движеніе противъ шведовъ.

Миръ съ Турціей и объявленіе войны Швеціи.

Петръ самъ нетерпѣливо желалъ этого и, какъ только получилъ 8 августа извѣстіе о заключеніи желаннаго мира съ Турціей, такъ на другой же день сдѣлалъ распоряженіе о движеніи войскъ къ Финскому заливу и собственноручно написалъ объ этомъ Августу.

18 августа было всенародное церковное торжество и благодарственное молебствіе, вечеромъ былъ сожженъ «преизрядный фейерверкъ» по случаю заключенія мира съ Турціей, а на другой день, 19 августа, объявлена была война шведамъ. Въ объявленіи этомъ было сказано, что «война чинится за многія неправды шведскаго короля и для отмщенія учиненныхъ высокой персонѣ Государевой обидъ и безчестій, на которыя никакой сатисфикаціи отъ короля свейскаго получить царь не могъ».

Глава XI.

Первые два года Великой Сѣверной войны.

Походъ Петра на Нарву. — Неблагопріятныя условія, въ которыхъ были русскіе подъ Нарвой. — Пораженіе подъ Нарвой. — Торжество Карла. — Тяжелое положеніе Петра послѣ Нарвскаго пораженія. — Необычайная дѣятельность Петра послѣ пораженія подъ Нарвой. — Требованіе царя перейти въ наступленіе. — Первыя побѣды русскихъ надъ шведами. — Сказочный походъ Петра отъ Бѣлаго моря къ Ладогѣ. — Осада и взятіе Нотебурга. — Походъ на Ніеншанцъ. — Заботы царя о воспитаніи сына. — Дѣло Нейгебауера. — Приглашеніе новаго воспитателя и планъ воспитанія.

1700 г.

Походъ Петра на Нарву.

На другой день послѣ объявленія войны войска наши двинулись къ Нарвѣ черезъ Новгородъ и Псковъ, при чемъ царь участвовалъ въ походѣ опять подъ именемъ капитана бомбардирской роты Петра Михайлова и, по прибытіи къ мѣсту осады, сталъ подъ начало инженера, присланнаго королемъ Августомъ.

Неблагопріятныя условія, въ которыхъ были русскіе подъ Нарвой.

Дѣло сразу не наладилось: нѣмцу не нравились русскіе, а русскимъ — нѣмецъ-генералъ, и, по выраженію одного современника, «прямого порядка и ученія не было, мы имѣли лазутчиковъ и вѣдальцевъ и обо всемъ хорошо вѣдали, но руками никто не хотѣлъ приняться: ходили какъ кошки около горячей пищи, и никто не хотѣлъ пальцевъ ожечь». Подъ Нарвою собралось около 35—40 тысячъ войска, но оно было изнурено тяжелымъ походомъ и недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ, пушки оказались плохими, огнестрѣльныхъ снарядовъ было мало, и скоро пришлось прекратить бомбардировку города изъ-за недостатка въ бомбахъ и ядрахъ. Царь, привыкшій къ дѣйствіямъ рѣшительнымъ и поставленный въ необходимость только смотрѣть на совершающееся вокругъ него, выходилъ изъ себя. Получивъ извѣстіе о высадкѣ швед-

скаго короля на берегъ Рижскаго залива (въ Пернау), онъ поспѣшилъ въ Новгородъ, чтобы торопить подвозъ съѣстныхъ припасовъ и огнестрѣльнаго оружія. Въ ночь съ 17 на 18 ноября уѣхалъ Петръ изъ-подъ Нарвы, оставивъ свое войско подъ командою двухъ рекомендованныхъ ему генераловъ. Царь уѣхалъ довольно спокойно. Не зналъ онъ еще всей стремительности и быстроты Карла въ его нападеніяхъ, не зналъ его безумной отваги и не могъ ожидать его къ крѣпости раньше 4—5 дней, а между тѣмъ Карлъ явился къ Нарвѣ уже 19 ноября и, имѣя подъ своею командою всего 8 000 или 8 500 солдатъ, смѣло кинулся на сорокатысячное войско наше. Все благопріятствовало ему: лагерь нашъ, раскинутый на 7 верстъ, былъ мало укрѣпленъ, и легко было прорваться чрезъ малые ряды войска, его защищавшіе; войска, оставленныя царемъ подъ командою офицеровъ-иностранцевъ, мало довѣряли имъ и были изнурены недостаткомъ продовольствія, а къ этому прибавилась еще ужасная погода. Была метель и вьюга, съ острымъ порывистымъ вѣтромъ, который билъ прямо въ глаза русскимъ, такъ что имъ ничего не было видно и въ 20 шагахъ, тогда какъ непріятель видѣлъ ихъ ясно.

Пораженіе подъ Нарвой.

Благодаря общему тяжелому настроенію русскихъ, побѣда легко и быстро далась шведамъ: первыми обратились въ бѣгство конные полки Шереметьева, кинулись вплавь черезъ Нарову и тонули цѣлыми массами; за конницей бросились и пѣхотные полки. Съ громкими криками: «Нѣмцы измѣнили, нѣмцы выдали», побѣжали всѣ на мостъ, но тотъ обрушился, и тогда началось полное смятеніе: дисциплина исчезла, озлобленные солдаты били начальниковъ-иностранцевъ. Во время общаго переполоха и бѣгства устояли только два любимые полка государя — Преображенскій и Семеновскій; они огородились окопами и до самой ночи бились съ непріятелемъ, пугая шведовъ своей отчаянной отвагой. Устоялъ еще одинъ отрядъ, но вожди не имѣли возможности снестись другъ съ другомъ, не знали положенія дѣлъ и вступили въ переговоры со шведами, рѣшившись выдать и артиллерію. Карлъ объявилъ, что отпускаетъ солдатъ, сохранившихъ позиціи, съ оружіемъ въ рукахъ за ту храбрость, съ которою они дрались, и, точно, отпустилъ до 20 000 человѣкъ, но приказалъ захватить въ плѣнъ всѣхъ генераловъ, а также всѣ пушки и всѣхъ ранѣе бѣжавшихъ.

Торжество Карла.

Пораженіе русскихъ было полное, побѣда Карла несомнѣнная, и восторгу его не было конца: восторгъ опьянилъ его, окрылилъ на новые подвиги и заставилъ впослѣдствіи не довѣрять всѣмъ разсказамъ объ успѣхахъ Петра и русскихъ, которые при первой встрѣчѣ вызвали въ

немъ презрѣніе къ себѣ. Карлъ назвалъ наше войско «мужицкимъ» и говорилъ: «Нѣтъ никакого удовольствія биться съ русскими, потому что они не сопротивляются, какъ другіе, а бѣгутъ; если бы Нарова была покрыта льдомъ, то намъ едва ли удалось бы убить хоть одного человѣка, такъ они бѣжали. Лучшее зрѣлище было, когда русскіе взбѣжали на мостъ и мостъ подъ ними подломился: повсюду высовывались изъ воды головы людскія и конскія, руки и ноги. Наши стрѣляли ихъ, какъ дикихъ утокъ». При упрямствѣ Карла и нежеланіи слушать чьихъ-либо совѣтовъ, разъ составленное мнѣніе крѣпко засѣло въ его головѣ, и впослѣдствіи на всѣ извѣстія объ успѣхѣ русскихъ онъ только презрительно улыбался и пожималъ плечами. Зато всѣ силы своего военнаго генія направилъ онъ противъ Августа, который возбудилъ его негодованіе неправильнымъ начатіемъ войны безъ объявленія и безъ всякаго повода. Съ тѣхъ поръ задачей жизни Карла сдѣлалось побороть Августа, лишить его престола — однимъ словомъ, покончить съ нимъ, и онъ, къ великому благополучію Россіи, на 8 лѣтъ «увязъ въ Польшѣ», по выраженію Петра, и тѣмъ далъ возможность великому преобразователю поправить дѣло нарвскаго пораженія.

За границей побѣда Карла была встрѣчена съ великимъ торжествомъ. Восемнадцатилѣтнему побѣдителю воздавали всяческія похвалы, прославляли его въ стихахъ и въ прозѣ, сравнивая съ Александромъ Македонскимъ и Цезаремъ [1]. Въ честь его выбили медаль съ его изображеніемъ и надписями: на одной сторонѣ — «Истина превосходитъ вѣроятіе», на другой — «Наконецъ правое дѣло торжествуетъ».

Тяжелое положеніе Петра послѣ Нарвскаго пораженія.

Зато самыя ядовитыя насмѣшки посыпались изъ-за границы по адресу русскаго государя. Была между прочимъ выбита медаль, на которой былъ представленъ на первой сторонѣ царь Петръ, грѣющійся при огнѣ своихъ пушекъ, изъ которыхъ летятъ ядра на Нарву, и надпись, кощунственно сближающая царя съ апостоломъ Петромъ: «Бѣ же Петръ, стоя и грѣяся»; на другой сторонѣ были изображены русскіе, бѣгущіе изъ-подъ Нарвы, а во главѣ ихъ Петръ, который, уронивъ царскую шапку и шпагу, утираетъ слезы платкомъ, а кругомъ надпись: «исшедъ вонъ, плакася горько».

Свои домашніе внутренніе враги торжествовали тоже не мало, говоря, что «все сіе творится не инако, какъ Божьимъ судомъ надъ царемъ иновѣромъ, предавшимся нѣмцамъ». Положеніе Петра было

[1] Александръ Македонскій и Цезарь были великіе полководцы, жившіе въ древнее время, до Рождества Христова и прославившіеся великими побѣдами.

ужасное. Не стало артиллеріи, не осталось и половины войска, а уцѣлѣвшіе солдаты были лишены всякой энергіи и вѣры въ себя; лучшіе вожди уведены были въ плѣнъ, а новыхъ надо было одушевить на борьбу; кромѣ того, король, остановившійся невдалекѣ отъ Дерпта, могъ еще двинуться въ глубь Россіи — слѣдовательно, надо было готовиться къ достойной встрѣчѣ съ нимъ. Было отчего придти въ отчаяніе, пасть духомъ, спѣшить мирными переговорами съ грознымъ непріятелемъ, — но не таковъ былъ Петръ. У него въ минуты грозныхъ испытаній, какъ бы утраивались силы и, вездѣ и всюду являясь, вездѣ и всюду показывая примѣръ настойчивости, онъ умѣлъ поправить дѣло: упавшихъ духомъ подбодрить, лѣнивыхъ — понудить къ труду, нерадивыхъ — устрашить и никому не дать уснуть.

Необычайная дѣятельность Петра послѣ пораженія подъ Нарвой.

«Не осталось въ Россіи ни денегъ, ни пушекъ, ни войска, но остался Петръ, и онъ сумѣлъ въ нѣсколько мѣсяцевъ создать и войско, и артиллерію, и военачальниковъ», говоритъ историкъ Соловьевъ. Прежде всего слѣдовало укрѣпить ближайшіе города — Новгородъ и Псковъ, и вотъ государь указываетъ, какъ укрѣплять ихъ, какъ старыя обветшалыя деревянныя стѣны замѣнить новыми — земляными. Созываются на работу и старые, и малые, и женщины, и священники, и монахи, а царь, являясь то подъ Псковомъ, то подъ Новгородомъ, указываетъ, показываетъ, то самъ работаетъ лопатой, то составляетъ чертежи, то берется за топоръ и пилу. Нѣтъ войска — летятъ указы, призывающіе охочихъ людей на государеву службу, и къ концу весны набрано, обмундировано и обучено было десять полковъ 1 000 человѣкъ въ каждомъ, при чемъ царь, наученный опытомъ, строго слѣдилъ, чтобы каждый полкъ былъ снабженъ достаточнымъ количествомъ провіанта, чтобы не терпѣли солдаты ни отъ безкормицы, ни отъ недостатка оружія и огнестрѣльныхъ припасовъ. Нужно было создать артиллерію, а не было ни мѣди, ни желѣза, и Петръ издалъ приказъ отобрать въ монастыряхъ лишніе колокола и лить изъ нихъ пушки, а чуя, что такой указъ будетъ встрѣченъ враждебно, спѣшитъ объяснить его необходимость и пишетъ, что взялъ колокола только временно, потому что «зѣло надобно, ибо время нудное, яко смерть». Конечно, несмотря на всѣ объясненія, указъ государевъ возбудилъ недоумѣніе и ропотъ, но мѣра, имъ принятая, дала возможность возстановить ужасную потерю, понесенную подъ Нарвой, и менѣе чѣмъ въ годъ приготовлено было 300 пушекъ, куда лучшихъ, чѣмъ прежнія. Въ этотъ же годъ, роковой годъ Нарвскаго пораженія, собрано было 250 «робятъ», и основаны новыя школы артиллерійскаго и инженернаго дѣла въ добавленіе къ школѣ навигаціонной, основанной еще въ 1699 году.

Требованіе царя перейти въ наступленіе.

Понималъ Петръ, что бодрость духа — половина дѣла, и потому рѣшилъ не ограничиваться простой обороной, а непремѣнно перейти въ наступленіе, для чего черезъ двѣ недѣли послѣ Нарвскаго пораженія уже писалъ Шереметьеву: «Нег! понеже нельзя при несчастьи всего лишаться, того ради вамъ повелѣваемъ при взятомъ и начатомъ дѣлѣ быть, какъ прежде указывали, т. е. идти впередъ для лучшаго вреда непріятелю». Дѣло это казалось для русскихъ до того страшнымъ и труднымъ, что для исполненія его царь принужденъ былъ прибѣгать къ угрозамъ, принужденъ былъ грозить Шереметьеву, одному изъ лучшихъ довѣренныхъ людей своихъ, и писалъ въ томъ же письмѣ, что за ослушаніе онъ можетъ быть осужденъ на смерть.

Шереметьевъ послушался государева приказа и отправился въ Лифляндію, а государь поѣхалъ на свиданіе съ Августомъ, чтобы побудить его къ продолженію войны съ Карломъ, для чего понадобились новыя жертвы — приходилось помогать союзнику деньгами и войскомъ. Но не жалѣлъ государь ни того, ни другого, такъ какъ смотрѣлъ на войну какъ на трудную, но необходимую школу для своихъ малоопытныхъ, мало развитыхъ подданныхъ, и писалъ: «Надъ нашимъ войскомъ шведы побѣду учинили, что есть безспорно, но надлежитъ разумѣть, надъ какимъ войскомъ оную учинили — все сіе дѣло яко младенческое играніе было. Господа шведы побьютъ насъ можетъ быть еще и не разъ, но у нихъ же мы научимся и побѣждать ихъ».

Первыя побѣды русскихъ надъ шведами.

Такъ поддерживая упавшій духъ «своихъ», Петръ убѣдилъ всѣхъ въ необходимости продолжать войну. Въ 1701 году въ іюлѣ онъ былъ обрадованъ извѣстіемъ, что шведскіе корабли прогнаны отъ Архангельска, а въ декабрѣ Шереметьевъ одержалъ въ Лифляндіи побѣду надъ сильнымъ отрядомъ шведовъ, которыхъ пало 3 000 человѣкъ, да взято было въ плѣнъ 350 человѣкъ. Эта первая значительная побѣда надъ шведами была великою радостью для царя Петра.

«Возрадовались мы радостію веліею зѣло», писалъ онъ Шереметьеву и спѣшилъ возвѣстить о своей радости въ Москвѣ и колокольнымъ звономъ, и пушечной пальбой, и благодарственными молебнами во всѣхъ церквахъ, а побѣдителю послалъ свой портретъ, осыпанный брилліантами, и орденъ Андрея Первозваннаго, да кромѣ того произвелъ его въ фельдмаршалы. Но отдыха не далъ и повелѣлъ идти на шведскую землю и разорять Дерптскую область.

Шереметьевъ въ этотъ походъ нанесъ второе сильное пораженіе шведамъ (они потеряли болѣе 5 000 убитыми и всю артиллерію), а потомъ сталъ «изрядненько» гостить въ Лифляндіи, т. е. попросту

разорять ее, и такъ усердно исполнялъ это дѣло, что въ донесеніи писалъ государю: «Чиню тебѣ извѣстіе, что Всесильный Богъ и Пресвятая Богоматерь желаніе твое исполнили: больше того непріятельскія земли разорять нечего, все разорили и запустошили безъ остатку».

Сказочный походъ Петра отъ Бѣлаго моря до Ладоги.

Петру было «зѣло пріятно» усердіе вѣрнаго слуги, а самъ онъ все лѣто 1702 года провелъ въ Архангельскѣ въ постройкѣ судовъ и укрѣпленій города, такъ какъ былъ слухъ, что шведы посылаютъ сильный флотъ въ Бѣлое море къ Архангельску съ намѣреніемъ взять городъ и этимъ помѣшать нашей торговлѣ. Тяжелое, «нудное» время было тогда для Петра: приходилось воевать въ Лифляндіи, держать тамъ сильное войско, необходимо было приготовиться и къ защитѣ единственнаго нашего порта, а для этого не хватало ни людей, ни пушекъ. Пришлось волей-неволей брать съ иностранныхъ судовъ, голландскихъ, англійскихъ и гамбургскихъ, «излишнія» пушки, а излишними царь считалъ изъ 10 пушекъ три. И жаловались, и негодовали иноземцы, негодовали справедливо, но государю было не до ихъ ропота, когда время было трудное «яко смерть», когда шелъ вопросъ: быть или не быть его Россіи морскою державою? Все лѣто работалъ царь въ Архангельскѣ, какъ будто только для защиты его отъ «Свейскаго», но на самомъ дѣлѣ для болѣе важнаго и опаснаго предпріятія. Умѣя съ нобыкновенной легкостью осваиваться съ мѣстностью и схватывать географическія особенности края, Петръ рѣшилъ напасть на шведовъ съ той стороны, съ которой они никакъ ужъ не могли его ждать, а именно со стороны Ладожскаго озера. Но пробраться въ это озеро приходилось изъ Архангельска, и вотъ придумалъ царь «нѣкоторое ухищреніе» для добраго «докончанія дѣла». Это «ухищреніе» состояло въ рѣшимости вытащить на берегъ морскія суда и «индѣ» по рѣкамъ, «ииндѣ» по озерамъ, а «индѣ» и волокомъ протащить до Онего-озера (т. е. до Онежскаго озера), а тамъ по этому озеру и по рѣкѣ Свири доѣхать до озера Ладожскаго и напасть на крѣпость Нотебургъ, которая стояла при истокѣ Невы изъ Ладожскаго озера, на мѣстѣ старинной крѣпости Орѣшка.

Держа въ глубокой тайнѣ отъ враговъ задуманное имъ «нѣкоторое ухищреніе», онъ заранѣе готовился къ нему и еще въ началѣ лѣта 1702 года, во время постройки крѣпости подъ Архангельскомъ для защиты отъ шведовъ, послалъ въ селенье Нюхчу, находящееся на берегу Бѣлаго моря, сержанта Преображенскаго полка Щепотова съ наказомъ — сколь возможно въ тайности приготовить путь для войска и для судовъ, которыя предполагалось тащить мѣстами волокомъ. Щепотовъ работалъ по-петровски и въ дней 40—50 сдѣлалъ столько, что самъ царь

остался доволенъ: была сдѣлана широкая просѣка (на 238 верстъ) отъ берега Бѣлаго моря до рѣки Телекиной, впадающей въ Онежское озеро, и выстроено было пять мостовъ да приготовили «ямы», т. е. мѣста стоянокъ, черезъ каждыя 15—20 верстъ, потому что работа по перевозкѣ предстояла «адская», и надо было заранѣе заготовить припасы для кормежки народа, несшаго эту «адскую» работу. Какъ только получилъ царь въ концѣ іюля радостное извѣстіе, что шведы не будутъ къ Архангельску, что «на корабляхъ къ озеру идти можно», такъ тотчасъ снялся съ якоря, отправился къ деревнѣ Нюхчѣ и немедленно приступилъ къ трудному дѣлу перевозки судовъ и войска черезъ топи и болота, по рѣчкамъ и рѣчонкамъ, озерамъ и озеркамъ до Онежскаго озера. 17 августа началось движеніе, а 28-го царь уже отплылъ отъ устья рѣки Повѣчанки по Онежскому озеру. Работа была баснословно трудная и могла совершаться только благодаря примѣру Петра, который не зналъ устали, не видалъ покоя ни днемъ, ни ночью, который всюду поспѣвалъ, для всѣхъ служилъ примѣромъ, самъ и рубилъ, и пилилъ, и мостовины клалъ, и валики подстилалъ, подставлялъ собственную спину, чтобы не дать судну крениться на бокъ, и ѣлъ, и пилъ вмѣстѣ съ народомъ, и спалъ наравнѣ со всѣми на землѣ, умѣя всѣхъ подбодрить ласковымъ и шутливымъ словомъ. Зато людъ крестьянскій его не выдалъ, перенесъ тяготу небывалаго сказочнаго похода, и черезъ 10 дней послѣ выступленія изъ Нюхчи царскія суда достигли широкаго и привольнаго Онежскаго озера, откуда лежалъ уже широкій путь къ желаемой цѣли.

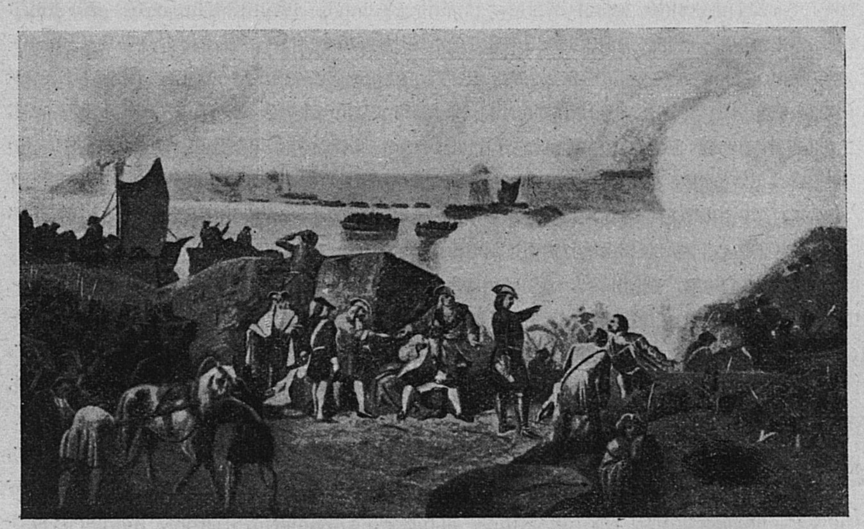
По дорогѣ Петръ встрѣтилъ еще много препятствій: пришлось ему въ самый день выѣзда въ озеро вернуться обратно, чтобы переждать страшную бурю; съ осторожностью пришлось плыть по рѣкѣ Свири, гдѣ, по словамъ мѣстныхъ жителей, были большіе пороги, и тогда царь самъ принялъ на себя роль лоцмана. Онъ шелъ передовымъ на небольшомъ карбасѣ, день и ночь стоялъ на носу и измѣрялъ лотомъ глубину рѣки, приготовляя путь слѣдовавшимъ за нимъ фрегатамъ. Какъ бы то ни было, но 3 сентября вся флотилія царская собралась у города Сермаксы, при устьѣ Свири, но двинуться далѣе долгое время не могли изъ-за страшной бури на Ладожскомъ озерѣ.

Осада и взятіе Нотебурга.

Надобно же было взять шведскій городъ Нотебургъ, защищавшій входъ въ Неву, нужную для входа въ открытое море. Крѣпость была небольшая, въ ней было не болѣе 450 человѣкъ войска, но болѣе 150 орудій и большіе запасы пороха. Потому царь приступилъ къ осадѣ не безъ страха и съ большими предосторожностями, не ранѣе прихода Шереметьева съ его войскомъ, въ ожиданіи котораго писалъ своему фельд-

маршалу: «Изволь, ваша милость, немедленно быть самъ неотложно въ Ладогу, зѣло нужно и безъ того инако быть не можетъ, чтобы сего Богомъ даннаго времени не потерять».

Чудомъ перенесенныя изъ Архангельска суда сосредоточены были около города Ладоги, и послѣ нагрузки ихъ огнестрѣльными припасами, заранѣе тамъ приготовленными, царь провелъ ихъ по Ладожскому озеру къ самому Нотебургу, тщательно скрывая ихъ отъ шведовъ. Когда же подошли войска Шереметьева, царь приказалъ сдѣлать просѣку версты въ 4 длины отъ Ладожскаго озера къ Невѣ и самъ, работая впереди,

Взятіе Нотебурга (Шлиссельбурга) 27 сентября 1703 года.
(Картина проф. Коцебу.)

такъ подбодрялъ всѣхъ, что въ сутки просѣка была готова. Черезъ нее перетащили заранѣе приготовленныя лодки, и ничего не ожидавшіе шведы съ недоумѣніемъ и съ испугомъ увидѣли 50 большихъ лодокъ и два фрегата ниже своей крѣпости по рѣкѣ Невѣ. Когда они убѣдились, что это русскіе ихъ перехитрили, то пришли въ уныніе, но рѣшились защищаться до послѣдней возможности.

Тринадцать дней длился упорный бой, но, наконецъ, крѣпость сдалась. Въ уваженіе храбрости ея защитниковъ, царь отпустилъ оставшихся въ живыхъ съ великою честью, но осталось-то мало: 160 раненыхъ и 83 здоровыхъ. Царь былъ въ восторгѣ, поздравлялъ всѣхъ съ «преизрядной викторіей», т. е. побѣдой, и, прибивъ ключъ отъ крѣпостныхъ воротъ къ одной изъ башенъ, переименовалъ городъ, давъ ему

названіе «Шлиссельбургъ», т. е. Ключъ-городъ, такъ какъ былъ увѣренъ, что захватомъ этого города отворитъ себѣ путь къ желанному морю. Извѣщая о побѣдѣ, онъ писалъ: «Правда, что зѣло жестокъ сей орѣхъ [1] былъ, однакожъ слава Богу, счастливо разгрызенъ. Артиллерія наша зѣло чудесно дѣло свое исправляла».

Походъ на Ніеншанцъ.

Получивъ ключъ къ окну въ Европу, царь понималъ, что достигъ еще очень малаго, что придется ему еще бороться за обладаніе этимъ окномъ и по своей всегдашней предусмотрительности сталъ готовиться къ борьбѣ заранѣе.

Въ теченіе зимы 1702—1703 года въ Лодейномъ Полѣ, на рѣкѣ Свири и въ новоименованномъ городѣ Шлиссельбургѣ шла спѣшная постройка большихъ лодокъ, гребныхъ и парусныхъ, удобныхъ для перевозки солдатъ, и съ первымъ вскрытіемъ рѣки 23 апрѣля караванъ лодокъ подъ командою шкипера Петра Михайлова двинулся внизъ по Невѣ. Сухопутное войско подъ начальствомъ Шереметьева шло по берегу Невы по направленію къ ея устью. Походъ былъ направленъ противъ небольшого, но хорошо укрѣпленнаго городка Ніеншанца [2], извѣстнаго у русскихъ подъ именемъ Канцева.

Заботы царя о воспитаніи сына.

Къ участію въ походѣ Петръ призвалъ и своего тринадцатилѣтняго сына Алексѣя, вопросъ о воспитаніи котораго тревожилъ въ то время государя, пожалуй, не меньше, чѣмъ вопросъ о борьбѣ со «свейскимъ».

Когда въ 1699 году въ Москву пріѣхалъ Карновичъ, царь былъ такъ очарованъ этимъ умнымъ, необыкновенно сердечнымъ и образованнымъ человѣкомъ, что задумалъ послать Алексѣя къ нему, надѣясь воспитать мальчика въ его домѣ, въ полной простотѣ, въ обстановкѣ высоко образованной и дѣловитой нѣмецкой семьи. Онъ такъ увлекался этимъ планомъ, что отклонилъ даже предложеніе германской императрицы, которая просила поручить Алексѣя ея заботамъ и попеченіямъ, обѣщая воспитать его наравнѣ со своими дѣтьми. Государь совершенно справедливо находилъ, что воспитаніе сына при чужомъ дворѣ, въ обстановкѣ придворнаго этикета — дѣло неподходящее для русскаго царевича и не дастъ Алексѣю той необходимой самодѣятельности, которую онъ мечталъ доставить ему въ семьѣ Карновича. Въ ожиданіи желаннаго устройства сына въ Германіи, царь, по рекомендаціи того же Карновича, пригласилъ къ мальчику ученаго нѣмца, воспитанника Лейпцигскаго университета Мартина Нейгебауера, для «наставленія въ наукахъ и нравоученіи», но

[1] Нотебургъ назывался прежде „Орѣшкомъ“.
[2] Ніеншанцъ — значитъ „Невскій городокъ“.

на равныхъ правахъ съ русскимъ учителемъ и воспитателемъ царевича Никифоромъ Вяземскимъ.

Никифоръ Вяземскій былъ приглашенъ къ царевичу еще царицей Евдокіей Ѳедоровной и славился по всей Москвѣ, какъ великій грамотей и «словесной мудрости риторъ», т. е. ученый. Онъ былъ не чета скромному и малоученому Зотову, бывшему учителю государя, былъ человѣкъ умный, умѣлъ говорить необыкновенно пышно и широковѣщательно, что тогда очень нравилось. Государь оставилъ его при сынѣ даже послѣ удаленія жены въ монастырь, что, несомнѣнно, указываетъ на достоинства Вяземскаго. Но, къ сожалѣію, воспитатели, нѣмецъ и русскій, не поладили между собою, и между ними началась мелкая вражда и постоянныя препирательства, мѣшавшія дѣлу, къ которому они были призваны. Нейгебауеръ, несмотря на свое образованіе, оказался человѣкомъ высокомѣрнымъ, вздорнымъ, неуживчивымъ. Царь смотрѣлъ на него, какъ на временнаго учителя и надѣялся на скорый отъѣздъ Алексѣя къ Карновичу, но тотъ былъ убитъ при осадѣ Риги въ началѣ 1700 года. Царь сталъ хлопотать о приглашеніи новаго воспитателя къ сыну, но принужденъ былъ оставить на время это дѣло, такъ какъ послѣ нарвскаго пораженія наступило «нудное время, трудное яко смерть».

Дѣло Нейгебауера.

Среди всѣхъ трудовъ для защиты родины, царь тѣмъ не менѣе слѣдилъ, какъ могъ, за воспитаніемъ Алексѣя, требовалъ самыхъ подробныхъ и частыхъ донесеній о немъ, и 23 мая (въ самый разгаръ работъ по укрѣпленію Архангельска) получилъ донесеніе, что Нейгебауеръ въ присутствіи царевича на смерть поссорился съ Вяземскимъ, бросилъ вилку и ножикъ на столъ, схватился за шпагу и выбѣжалъ изъ комнаты съ громкими криками: «Собаки, собаки, гунфоты! Я вамъ сдѣлаю, сдѣлаю! Какъ Богъ мой живъ — такъ я вамъ отмщу!»

Встревожило это извѣстіе государя, и, не имѣя возможности оставить дѣло защиты Архангельска и приготовленія «нѣкоего ухищренія», онъ поручилъ вывѣдать подробности дѣла у свидѣтеля ссоры учителей — доктора Клема. Изъ донесенія доктора Клема выяснилось, что болѣе виноваты были русскіе — Вяземскій и Нарышкинъ. Во время обѣда они посовѣтовали царевичу положить обглоданныя имъ кости курицы на общее блюдо, на что Нейгебауеръ строго замѣтилъ, что объѣденныя кости непристойно на блюдо класть, а надо метать собакамъ; на его замѣчаніе ему не отвѣтили и стали перешептываться между собой. Это уже окончательно разсердило гордаго нѣмца, и онъ сталъ кричать на своихъ противниковъ, что они собаки, варвары-дураки, что онъ имъ отомститъ жестоко. Царю не оставалось ничего другого какъ отказать

строптивому учителю, и Нейгебауеру предложено было ѣхать, «куда онъ захочетъ, за то, что ближнихъ людей государевыхъ называлъ варварами и бранилъ всякой жестокой бранью». Но не могло понравиться царю и поведеніе Вяземскаго при столкновеніи съ Нейгебауеромъ, и онъ сталъ съ особой настойчивостью отыскивать воспитателя для сына среди иностранцевъ. Выборъ палъ на кандидата правъ Генриха фонъ Гюйсена.

Приглашеніе новаго воспитателя и планъ воспитанія.

Гюйсенъ вступилъ на русскую службу по рекомендаціи Паткуля, который пригласилъ его быть посредникомъ при наймѣ иностранныхъ инженеровъ, офицеровъ, мастеровъ и исполнять различныя «партикулярныя» порученія царя за границей. Государь, познакомившись съ Гюйсеномъ ближе, убѣдился въ его всестороннемъ образованіи и поручилъ ему составить программу воспитанія царевича, а потомъ, прельщенный стройностью этой программы, назначилъ Гюйсена воспитателемъ наслѣдника, сдѣлавъ его уже главнымъ и отвѣтственнымъ лицомъ между другими учителями, подчинивъ ему учителей русскихъ, чтобы избѣжать такихъ печальныхъ недоразумѣній, какъ было съ Нейгебауеромъ.

По плану Гюйсена царевичъ долженъ былъ получить очень разностороннее образованіе и прежде всего изучить французскій языкъ, какъ самый легкій и употребительный, на что предполагалось употребить 6 мѣсяцевъ, при чемъ для лучшаго наученія всѣ окружающіе царевича должны были говорить по-французски. Воспитатель предполагалъ объяснять царевичу карты и рисунки, пріучать его понемногу къ употребленію циркуля, приступить къ началамъ ариѳметики и геометріи, упражнять въ фехтованіи, танцованіи и конной ѣздѣ. Далѣе предполагалось перейти къ изученію географіи на французскомъ языкѣ, продолжать математику, учить слогу и чистописанію, перейти къ изученію политическихъ наукъ, навигаціи, фортификаціи, составляя постепенно комнатную библіотеку. Опредѣлено было, чтобы каждое утро въ началѣ ученія царевичъ прочитывалъ явственно и съ прилежаніемъ двѣ главы изъ Библіи такъ, чтобы Ветхій завѣтъ былъ пройденъ имъ одинъ разъ, а Новый — два.

Петръ одобрилъ планъ Гюйсена, но нашелъ, что однимъ ученіемъ и словеснымъ наставленіемъ нельзя ограничиваться, что для мальчика нужна практическая школа, и потому, готовясь къ походу на Ніеншанцъ, вызвалъ тринадцатилѣтняго сына къ себѣ, опредѣлилъ его солдатомъ бомбардирской роты и взялъ съ собою въ походъ.

Глава XII.

Завоеваніе побережья Финскаго залива и заботы царя о воспитаніи сына.

Историческое и торговое значеніе устья Невы. — Неумѣніе московскихъ царей оцѣнить значеніе Невскаго устья. — Постройка Ніеншанца въ 1632 г. и относительное богатство его. — Осада города Ніеншанца и осмотръ Невскаго устья. — Первая морская побѣда. — Заложеніе Петербурга и подробности этого событія. — Быстрая постройка крѣпости Петербурга. — Борьба за Петербургъ. — Постройка крѣпости Кроншлота. — Воспитаніе царевича Алексѣя. — Завоеваніе Дерпта и Нарвы и первое строгое замѣчаніе царевичу. — Враги подъ Петербургомъ. — Готовность заключить миръ. — Необходимость помогать Станиславу-Августу и личность его. — Сверженіе Станислава-Августа съ престола. — Наши дѣйствія въ Литвѣ. — Отъѣздъ Гюйсена и дальнѣйшее ученіе царевича.

Историческое и торговое значеніе устья Невы.

Устье Невы съ незапамятныхъ временъ принадлежало славянамъ новгородскимъ и входило въ составъ новгородской пятины[1] Водь или Водской. Черезъ это устье шелъ знаменитый «Водный путь изъ Варягъ въ Греки», по которому варяги водили свои дружины въ Царьградъ; черезъ это же устье, по словамъ Нестора, славяне новгородскіе ходили въ море Варяжское, доходили и до самаго Рима. Въ древнія времена, когда всѣ сношенія велись только водными путями, устье Невы имѣло особенное значеніе, и торговля на берегахъ его велась, должно быть, въ громадныхъ размѣрахъ. Въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія на петербургскихъ островахъ и по берегамъ Невы было найдено нѣсколько кладовъ — деревянныхъ, смоляныхъ кубышекъ и глиняныхъ сосудовъ съ огромнымъ количествомъ арабскихъ монетъ VIII и IX вѣка. Это пока-

[1] Пятинами назывались пять ближайшихъ къ Новгороду частей области Новгородской. Это были пятины: Водская, Обонежская, Бѣжецкая, Деревская, Шелонская; дальше шли уже волости.

зываетъ, что въ стародавнее время, когда еще не возникало Русское государство, черезъ Невское устье уже велась торговля съ такимъ отдаленнымъ народомъ, какъ могущественные и предпріимчивые арабы. По извѣстіямъ лѣтописи, черезъ Невское устье пріѣхалъ въ Новгородъ въ IX вѣкѣ изъ Варяжской земли Рюрикъ съ братьями, черезъ Невское устье сдѣлалъ въ 1240 году свое знаменитое нападеніе на Русь Биргеръ, разбитый Св. Александромъ Невскимъ при впаденіи Усть-Ижоры въ Неву. Понимая значеніе пути черезъ Неву, новгородцы еще въ XIII столѣтіи построили при истокѣ ея изъ Ладожскаго озера крѣпкій городокъ Орѣшекъ. Устье же Невы долго оставалось незаселеннымъ, что̀ обратило на себя вниманіе враговъ Новгорода — шведовъ, стремившихся утвердить здѣсь католичество. Въ 1300 году при устьѣ Невы они построили крѣпость, получившую пышное названіе «Ландскрона», т. е. Вѣнецъ Края. Новгородцы, испуганные возникновеніемъ сильнаго укрѣпленія въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ ними, просили помощи у великаго князя Владимірскаго и при содѣйствіи его войскъ на другой же годъ сожгли и уничтожили шведскую крѣпость.

Неумѣніе московскихъ царей оцѣнить значеніе невскаго устья.

На мѣстѣ ея, однако, въ скоромъ времени возникъ мирный торговый поселокъ Ніенъ, т. е. Невскій, просуществовавшій до 1521 года. Въ этомъ году (въ царствованіе Василія III) городокъ былъ уничтоженъ морскими разбойниками и уже не возобновлялся: новгородскіе люди, за 30 лѣтъ до этого утратившіе свою самостоятельность, ничего не могли сдѣлать для возобновленія городка, а близорукіе московскіе бояре не разумѣли, какое значеніе имѣетъ Невское устье, и ничего не хотѣли сдѣлать для его укрѣпленія. Іоаннъ Грозный велъ съ ливонцами, поляками и шведами упорную и долгую борьбу за обладаніе берегами Финскаго залива, за города Нарву и Ревель, но не уразумѣлъ, что укрѣпленіе Невскаго устья, постройка тамъ сильной крѣпости дала бы ему огромный перевѣсъ въ борьбѣ со шведами. Потомъ наступило время безгосударствія, смутное время междуцарствія, и при царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ, по Столбовскому миру, Невское устье и часть береговъ Ладожскаго озера были уступлены шведамъ.

Постройка Ніеншанца и относительное богатство его.

Шведы поступили не по-нашему. Въ 1632 году на мѣстѣ разореннаго городка Ніена ими была основана крѣпость и названа Ніеншанцемъ, т. е. Невской крѣпостью. Крѣпость стояла при впаденіи рѣки Охты въ Неву, и, по словамъ шведскихъ лѣтописцевъ, около нея быстро разросся довольно большой и благоустроенный городокъ, въ которомъ было нѣсколько большихъ лѣсопильныхъ заводовъ и три церкви: нѣмецкая, шведская и русская — православная. Отъ крѣпости Ніеншанца ходилъ

паромъ къ богатому русскому селу Спасскому, которое стояло на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Смольный монастырь, и было такъ значительно, что въ немъ была большая церковь во имя Спаса. Ніеншанцъ велъ торговлю съ Германіей и Голландіей, съ Любекомъ и съ Амстердамомъ, такъ что жители его были зажиточны, и въ окрестностяхъ его, въ мѣстности, занимаемой нынѣшнимъ Петербургомъ, по шведскому плану, составленному въ 1676 году, числилось около 40 населенныхъ мѣстечекъ, вѣрнѣе — поселковъ въ нѣсколько избъ, а купецъ Фризіусъ, имѣвшій въ Ніеншанцѣ свои лѣсопильные заводы, былъ настолько богатъ, что въ первые годы войны давалъ Карлу XII средства на веденіе ея

Осада города Ніеншанца и осмотръ Невскаго устья

На эту-то крѣпость Ніеншанцъ 24 апрѣля 1703 года и двинулъ свои войска Петръ, предполагая, что въ виду взятія Нотебурга шведы хорошо укрѣпились на Невскомъ устьѣ, и взять крѣпость будетъ очень трудно. Комендантъ крѣпости, приготовляясь къ борьбѣ, дѣйствительно принялъ всѣ мѣры для защиты, а именно: посовѣтовалъ жителямъ бѣжать изъ города, захвативъ, что можно, а потомъ въ теченіе двухъ дней жегъ и уничтожалъ оставленные дома (что указываетъ на довольно значительную величину города), а самъ заперся въ крѣпости съ небольшимъ своимъ гарнизономъ, прося помощи у короля. Но Карлъ, увлеченный борьбою съ Августомъ, не обращалъ никакого вниманія на донесенія объ успѣхахъ Петра и въ теченіе зимы не прислалъ въ Ніеншанцъ ни подкрѣпленія, ни оружія, ни провіанта. Отъ мѣстныхъ русскихъ жителей царь узналъ, однако, что ежегодно, съ открытіемъ навигаціи въ крѣпость подвозятъ и провіантъ и оружіе, и что ежедневно ожидаютъ прибытія этихъ кораблей. Тогда ясно стало, что надо торопиться взятіемъ городка и слѣдуетъ употребить всѣ средства, чтобы не допустить шведскихъ кораблей до крѣпости. 28 апрѣля бомбардирскій капитанъ Петръ Михайловъ съ «солдаты» на 60 лодкахъ отправился внизъ по Невѣ для осмотра ея береговъ. Изъ Ніеншанца усмотрѣли такое движеніе, и отходящія лодки были осыпаны градомъ пуль, но, къ счастью, и царь и его спутники остались невредимы и благополучно прибыли къ самому взморью, гдѣ сдѣлали остановку на Гутуевскомъ островѣ.

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ онъ, думъ великихъ полнъ,
И вдаль глядѣлъ. Предъ нимъ широко
Рѣка неслася: бѣдный челнъ
По ней стремился одиноко.
По мшистымъ, топкимъ берегамъ
Чернѣли избы здѣсь и тамъ:
Пріютъ убогаго чухонца;

И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ.

Такъ поэтично и ярко описываетъ Пушкинъ первое впечатлѣніе, произведенное Невою на великаго царя. Описаніе это не совсѣмъ вѣрно исторически, такъ какъ не одинокія избушки, а цѣлые поселки виднѣлись по берегамъ рѣки, но рѣка, только что вскрывшаяся ото льда, широкой, ничѣмъ не стѣсненной гладью лежала передъ великимъ преобразователемъ, прельщая его своей красотой. Преисполненный великихъ

„На берегу пустынныхъ волнъ".
Картина А. Лагоріо.

думъ, смотрѣлъ онъ на эту гладь. Картины величественнаго города, быть можетъ, уже носились предъ его мысленнымъ взоромъ, и однимъ орлинымъ взглядомъ сумѣлъ онъ разсмотрѣть всѣ особенности Невскаго устья, умѣлъ оцѣнить всѣ его преимущества, понять все его значеніе какъ въ торговомъ, такъ и въ военномъ отношеніи.

Но каковы бы ни были мечты великаго царя, онъ изъ-за нихъ не забывалъ дѣйствительности и прежде всего принялъ мѣры къ тому, чтобы обезопасить себя со стороны моря отъ прихода шведскихъ кораблей. Онъ выплылъ на взморье, осмотрѣлъ всѣ ближайшіе къ нему острова, выбралъ нынѣшній Гутуевскій, по-тогдашнему Кустарный островъ, для

устройства наблюдательнаго пункта, переночевалъ на немъ подъ открытымъ небомъ и, оставивъ три гвардейскія роты для защиты Невскаго устья, наказалъ «накрѣпко» стеречь рѣку отъ непріятельскихъ кораблей, а самъ съ остальными солдатами вернулся къ осажденной крѣпости, гарнизонъ которой, не дождавшись помощи отъ своихъ, принужденъ былъ 1 мая сдаться Шереметьеву.

Первая морская побѣда.

2 мая во время веселаго пира по случаю взятія Ніеншанца къ царю прибыли два дозорщика съ Кустарнаго острова и донесли, что на взморьѣ показался сильный непріятельскій флотъ, состоящій изъ 8 большихъ кораблей и нѣсколькихъ шнявъ, т. е. барокъ. Извѣстіе было не изъ пріятныхъ: подходилъ сильный флотъ, а у царя не было не только кораблей, но даже и большихъ лодокъ, удобныхъ для плаванія по морю; на корабляхъ, вѣроятно, было значительное войско, которое могло окружить нашъ маленькій отрядъ, а запасныхъ войскъ поблизости не было. Но царь быстро и смѣло рѣшился на продолженіе борьбы и только повелѣлъ, сколько возможно, скрыть отъ непріятеля взятіе крѣпости, для чего распорядился не допускать къ кораблямъ ни одной лодки. Когда же со взморья раздались два пушечныхъ выстрѣла, то приказалъ отвѣтить такими же двумя выстрѣлами изъ крѣпости, такъ какъ понялъ, что выстрѣлы — условленный знакъ между шведами. 3 мая отъ непріятельской флотиліи отдѣлились два корабля и, направившись вверхъ по рѣкѣ, бросили якорь у Васильевскаго острова. Нѣсколько десятковъ солдатъ на нѣсколькихъ лодкахъ подплыли къ Гутуевскому острову, гдѣ царскіе дозорщики, притаившись за кустами, ожидали ихъ приближенія и по выходѣ на берегъ неожиданно окружили и взяли въ плѣнъ. Объ этомъ спѣшили извѣстить государя, который, не забывая своей роли подчиненнаго, выпросилъ себѣ у фельдмаршала Шереметьева приказъ идти на шведскіе корабли и «произвести имъ сыскъ», какъ тогда говорили. На 30 лодкахъ наши солдаты подъ начальствомъ капитана Петра Михайлова и поручика Меншикова отправились поздно вечеромъ къ самому устью Невы и спрятались въ густыхъ кустахъ. Ночь была безлунная, но настоящая сѣверная, бѣлая, т. е. ясная, и царь уже не надѣялся незамѣтно добраться до непріятеля, какъ вдругъ поднялся вѣтеръ, нагналъ огромныя черныя тучи: настала глубокая темнота, потомъ пошелъ снѣгъ съ дождемъ, и, пользуясь этой ужасной погодой, царь подкрался къ кораблямъ. Шведы замѣтили нашихъ только тогда, когда ихъ корабли были осыпаны градомъ пуль изъ русскихъ лодокъ, и тотчасъ отвѣтили выстрѣлами изъ пушекъ, но царь и отрядъ его были уже внѣ этихъ выстрѣловъ, такъ что бомбы перелетали черезъ нихъ.

Закипѣлъ жаркій бой; среди глубокой темноты сверкали только бѣглые огни выстрѣловъ, при свѣтѣ которыхъ царь взобрался на палубу непріятельскаго корабля съ горящей бомбой въ рукѣ, грозя бросить ее, если шведы не сдадутся. Произошла послѣдняя схватка, и шведы сдались; а на утро остальные корабли отплыли дальше въ море.

Заложеніе Петербурга и подробности этого событія.

Велика была радость царя, когда онъ почувствовалъ себя полнымъ хозяиномъ великолѣпной рѣки, открывающей доступъ въ завѣтное Варяжское море, но понималъ онъ, что надо укрѣпиться на этомъ завѣтномъ морѣ, что шведъ не уступитъ его намъ даромъ, а потому на другой же день радостнаго торжества приступилъ къ дѣлу. Осмотрѣна была крѣпость Ніеншанцъ и мѣсто вокругъ нея, и на военномъ совѣтѣ признано, что Ніеншанцъ не удобенъ для фортиціи [1], такъ какъ малъ, далекъ отъ моря и «не гораздо крѣпокъ отъ натуры», а потому государь принялся за осмотръ береговъ и острововъ Невы. Онъ самъ вымѣрялъ на всѣхъ пунктахъ глубину и ширину рѣки, высоту ея береговъ и наконецъ остановилъ свой выборъ на небольшомъ и низменномъ островѣ Заячьемъ или Енисари. Тутъ рѣшили строить «фортицію» и нарекли ей имя Санктъ-Петербургъ, т. е. городъ Св. Петра, который, впрочемъ, очень скоро въ просторѣчіи сталъ называться «Питербурхъ».

Быстрая постройка крѣпости Петербургъ.

Заложенная крѣпость стала быстро обстраиваться подъ бдительнымъ присмотромъ царя и его ближайшаго помощника Меншикова. По именному приказу государя со всѣхъ концовъ Россіи были созваны работники, число которыхъ въ іюнѣ было доведено до 40 000. Тутъ были и финны изъ ближнихъ мѣстъ, и калмыки, и русскіе изъ внутреннихъ областей, и татары, и казаки. Положеніе рабочихъ было крайне печально: не было въ новомъ городѣ ни помѣщенія, ни провіанта, ни орудій для производства работъ. За недостаткомъ помѣщенія жили въ шалашахъ изъ ивовыхъ вѣтвей, питались вмѣсто хлѣба рѣпой и кашей изъ проса; рыть же землю первое время приходилось просто руками, а землю таскали въ полахъ своихъ кафтановъ. Такую тяжелую службу солдаты несли даромъ, а вольные люди получали по три копейки поденной платы на царскихъ хлѣбахъ. Тяжело было рабочему люду, но царь работалъ наравнѣ со всѣми съ утра до вечерней зари и, чтобы быть поближе къ работамъ, собственноручно построилъ себѣ небольшой домикъ всего въ двѣ комнаты съ сѣнями и кухней.

Домикъ былъ выстроенъ въ голландскомъ вкусѣ: былъ выкрашенъ красной краской съ бѣлыми полосами въ клѣтку, такъ что издали его

---

[1] Фортиція — крѣпость.

можно было принять за кирпичный, а на кровлѣ его были поставлены деревянная мортира и двѣ пылающія бомбы также изъ дерева. Въ этомъ убогомъ домикѣ поселился великій преобразователь, въ немъ онъ трудился на пользу своего народа. Изъ скромнаго домика своего государь наблюдалъ за постройкой укрѣпленій, и работа спорилась, кипѣла съ невѣроятной быстротой: черезъ 40 дней уже были окончены главнѣйшія постройки. Въ день именинъ государя 29 іюня солдаты были переведены въ новыя казармы новой крѣпости, и тутъ же государь собственноручно устроилъ пышный фейерверкъ и заложилъ церковь во имя Св. Апостоловъ Петра и Павла.

Борьба за Петербургъ.

Недаромъ великій царь такъ торопился постройкой своей крѣпости: въ началѣ іюля онъ получилъ извѣстіе, что двѣнадцатитысячный шведскій отрядъ съ пушками и огромнымъ обозомъ идетъ для разоренія его новаго городка. Царь рѣшилъ не допустить этого и съ небольшимъ отрядомъ поспѣшилъ навстрѣчу непріятелю, съ которымъ сошелся на берегу рѣки Сестры (недалеко отъ нынѣшняго Сестрорѣцка) при впаденіи ея въ Финскій заливъ. Произошла жаркая стычка, шведскій отрядъ былъ разбитъ и обратился въ бѣгство, при чемъ вся артиллерія и богатый обозъ достались государю. Такая добыча провіанта была безконечной радостью не только для царя, но и для всѣхъ оголодавшихъ рабочихъ и солдатъ, которымъ выдано было изрядное количество хлѣба. Въ то же время пришло еще важное и радостное извѣстіе отъ Шереметьева, что ему сдались исконные русскіе города — Копорье и Ямы (переименованные шведами въ Ямбургъ), при чемъ побѣда далась такъ легко, что фельдмаршалъ шутливо доносилъ: «Музыка твоя хорошо играетъ. Шведы горазды танцовать и фортиціи сдавать, а если бы не бомбы, Богъ знаетъ, что бы дѣлать». «Итакъ, при помощи Божіей Ингрія въ рукахъ. Дай Боже доброе окончаніе», отвѣчалъ на это Петръ и приказалъ, укрѣпивъ Ямбургъ, идти далѣе въ Эстляндію и погостить тамъ, не давая непріятелю отдыха. Но радость побѣды и богатой добычи не отуманила царя. Онъ ждалъ нападенія шведовъ съ моря, гдѣ издали виднѣлись ихъ корабли, и спѣшилъ создать свой флотъ, для чего поѣхалъ на берега рѣки Свири, поразившіе его еще при первомъ ихъ осмотрѣ своими вѣковыми лѣсами. Тутъ приказалъ онъ «ронять лѣса», строить верфи (получившія потомъ названіе Лодейнаго Поля) и собственноручно заложилъ 15 большихъ военныхъ кораблей.

Постройка крѣпости Кроншлота.

Осенью онъ поспѣшилъ въ Петербургъ и, пользуясь тѣмъ, что шведскіе корабли совсѣмъ скрылись изъ вида, сталъ производить изслѣдованія взморья. На взморьѣ онъ открылъ островъ Котлинъ, тогда

Ретузари (открылъ, потому что никто до него не обратилъ вниманія на удивительно удобное положеніе этого острова), который стоитъ какъ бы на стражѣ Невскаго устья, почти въ равномъ разстояніи отъ южнаго и сѣвернаго берега залива, благодаря чему съ острова можно наблюдать за обоими протоками Невы, не допуская къ нимъ непріятеля. Была уже поздняя осень, погода стояла дождливая, туманная, ледъ уже плавалъ по Невѣ, но для Петра не было препятствій въ дѣлѣ. «Упущенное время — смерти невозвратной подобно», говорилъ онъ и старался никогда не упускать Богомъ дарованнаго времени. Несмотря на ужасную погоду, онъ собственноручно производитъ измѣреніе морской глубины, дѣлаетъ

Видъ на Кронштадтъ и на Неву въ началѣ XVIII столѣтія.

(Съ современной гравюры Боденеръ.)

изслѣдованіе почвы острова и опредѣляетъ строить на островѣ сильную крѣпость, которая будетъ обороной Петербургу.

Послѣ этого царь поспѣшилъ въ Москву, потомъ въ Воронежъ для осмотра верфей и для наблюденія надъ Азовомъ, но среди работъ не забывалъ своего вновь созидаемаго городка. Собственноручно сдѣлавъ модель крѣпости, онъ послалъ ее Меншикову съ приказомъ дѣлать срубы еще зимою, заготавливать фашины [1] и саннымъ путемъ доставить ихъ на островъ, а тотчасъ по вскрытіи рѣки приступить къ постройкѣ. Приказъ былъ въ точности исполненъ, и къ маю 1704 года на островѣ уже воздвигли большую трехъярусную башню для обстрѣливанія фарватера.

[1] Фашины — связки или пуки хвороста.

Много работалъ царь въ этотъ 1703 годъ, но сына задержалъ на службѣ только около трехъ недѣль и тотчасъ по заложеніи Петербурга отправилъ съ Гюйсеномъ въ Москву, куда и самъ проѣхалъ осенью по дорогѣ въ Воронежъ.

Воспитаніе царевича Алексѣя.

Проѣхалъ онъ въ Москву, чтобы прослѣдить за занятіями сына подъ руководствомъ новаго воспитателя, и такъ остался имъ доволенъ, что, благодаря Гюйсена, сказалъ ему: «Самое лучшее, что я могъ сдѣлать для своего государства — это воспитать своего наслѣдника. Самъ я не могу наблюдать за нимъ — поручаю его вамъ».

Но, отдавъ сына подъ высшій надзоръ Гюйсена, царь все же остался при прежнемъ желаніи пріучить его къ практической дѣятельности и время отъ времени вызывалъ его на театръ военныхъ дѣйствій. Гюйсенъ, конечно, не могъ противорѣчить въ этомъ отцу и государю, но усердно занимался съ царевичемъ, когда тотъ былъ свободенъ «отъ службы». При этомъ въ донесеніяхъ своихъ въ 1705 году онъ сообщалъ, что «царевичъ разуменъ далеко выше возраста своего; что онъ тихъ, кротокъ, благочестивъ; что онъ прочелъ шесть разъ Библію, пять разъ по-славянски, разъ по-нѣмецки, прочелъ всѣхъ греческихъ отцовъ церкви и всѣ духовныя и свѣтскія книги, которыя когда-либо были переведены на славянскій языкъ. Въ этомъ отзывѣ о царевичѣ уже отмѣчаются его индивидуальныя [1] черты, такъ рѣзко отличавшія его отъ отца. Онъ былъ по преимуществу благочестивъ, увлекался Библіей, чтеніемъ духовныхъ книгъ, и ничего не слышно объ его занятіяхъ математикой и физическими упражненіями или физическимъ трудомъ, о чемъ всего больше хотѣлось бы слышать отцу — практику и работнику.

Завоеваніе Дерпта и Нарвы.

Огорчался этимъ царь, но мечталъ еще повліять на сына собственнымъ примѣромъ и заботился только о скорѣйшемъ «докончаніи войны» и потому въ началѣ 1704 года отдалъ Шереметьеву приказъ, «пока шведъ увязъ въ Польшѣ, идти и осадить конечно Дерптъ, чтобы сего Богомъ даннаго случая не пропустить». Но Шереметьевъ медлилъ, отговариваясь, что здоровъ сталъ не попрежнему, что все одинъ, ни отъ кого помощи не видитъ, и прибавлялъ: «Легко мнѣ было жить при тебѣ да при Данилычѣ (Меншиковѣ), ничего я за милостью Вашею не зналъ». Чтобы легче стало лѣнивому фельдмаршалу, царь самъ явился въ лагерь подъ Дерптъ, и черезъ десять дней по пріѣздѣ государя Дерптъ сдался.

Нѣсколько дней спустя послѣ страшнаго, но короткаго штурма взята была Нарва, извѣщая о чемъ государь писалъ: «Гдѣ передъ четырьмя лѣты Господь оскорбилъ, тутъ нынѣ веселыми побѣдителями

[1] Индивидуальность — личныя черты характера.

учинилъ, ибо сію преславную крѣпость черезъ лѣстницы шпагою въ три четверти часа получили».

Первое строгое замѣчаніе царевичу.

Во время осады Нарвы царь опять вызвалъ сына на «службу», опять заставилъ его нести «воинскіе труды» и, вѣроятно, остался чѣмъ-то недоволенъ въ поведеніи мальчика, потому что разъ, призвавъ сына въ палатку фельдмаршала, въ присутствіи всѣхъ генераловъ строго сказалъ: «Сынъ мой. Мы благодаримъ Бога за побѣду. Побѣды отъ Него; но мы, съ своей стороны, должны употреблять всѣ силы для ихъ полученія. Я взялъ тебя въ походъ показать тебѣ, что я не боюсь ни труда, ни опасностей. Я сегодня или завтра могу умереть: но знай, что мало радости получишь, если не будешь слѣдовать моему примѣру. Ты долженъ любить *все*, что служитъ къ благу и чести отечества; долженъ любить вѣрныхъ совѣтниковъ и слугъ, будутъ ли они чужіе или свои. Если совѣты мои разсѣетъ вѣтеръ и ты не захочешь дѣлать того, что я желаю, то я не признаю тебя своимъ сыномъ: я буду молить Бога, чтобы онъ наказалъ тебя въ этой и будущей жизни».

По разсказу Гюйсена, мальчикъ со слезами на глазахъ схватилъ руку отца, цѣловалъ ее и говорилъ: «Всемилостивѣйшій государь-батюшка, я еще слишкомъ молодъ и дѣлаю, что могу. Но увѣряю ваше величество, что я, какъ покорный сынъ, буду всегда всѣми силами стараться подражать вашимъ дѣяніямъ и примѣру. Боже сохрани васъ на многіе годы въ постоянномъ здравіи, чтобы я еще долго могъ радоваться столь знаменитымъ родителемъ».

Рѣчь эта такъ вычурно-цвѣтиста для четырнадцатилѣтняго мальчика, что можно сомнѣваться въ правильности ея передачи, а если передача правдива, то надо и въ четырнадцатилѣтнемъ царевичѣ отмѣтить лживость и изворотливость, которыя росли съ годами.

Послѣ взятія Нарвы царевичъ снова возвратился въ Москву и принялся за прерванныя занятія. Во время торжественнаго вступленія войскъ въ Москву онъ привѣтствовалъ отца у Воскресенскихъ воротъ заученною рѣчью, по окончаніи рѣчи сталъ въ ряды Преображенскаго полка въ строевомъ мундирѣ. Можно осуждать царя за то, что онъ отрывалъ Алексѣя отъ ученья, но никакъ нельзя сказать, чтобы въ его поступкахъ относительно сына не было опредѣленной системы, опредѣленной идеи. Нѣтъ, — «всѣ должны служить, работать, въ потѣ лица добывать хлѣбъ свой — долженъ и царскій сынъ!» такова была мысль царя.

Враги подъ Петербургомъ.

Во время дѣйствія Петра подъ Ревелемъ и Нарвою его новому городку пришлось выдержать борьбу съ грозными шведскими силами,

которыя приступили къ нему съ моря и съ суши. Комендантъ крѣпости, Романъ Брюсъ, дѣйствовалъ однако такъ удачно, что шведскій отрядъ принужденъ былъ отступить, а шведскій флотъ, встрѣченный мѣткими выстрѣлами изъ вновь, точно по волшебству созданной крѣпости Кроншлота — не посмѣлъ даже войти въ Неву и отплылъ съ большимъ урономъ. Царь былъ въ восторгѣ и поспѣшилъ въ Лодейное Поле, гдѣ было уже готово 6 фрегатовъ и 9 шнявъ: онъ благополучно провелъ ихъ черезъ Свирь въ Ладожское озеро, потомъ въ Неву и, наконецъ, къ Кроншлоту. Но переходъ по бурному Ладожскому озеру былъ труденъ, и тутъ же государь рѣшилъ провести со временемъ обходный каналъ вдоль берега Ладожскаго озера. Нимало не медля, онъ указалъ устроить адмиралтейство для постройки судовъ въ самомъ Петербургѣ, для чего выбралъ мѣсто на лѣвомъ берегу рѣки наискось отъ крѣпости, и работа закипѣла.

Готовность заключить миръ.

Счастливый и довольный вернулся государь въ Москву: исконные русскіе города были возвращены и укрѣплены за нами, на устьѣ Невы была заложена сильная крѣпость, желанное море было въ нашихъ рукахъ, и смѣло можно было мириться со шведомъ, отдавъ ему въ случаѣ нужды Нарву и Ревель, сохранивъ только новый городъ Петербургъ, который стоялъ именно на томъ мѣстѣ, гдѣ открывалось окно въ Европу, гдѣ можно было «ногою твердой стать при морѣ».

Необходимость помогать Станиславу-Августу и личность его.

Въ то время, какъ Петръ укрѣплялся на берегу Финскаго залива, дѣла его союзника — Августа шли все хуже и хуже. Августъ былъ человѣкъ увлекающійся, непостоянный и лживый: онъ обѣщалъ одно — дѣлалъ другое, выпрашивалъ деньги на веденіе войны, а на самомъ дѣлѣ тратилъ ихъ на пиры и забавы.

Кромѣ того, не переставая увѣрять царя Петра въ неизмѣнной любви и дружбѣ, онъ употреблялъ всевозможныя усилія для заключенія мира съ королемъ; но Карлъ, самъ рыцарски благородный, презиралъ двоедушіе Августа и въ пылу раздраженія писалъ о немъ французскому королю: «Поведеніе его такъ позорно и гнусно, что заслуживаетъ мщенія отъ Бога и презрѣнія всѣхъ благомыслящихъ людей. Войти въ сношенія съ человѣкомъ, который такъ себя безчестилъ, значитъ — причинить ущербъ собственной чести».

Августъ былъ драгоцѣнный союзникъ для Петра «не силой оружія, но тѣмъ, что возбудилъ такую ненависть шведскаго короля и, такимъ образомъ, отвлекъ этого страшнаго въ то время врага отъ русскихъ границъ и далъ царю время ободрить свои войска и выучить ихъ побѣждать шведовъ» [1].

[1] Слова историка Соловьева.

Сверженіе Станислава-Августа съ престола.

На выручку этого драгоцѣннаго для себя союзника долженъ былъ спѣшить Петръ въ 1705 году, потому что Карлъ, захвативъ Варшаву созвалъ на сеймъ польскіе чины и предложилъ, свергнувъ Августа, выбрать на мѣсто его другого короля. Самъ онъ не пожелалъ занять польскій престолъ, говоря: «Я лучше хочу раздавать государства другимъ, чѣмъ пріобрѣтать ихъ для себя». Но онъ вовсе не желалъ предоставить полякамъ свободы выбора и принялъ всѣ мѣры, чтобы на престолъ былъ возведенъ тотъ, кто ему нравился. Чтобы принудить поляковъ къ повиновенію, онъ приблизился къ Варшавѣ съ сильнымъ войскомъ и даже разставилъ сильные отряды свои на томъ полѣ, гдѣ должны были происходить выборы короля, грозя перебить участниковъ сейма, если будетъ поступлено противъ его желанія. Подъ такимъ давленіемъ, противно общему желанію, сеймъ постановилъ считать Августа лишеннымъ престола, а на мѣсто его возвести Станислава Лещинскаго — человѣка молодого, неопытнаго и до того незначительнаго, что нашъ посолъ Долгорукій называлъ его, играя словами, «кроликомъ» (отъ слова король) и выражалъ радость, что избрали его — человѣка, котораго и самые ближніе его свойственники «ни во что ставятъ». Это самоуправство шведскаго короля возмутило многихъ въ Польшѣ. Несмотря на то, что шведскіе генералы безпощадно выжигали имѣнія сторонниковъ Августа, многіе, напротивъ, съ большимъ упорствомъ стояли за него, а потому надежды Августа на побѣду надъ шведами еще не исчезли, и Петръ спѣшилъ помочь ему, двинувъ свои войска въ Литву.

Наши дѣйствія въ Литвѣ.

Весь годъ посланники Петра при иностранныхъ дворахъ настойчиво доносили о необходимости перенести войну въ предѣлы Польши и въ соединеніи съ войсками Августа нанести рѣшительный ударъ Карлу; доносили объ этомъ потому, что ужъ очень обидно было всѣмъ имъ видѣть малое довѣріе къ русскимъ силамъ и явное недоброжелательство къ намъ. Но какъ ни настаивали на генеральномъ сраженіи всѣ совѣтники государя, онъ, чуждый честолюбія и страсти къ пріобрѣтенію военной славы, рѣшительно отвергалъ эти предложенія и писалъ: «Исканіе генеральнаго бою зѣло опасно, ибо въ одинъ часъ можетъ все дѣло быть ниспровергнуто». Совѣтуя бить непріятеля частями, Петръ по прибытіи въ Литву раздѣлилъ свои войска между двумя своими фельдмаршалами, оставилъ одного въ Литвѣ, другому повелѣлъ двинуться въ Курляндію. Но въ это время пришло печальное извѣстіе, что въ Астрахани вспыхнулъ бунтъ, и царь, очень встревоженный этою вѣстью, прекратилъ военныя дѣйствія въ Курляндіи и отослалъ Шереметьева въ Астрахань для подавленія мятежа.

Трудно было положеніе царя: приходилось вести борьбу на западѣ и на востокѣ, нужны были рабочіе, знающіе люди: для литья пушекъ, для приготовленія ружей и для добыванія руды, необходимо нужной для приготовленія тѣхъ же пушекъ и ружей. Не было еще такихъ знающихъ людей среди русскихъ, необходимо было приглашать ихъ изъ-за границы, а въ 1704 году Нейгебауеръ, исполняя свою угрозу «отомстить», издалъ брошюру, въ которой объявлялъ, что царь и его приближенные обращаются съ храбрѣйшими и честнѣйшими офицерами какъ со щенками, употребляютъ пощечины, палки, кнутъ. Вся злобная, исполненная клеветы брошюра была направлена именно къ тому, чтобы отвратить отъ поступленія на русскую службу иноземцевъ, въ которыхъ Петръ тогда такъ нуждался. Необходимо было опровергнуть эти клеветы.

Отъѣздъ Гюйсена и дальнѣйшее ученіе царевича.

Необходимо было войти въ сношенія съ императоромъ германскимъ, поддерживать съ нимъ добрыя отношенія, и царь, скрѣпя сердце, отнимаетъ отъ сына его воспитателя Гюйсена и посылаетъ его въ 1705 году въ Вѣну. Командировка была временною по предположенію царя, но Гюйсенъ въ Германіи вступилъ въ полемику съ Нейгебауеромъ, сталъ опровергать его клеветы на царя и Россію и застрялъ за границей. Царевичъ остался одинъ безъ правильнаго руководства, подъ верховнымъ надзоромъ одного Никифора Вяземскаго, который умѣлъ угодить царю и пользовался его довѣріемъ, благодаря лестнымъ отзывамъ Гюйсена, умѣвшаго, въ противоположность Нейгебауеру, отлично уживаться со всѣми «кавалерами», приставленными къ царевичу. Оставивъ сына безъ правильнаго руководства, безъ строго опредѣленныхъ занятій, подъ присмотромъ слабовольнаго Вяземскаго и при томъ въ самомъ опасномъ возрастѣ при переходѣ отъ отрочества къ юности, Петръ сдѣлалъ величайшую ошибку, за которую заплатилъ годами страданій.

Но все же Петръ, несмотря на весь трудъ свой, никогда не переставалъ интересоваться воспитаніемъ сына: требовалъ донесеній о немъ, справлялся о томъ, что онъ читаетъ, спрашивалъ, какія книги прислать ему для переводовъ, и когда царевичъ отвѣтилъ, что проситъ «исторіи какой», то нашелъ время озаботиться о ея присылкѣ.

Глава XIII.

Внутренняя дѣятельность. Астраханскій бунтъ. Дѣла съ Карломъ.

Печальное состояніе нравственности и образованія въ Россіи. — Зовъ къ труду и самодѣятельности. — Мѣры къ развитію просвѣщенія. — Мѣры противъ монастырскаго тунеядства. — Рекрутскіе наборы. — Тяжелыя подати, наложенныя на народъ. — Общій ропотъ. — Слухи о подмѣнѣ царя нѣмцемъ и объ антихристѣ. — Волненіе и бунтъ въ Астрахани. — Отношеніе царя къ бунту и бунтующимъ. — Отчужденіе царевича отъ отца. — Походъ Карла въ Саксонію и Альтранштадтскій миръ.

Печальное состояніе нравственности и просвѣщенія въ Россіи.

Отчего поднялся бунтъ въ Астрахани? Что заставило народъ стать противъ царя, который, свято исполняя свое царское дѣло, добывалъ своему народу необходимыя гавани и стремился поставить «своихъ» въ одинъ уровень съ нѣмцами, французами и прочими западноевропейскими народами? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, надо еще разъ остановиться на обозрѣніи того, въ какомъ состояніи была тогда Россія, и разсмотрѣть, какія задачи ставилъ себѣ царь Петръ, къ какимъ средствамъ прибѣгалъ для достиженія намѣченной цѣли.

Поэтъ Розенгеймъ говоритъ:

Въ тѣ дни еще надъ Русскою землею
Повсюду тяготѣлъ невѣжества покровъ.
И спалъ, окаменѣвъ, народъ, объятый тьмою.

Въ этихъ словахъ много горькой правды: бѣденъ и теменъ, бѣденъ и невѣжественъ былъ народъ нашъ въ то время. Пробудить народъ отъ этого сна невѣжества, бездѣятельности и равнодушія къ общему благу, побудить народъ къ упорному труду, къ привычкѣ самому отвѣчать за себя, не сваливая вины на другого — было завѣтной цѣлью царя-преобразователя. Но если борьба съ вѣковыми привычками нелегка была и учителю, то особенно тяжело ложилась она на учениковъ.

Зовъ къ труду и самодѣятельности.

Не умѣли «наши» работать сообща, не умѣли отвѣчать сами за себя, а царь требовалъ именно того: устроилъ Бурмистерскую палату, гдѣ выборные отъ купцовъ должны были сами вѣдать свои дѣла, сами защищать своихъ отъ произвола воеводъ; мало того — назначилъ при воеводахъ особыхъ земскихъ начальниковъ съ мудреными именами «ландратовъ», которые должны были вмѣстѣ съ воеводами слушать дѣла, наблюдать за правильною раскладкою податей. Казалось бы хорошая, добрая мѣра,—но не нравилась она ни воеводамъ, ни вотчиннымъ, ни торговымъ людямъ: воеводы не довольны были, что уменьшаютъ ихъ власть и значеніе; торговые люди и вотчинники жаловались, что ихъ зовутъ къ общему дѣлу, когда у нихъ и своего съ избыткомъ.

Мѣры къ развитію просвѣщенія.

Для борьбы съ невѣжествомъ царь принималъ всякія мѣры: завелъ рядъ школъ цифирныхъ, въ которыхъ кромѣ церковной грамоты (которая до него составляла весь курсъ школы) учили еще численію, завелъ и высшія школы, гдѣ учили лѣчебной наукѣ, морскому, артиллерійскому и инженерному дѣлу. Но мало было охотниковъ учиться этимъ «заморскимъ премудростямъ», и царь принужденъ былъ издать строгій приказъ, что неучамъ-дворянамъ, не выдержавшимъ экзамена въ цифирной наукѣ, запрещено будетъ жениться, что дѣти священнослужителей, оставшіяся неграмотными, будутъ сдаваться въ солдаты безъ выслуги. Необходимы были эти строгія мѣры, чтобы побудить народъ къ ученью, но онѣ возбуждали неудовольствія и ропотъ. Твердо вѣря въ силу просвѣщенія, царь старался провести его въ родную землю всякими мѣрами; напримѣръ въ 1703 году, въ самый разгаръ войны со шведами, указалъ издавать первую газету «Петербургскія Вѣдомости» «о военныхъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ знанія и памяти, случившихся въ Московскомъ государствѣ и въ иныхъ окрестныхъ странахъ». При этомъ онъ самъ слѣдилъ за правильнымъ выходомъ газеты, самъ указывалъ, какія статьи переводить изъ иностранныхъ газетъ, нерѣдко исправлялъ переводы, а для удобства и скорости письма ввелъ новую гражданскую азбуку. Чтобы искоренить прежнія грубыя забавы, состоявшія въ кулачныхъ бояхъ или публичныхъ бояхъ съ медвѣдями, царь и въ Петербургѣ устроилъ общедоступный театръ, гдѣ ставились переводныя пьесы или пьесы, въ которыхъ пояснялись современныя событія, мѣропріятія царя: такъ, въ 1703 году была дана пьеса, въ которой было представлено взятіе Орѣшка. Эти мѣры встрѣтили осужденіе среди ревнителей старины, которые говорили, что хожденіе въ театръ дѣло грѣховное, и находили, что измѣненіе буквъ церковной азбуки — прямо «дѣйство дьявольское», отреченіе отъ добрыхъ порядковъ старины. Особенно сильный ропотъ

возбудили мѣры противъ тунеядства въ монастыряхъ и повтореніе закона о необходимости брить бороды и носить нѣмецкое платье.

Мѣры противъ монастырскаго тунеядства.

Давно, еще въ царствованіе Іоанна Грознаго, начались жалобы на праздную жизнь монаховъ, при чемъ жалобы шли не только отъ мірянъ, но и отъ священниковъ и архіереевъ, отъ учителей церкви, которые упорно боролись противъ всѣми видимаго зла, но ничего сдѣлать не могли. Тогда выступилъ со своими строгими приказами самъ царь. Въ 1701 году, во время самаго печальнаго настроенія послѣ Нарвскаго пораженія, онъ указалъ «быть монастырскому приказу», который долженъ былъ переписать монастыри мужскіе и женскіе и взять на себя завѣдываніе монастырскими доходами. Запрещенъ былъ переходъ монаховъ и монахинь изъ одного монастыря въ другой безъ уважительной причины; запрещено было мірянамъ не только жить при монастыряхъ, но и ходить туда помимо времени церковной службы; монахамъ дозволено было выходить изъ церковной ограды только съ разрѣшенія игумена и то на короткое время. Для наблюденія за исполненіемъ всѣхъ этихъ предписаній назначено было стоять карауламъ у воротъ монастырей. Запрещено было постригать въ монахи безъ царскаго указа. Въ царскомъ указѣ было сказано: «древніе монахи сами себѣ трудолюбными руками пищу промышляли и общительно жили и многихъ нищихъ отъ своихъ рукъ питали, нынѣшніе же монахи не только нищихъ не питаютъ, но сами чужіе труды поѣдаютъ», а потому опредѣлено было, чтобы всѣ монастырскіе доходы шли въ «монастырскій приказъ», изъ котораго выдавали монахамъ и монахинямъ по 10 рублей въ годъ на человѣка да извѣстное количество хлѣба. Что оставалось хлѣба и денегъ отъ раздачи монахамъ, должно было идти на пропитаніе нищихъ, на устройство богадѣленъ да на бѣдные монастыри, у которыхъ не было своихъ средствъ.

Эта мѣра была уже вторженіемъ свѣтской власти въ дѣло церковное и вооружила противъ царя не только всѣхъ темныхъ ревнителей старины, но и почти всѣхъ духовныхъ лицъ.

Рекрутскіе наборы.

Были и другіе поводы къ неудовольствію: неизбѣжныя, но великія тяготы налагались на народъ кипучею дѣятельностью царя, тяжелой и продолжительной войной со шведами. Для борьбы со шведами необходимо было войско — необходимы были и рекрутскіе наборы, а кто не знаетъ — какъ тяжелы эти наборы и въ настоящее время при краткой 2—3-лѣтней солдатской службѣ, — а тогда брали человѣка отъ семьи уже на вѣчныя времена — «до скончанія живота». Недаромъ народъ причиталъ по рекрутамъ, какъ по мертвымъ, недаромъ оплакивали ихъ жены и матери. Роптали на это несчастныя и говорили: «Какой онъ царь —

онъ крестьянъ разорилъ съ домами, мужей нашихъ побралъ въ солдаты, а насъ съ дѣтьми осиротилъ и заставилъ плакать вѣкъ». Не понимали и не могли понять бѣдныя страдающія женщины всей неизбѣжности этихъ жертвъ.

Тяжелыя подати, наложенныя на народъ.

Для борьбы съ неутомимымъ врагомъ необходимы были и деньги, «сіи артеріи войны», по выраженію Петра. Необходимы были деньги и на содержаніе войска, и для постройки крѣпостей, и для содержанія нашихъ посланниковъ при иностранныхъ дворахъ, чего прежде никогда не бывало, и это возбуждало недоумѣніе и ропотъ.

Государь велъ до нельзя простой образъ жизни, ограничивалъ себя во всемъ — ходилъ въ сапогахъ съ заплатами, поставленными собственноручно, не позволялъ себѣ никакой пышности, непрестанно памятуя, что о каждой народной копейкѣ долженъ дать отчетъ Богу; но все же нужны были громадныя затраты, представлены были громадныя новыя требованія народу. «Для удовлетворенія всѣмъ этимъ требованіямъ прибыльщики изыскивали всевозможныя средства: взято было все, что можно было взять; отдано было на откупъ все, что можно было отдать» [1].

Общій ропотъ.

При достиженіи намѣченной цѣли должны были сторицею вознаградиться всѣ принесенныя жертвы, но жертвовать и терпѣть все же было тяжело, и въ народѣ шелъ глухой ропотъ. Крестьяне говорили: «Какъ его Богъ на царство послалъ, такъ и свѣтлыхъ дней не видали: тягота на міръ — рубли, да полтинники, да подводы — отдыху нашей братьи крестьянству нѣтъ». Ворчали и помѣщики на тягости военной постоянной службы, говоря: «Какой онъ государь! нашу братью всѣхъ выволокъ на службу, а людей нашихъ и крестьянъ побралъ въ даточные (въ рекруты); и нигдѣ отъ него не уйдешь, и самъ онъ ходитъ на службу, и нигдѣ-то его не убьютъ: какъ бы убили, такъ бы и служба минулась, и черни бы легче было».

Слухи о подмѣнѣ царя нѣмцемъ и объ антихристѣ.

Такъ повсемѣстно роптали не понимавшіе великихъ задачъ великаго преобразователя; но жители коренныхъ областей, ближайшихъ къ Москвѣ, и ропща, и негодуя, продолжали нести свои тяготы, продолжали напрягать свои силы, такъ какъ вѣра въ царя, въ свою родину и ея великое назначеніе были неизмѣнно сильны въ великорусскомъ народѣ; но не то было въ отдаленныхъ окраинахъ, гдѣ ко всѣмъ тяготамъ, налагаемымъ обстоятельствами, прибавлялось еще насиліе воеводъ. На окраины были сосланы опальные стрѣльцы, и они-то, больше всѣхъ

[1] Слова историка Соловьева.

раздувая и поддерживая общее неудовольствіе, говорили: «Какой онъ царь, онъ морокъ мірской: навѣшалъ стрѣльцовъ, что полтей [1]. Только полти эти даромъ не пройдутъ: быть обороту отъ послѣднихъ стрѣльцовъ». «Міроѣдъ онъ. Весь міръ переѣлъ, только переводитъ добрыя головы». При разсказахъ о жестокости царя во время стрѣлецкаго бунта, при увеличеніи тягостей жизни — отказывался народъ вѣрить, что такъ дѣйствуетъ свой «прирожденный» государь, и слагали легенды о подмѣнѣ царя «нѣмчиномъ».

И въ коренныхъ великорусскихъ областяхъ ходили слухи, что царь подмѣненъ, что нѣмцы погубили настоящаго царя Петра у себя, заклали его въ столбѣ въ Стеклянномъ городѣ и прислали на Русь другого, своего — нѣмца, чтобы обасурманить православныхъ. Въ областяхъ же отдаленныхъ, куда сосланы были опальные стрѣльцы, гдѣ хозяйничали своекорыстные воеводы, слухи эти все усиливались, и дошло до того, что въ Астрахани царя объявили антихристомъ и говорили, что брадобритіе есть печать дьявольская, которою антихристъ отмѣчаетъ слугъ своихъ, и приходили къ мысли о томъ, что за брадобритіе «хорошо и постоять, хотя бы и умереть».

Волненіе и бунтъ въ Астрахани.

Въ 1705 году былъ повторенъ приказъ брить бороды и носить нѣмецкое платье. Не по разуму усердный воевода въ Астрахани сталъ производить это съ великимъ насиліемъ: не пускалъ въ церковь тѣхъ, которые носили русское платье, приказывалъ по церквамъ и большимъ улицамъ рѣзать полы платьевъ, позволялъ брить бороду небрежно, ругаючись, при чемъ съ умысломъ рѣзали съ бородой кожу, даже мясо. Тогда все замутилось въ Астрахани и ближнихъ мѣстахъ. Пошли слухи одинъ страшнѣе другого: будто всѣ воеводы и начальные люди — «болванамъ», «кумирскимъ богамъ» поклонялись [2] и всѣхъ заставятъ имъ кланяться, что запрещено будетъ играть свадьбы семь лѣтъ, а дочерей и сестеръ велѣно будетъ выдавать за нѣмцевъ, которыхъ нашлютъ въ Астрахань. Взволновались бѣдные невѣжественные люди, но сначала рѣшили бороться мирнымъ путемъ, а именно рѣшились выдать замужъ своихъ дѣвицъ какъ можно скорѣй до указа, чтобы не пришлось потомъ выдавать «за еретиковъ поганыхъ», и сразу въ одно воскресеніе сыграли болѣе

---

[1] Полти — видъ рыбы сушеной.

[2] Интересно, что слухъ о переходѣ воеводъ въ басурманство и о томъ, что они „болванамъ“ и „богамъ кумирскимъ“ поклонялись, произошелъ изъ-за того, что воеводы и приказные люди, обязанные носить парики, завели себѣ особыя болвашки, на которыя вѣшали парики, когда ложились спать.

100 свадебъ. Но на свадьбахъ не обошлось безъ пировъ и подпитія, а потому къ вечеру вспыхнулъ настоящій бунтъ: убили воеводу Ржевскаго, убили иностранцевъ офицеровъ и много другихъ начальствующихъ лицъ. Когда началось дѣло, раздались крики: «Надо идти въ Москву, провѣдать про государя — живъ ли онъ?» — «Живъ-то живъ, да въ заточеніи въ Стеклянномъ городѣ — закладенъ въ столпъ, а на Москвѣ не прямой государь — настоящаго надо выручить». Такъ несчастные темные люди во имя государя шли противъ государя, во имя правды творили беззаконіе и жестокости. Бунтовщики стали звать терскихъ и донскихъ казаковъ на подмогу, говоря: «Стали мы въ Астрахани за вѣру христіанскую, и за нѣмецкое платье, и за табакъ». Терскіе казаки замутились и перебили много начальныхъ людей, но донскіе казаки, къ великому удовольствію царя, отказались и отписали: «Мы къ вашему союзу пристать не хотимъ: съ кѣмъ вы думали себѣ въ Астрахани, тѣмъ себѣ и дѣлайте». Если бы случилось иначе, то великая бѣда грозила бы всей русской землѣ, такъ какъ астраханцы собирались въ случаѣ присоединенія донцевъ, взявъ Царицынъ боемъ, идти къ Москвѣ и по дорогѣ брать города, а противниковъ побивать до смерти.

Отношеніе царя къ бунту и бунтующимъ.

Царь при первомъ же извѣстіи о бунтѣ вѣрно оцѣнилъ его опасность и, не зная объ отказѣ казаковъ пристать къ бунтующимъ, сдѣлалъ распоряженіе о немедленномъ выступленіи войскъ къ Астрахани и приказалъ «всякаго ради случая» вывести изъ Москвы святыни и деньги. Зато, когда пришло извѣстіе о спокойствіи на Дону, государь въ глубокой радости и какъ бы изумленіи писалъ Апраксину: «Письма ваши принялъ, изъ которыхъ выразумѣлъ, что всемилостивѣйшій Господь не въ конецъ гнѣвъ Свой пролити изволилъ, а чудеснымъ образомъ огнь огнемъ затушити изволилъ, дабы могли мы видѣть, что вся не въ человѣческой, а въ Его суть волѣ». Царь торопилъ Шереметьева походомъ, но, желая кончить дѣло мирнымъ путемъ, послалъ въ Астрахань грамоту съ увѣщаніемъ къ народу отстать отъ возмутителей и выдать главныхъ зачинщиковъ, за что обѣщалъ полное прощеніе и забвеніе прошлаго. Астраханцы приняли грамоту, какъ самые покорные вѣрноподданные, «за государево здоровье молебствовали» и, выбравъ 8 человѣкъ вѣрныхъ людей, послали государю повинную, въ которой изложили свои нужды и причины своего своеволія. Узнавъ изъ этой повинной, что причиною бунта были невыносимыя притѣсненія начальныхъ людей, государь отпустилъ челобитниковъ съ грамотой, въ которой объявлено было всѣмъ астраханцамъ полное прощеніе. Кромѣ того государь писалъ своимъ воеводамъ, чтобы они не дерзали раздражать казаковъ не только дѣломъ,

но и словомъ, чтобы и зачинщиковъ простили, оставили жить на свободѣ.

Такъ писалъ государь, надѣясь на мирное окончаніе бунта, но не то случилось на дѣлѣ. Сообщенія въ то время были трудныя, астраханцы ничего не знали о царскомъ отвѣтѣ на свою челобитную и волновались; одни стояли за покорность передъ царемъ, другіе за продолженіе бунта. Какъ только благомыслящіе люди, узнавъ о приближеніи Шереметьева 9 марта 1706 года — двинулись къ нему навстрѣчу, стрѣльцы возбудили оставшихся мирныхъ жителей, подняли новый мятежъ, не хотѣли пускать фельдмаршала къ себѣ, и ему пришлось два дня осаждать Астрахань, прежде чѣмъ мятежники сложили оружіе. Съ горечью узналъ объ этомъ государь, но принужденъ былъ отмѣнить свое обѣщаніе всепрощенія: главные зачинщики были схвачены, отправлены въ Москву, и казнены, при чемъ погибло до 300 человѣкъ.

Отчужденіе царевича отъ отца.

Тяжело ложились всѣ эти событія на душу царя, а еще не зналъ онъ въ то время, что сынъ его мало-по-малу переходитъ на сторону его противниковъ, слѣпыхъ приверженцевъ старины. Послѣ отъѣзда Гюйсена, оставшись подъ руководствомъ слабовольнаго Вяземскаго, царевичъ сталъ жить въ своей «компаніи» и чувствовалъ себя гораздо самостоятельнѣе и свободнѣе прежняго. Жилъ онъ по преимуществу въ селѣ Преображенскомъ, жилъ весело, привыкалъ пировать и пить «по-русски» (какъ онъ выражался впослѣдствіи), и никто не останавливалъ его въ этомъ, а между тѣмъ неумѣренное пированіе не могло не вредить его здоровью, некрѣпкому уже отъ природы. И при Гюйсенѣ научные предметы не столько «изучались», сколько «проходились» имъ безъ напряженія, нисколько не развивая его самодѣятельности, чего такъ хотѣлось Петру. Послѣ же отъѣзда Гюйсена царевичъ получилъ полную возможность заниматься только тѣмъ, что ему нравилось, отлынивая отъ ненавистной фортификаціи, геометріи и навигаціи. «Кавалеры», приставленные къ царевичу и воспитатель его Вяземскій — ни въ чемъ не стѣсняли Алексѣя, и хорошо, свободно и весело жилось имъ всѣмъ, пока не получалось извѣстія, что ѣдутъ «высшіе», т. е. самъ отецъ-царь съ его приближенными. Тогда всей «компаніи» становилось «боязно» и страшно, а страшнѣе всего самому царевичу, который, конечно, сознавалъ свою неподготовленность къ строгимъ запросамъ царя и употреблялъ всѣ усилія, чтобы какъ-нибудь замаскировать недочеты своего ученія, какъ-нибудь «избыть» свой экзаменъ, а для этого необходимо было прибѣгать къ утайкѣ и лжи. Когда ложь почему-либо открывалась или успѣхи въ наукахъ оказывались слишкомъ слабыми, царь по своей при-

вычкѣ, по обычаю того суроваго времени, хватался за дубинку, но побои и наказанія, конечно, были плохимъ средствомъ для созданія сердечной довѣрчивости между строгимъ отцомъ и съ дѣтства запуганнымъ сыномъ. Отчужденіе сына отъ отца особенно увеличилось, когда духовникомъ царевича сдѣлался протопопъ Яковъ Игнатьевъ, который по общему отзыву современниковъ, былъ человѣкъ энергичный, умный, богословски образованный и стоялъ несравненно выше всѣхъ «кавалеровъ», окружавшихъ царевича. Яковъ Игнатьевъ скоро получилъ неограниченную власть надъ душою слабовольнаго Алексѣя, который далъ ему клятву почитать его, духовника своего, «за ангела Божія, за апостола Христова и за судію всѣхъ дѣлъ своихъ», обѣщался при этомъ «власти его слушать и покоряться ему во всемъ».

Этотъ энергичный и смѣлый человѣкъ ненавидѣлъ Петра за его нововведенія въ церкви — за учрежденіе «монастырскаго приказа», за стѣсненіе монастырей и монаховъ, за подчиненіе духовныхъ властей власти свѣтской; во всѣхъ поступкахъ царя относительно церкви онъ видѣлъ только личный произволъ одного человѣка и думалъ исправить все зло отстраненіемъ этого человѣка. Разъ на исповѣди царевичъ робко, съ ужасомъ, трепетомъ и слезами раскаянія передалъ ему грѣшную мысль свою — желаніе смерти отцу. «Богъ тебя проститъ. Мы и всѣ желаемъ ему смерти для того, что въ народѣ тяготы много», отвѣчалъ духовникъ и продолжалъ наставлять въ такомъ духѣ несамостоятельнаго Алексѣя. Онъ старался разжигать въ сердцѣ царевича любовь къ матери, называя ее невинной жертвой отцовскаго беззаконія; онъ указывалъ юношѣ, какъ его любятъ въ народѣ; разсказывалъ, какъ его называютъ «надеждой россійской»; говорилъ, что онъ долженъ со временемъ возстановить патріаршество, украсить храмы всякимъ благолѣпіемъ, которое нарушилъ его отецъ, повелѣвъ взять колокола на пушки, отдавъ земли церковныя въ монастыркій приказъ. Остальные члены своей «компаніи» пѣли ту же пѣсню, что запѣвалъ Яковъ Игнатьевъ, и царевичъ воспитывался въ «безплодной, раздражающей и вмѣстѣ съ тѣмъ изсушающей нравственныя силы тайной оппозиціи отцовскому правительству». Не зналъ всего этого Петръ, хотя поручилъ царевича наблюденіямъ своей любимой сестры Наталіи, хотя требовалъ частыхъ донесеній о немъ отъ Вяземскаго. Не зналъ царь, что его сынъ и наслѣдникъ со своими «присными», если не явно, то тайно радуется астраханскому бунту. Не зналъ, что преслѣдуемые имъ за приверженность къ старинѣ находятъ привѣтъ у его сына, а, побывавъ у царевича въ «терему», разносятъ по всей Руси радостную для народа вѣсть, что царевичъ «не въ отца», —

истово посѣщаетъ храмъ Божій, любитъ всякое церковное украшеніе, не любитъ вѣчнаго отцовскаго напряженія и «ищетъ тихаго мирнаго житія».

Не зналъ этого царь, потому что самъ пребывалъ въ вѣчномъ напряженіи и неустанной работѣ, которой требовали отъ него обстоятельства. Тревожили его военныя дѣла — Карлъ дѣйствовалъ рѣшительнѣе прежняго и приказалъ короновать своего ставленника Станислава Лещинскаго на царство, а нашъ союзникъ Августъ такъ хитрилъ, что нельзя было вѣрить ни одному его слову. Продолжая войну въ союзѣ съ Петромъ, Августъ тѣмъ не менѣе всѣми силами стремился къ отдѣльному или «сепаратному» миру съ Карломъ.

Походъ Карла въ Саксонію и Альтранштадтскій миръ.

Шведскій король, раздраженный этимъ двуличіемъ, задумалъ однимъ ударомъ покончить съ Августомъ и сдѣлалъ неожиданное вторженіе въ Саксонію, не встрѣтивъ никакихъ препятствій къ этому, такъ какъ Августъ былъ въ это время въ Польшѣ. Вторженіе шведовъ въ Саксонію произвело потрясающее впечатлѣніе на всѣ государства въ Европѣ: король прусскій и самъ императоръ германскій, заискивая передъ непобѣдимымъ вождемъ непобѣдимаго войска, спѣшили выразить ему свое почтеніе, согласились признать королемъ польскимъ его ставленника Станислава Лещинскаго и предложили ему свое посредничество для заключенія мира съ Августомъ. Но Августъ уже ранѣе ихъ посредничества вошелъ въ переговоры съ Карломъ, и 13 октября въ замкѣ Альтранштадтъ подписанъ былъ тайный договоръ, по которому Августъ отказывался отъ всякихъ притязаній на польскій престолъ, отказывался отъ всѣхъ союзовъ противъ Швеціи, особенно отъ союза съ царемъ московскимъ.

Карлъ поспѣшилъ обнародовать во всеобщее свѣдѣніе этотъ договоръ, и тогда Петръ понялъ, что остается безъ союзниковъ, безъ помощи, одинъ на одинъ съ Карломъ, передъ громкими побѣдами котораго дрожала вся Европа, передъ которымъ заискивали могущественные государи.

Глава XIV.

Борьба съ Карломъ одинъ на одинъ, безъ союзниковъ.

Неудачныя попытки заключить миръ. — Презрительное отношеніе къ Россіи. — Распоряженія о приготовленіяхъ къ войнѣ. — Движеніе башкировъ противъ Россіи. — Неудовольствіе донскихъ казаковъ противъ правительства — Булавинскій бунтъ и призывъ Булавина къ гульбѣ. — Продолжительность и сила бунта. — Возобновленіе военныхъ дѣйствій. — Болѣзнь Петра въ Петербургѣ. — Битва при Головчинѣ. — Назначеніе Алексѣя правителемъ. — Битва подъ Лѣсной и ея значеніе. — Измѣна Мазепы и важное значеніе этой измѣны. — Быстрое подавленіе „пламени войны народной". — Положеніе дѣлъ въ Малороссіи. — Отношеніе къ намъ европейскихъ народовъ. — Заботы царя о защитѣ родины и болѣзнь царевича. — Измѣна запорожцевъ и разореніе Запорожской Сѣчи. — Осада Полтавы Карломъ XII. — Перемѣна дѣлъ съ пріѣздомъ царя подъ Полтаву.

Неудачныя попытки заключить миръ.

Петръ сдѣлалъ попытку къ заключенію мира съ сильнымъ врагомъ, прося посредничества у французскаго короля Людовика XIV, у англійской королевы Анны, у прусскаго короля Вильгельма, у австрійскаго императора, у голландскихъ штатовъ и даже у папы. Желая мира, онъ соглашался «Ревель, а по самой нуждѣ и Нарву уступить», но писалъ, что объ отдачѣ Петербурга «ниже въ мысляхъ имѣть нельзя». Карлъ же на всѣ предложенія мира отвѣчалъ, что согласится на переговоры только тогда, когда царь возвратитъ ему все завоеванное безъ исключенія и вознаградитъ за военныя издержки, говоря, что онъ (Карлъ) скорѣе пожертвуетъ послѣднимъ жителемъ своего государства, чѣмъ согласится оставить Петербургъ въ рукахъ Петра.

Презрительное отношеніе Карла къ Россіи.

Карлъ съ самохвальствомъ заявлялъ, что онъ заключитъ миръ съ Россіей «по-саксонски», т. е. свергнетъ Петра съ престола и посадитъ на его мѣсто царя по своему выбору и желанію, при чемъ добавлялъ, что скоро навѣститъ варваровъ въ ихъ Москвѣ, что въ осадѣ Нарвы и другихъ

городовъ времени терять не будетъ, а обойдется безъ этого, такъ какъ многіе князья въ Москвѣ ему преданы. Войско русское онъ считаетъ ни во что и прямо говорилъ, что побьетъ и погонитъ его не ружьями и пулями, а плетьми. Понятно, что при такомъ настроеніи молодого короля никакое посредничество не могло помочь дѣлу.

Распоряженія о приготовленіяхъ къ войнѣ.

Петръ понялъ, что нужно будетъ «взять войну на одни русскія плечи», и въ началѣ 1707 года сталъ дѣлать распоряженія, какъ встрѣтить врага и, по возможности избѣгая генеральнаго сраженія, изнурять непріятельскія войска непрерывными стычками, въ то же время лишая ихъ провіанта и пристанища. Въ январѣ 1707 года Петръ писалъ Апраксину: «Хотя непріятель еще не думаетъ изъ Саксоніи идти, однако лучше заранѣе отъ границъ указъ дать, чтобы въ началѣ весны хлѣбъ ни у кого явно не стоялъ, ни въ житницахъ, ни въ гумнахъ, но въ лѣсахъ или ямахъ спрятанъ былъ, чтобы для скота и людей въ лѣсахъ же и болотахъ не въ ближнихъ мѣстахъ отъ большихъ дорогъ заранѣе приготовлены были помѣщенія — такъ какъ, если непріятель похочетъ, обойдя войско, впасть внутрь, тогда вездѣ ничего не найдетъ, и потомъ войскомъ сзади будетъ захваченъ, тогда самъ не радъ будетъ своему начинанію». Всего любопытнѣе окончаніе этого письма къ Апраксину: «Сіе надлежитъ заранѣе людямъ объявить, понеже [1] сія людямъ не безъ сомнѣнія и страха будетъ, однакожъ, когда заранѣе увѣдаютъ, то въ нѣсколько недѣль обмыслятъ и ни во что страхъ тотъ будетъ, тогда хотя и впрямь (чего еще и не чаемъ за помощью Божіею) то впаденіе [т. е. нападеніе] будетъ, тогда не такъ будетъ людямъ страшно, понеже уже давно вѣдали, къ тому же и убытку такого не понесутъ отъ непріятеля».

Развѣ не видится въ каждомъ словѣ письма забота о народѣ, забота воспитателя народнаго, увѣреннаго въ нравственной силѣ и разумѣ своего народа? Надо предупредить народъ, чтобы «въ нѣсколько недѣль обмыслили», чтобы не такъ страшно было отъ непріятельскаго нашествія, чтобы убытка было возможно меньше. Дѣлались эти распоряженія заблаговременно, когда Карлъ и не думалъ еще изъ Саксоніи идти, дѣлались ради успокоенія народа, для предупрежденія лишнихъ бѣдствій.

Движеніе башкировъ противъ Россіи.

Между тѣмъ царскіе воеводы и прибыльщики, «радѣя о пользѣ своей, а не государевой», такъ плохо обращались съ народомъ, что на востокѣ въ концѣ 1707 года вспыхнулъ бунтъ между башкирами, а въ концѣ этого же года и на Дону. Пролиты были потоки крови, истре-

---

[1] Понеже — потому что.

блены бунтовщиками башкирами сотни мѣстечекъ и болѣе тысячи селъ и деревень. Бунтующихъ пришлось усмирять военными мѣрами, и несчастный мятежъ башкирскій длился почти полтора года.

Неудовольствіе донскихъ казаковъ противъ правительства.

Этотъ мятежъ, разыгравшійся въ заволжскихъ степяхъ и лѣсахъ, не былъ такъ упоренъ и ужасенъ, какъ бунтъ донскихъ казаковъ подъ начальствомъ храбраго, но свирѣпаго и отважнаго атамана Булавина, который напоминалъ своею отвагой и дерзостью знаменитаго Стеньку Разина. Этотъ бунтъ, охватившій все пространство южнорусскихъ степей, вовлекшій въ борьбу съ государевымъ войскомъ все казачество днѣпровское, донское, терское и приволжское, былъ страшно опасенъ и стоилъ тысячи жертвъ какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Царь-воспитатель и преобразователь не могъ не стѣснять своеволія казаковъ — не могъ допустить, чтобъ отъ работы и труда люди бѣгали на вольный Донъ, въ вольныя станицы только для гульбы и бездѣлья, а потому по необходимости долженъ былъ требовать выдачи бѣглецовъ съ Дона. Донцы же упрямо отвѣчали: «Съ Дона выдачи нѣтъ», и тайно, и явно выражали неудовольствіе на царскіе указы.

Булавинскій бунтъ и призывъ Булавина къ гульбѣ.

Когда же въ 1707 году князь Долгорукій присланъ былъ для поимки бѣглецовъ, то его убили, а затѣмъ и явно уже встали противъ всѣхъ царскихъ указовъ, при чемъ Булавинъ открыто сталъ разсылать по станицамъ и городамъ призывные листы. «Атаманы, молодцы, дорожные охотники, вольные всякихъ чиновъ люди, воры и разбойники! Кто похочетъ съ военнымъ походнымъ атаманомъ Кондратіемъ Афанасьевичемъ Булавинымъ, кто похочетъ съ нимъ гулять по чисту полю, красно походить, сладко попить да поѣсть, на добрыхъ коняхъ поѣздить, то пріѣзжайте въ черныя вершины самарскія». Такимъ образомъ Булавинъ въ самыхъ своихъ грамотахъ призывалъ къ разбою и звѣрству, а главное къ гульбѣ и къ безшабашному веселью, тогда какъ отъ царя шелъ призывъ только къ труду и упорной работѣ.

Продолжительность и сила бунта.

Царь хорошо понималъ всю опасность этого разбойничьяго движенія, и между тѣмъ какъ во время астраханскаго мятежа наказывалъ дѣйствовать какъ можно мягче, тутъ, напротивъ, требовалъ самыхъ строгихъ мѣръ — разоренія городковъ, приставшихъ къ разбойникамъ, казней зачинщиковъ, и казней самыхъ грозныхъ, «ибо сія сарынь [1] кромѣ жесточи не можетъ унята быть». Все время слѣдя за Булавинскимъ движеніемъ, Петръ руководилъ дѣйствіемъ воеводъ въ возставшемъ краѣ, указывалъ какого направленія держаться въ своихъ передвиженіяхъ, какіе пункты

[1] Сарынь — толпа.

особенно беречь, какіе городки могутъ быть особенно опасны, и наказывалъ особенно беречь станицу Черкасы и городъ Азовъ, такъ какъ тогда «зѣло будутъ трудны и отчаянны тѣ мѣста».

Черкасы были взяты, но подъ Азовомъ Булавинъ потерпѣлъ пораженіе и кончилъ жизнь самоубійствомъ. Товарищи его однако продолжали начатое имъ предпріятіе: мечтали идти до Москвы, перебить всѣхъ бояръ, нѣмцевъ и прибыльщиковъ. Но борьба оказалась неравной — правильно устроенныя войска одолѣли, и казаки были истреблены массами, а городки ихъ выжжены до основанія. Борьба была неизбѣжная, но мучительно тяжелая для царя, который долженъ былъ одновременно защищать родную страну и съ запада отъ шведскаго короля, и съ юго-востока отъ своихъ воровъ и разбойниковъ.

Возобновленіе военныхъ дѣйствій.

Карлъ двинулся изъ Саксоніи въ августѣ 1707 года и почти четыре мѣсяца пробылъ въ Польшѣ, при чемъ поляки терпѣли такія преслѣдованія отъ шведовъ, что отъ души возненавидѣли ихъ, и ужъ весь народъ преслѣдовалъ ихъ, — истребляя провіантъ на ихъ пути, сжигая жилища и подстрѣливая сколько-нибудь зазѣвавшихся шведовъ изъ-за угловъ, изъ-за кустовъ, гдѣ только было возможно. Съ такой же ненавистью встрѣтили шведовъ и въ Литвѣ, и народная война продолжалась.

Совершенно неизвѣстно было, куда двинется Карлъ изъ Литвы. Онъ самъ не зналъ этого и со смѣхомъ говорилъ своимъ генераламъ, что и безъ плана и безъ обдуманныхъ дѣйствій всегда сумѣетъ одолѣть русскихъ. Благодаря этому отсутствію плана, Карлъ кидался то къ сѣверо-востоку и, казалось, хотѣлъ идти на Псковъ и Новгородъ, то дѣлалъ передвиженіе войскъ на юго-востокъ, и можно было ждать движенія къ Москвѣ.

Болѣзнь Петра въ Петербургѣ.

Царь въ это время принужденъ былъ удалиться въ Петербургъ и лѣчиться отъ сильной лихорадки, которая совершенно измучила его, но онъ хоть и «обезсилѣлъ отъ лѣкарства, какъ младенецъ» (по его собственному выраженію), а все же дѣлалъ распоряженія о защитѣ Москвы и Петербурга: заложилъ каменную крѣпость въ своемъ «Парадизѣ» (какъ онъ звалъ Петербургъ), указывалъ, какъ укрѣпить Москву новыми больварками [1], какъ прятать хлѣбные запасы, какъ увозить «святыни», какъ удалить изъ Москвы плѣнныхъ шведовъ, чтобы они не передались Карлу, какъ перелить въ монету серебряныя и золотыя вещи, хранящіяся въ разныхъ приказахъ, какъ вывезти казну изъ Москвы на случай прихода непріятеля. Ни одна мелочь не была забыта въ этихъ

[1] Больварки — укрѣпленія, гдѣ ставились пушки; теперь они называются бастіонами.

указаніяхъ; царь только просилъ дать ему возможность долѣчиться въ любимомъ Петербургѣ и писалъ Меншикову въ маѣ: «Зѣло прошу о себѣ, дабы первѣе не позванъ былъ, пока самая совершенная вѣдомость о его непріятельскомъ походѣ прямо на войска не будетъ, дабы мнѣ хотя мало исправиться отъ болѣзни. А *самъ*, ваша милость, *вѣдаешь*, что николи я такъ не писывалъ; но Богъ видитъ, мочи нѣтъ — ибо безъ *здоровья и силы служить невозможно,* но ежели бъ недѣль 5—6 съ сего времени еще здѣсь побыть и лѣкарства употреблять, то бъ надѣялся съ помощью Божіей здоровъ съ вами быть». Любимецъ царскій, конечно, старался исполнить просьбу царя объ отпускѣ его на лѣченье и употреблялъ всѣ мѣры, чтобы обезсилить «шведа», не давая большой «баталіи».

Битва при Головчинѣ.

Баталія все же произошла 2 іюня 1708 года при мѣстечкѣ Головчинѣ, и наши принуждены были отступить, хотя совершили отступленіе въ полномъ порядкѣ. Государь уже былъ на пути въ армію, когда получилъ донесеніе объ этой битвѣ — и нисколько не разсердился на отступленіе, не испугался его, а, какъ истинный педагогъ, радуясь успѣхамъ прежде безнадежныхъ учениковъ, писалъ Апраксину: «Я зѣло благодарю Бога, что наши прежде генеральной баталіи видѣлись съ непріятелемъ хорошенько, и что отъ всей его арміи одна наша треть такъ выдержала и хорошо отошла». Такимъ образомъ радость педагога объ успѣхахъ учениковъ превышала гнѣвъ Петра, какъ царя и главнокомандующаго.

Карлъ мучилъ царя и его приближенныхъ своими быстрыми и неожиданными переходами въ занятомъ имъ краѣ, но положеніе его войскъ дѣлалось часъ отъ часу затруднительнѣе въ разоренномъ, искусственно опустошенномъ краю: они не находили ни пристанища, ни продовольствія и принуждены были питаться полусырыми колосьями, которые сами должны были срывать, молотить и молоть между камнями. Въ войскѣ появились болѣзни, усилилась смертность, и прежняя безусловная преданность непобѣдимому вождю смѣнилась ропотомъ и недовольствомъ; солдаты говорили: «Мы мремъ, какъ мухи, а на все у насъ только три доктора: докторъ-водка, докторъ-рѣдька, докторъ-смерть».

Карлъ зналъ, конечно, о печальномъ положеніи своего войска, но какъ бы нарочно закрывалъ на все глаза и не обращалъ, казалось, вниманія на успѣхи русскихъ въ военномъ дѣлѣ, хотя при первой встрѣчѣ подъ Головчинымъ могъ убѣдиться въ этомъ. Тутъ (по выраженію Пушкина) впервые

Увидѣлъ Карлъ могучій
Ужъ не разстроенныя тучи

Несчастныхъ нарвскихъ бѣглецовъ,
А нить полковъ блестящихъ, стройныхъ,
Послушныхъ, бодрыхъ и спокойныхъ
И рядъ незыблемыхъ штыковъ.

Порывисто-неожиданные переходы Карла съ мѣста на мѣсто ясно показываютъ, что онъ былъ неспокоенъ, что успѣхи русскихъ были имъ замѣчены, но онъ ни за что не хотѣлъ сознаться въ этомъ.

Назначеніе Алексѣя правителемъ

Оправившись отъ болѣзни, царь отправился съ своимъ войскомъ въ мѣстечко Жолкву, гдѣ остановился, поджидая движенія Карла на Москву. Тутъ получилъ онъ извѣстіе отъ сестры своей Натальи Алексѣевны, что Алексѣй не только переписывается съ матерью, но, пользуясь болѣзнью отца, успѣлъ съѣздить къ ней въ Суздаль. Царь, который не зналъ и даже не подозрѣвалъ, что сынъ его находится всецѣло въ рукахъ его враговъ (такъ хитро дѣйствовали эти враги), пришелъ въ негодованіе, что сынъ нарушилъ завѣтъ его — не видѣться съ матерью, и потребовалъ Алексѣя къ себѣ въ Жолкву. Съ понятнымъ страхомъ ѣхалъ Алексѣй на это свиданіе. Что произошло тогда между отцомъ и сыномъ, никто не знаетъ, но Петръ увидѣлъ передъ собою уже не мальчика, а юношу, мало подготовленнаго, правда, но годнаго уже къ работѣ, и рѣшилъ, что взрослаго сына оставлять безъ отвѣтственнаго дѣла нельзя, что можно требовать отъ него настоящаго служенія отечеству. Время было нудное, вездѣ были нужны рабочіе люди, надзиратели, а кто же лучше сына могъ учинить этотъ надзоръ? И вотъ царь сразу назначаетъ его «правителемъ». Поручаетъ ему наблюдать за укрѣпленіемъ Москвы на случай прихода шведовъ, собирать рекрутовъ въ Смоленскѣ и обучать ихъ военному строю, но вмѣстѣ съ тѣмъ «наказываетъ» и учиться, потому что ученье запущено, а учиться никогда не поздно. Какъ сынъ отнесся къ порученію отца, какъ безнадежно смотрѣлъ на будущее и какъ мало вѣрилъ въ успѣхъ отцовскихъ трудовъ показываютъ письма царевича къ духовнику: «Король шведскій намѣренъ идти къ Москвѣ, и отъ батюшки посланъ къ вамъ Мусинъ-Пушкинъ, чтобы городъ крѣпить отъ непріятеля, но будетъ [но если] войска наши, при батюшкѣ сущія, его не удержатъ, вамъ нечѣмъ его удержать: сіе изволь про себя держать и инымъ не объявлять до времени, и изволь смотрѣть мѣста, куда бы выѣхать, когда сіе будетъ». Такъ царскій сынъ заранѣе осуждалъ на гибель дѣло отца, заранѣе озабочивался о спасеніи любимаго человѣка и о немъ одномъ, а не о Россіи думалъ . . .

Карлъ довольно долго стоялъ въ Могилевѣ, потомъ хотѣлъ пройти на Смоленскъ, но, потерпѣвъ небольшое пораженіе, вернулся въ Моги-

левъ, оттуда сталъ торопить своего испытаннаго полководца Левенгаупта, прося привести ему изъ Лифляндіи подмогу войскомъ, а главное съѣстными припасами. Однако не дождался король его прибытія и безъ всякой нужды двинулся на Украйну, оставивъ Левенгаупта на жертву русскимъ; двѣ рѣки, Сожъ и Днѣпръ, отдѣляли его отъ Карла, а между этими рѣками стоялъ Петръ со своими войсками. Узнавъ о приближеніи Левенгаупта, царь двинулся ему наперерѣзъ, настигъ его въ деревнѣ Лѣсной и 26 сентября послѣ 12 часовъ боя нанесъ ему жестокое пораженіе: половина шведовъ была убита, остальные едва спаслись и явились къ королю безъ провіанта и пороха, прибавивъ только число «голодныхъ ртовъ къ пустымъ желудкамъ»; весь обозъ и множество знаменъ достались русскимъ. Впослѣдствіи Петръ писалъ, что эта побѣда — «мать Полтавской побѣды, понеже тутъ первая проба солдатъ была и людей конечно ободрила».

Битва подъ Лѣсной и ея значеніе.

Для царя не былъ неожиданъ походъ Карла на Украйну, онъ давно предвидѣлъ это движеніе и еще за годъ передъ тѣмъ отдавалъ распоряженія гетману Мазепѣ, какъ устраивать засѣки для защиты мѣстечекъ, какъ вывозить и прятать запасы, какъ собирать полки. Онъ предвидѣлъ движеніе Карла, но былъ спокоенъ, увѣренный, что его умный, испытанный въ вѣрности гетманъ Мазепа сумѣетъ достойно встрѣтить непріятеля; поэтому онъ послалъ ему только небольшой вспомогательный отрядъ подъ начальствомъ Меншикова, а самъ остался на Волыни, чтобы сторожить движеніе непріятеля. Но тутъ совершенно неожиданно получилъ извѣстіе объ измѣнѣ Мазепы, о переходѣ его съ войсковой старшиной [1] и сердюками [2] на сторону непріятеля. Ударъ былъ совершенно неожиданъ. Мазепа такъ умно, такъ ловко держалъ себя, что царь вѣрилъ ему безусловно. Незадолго передъ тѣмъ онъ выдалъ ему на полную волю Искру и Кочубея, которые открыли государю «злой умыселъ Мазепы» и которымъ царь не повѣрилъ. И вдругъ вмѣсто друга въ благодатномъ краю Малороссіи является опасный врагъ, знающій всѣ особенности страны, могущій поднять весь народъ противъ царя Россіи!

Измѣна Мазепы и важное значеніе этой измѣны.

27 октября, черезъ мѣсяцъ послѣ счастливой для насъ битвы подъ Лѣсной, государь получилъ письмо Меншикова объ измѣнѣ Мазепы и въ ту же ночь написалъ любимцу: «Письмо ваше о нечаянномъ зломъ случаѣ измѣны гетманской мы получили съ великимъ удивленіемъ, и

Быстрое подавленіе „пламени войны народной“.

[1] Войсковая старшина — старшіе чины въ войскѣ, ближайшіе совѣтники гетмана.

[2] Сердюки — гетманская гвардія, отборное войско.

пынѣ надлежитъ трудиться, какъ бы этому злу забѣжать». Чтобы «забѣжать злу», царь на другой же день спѣшилъ обнародовать манифестъ, въ которомъ объяснялъ малороссійскому народу, что Мазепа, «забывъ страхъ Божій и крестное цѣлованіе, измѣнилъ и передался шведскому королю и королю польскому, дабы Малороссскую землю поработить попрежнему подъ владѣніе польское и церкви Божіи и святые монастыри отдать въ унію». Для пресѣченія этого зла царь звалъ, чтобы «вся старшина генеральная и полковая съѣзжалась немедленно въ городъ Глуховъ для избранія по правамъ и вольностямъ своими вольными голосами новаго гетмана, въ чемъ крайняя нужда и спасеніе всея Малыя Россіи состоитъ». При этомъ государь въ своемъ манифестѣ обѣщалъ сложить многіе поборы, неправильно наложенные Мазепой. Меншикову онъ приказалъ идти къ столицѣ гетманской Батурину, чтобы взять его ранѣе возвращенія гетмана, который спѣшилъ къ своему городу вмѣстѣ съ вспомогательными шведскими отрядами, зная, что въ городѣ находятся громадные запасы хлѣба, огнестрѣльнаго оружія и провіанта. Спѣшилъ Мазепа, но и царь не дремалъ: черезъ искусныхъ лазутчиковъ слѣдя за движеніемъ шведскихъ отрядовъ, онъ ежедневно, иногда по два раза въ день, писалъ своему Данилычу, торопя его какъ можно «разорить проклятое гнѣздо».

Данилычъ не даромъ пользовался любовью великаго царя: дѣйствуя по-петровски, онъ 31 октября былъ уже подъ Батуринымъ, послѣ упорнаго штурма взялъ его и, вывезя оттуда всѣ съѣстные припасы, гетманскую казну и знаки гетманскаго достоинства (бунчукъ и булаву), выведя мѣстныхъ жителей, приказалъ сжечь городъ и до тла уничтожить. Это было исполнено почти въ глазахъ короля и Мазепы, которые подошли въ это время къ Батурину и вмѣсто прежней крѣпости увидѣли груды развалинъ. Гибель Батурина была великимъ ударомъ для Мазепы и шведскаго короля, такъ какъ они лишены были провіанта и огнестрѣльнаго оружія: кромѣ того взятіе города подрывало нравственныя силы шведовъ, которые сами стали сомнѣваться въ своей непобѣдимости. Царь однако не ограничился этими мѣрами: 7 ноября была созвана рада въ Глуховѣ для выборовъ новаго гетмана, и казаки по обычаю своему, вольными голосами выбрали новаго гетмана Скоропадскаго. 8 числа пріѣхали въ Глуховъ епископы и 9-го публично предали Мазепу проклятію, послѣ чего повѣсили куклу, изображавшую гетмана, а 10-го въ Глуховѣ казнили защитника Батурина — Чечеля.

Своими рѣшительными и быстрыми мѣрами царь (по выраженію Пушкина) потушилъ «пламя войны народной», «осиротилъ бунтъ», ли-

шивъ его самыхъ смѣлыхъ предводителей. Поразивъ простой народъ ужасомъ церковнаго проклятья измѣннику Мазепѣ, а главное, допустивъ вольное избраніе гетмана на шумной радѣ, онъ подорвалъ довѣріе къ словамъ Мазепы, который поднималъ народъ противъ царя московскаго именно слухами о томъ, что вольности казацкія будутъ отняты и вольные казаки будутъ обращены въ солдатъ.

Положеніе дѣлъ въ Малороссіи. — Отношеніе къ намъ европейскихъ народовъ.

Къ Мазепѣ и Карлу передались только какія-нибудь сотни людей, простой народъ остался вѣренъ царю и православію, никто не пошелъ за Карломъ. Напротивъ, противъ шведовъ началась настоящая партизанская война — отказывали въ подвозѣ провіанта, дѣлали нападенія на отдѣльные шведскіе отряды, истощая силы непріятеля мелкими, но непрестанными стычками. Переходъ стараго гетмана на шведскую сторону не принесъ Карлу никакой выгоды. А тутъ къ концу 1708 года прибавился еще лютый, неожиданный врагъ, сильнѣйшіе морозы, которые доходили до 40°, такъ что и привычные люди знобили себѣ руки и ноги, даже птицы замерзали на лету и падали мертвыми. Зима прошла безъ особенныхъ стычекъ, но государь ни одной минуты не былъ спокоенъ, такъ какъ Карлъ усердно подымалъ на насъ и поляковъ, и татаръ, и турокъ. Можно было ждать нападеній отовсюду, а всѣ европейскія державы явно склонялись на сторону Карла: даже въ Англіи признали его ставленника, Станислава Лещинскаго, польскимъ королемъ и съ нашимъ посланникомъ обращались небрежно до дерзости. Дворы прусскій и ганноверскій внушали всѣмъ государямъ Европы, что всѣмъ надо опасаться державы московской: «Если Москва вступитъ въ великій союзъ державъ европейскихъ, вмѣшается въ европейскія дѣла, навыкнетъ военному искусству и сотретъ шведа, который одинъ заслоняетъ отъ нея Европу, то нельзя будетъ помѣшать ея дальнѣйшему распространенію въ Европѣ. Для предотвращенія этого союзникамъ надо удержать царя внѣ Европы, не принимать его въ свой союзъ, мѣшать ему въ обученіи войска и въ настоящей войнѣ между Швеціей и Москвой помогать первой, т. е. Швеціи».

Заботы царя о защитѣ родины и болѣзнь царевича.

Зная черезъ своихъ посланниковъ по ихъ донесеніямъ о такомъ сильномъ предубѣжденіи иноземцевъ противъ Россіи, Петръ долженъ былъ особенно озаботиться о защитѣ родины и, усиливая свои войска, предписалъ и сыну наскоро приготовить полки въ Москвѣ и вести ихъ къ себѣ въ Малороссію. Царевичъ, вообще лѣниво и неохотно помогавшій отцу, на этотъ разъ въ сознаніи серьезной опасности для всего государства проявилъ необыкновенную дѣятельность: собралъ, обучилъ и обмундировалъ пять полковъ и самъ, приведя ихъ въ Сумы, представилъ на смотръ

отцу, но тутъ же въ Сумахъ заболѣлъ жестоко. Тогда царь, вообще скупой въ проявленіи своей любви къ сыну, «забылъ войну, отчизну, тронъ», забылъ опасность, грозящую его Россіи, и, всецѣло отдавшись заботамъ о сынѣ, дни и ночи проводилъ у постели больного и только писалъ Шереметьеву: «чините безъ меня что надобно, ибо сынъ мой боленъ». Это краткое заявленіе «сынъ мой боленъ» показываетъ глубокое огорченіе царя, силу его отцовскаго чувства. Во время своей болѣзни онъ извинялся въ невозможности нести службу, а тутъ ему уже не до объясненій. «Чините безъ меня что надобно, ибо сынъ мой боленъ»! Въ этомъ восклицаніи сказывается всепоглощающая боль отцовскаго сердца. Петръ оставался при сынѣ, пока онъ не поправился и не сталъ на ноги, а потомъ поспѣшилъ въ Воронежъ, такъ какъ прошелъ и упорно держался слухъ, что Карлъ намѣренъ идти именно на этотъ городъ, чтобы уничтожить любимое дѣтище государя — его флотъ. Слухи оказались напрасными. Карлъ не выходилъ изъ предѣловъ Украйны, въ теченіе зимы не предпринималъ никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій, только старался привлечь къ себѣ малороссовъ, смущая ихъ своими «прелестными письмами».

Измѣна запорожцевъ и разореніе Запорожской Сѣчи.

На эти «прельщающія письма» поддались только запорожцы, которые рѣшили «быть на Мазепиной сторонѣ» и дѣйствовать противъ царскихъ войскъ. Движеніе запорожцевъ было очень опасно для царя, такъ какъ могло увлечь всѣхъ малороссовъ, и царь далъ Меншикову приказъ взять и разорить Сѣчь.

Приказъ былъ исполненъ въ точности полковникомъ Яковлевымъ, и 23 мая царь радостно писалъ Меншикову: «Сего для получили мы отъ васъ письмо о разореніи проклятаго мѣста, которое корень зла, надежда непріятелю была, и вамъ за то премного благодарствуемъ». Царь такимъ образомъ принялъ всѣ зависящія отъ него мѣры для спасенія родины и ждалъ рѣшительныхъ дѣйствій со стороны Карла.

Осада Полтавы Карломъ XII.

Карлъ, переходя съ мѣста на мѣсто по всей Малороссіи, занялъ наконецъ безопасное и удобное для себя мѣсто между рѣками Ворсклой и Пселомъ, которыя ограждали его отъ внезапныхъ дѣйствій нашихъ войскъ, и рѣшилъ здѣсь дожидаться обѣщанной помощи отъ крымскаго хана и польскаго короля Станислава Лещинскаго. Но спокойному отдыху Карла мѣшала Полтава, изъ которой русскіе легко могли вредить ему, такъ какъ въ крѣпости было до 7,500 защитниковъ, богатые запасы провіанта и пороха. Карлъ и рѣшилъ взять ее, надѣясь сдѣлать это легко, такъ какъ наши войска стояли очень далеко и никакимъ образомъ не могли подойти къ Полтавѣ, отдѣленныя отъ нея топкими непроходимыми

болотами, тянувшимися по всему правому берегу рѣки. Въ началѣ апрѣля Карлъ сдѣлалъ попытку взять городъ неожиданной атакой, но гарнизономъ крѣпости командовалъ храбрый и энергичный полковникъ Келенъ, который отбилъ атаку. Тогда Карлъ приказалъ осадить крѣпость и возвести вокругъ нея такія укрѣпленія, которыя отрѣзали бы ее отъ всякаго общенія съ внѣшнимъ міромъ и тѣмъ, лишивъ жителей провіанта, принудили къ сдачѣ. Время, казалось, вполнѣ благопріятствовало Карлу: часть русскихъ была занята въ Запорожьѣ, государь въ Воронежѣ захворалъ и слегъ, всѣ вообще войска были далеко. Меншиковъ однако узналъ объ осадѣ, тотчасъ двинулъ свои войска къ берегу рѣки и занялъ позицію какъ разъ противъ Полтавы въ деревнѣ «Крутой берегъ». Названіе это являлось какъ бы насмѣшкой, такъ какъ на самомъ дѣлѣ деревня отдѣлялась отъ настоящаго берега непроходимыми болотами. Тогда шведы построили на правомъ берегу Ворсклы, противъ единственнаго моста черезъ рѣку сильное укрѣпленіе и, отрѣзавъ Полтаву отъ всякаго общенія съ внѣшнимъ міромъ, стали все ближе и ближе подвигаться къ городу своими укрѣпленіями. Наконецъ 1 іюня они начали сильную бомбардировку и даже сдѣлали внезапное нападеніе на крѣпость, но были отбиты. Все время инженерной осады въ теченіе всего мая войска Меншикова и подошедшаго къ нему Шереметьева были только праздными зрителями этой осады; стоя на правомъ берегу, они старались, правда, отвлечь вниманіе шведовъ отъ осажденнаго города, старались проложить дорогу къ рѣкѣ и устроить гати изъ фашинъ, но непроходимыхъ болотъ засыпать не могли.

Перемѣна дѣлъ съ пріѣздомъ царя подъ Полтаву.

4 іюня пріѣхалъ въ армію государь, едва оправившійся отъ новаго приступа лихорадки, и дѣло сразу перемѣнилось. Во-первыхъ, государь поспѣшилъ увѣдомить гарнизонъ крѣпости о своемъ пріѣздѣ и подбодрить обѣщаніемъ скорой помощи, во-вторыхъ, повелѣлъ искать бродовъ и мѣстъ для переправы и выше и ниже Полтавы по теченію рѣки, принявъ по обыкновенію самое дѣятельное участіе въ этихъ поискахъ. Царское письмо было брошено осажденнымъ въ пустой бомбѣ и такъ подняло духъ войскъ и жителей, что въ тотъ же день, собравшись въ соборной церкви, они дали клятвенное обѣщаніе защищаться до послѣдней капли крови и даже объявили смертную казнь тѣмъ, которые бы пожелали сдать городъ, о чемъ дали знать государю, переславъ письмо также въ пустой бомбѣ. Государь былъ обрадованъ такимъ рѣшеніемъ осажденныхъ, но изъ донесеній Келена, каждый день пересылаемыхъ въ пустой бомбѣ, узналъ, что положеніе крѣпости съ каждымъ днемъ дѣлается затруднительнѣе, что она уже близка къ паденію. Это заставило царя

призадуматься: — отдать крѣпость въ руки непріятелю значило бы поднять упавшій духъ въ шведскомъ войскѣ, значило бы передать шведамъ все теченіе рѣки Ворсклы, что могло бы поднять вѣру въ непобѣдимость шведовъ среди колеблющагося народа Украйны, и Петръ рѣшился наконецъ дать «генеральную баталію».

Глава XV.

Полтава.

Рѣшеніе дать „генеральную баталію“ и приготовленія къ ней. — Постройка ряда редутовъ. — Воззваніе къ солдатамъ передъ битвой. — Въ шведскомъ лагерѣ. — Первое движеніе непріятелей. — Разгаръ битвы. — Смятеніе въ шведскомъ войскѣ и бѣгство короля и войска. — Празднованіе побѣды на полѣ сраженія. — Распоряженія послѣ битвы и погребеніе павшихъ въ сраженіи. — Плѣненіе шведскихъ войскъ при Переволочнѣ. — Награды за Полтавскую побѣду и общая радость. — Перемѣна въ отношеніи къ намъ европейскихъ державъ. — Отправка царевича Алексѣя за границу. — Труды государя послѣ Полтавской побѣды. — Празднованіе побѣды въ Москвѣ.

Рѣшеніе дать „генеральную баталію“ и приготовленія къ ней.

Петръ рѣшился наконецъ дать «генеральную баталію», которой давно ждалъ Карлъ и которой царь избѣгалъ цѣлыхъ 9 лѣтъ, какъ «дѣло зѣло опасное», зависящее отъ счастья и удачи.

На этотъ разъ всѣ преимущества были на русской сторонѣ: наши войска превосходили шведскія и численностью, и числомъ пушекъ, и богатыми запасами провіанта, а главное бодростью духа; но все же Петръ не безъ страха и съ обычною предусмотрительностью принялся за исполненіе великаго дѣла. Продолжая, повидимому, работы по укрѣпленію болота противъ Полтавы, царь тѣмъ не менѣе 19 іюня перевелъ войска верстъ за 20 выше Полтавы и тутъ, у деревни Петровки, переправилъ ихъ на правый берегъ, частью по наведеннымъ мостамъ, частью въ бродъ, а потомъ передвинулъ осторожно къ деревнѣ Яковцы, которая находилась всего въ 5 верстахъ отъ Полтавы и изъ которой уже всегда легко было подать помощь осажденнымъ. Около этой деревни подъ личнымъ руководствомъ государя былъ устроенъ прекрасно укрѣпленный лагерь (*В*; см. планъ, стр. 147), и къ 25 іюня уже всѣ войска сосредоточились въ немъ. Лагерь былъ устроенъ на открытомъ мѣстѣ, гдѣ и должно было произойти сраженіе. Къ сѣверу отъ этой равнины возвы-

шался густой и малопроходимый Будищенскій лѣсъ, къ югу еще болѣе обширный лѣсъ монастырскій, отдѣляющій деревню Яковцы отъ Полтавы. Такъ какъ въ то время всѣ войска сражались не иначе какъ плотными густыми массами, то они могли двигаться только по мѣстности ровной, открытой, а всякое препятствіе, даже отдѣльныя деревья разрушали строй. Зная это непремѣнное условіе боя, государь изъ осмотра мѣстности убѣдился, что нападеніе шведовъ можетъ состояться только въ томъ промежуткѣ, который былъ между Будищенскимъ и монастырскимъ лѣсами, и постарался укрѣпить этотъ проходъ.

Постройка ряда редутовъ.

Государь хотѣлъ дать сраженіе не раньше 29 іюня, когда къ нему должны были поспѣть на помощь 40,000 калмыковъ, но, зная нетерпѣливый характеръ Карла, предусматривалъ неожиданное нападеніе съ его стороны и, чтобы затруднить движеніе его арміи, приказалъ построить въ промежуткѣ между Будищенскимъ и монастырскимъ лѣсомъ рядъ особыхъ укрѣпленій, извѣстныхъ подъ именемъ редутовъ. Редутомъ называется укрѣпленіе, построенное многоугольникомъ, съ глубокимъ рвомъ по всѣмъ сторонамъ этого многоугольника, такъ что взять такіе редуты дѣло очень трудное для нападающаго; атакующимъ приходится спускаться въ глубокій ровъ, потомъ взбираться на высокій валъ, при чемъ гибнетъ множество народа. Редутовъ было построено всего 10: 6 поперекъ прохода, чтобы защитить нашъ лагерь отъ внезапнаго нападенія непріятелей, и 4 вдоль прохода, чтобы не дать шведамъ возможности двигаться плотной массой, а заставить ихъ или брать редуты или обходить ихъ двумя колоннами, что должно было разъединить отряды и ослабить ихъ силы. До Петра никто никогда не пользовался редутами при сраженіяхъ въ открытомъ полѣ, и когда объ этомъ новомъ пріемѣ царя сдѣлалось извѣстно въ Европѣ, то знаменитый полководецъ того времени Морицъ Саксонскій воскликнулъ: «Вотъ какъ геній можетъ пересоздать самую обстановку». Въ слѣдующемъ же сраженіи онъ употребилъ пріемъ Петра и одержалъ блестящую побѣду.

Воззваніе къ солдатамъ передъ битвой.

Лично руководя постройкой редутовъ, царь въ то же время слѣдилъ черезъ лазутчиковъ за движеніями непріятелей и узналъ 26-го вечеромъ, что король вывелъ часть войскъ изъ лагеря и строитъ ихъ въ боевой порядокъ. Ясно было, что великій часъ битвы наступаетъ. Петръ, приготовившись, сколько возможно, къ встрѣчѣ съ сильнымъ непріятелемъ, старался подѣйствовать на духъ своего войска и написалъ приказъ, который былъ прочтенъ передъ полками: «Воины, вотъ пришелъ часъ, который рѣшитъ судьбу отечества. И такъ не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство Петру врученное, за родъ

свой, за отечество, за православную нашу вѣру и церковь. Не должна васъ также смущать слава непріятеля, будто бы непобѣдимаго, которой ложь вы сами своими побѣдами надъ нимъ неоднократно доказали. Имѣйте въ сраженіи передъ очами вашими правду и Бога, поборающаго по васъ. А о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россія въ блаженствѣ и славѣ для благосостоянія вашего». Солдаты отвѣчали громогласнымъ «ура» на это сердечное воззваніе и давали другъ другу клятвы — стоять до послѣдняго. Царь, объѣхавъ ряды войска, удалился въ палатку и, не имѣя возможности заснуть отъ волненія, но тѣмъ не менѣе считая долгомъ какъ-нибудь успокоиться и развлечься, — принялся... за просмотръ сочиненій учениковъ навигаціонной школы. Такъ въ разнообразіи занятій великій человѣкъ искалъ силъ и успокоенія.

Въ шведскомъ лагерѣ.

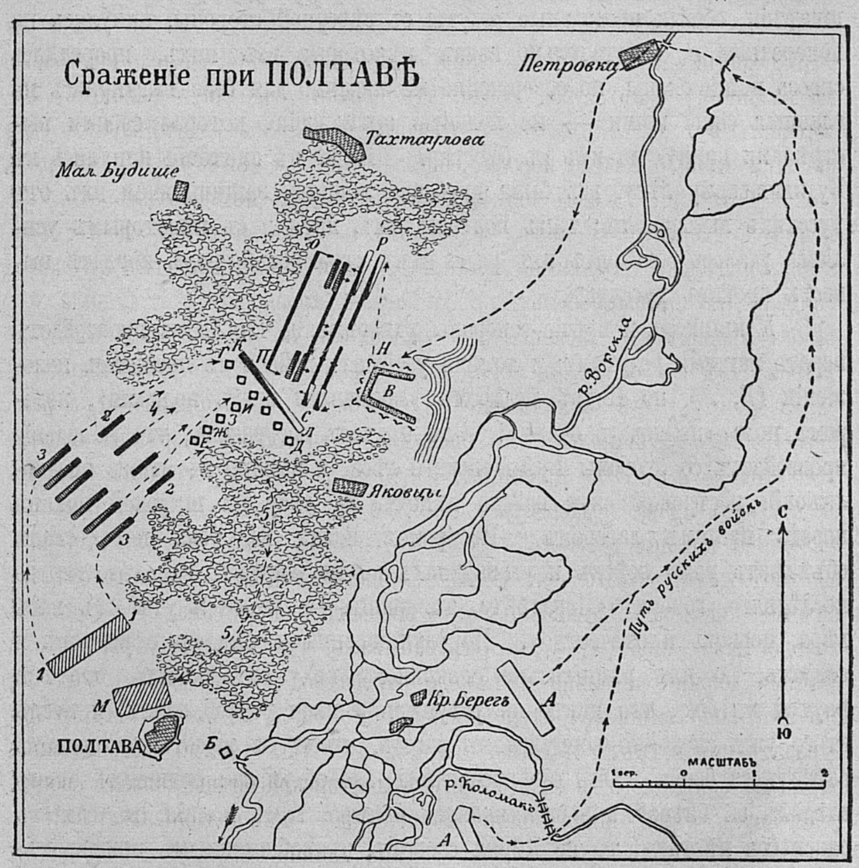
Серьезно готовясь къ великому дѣлу, царь старательно сберегалъ свои силы и силы своихъ солдатъ. Не то было въ войскѣ шведскомъ. Это войско, измученное трудною зимовкою въ непріятельской странѣ, жаждало отдыха и возвращенія на родину; генералы, выражая общее настроеніе солдатъ, еще передъ осадой Полтавы настоятельно совѣтовали королю перейти Днѣпръ и двинуться къ границамъ Польши для соединенія съ польскими войсками. Но король упрямо отвѣчалъ: «этотъ переходъ похожъ будетъ на бѣгство и только придастъ духу непріятелю» — и двинулся къ Полтавѣ. Видя безуспѣшность дѣла, генералы совѣтовали ему прекратить осаду, представляя, что она можетъ удаться только при необыкновенномъ счастьѣ, на что Карлъ со смѣхомъ отвѣчалъ: «Да мы и должны совершать необыкновенное, за это мы пожнемъ честь и славу». А когда ему еще попробовали возразить, онъ воскликнулъ: «Если бы Богъ послалъ ангела небеснаго съ приказаніемъ отступить отъ Полтавы, то я бы и тогда не отступилъ». Карлъ продолжалъ «силы новыя врага успѣхомъ прошлымъ только мѣрить»; продолжалъ искать личныхъ опасностей, надѣясь, быть можетъ, хоть этимъ поддержать упавшій духъ своей арміи. Но солдаты не съ прежнимъ восторгомъ относились къ примѣрамъ личной храбрости своего короля, а упрямо твердили: «Онъ ищетъ смерти, потому что видитъ дурной конецъ». Въ самомъ дѣлѣ Карлъ какъ бы искалъ смерти: 2 іюня онъ неожиданно для своихъ генераловъ приказалъ взять Полтаву штурмомъ, самъ лично руководилъ этимъ штурмомъ и безстрашно появлялся въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ. Но бой, длившійся цѣлый день и часть ночи, не привелъ ни къ чему. Всѣ атаки были отбиты, а шведовъ легло болѣе 2,000 человѣкъ, и Карлъ, видя безплодность своихъ усилій взять крѣпость, слыша о приближеніи

40,000 калмыковъ къ русскому войску, рѣшилъ оставить Полтаву и двинуться на главныя силы Петра. И тутъ однако онъ не берегъ себя, рисковалъ жизнью безъ пользы, безъ всякой нужды: 26-го, объѣзжая свои позиціи, ночью онъ изъ одной удали и безумной отваги подъѣхалъ къ казацкому разъѣзду и, увидя, что казаки безпечно отдыхаютъ, выстрѣлилъ въ нихъ. Поднялась тревога, посыпались выстрѣлы, и одна шальная пуля настигла короля, вошла въ пятку лѣвой ноги и застряла между пальцами. Никто изъ спутниковъ короля не замѣтилъ этого въ темнотѣ, а онъ ни крикомъ, ни стономъ не далъ замѣтить своего страданья, и только, подъѣзжая къ лагерю, при свѣтѣ костровъ спутники увидѣли его необыкновенную блѣдность и кровь, которая капала изъ сапога лѣвой ноги. Левенгауптъ ужаснулся, но король бодро и весело заявилъ: «Рана только въ ногѣ, пуля еще въ ней, но я велю вырѣзать ее на славу». Онъ заѣхалъ еще въ траншеи отдать приказанія, а рана между тѣмъ воспалилась, нога распухла, и пришлось разрѣзать сапогъ, чтобы снять его. Это причинило раненому огромныя страданія, но онъ не позволилъ даже поддерживать себя во время операціи, самъ безъ посторонней помощи держалъ ногу и, не спуская глазъ съ ножа хирурга, еще подбодрялъ его, говоря: «Рѣжьте, рѣжьте живѣе — рѣжьте смѣлѣе, ничего». Для него, привыкшаго къ боевымъ опасностямъ, это дѣйствительно было «ничего», — но онъ забывалъ, что извѣстіе о его ранѣ и болѣзни должно печально и тяжело отозваться на его войскѣ, что въ его лицѣ оно лишается одушевляющей его силы и можетъ оттого пострадать при встрѣчѣ съ сильнымъ врагомъ. Онъ упрямо, самонадѣянно отрицалъ силы этого врага и наканунѣ Полтавской битвы сказалъ своимъ генераламъ: «Мы кончимъ битву къ полудню — а въ полдень я жду васъ на завтракъ въ шатрѣ русскаго царя». Такъ наивно вѣруя въ свое счастье, Карлъ отдалъ свои послѣднія распоряженія къ роковой для него битвѣ.

Первое движеніе непріятелей.

Въ два часа ночи шведы начали свое наступленіе на русскихъ, но Меншиковъ со своими драгунскими полками задержалъ ихъ движеніе, и на разсвѣтѣ въ 3 часу утра завязалась горячая стычка передъ продольными редутами. Первые еще не достроенные редуты (*Е, Ж*) легко были взяты шведами, но далѣе у редутовъ *З, И* дѣло оказалось такимъ труднымъ, что Карлъ приказалъ обходить редуты съ сѣверной стороны (4) по направленію къ Будищенскому лѣсу, около котораго завязался горячій бой съ нашей кавалеріей. Проходъ между лѣсомъ и продольными редутами оказался такъ узокъ, что всѣ шведскіе полки не могли вмѣститься въ немъ: 6 батальоновъ подъ начальствомъ Розена и Шлиппенбаха двинулись вправо, были отрѣзаны отъ своихъ этими продольными редутами

и поспѣшили скрыться въ южный монастырскій лѣсъ. Въ это время уже вполнѣ разсвѣло, и Петръ, внимательно слѣдившій за ходомъ битвы

1—1 — Расположеніе шведскихъ войскъ къ началу первой половины боя.
2—2 — Конные шведскіе полки.
3—3 — Пѣхотные шведскіе полки.
4 — Мѣсто стычки въ первой половинѣ боя.
5 — Путь бѣгства Шлиппенбаха и Розена.
А — Лагерь русскихъ при деревнѣ „Крутой берегъ“.
Б — Шведскій редутъ противъ моста черезъ Ворсклу.
В — Новый русскій лагерь у деревни Яковцы.
Г—Д — 6 поперечныхъ русскихъ редутовъ, защищающихъ лагерь.
Е, Ж, З, И — 4 продольныхъ редута.
К—Л — Русская кавалерія въ первой половинѣ боя.
М — Шведскій укрѣпленный лагерь подъ Полтавой.
Н — Мѣсторасположеніе русской кавалеріи во второй части боя.
О—П — Расположеніе шведскихъ войскъ во второй части боя.
Р—С — Расположеніе русскихъ войскъ во второй части боя.

съ высокой насыпи лагеря, замѣтилъ это движеніе и тотчасъ послалъ въ лѣсъ сильный отрядъ подъ общимъ начальствомъ Меншикова, который нагналъ Шлиппенбаха и Розена и частью истребилъ ихъ отрядъ, частью

взялъ въ плѣнъ. Это живо передаетъ Пушкинъ словами: «Уходитъ Розенъ сквозь тѣснины, сдается пылкій Шлиппенбахъ». Главныя силы шведскія, обойдя продольные редуты съ сѣверной стороны, кинулись на поперечные и, блистательно взявъ нѣкоторые изъ нихъ, прорвались сквозь наши окопы, но совершенно неожиданно для себя наткнулись на главныя силы наши — на полевую артиллерію, которая своими выстрѣлами принудила ихъ къ бѣгству. Шведы въ смятеніи кинулись къ Будищенскому лѣсу, гдѣ была глубокая лощина, защищавшая ихъ отъ русскихъ выстрѣловъ; тамъ полководцамъ, хотя и съ нѣкоторымъ усиліемъ удалось составить ихъ ряды и въ строгомъ боевомъ порядкѣ вывести противъ русскихъ.

Меншиковъ и прочіе генералы утверждали, что битва произойдетъ передъ нашими редутами, и хотѣли удержать войска въ прежнемъ положеніи (*К, Л*), но Петръ недаромъ «промчался предъ полками», недаромъ поле «пожиралъ очами». Онъ тотчасъ сообразилъ, что нападеніе произойдетъ со стороны Будищенскаго лѣса, и именно въ этомъ предположеніи построилъ свои войска лицомъ къ лѣсу на широкой полянѣ передъ нашимъ лагеремъ. Построивъ полки къ бою, царь сталъ объѣзжать ряды войскъ и уговаривалъ всѣхъ постоять за отечество до послѣдняго, говоря: «Порадѣйте, товарищи, — этого ждутъ отъ насъ вѣра, церковь и отечество». По одушевленнымъ лицамъ офицеровъ и солдатъ, по ихъ рѣшительно спокойному виду онъ понялъ, что всѣ рвутся къ бою, что никто не уступитъ и пяди родной земли, и послѣ этого ужъ спокойно вернулся въ лагерь, чтобы съ высоты его валовъ слѣдить за боемъ. Онъ все предвидѣлъ, все обдумалъ: орлинымъ окомъ слѣдилъ за битвой и всегда являлся быстро, какъ молнія, въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, то подбодряя словомъ, то собственнымъ примѣромъ, то удачно направленными выстрѣлами поражая враговъ. По словамъ солдатской пѣсни:

Нашъ великій императоръ
(Память вѣчная ему)
Самъ ружьемъ солдатскимъ правилъ;
Самъ и пушки заряжалъ;
Самъ командовалъ войсками;
И, какъ соколъ, онъ леталъ.

Карлъ являлъ примѣръ такого же мужества, также старался подбодрить солдатъ, напоминая имъ былыя побѣды, но онъ былъ не веселъ; рана давала себя чувствовать, сѣсть на лошадь онъ не могъ, его носили въ особо устроенныхъ носилкахъ.

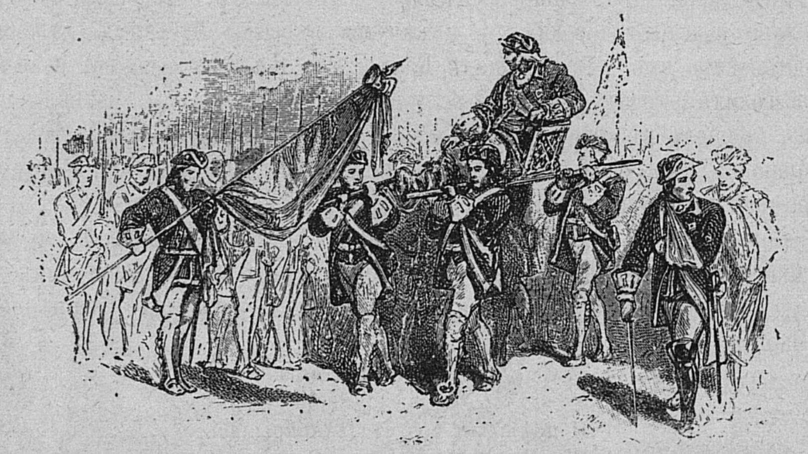
Полтавскій бой 27 іюня 1709 года.

Рисовалъ Петръ Мартенъ. Гравировали Лармесинъ и Симоно.

Разгаръ битвы.

После перерыва бой начался въ 8 часовъ, и къ полудню все было кончено: непобѣдимые доселѣ господа шведы, по выраженію Петра, «хребетъ свой показали».

Изъ нашихъ полковъ особенно выдѣлился полкъ Новгородскій, одѣтый въ сѣрые мундиры; на него-то Карлъ и направилъ свои лучшія силы, воображая, что это еще рекруты, недостаточно обученные. Атака была такъ стремительна, что солдаты поколебались было, но великій императоръ явился передъ колебавшимися рядами, подвелъ подкрѣпленія, и все успокоилось: солдаты, забывая усталость и опасности, ринулись на враговъ и отбили всѣ ихъ натиски. Государь не жалѣлъ себя; враги конечно, зная его, употребляли всѣ силы, чтобы мѣткою пулею сразить

Карлъ XII послѣ битвы. Рис. Н. Н. Каразина.

его; но Богъ хранилъ великаго преобразователя на благо и пользу великаго народа. Одна пуля пробила сѣдло его, вторая прострѣлила его шляпу, третья попала въ грудь царя, но «на груди его высокой чудотворный крестъ висѣлъ», пуля отскочила, только погнула крестъ, и онъ впился въ грудь острыми краями съ такой силой, что брызнула кровь, но, какъ говорится въ солдатской пѣснѣ:

Императоръ усидѣлъ,
Шляпу снялъ, перекрестился,
Въ битву снова полетѣлъ.

Бой былъ ужасающій по силѣ общаго напряженія и общаго одушевленія, и, конечно, лучше всего это передаетъ описаніе Пушкина:

Шведъ, русскій — колетъ, рубитъ, рѣжетъ,
Бой барабанный, клики, скрежетъ;

Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть, и адъ со всѣхъ сторонъ.

Смятеніе въ шведскомъ войскѣ и бѣгство короля и войска.

Среди этого ада перебиты были всѣ вѣрные слуги, несшіе качалку Карла, ихъ смѣнили другіе; онъ попробовалъ сѣсть на лошадь, но лошадь была убита и въ своемъ паденіи повредила ему ногу, такъ что онъ почти лишился чувствъ и принужденъ былъ снова сѣсть въ экипажъ. Тутъ пуля попала въ качалку, и Карлъ упалъ, что окончательно привело шведовъ въ смущеніе — они дрогнули и побѣжали. Напрасно пришедшій въ себя король приказалъ поднять себя на носилки, напрасно кричалъ: «Шведы, шведы, назадъ» — шведы, смущенные, испуганные, бѣжали съ поля сраженія. Прискакавшій генералъ Реншельдъ успѣлъ только крикнуть: «Ваше величество, наша пѣхота потеряна. — Товарищи, спасайте короля» — и кинулся въ ряды бѣгущихъ, стремясь остановить ихъ. Тутъ понялъ Карлъ, что дѣйствительно все кончено, позволилъ посадить себя въ карету и былъ увезенъ съ поля битвы; когда же пришелъ въ себя и сообразилъ, что ему можетъ грозить плѣнъ, то пришелъ въ такой ужасъ, что нашелъ силы пересѣсть на лошадь и вмѣстѣ съ Мазепой помчался къ Днѣпру.

Шведы бѣжали съ поля сраженія въ полномъ безпорядкѣ, не слушая своихъ вождей, гонимые неодолимымъ страхомъ, бѣжали такъ же стремительно, какъ нѣкогда наши неопытные «мужичьи» толпы подъ Нарвой; и —

Слѣдомъ конница пустилась,
Убійствомъ тупятся мечи.
И падшими вся степь покрылась,
Какъ роемъ черной саранчи.

Празднованіе побѣды на полѣ сраженія.

Остановивъ безполезное убійство несомнѣнно побѣжденнаго непріятеля, Петръ приказалъ бить сборъ, построить войско въ ряды и, махая прострѣленной шляпой, сіяя радостью побѣды, горячо благодарилъ солдатъ, называя ихъ «дѣтьми своего сердца». «Здравствуйте, товарищи, чада мои возлюбленные. Въ потѣ трудовъ моихъ родилъ я васъ и вижу, что ни я, ни Россія не могутъ жить безъ васъ, какъ тѣло безъ души. Никто не въ состояніи совершить подвига, подобнаго тому, что совершили вы, смѣло смотрѣвшіе въ глаза смерти, готовые отдать жизнь за вѣру, церковь и отечество. Мужество и геройство, вами проявленное сегодня, останется для меня радостнымъ воспоминаніемъ на всю жизнь». Понятно, съ какой восторженною радостью отвѣчали солдаты на этотъ душевный привѣтъ. Всѣ были упоены побѣдой и послѣ торжественнаго благодарственнаго молебна въ походной церкви усѣлись обѣдать въ палаткахъ. «Свѣтлое чувство неизмѣримой радости не допускало никакихъ

темныхъ чувствъ. Всѣхъ сюда! — и плѣнныхъ шведскихъ генераловъ усадили тутъ же за столъ». Петръ привѣтствовалъ введенныхъ генераловъ словами: «Я слышалъ, братъ мой Карлъ приглашалъ васъ въ мои палатки на завтракъ, но не сдержалъ своего королевскаго слова, такъ я за него приглашаю васъ откушать». И тутъ же, смягчая иронію своихъ словъ, приказалъ возвратить плѣнникамъ ихъ шпаги; ласкалъ фельдмаршала Реншельда, подарилъ ему свою шпагу, хвалилъ его храбрость, а потомъ провозгласилъ тостъ за учителей своихъ въ военномъ искусствѣ. «Кого такимъ хорошимъ именемъ, ваше величество, величать изволите?» — спросилъ Реншельдъ. «Васъ, господа шведы», отвѣчалъ царь. — «Хорошо же ученики отблагодарили своихъ учителей!» печально возразилъ плѣнный фельдмаршалъ.

Распоряженія послѣ битвы и погребеніе павшихъ въ сраженіи.

Въ пылу упоенія побѣдой забыли о преслѣдованіи бѣжавшихъ шведовъ и только къ вечеру послали вслѣдъ за ними князя Голицына съ небольшой частью гвардіи и драгунами. Но въ этотъ же вечеръ государь нашелъ силы написать всѣмъ «своимъ»: сыну Алексѣю, кесарю Ромодановскому, Апраксину и другимъ. Апраксину онъ писалъ: «Господинъ адмиралъ, объявляю вамъ о зѣло превеликой и нечаянной викторіи, которую *Господь Богъ намъ черезъ неописанную храбрость нашихъ солдатъ даровати изволилъ* съ малою войскъ нашихъ кровью. Знаменъ, пушекъ множество взяли; также генералъ-фельдмаршалъ и купно съ 4 генералами, при которыхъ нѣсколько тысячъ офицеровъ и рядовыхъ — и, однимъ словомъ сказать, вся непріятельская армія Фаэтоновъ[1] конецъ воспріяла (о королѣ еще не можемъ вѣдать, съ нами ли или съ отцы нашими обрѣтается). И сею у насъ неслыханною новизною вамъ поздравляемъ и прошу господъ высшихъ и низшихъ, морскихъ и сухопутныхъ поздравить. Peter». Въ припискѣ прибавлено: «Нынѣ уже совершенно камень въ основаніи С.-Петербурга положенъ съ помощью Божіей». Такимъ образомъ въ письмѣ ни слова о собственныхъ подвигахъ, ни слова о славѣ одержанной побѣды, даже ни слова о торжествѣ передъ недовѣріемъ Европы, а только радость мысли: «*Нынѣ уже совершенно камень въ основаніе Петербурга положенъ*», т. е. радость и мечты о скорѣйшемъ мирѣ, радость о возможности приняться за мирный, но великій трудъ обновленія и обогащенія родины — торговлей, промышленностью, наукой.

Въ тотъ же вечеръ государь отдалъ приказъ своей арміи, находящейся въ предѣлахъ Польши, «беречь накрѣпко», чтобы Карлъ не пере-

[1] Фаэтонъ — герой греческаго сказанія.

шелъ со своими войсками въ Польшу и не соединился съ польскимъ королемъ, что было бы крайне опасно для насъ, а на утро послалъ Меншикова въ догонку спасшимся шведамъ уже съ большимъ девятитысячнымъ отрядомъ. Самъ государь, оставшись на полѣ сраженія, занялся погребеніемъ своихъ, павшихъ въ сраженіи (число ихъ доходило до 1,345 человѣкъ), приказалъ хоронить и шведовъ, отпѣваніе которыхъ было совершено нѣсколькими реформатскими пасторами, бывшими при войскѣ и попавшими въ плѣнъ. Для погребенія русскихъ была вырыта огромная братская могила, царь все время былъ при этомъ и послѣ па-

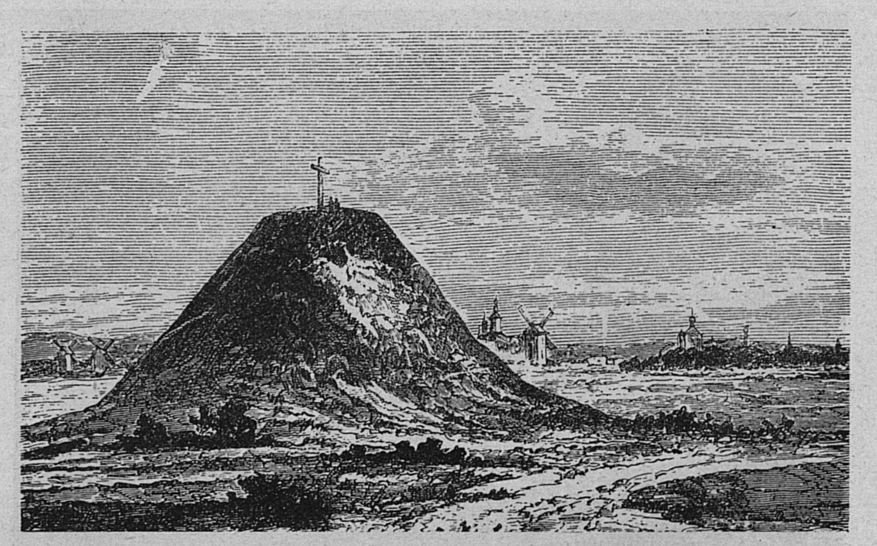
Полтавскій бой. Сдача знаменъ.

нихиды, сказавъ послѣднее прощальное слово убитымъ, самъ бросилъ первую горсть земли и остался на мѣстѣ, пока не выросъ высокій курганъ надъ братской могилой. Послѣ этого, отдавъ могилѣ земной поклонъ, онъ приказалъ, чтобы ежегодно совершались по всей Россіи поминовеніе и панихиды по убіеннымъ. Потомъ онъ поѣхалъ въ Полтаву, гдѣ, поцѣловавъ полковника Келена, благодарилъ и его, и всѣхъ солдатъ за удивительную ихъ храбрость и мужество.

Плѣненіе шведскихъ войскъ при Переволочнѣ.

Между тѣмъ шведы, гонимые не русскими, а страхомъ, бѣжали вдоль Ворсклы къ Днѣпру. Ночью 27-го они достигли маленькаго мѣстечка Новосенжарова; тутъ король потерялъ сознаніе отъ непосильнаго утомленія; его внесли въ избу, перевязали рану, и онъ заснулъ глубокимъ

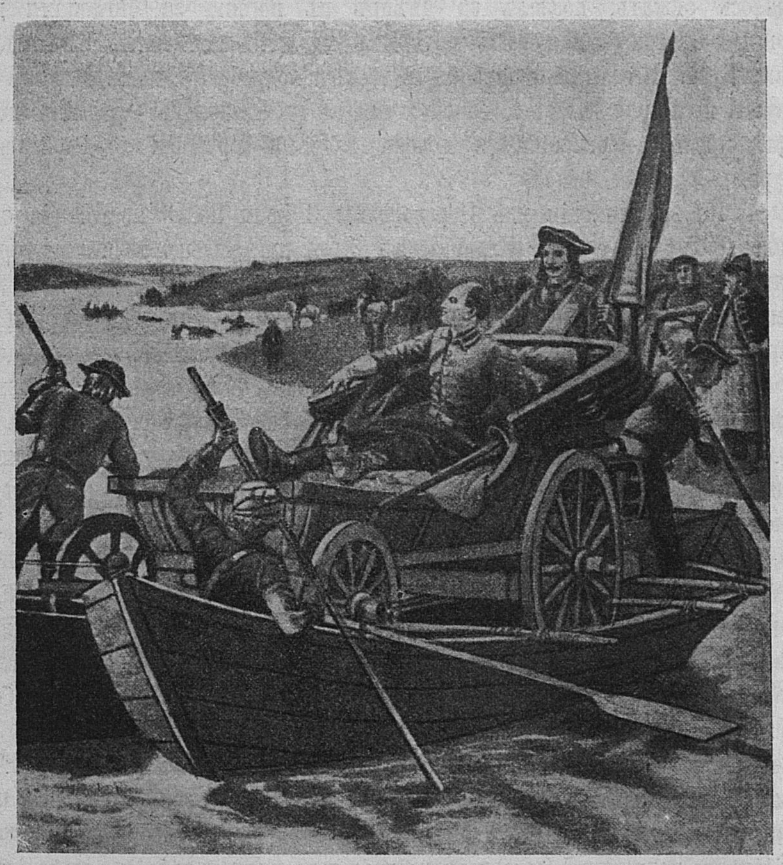
сномъ. Когда разсвѣло, его разбудили докладомъ: «Русскіе приближаются — если вамъ угодно будетъ приказать, мы пойдемъ дальше». «Да, да, — отвѣчалъ несчастный герой, — дѣлайте, что хотите». Тогда выпрягли лошадей изъ послѣднихъ сохранившихся повозокъ, — повозки эти сожгли, а пѣхотинцамъ отдали лошадей и снова истомленные, измученные двинулись дальше. Вечеромъ 29 іюня достигли, наконецъ, Днѣпра и города Переволочны, гдѣ надѣялись отдохнуть и оправиться, но вмѣсто города нашли груду развалинъ и ни одной лодки. Переправа оказалась невозможной, и это окончательно убило нравственныя силы шведовъ: всякая дисциплина исчезла — каждый помышлялъ о себѣ, о

Прежній видъ „Кургана Петра Великаго" подъ Полтавою.

своемъ личномъ спасеніи. Только ближайшіе генералы, лучшіе, вѣрнѣйшіе сподвижники Карла уговорили его спастись, оставивъ армію. Съ помощью запорожцевъ, бывшихъ въ войскѣ, достали гдѣ-то двѣ лодки, скрѣпили ихъ вмѣстѣ, поставили на нихъ повозку короля такъ, что переднія колеса были на одной, заднія — на другой лодкѣ, и поздно ночью переправили больного короля на другой берегъ, гдѣ онъ продолжалъ путь къ предѣламъ Турціи. Съ нимъ переправилось не болѣе 500—600 человѣкъ гвардіи и повезли съ собою только королевскую казну. Мазепа, успѣвшій захватить только два мѣшка съ золотомъ, тоже благополучно спасся. Вся же армія была оставлена подъ начальствомъ Левенгаупта на лѣвой, т. е. русской сторонѣ Днѣпра. Храбрый и опытный генералъ ничего не могъ сдѣлать для защиты оставленной арміи: ни оружія,

ни пороху не было; измученные бѣгствомъ и голодомъ солдаты большею частью безсильно лежали на землѣ, и нѣкоторые спали, какъ убитые; болѣе выносливые хлопотали, какъ бы перебраться на другой берегъ — доставали лодки, связывали плоты, бросались вплавь на лошадяхъ, но почти никто не слушалъ приказаній. Положеніе было отчаянное. На раз-

Переправа Карла XII у Переволочны.

свѣтѣ 30 іюня на холмахъ, на всѣхъ возвышенностяхъ раздались звуки трубъ и барабановъ; это былъ со своимъ 9-тысячнымъ отрядомъ Меншиковъ, который, желая скрыть малое число своихъ войскъ, приказалъ производить какъ можно больше шума. Хитрость вполнѣ удалась: между испуганными шведами распространился слухъ, что ихъ нагнала вся армія въ 30,000 человѣкъ, и Левенгауптъ, видя полную неспособность своихъ войскъ къ битвѣ, вступилъ въ переговоры о сдачѣ. Меншиковъ

предложилъ сдаться всѣмъ военноплѣнными съ выдачею оружія и военныхъ запасовъ, съ сохраненіемъ платья и частнаго имущества. На это послѣдовало полное согласіе, и 14,000 солдатъ, не считая офицеровъ, были взяты въ плѣнъ.

1 іюля въ Переволочну пріѣхалъ самъ царь и, узнавъ, что королю удалось бѣжать, послалъ за Днѣпръ въ погоню за бѣглецами два конные отряда, одному изъ которыхъ удалось настигнуть шведовъ у рѣки Буга. Шведскій отрядъ былъ частью истребленъ, частью взятъ въ плѣнъ, но Карлу XII съ Мазепой и свитой въ нѣсколько десятковъ человѣкъ удалось переправиться черезъ Бугъ и скрыться въ предѣлахъ Турціи.

Награды за Полтавскую побѣду и общая радость.

По возвращеніи изъ Переволочны 6 іюля послѣ молебствія объявлены были награды: Шереметьевъ былъ награжденъ великими деревнями, Меншиковъ получилъ чинъ второго фельдмаршала, всѣ были повышены въ чинахъ и получили медали — офицеры золотыя, солдаты — серебряныя. Напослѣдокъ, какъ министры, такъ и генералы, офицеры и солдаты, возблагодаривъ государя за милость и за такія награжденія, просили его, дабы въ знакъ трудовъ своихъ изволилъ принять чинъ въ сухопутномъ войскѣ — генерала, а на морѣ — шаутбенахта (вице-адмирала), «понеже до той Полтавской баталіи и во время дѣйствія во оной баталіи имѣлъ только чинъ при гвардіи своей полковника». Государь былъ очень доволенъ своимъ производствомъ, но принялъ чинъ не полнаго генерала, а только чинъ генералъ-лейтенанта, а въ полные генералы былъ произведенъ въ 1713 году. Извѣщая о Переволочскомъ дѣлѣ кесаря Ромодановскаго, Петръ прибавилъ: «Сею въ свѣтѣ неслыханною викторіею вашему величеству поздравляемъ и нынѣ уже безъ сумнѣнія желаніе вашего величества, еже резиденцію вамъ имѣть въ Петербурхѣ совершилось, черезъ сей упадокъ конечный непріятеля». Такимъ образомъ всѣ мысли царя возвращались къ Петербургу.

А между тѣмъ и въ Москвѣ всѣ несказанно радовались великой побѣдѣ, и торжество было всенародное: пушечная пальба и колокольный звонъ продолжались цѣлую недѣлю, при чемъ позволено было звонить и женщинамъ, и дѣвушкамъ, а это допускалось только обыкновенно въ пасхальную недѣлю. Самые великіе недоброжелатели царя должны были признать, что побѣда одержана великая, небывалая, и, благодаря этому, вездѣ и всюду возросло довѣріе къ силѣ и могуществу государя и смолкли, по крайней мѣрѣ на время, всякія враждебныя рѣчи. Знатнѣйшіе бояре выставили на свой счетъ угощеніе для народа и плѣнныхъ шведовъ, всѣ веселились и радовались. Царевичъ Алексѣй въ селѣ Преображенскомъ

созвалъ къ себѣ на банкетъ всѣхъ русскихъ и иностранныхъ министровъ, трактовалъ (т. е. угощалъ) ихъ великолѣпно въ апартаментахъ своихъ и потомъ, поздравляя съ побѣдой, писалъ отцу: «И никогда народъ весь такъ веселъ не былъ, какъ о нынѣшней викторіи».

Всѣ веселились и забывали и объ опасности и о работѣ. Одинъ великій прибыльщикъ Курбатовъ не забылъ о дѣлѣ, принося вмѣстѣ съ велерѣчивымъ поздравленіемъ и добрый совѣтъ — просьбу облегчить подати бѣднаго народа и сложить недоимки хотя бы за немногіе годы. Курбатовъ выразилъ въ своемъ письмѣ надежду, что «преславная викторія» поведетъ къ миру, который дастъ царю возможность заняться гражданскими дѣлами, а это «облегчитъ народъ отъ тяжкихъ поборовъ». По его письму государь точно повелѣлъ собирать недоимки только за 2 послѣдніе года и простилъ всѣ недоимки предыдущихъ годовъ. Но до окончанія войны было еще далеко — хотя послѣ Полтавской битвы отношенія державъ къ Россіи измѣнились какъ бы по волщебству.

Перемѣна въ отношеніи къ намъ европейскихъ державъ.

Поляки, державшіе сторону Станислава Лещинскаго, узнавъ о Полтавской побѣдѣ, отступились отъ него, и онъ съ семьей и небольшимъ отрядомъ поспѣшилъ уѣхать въ Померанію. Сенаторы польскіе, поздравляя Петра въ Варшавѣ съ великой викторіей, благодарили его за то, что этой побѣдой онъ возвратилъ имъ законнаго короля и спасъ ихъ вольность. Король прусскій приглашалъ Петра на свиданіе съ нимъ и самъ просилъ о заключеніи оборонительнаго союза противъ шведовъ. Король Августъ просилъ забыть все прошлое, обѣщалъ предать суду своихъ министровъ, заключившихъ Антральштадтскій миръ, будто бы безъ его согласія. Снова былъ составленъ наступательный и оборонительный союзъ противъ Швеціи «не для конечнаго разоренія этой страны, но для приведенія ея въ должныя границы и доставленія безопасности ея сосѣдямъ», какъ сказано было въ договорѣ. Король датскій, который прежде соглашался приступить къ союзу не иначе, какъ съ денежной помощью отъ царя московскаго, теперь рѣшился присоединиться къ союзу безъ всякой субсидіи съ русской стороны. Король французскій далъ знать государю, что очень желаетъ вступить въ союзъ съ нимъ, готовъ гарантировать царю всѣ его завоеванія и будетъ стараться, чтобы русскіе твердой ногою стали при морѣ. Посланники голландскій и англійскій «двигали землю и небо», чтобы удержать датскаго короля отъ войны со шведами, но все было напрасно: союзъ былъ заключенъ, и датскія войска выступили въ походъ. Могуществу шведскому былъ нанесенъ рѣшительный ударъ: изъ первостепенной державы, передъ которой всѣ заискивали, передъ войскомъ которой всѣ трепетали, она низво-

дилась на степень державы второстепенной, а мѣсто ея заняла Россія съ ея удивительнымъ народомъ и ея удивительнымъ царемъ великаномъ.

Отправка царевича Алексѣя за границу.

Послѣ Полтавской побѣды Петръ несравненно увѣреннѣе могъ смотрѣть на будущее, чувствовалъ себя уже равнымъ всѣмъ государямъ Европы и потому могъ отправить сына за границу, не опасаясь за то, что царевичу придется встрѣтить тамъ снисходительно-насмѣшливое отношеніе или оскорбленія. Кромѣ того, послѣ болѣзни Алексѣя, увидя его хилость, онъ могъ желать его отправленія въ заморскіе края и для поправленія здоровья, и для «вящшаго наученія». Какъ бы то ни было, но въ концѣ лѣта царевичъ получилъ отъ отца краткое и довольно строгое письмо: «Зоонъ[1], объявляемъ вамъ, что по прибытіи къ вамъ господина Меншикова, ѣхать въ Дрезденъ, который васъ туда отправитъ и кому съ вами ѣхать — прикажетъ. Между тѣмъ приказываемъ вамъ, чтобы вы, будучи тамъ, честно жили и прилежали больше ученію, а именно языкамъ, которые уже учишь, французскій и нѣмецкій, тако геометріи и фортификаціи, также отчасти политическихъ дѣлъ. А когда геометрію и фортификацію окончишь, отпиши намъ. За симъ управи Богъ путь вашъ».

Письмо это кажется странно строгимъ послѣ сердечнаго отношенія Петра къ сыну во время его болѣзни. Надо предполагать, что царь въ это время узналъ что-нибудь относительно компаніи царевича, т. е. узналъ, что сына возстановляютъ противъ него. По крайней мѣрѣ главный членъ «компаніи», отецъ Яковъ, остался въ Москвѣ, а съ царевичемъ посланы были за границу новые «кавалеры» — князь Трубецкой и графъ Головкинъ, сынъ канцлера. Это были люди молодые (по отзыву Меншикова), способные хранить и исполнять все то, что относится къ «славѣ государственной и къ собственному интересу его высочества». Царевичъ, видимо, не очень довѣрялся имъ; писалъ духовнику письма, исполненныя любви, но вмѣстѣ съ тѣмъ и какихъ-то странныхъ намековъ и таинственности. Просилъ онъ, между прочимъ, чтобы Яковъ Игнатьевъ прислалъ ему вѣрнаго духовника «для исповѣди тайной», но пріискалъ бы такого священника, который бы согласился сбрить бороду и волосы, надѣть парикъ и нѣмецкое платье и слыть за денщика его — царевича.

Въ этомъ видится хитрость со стороны Алексѣя. Но за границей ему почти все нравилось, онъ въ письмахъ своихъ искренне признавалъ значеніе образованія, самъ занимался усердно, и это радовало царя.

---

[1] Сынъ.

Петръ попрежнему не зналъ отдыха и послѣ Полтавской побѣды: побывалъ въ Польшѣ по устройству дѣлъ съ Рѣчью Посполитой, побывалъ въ городѣ Торнѣ для личнаго свиданія съ Августомъ Саксонскимъ, видѣлся съ королемъ прусскимъ для совершенія договора, потомъ проѣхалъ въ Лифляндію и началъ тамъ осаду Риги, но оставилъ дѣло за позднимъ осеннимъ временемъ, только назначилъ семитысячный отрядъ для блокады города, а самъ отправился въ свой любимый Петербургъ. Въ Петербургѣ царь велѣлъ построить церковь во имя Св. Сампсона (память котораго празднуется 27 іюня) въ память Полтавской битвы, распорядился многими постройками и украшеніями города, который великой побѣдой былъ дѣйствительно закрѣпленъ за нами. 6 декабря царь заложилъ новый корабль «Полтава» и только тогда отправился въ Москву.

Труды государя послѣ Полтавской побѣды.

Тутъ онъ остановился въ селѣ Коломенскомъ, дождался прибытія гвардейскихъ полковъ своихъ и 21 декабря совершено было торжественное тріумфальное шествіе въ Москву.

Празднованіе побѣды въ Москвѣ.

Во время этого тріумфальнаго шествія за государемъ слѣдовали плѣнные шведы подъ карауломъ безъ шпагъ, за ними везли взятыя у шведовъ пушки и несли отнятыя знамена, далѣе шли съ барабаннымъ боемъ наши полки. Для встрѣчи побѣдоноснаго воинства было устроено семь тріумфальныхъ воротъ на средства приказовъ и отдѣльныхъ сословій: купечества, мѣщанства, духовенства и т. д. Всѣ ворота были украшены золотомъ, эмблематическими картонами и надписями, въ которыхъ восхвалялись подвиги войскъ. День былъ великолѣпный, солнечный и не очень морозный, толпы народа наполняли улицы, передъ домами всюду виднѣлись накрытые столы, хозяева которыхъ приглашали къ закускѣ всѣхъ безъ исключенія; изъ всѣхъ церквей несся торжественный непрерывный благовѣстъ, и при томъ палили изъ всѣхъ пушекъ, разставленныхъ по стѣнамъ Кремля. У каждой изъ семи тріумфальныхъ арокъ шествіе останавливалось, такъ какъ государя привѣтствовали рѣчами, стихами, пѣніемъ и подносили хлѣбъ-соль. У воротъ, устроенныхъ отъ духовенства, встрѣтили государя всѣ архіереи въ лучшихъ облаченіяхъ, и совершено было торжественное молебствіе, послѣ чего плѣнныхъ шведовъ размѣстили въ частныхъ домахъ и казармахъ, нарочно для того построенныхъ, и накормили ихъ сытнымъ обѣдомъ. На другой день всѣхъ плѣнныхъ представляли его кесарскому величеству — Ромодановскому, при чемъ кесарь сидѣлъ на возвышенномъ мѣстѣ, подъ богатымъ балдахиномъ въ царскихъ креслахъ, и оба фельдмаршала — Шереметьевъ и Меншиковъ и генералъ-лейтенантъ Петръ Михайловъ рапортовали, т. е. докладывали ему о подробностяхъ битвы подъ Полтавой, при Перево-

лочнѣ и подъ Лѣсной. Когда по окончанiи этой церемонiи къ трону подведены были плѣнные генералы и знатные офицеры, они были несказанно удивлены, увидѣвъ на царскихъ креслахъ не царя — побѣдителя своего подъ Полтавой, а какого-то неизвѣстнаго человѣка, передъ которымъ стоялъ и побѣдитель ихъ, и фельдмаршалы, и множество генераловъ. Многie изъ плѣнныхъ даже упали на колѣни передъ трономъ, но кесарь ласково просилъ ихъ встать. Въ эту же минуту одна изъ стѣнъ залы раздвинулась, и глазамъ всѣхъ представилась другая комната, богато украшенная, уставленная великолѣпно накрытыми столами и освѣщенная множествомъ свѣчей. Кесарь просилъ всѣхъ плѣнныхъ генераловъ откушать; ихъ посадили между знатнѣйшими вельможами недалеко отъ трона: тосты провозглашалъ кесарь Ромодановскiй и послѣ здравицы за государя и всей царской фамилiи, генераловъ и всего побѣдоноснаго воинства провозгласилъ тостъ за здоровье шведскаго фельдмаршала Реншельда и прочихъ генераловъ и офицеровъ плѣнныхъ, тутъ находящихся.

Такъ великодушно по отношенiю къ плѣннымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ странно по отношенiю къ самому себѣ праздновалъ Петръ свою побѣду надъ страшнымъ врагомъ.

Часть третья.

Глава XVI.

Полный успѣхами 1710 годъ.

Положеніе дѣлъ въ началѣ 1710 года. — Взятіе Выборга и Кореліи. — Взятіе Риги. — Отношеніе къ покореннымъ жителямъ. — Взятіе Пернау и Ревеля. — Извѣстіе о царевичѣ Алексѣѣ. — Выборъ невѣсты царевичемъ. — Отношенія къ Польшѣ. — Интриги Карла въ Турціи. — Объявленіе войны. — Учрежденіе Сената. — Объявленіе женитьбы царя на Екатеринѣ. — Отношеніе царя къ женѣ.

Положеніе дѣлъ въ началѣ 1710 года.

Отпраздновавъ Полтавскую побѣду, царь бодро и радостно, съ полной надеждой на успѣхъ и скорый миръ встрѣтилъ наступающій 1710 годъ. Все ему улыбалось, все предвѣщало успѣхъ послѣ «преславной и дивной викторіи Полтавской». Изъ Турціи отъ султана было получено подтвержденіе дружбы и мира, при чемъ сказано было, что султанъ ни въ чемъ не станетъ помогать Карлу XII; датчане начали военныя дѣйствія противъ шведовъ и даже переправили свои войска въ Швецію; англійская королева Анна дала обѣщаніе войти въ союзъ противъ Карла и первая въ своихъ письмахъ привѣтствовала царя титуломъ императора.

Но полтавскій побѣдитель хорошо сознавалъ, что время успокоенія и отдыха еще далеко, что нужна самая напряженная дѣятельность для окончанія тяжелой войны, и продолжалъ работу надъ внутренними преобразованіями и борьбу съ внѣшними врагами. Прежде всего царь заботился привести въ ясность денежныя дѣла свои, предписывая «*смотрѣть во всемъ государствѣ расходовъ и ненужные, а особливо напрасные оставить. Денегъ какъ можно собирать, понеже деньги суть артеріею войны*». При счисленіи доходовъ съ расходами оказалось, что расходъ превышалъ доходы болѣе чѣмъ на 700,000 руб. и главный расходъ былъ на содержаніе войска, которое стоило государству болѣе 1.160,000 руб. [1]. Но

---

[1] Эти данныя любопытны, такъ какъ въ настоящее время доходы одного Петербурга превышаютъ доходы всего государства петровскаго времени почти въ 12 разъ.

о прекращеніи или сокращеніи этого расхода не могло быть и рѣчи: надо было положить «твердое возглавіе Петербургу», слѣдовало обезопасить себя со стороны Финляндіи, и государь уже въ началѣ 1710 года употреблялъ всѣ силы для завоеванія Выборга и окончательнаго покоренія Риги, блокада которой была начата еще въ 1709 году.

Взятіе Выборга и Кореліи.

Воспользовавшись продолжительностью зимы и сильными морозами, царь перевелъ войска по льду Финскаго залива. 22 марта полководецъ Апраксинъ совершенно неожиданно явился подъ стѣнами Выборга и началъ его осаду, но скоро сталъ терпѣть недостатокъ въ порохѣ и провіантѣ, такъ какъ подвозъ со стороны Финляндіи былъ невозможенъ, а начались оттепели, и двинуться по льду съ обозомъ было опасно; Апраксинъ уже падалъ духомъ и готовился отступить, но строгія приказанія царя остановили его. Самъ великій шаутбенахтъ поспѣшилъ къ нему на выручку съ сильнымъ флотомъ, какъ только вскрылся ледъ 25 апрѣля. Русскій флотъ состоялъ изъ 7 большихъ фрегатовъ, за которыми слѣдовало въ 12 рядовъ 219 меньшихъ судовъ; на нихъ находилось войско, осадная артиллерія и провіантъ. Въ морѣ нашъ флотъ былъ остановленъ сильной бурей, а потомъ морозомъ, благодаря которому ледъ сомкнуло, и, казалось, не было хода кораблямъ. Всѣ совѣтовали царю воротиться, но ни опасность, ни ярость стихіи не могли удержать его, когда «*надлежало своимъ сикурсъ* [подмогу] *оказать*». Онъ съ нѣсколькими охотниками на небольшой шнявѣ отправился осматривать мѣстность, затертую льдомъ, потомъ приказалъ фрегатамъ на всѣхъ парусахъ двинуться на ледъ и, такъ сказать, съ разбѣга разбивать его. Самъ командуя передовымъ отрядомъ, царь показалъ примѣръ борьбы со льдомъ, остальныя суда шли слѣдомъ, цѣпляясь другъ за друга. Скоро новая буря разнесла ледъ — флотъ нашъ безъ всякаго урона подошелъ къ Выборгу 8 мая, и это дало Апраксину возможность начать правильную осаду и бомбардировку города. Царь не могъ руководить этимъ дѣломъ, такъ какъ жестоко простудился во время борьбы своей со льдомъ, заболѣлъ и принужденъ былъ удалиться для лѣченія въ Петербургъ. Тамъ онъ оставался довольно долго, горячо жалѣя, что самъ не можетъ явиться къ Выборгу и помочь дѣлу осады, которая и во время болѣзни продолжала такъ интересовать его, что, побѣждая приступы лихорадки, онъ указывалъ въ своихъ письмахъ, когда и какъ усилить осаду, когда дѣлать штурмъ города и т. д.

Узнавъ изъ донесенія Апраксина, что штурмъ назначенъ на 9 іюня, царь писалъ: «*Если можно, отложите на нѣсколько дней: сегодня приму я послѣднее лѣкарство и завтра могу ѣхать. Впрочемъ помоги вамъ*

Богъ». Пріѣзда царя подождали, но приступа совершить не понадобилось, такъ какъ комендантъ вступилъ въ переговоры о сдачѣ города, и безъ штурма и кровопролитія городъ былъ взятъ. Шведскія войска, шедшія на выручку Выборга, поспѣшно удалились и оставили свободнымъ путь въ Кексгольмъ, который былъ взятъ въ концѣ осени Брюсомъ. Такимъ образомъ безопасность Петербурга со стороны Финляндіи была обезпечена. «*Взятіемъ Выборга — Петербургу крѣпкое возглавіе положено»*, писалъ царь Ромодановскому. Для возобновленія и усиленія укрѣпленій завоеваннаго города прислано было Апраксину болѣ 2,000 работниковъ и велѣно «накрѣпко» устроить городъ.

4 іюля сдалась и Рига, лучшій торговый городъ Лифляндіи, городъ древній, могущественный и богатый. Съ октября 1709 года началась блокада города, а съ начала 1710 года и полная осада, благодаря которой жители терпѣли страшный недостатокъ въ продовольствіи. Вслѣдствіе голода въ городѣ и окрестностяхъ начался настоящій моръ — жители гибли тысячами и нѣсколько разъ умоляли коменданта о сдачѣ города, но суровый и вѣрный долгу присяги комендантъ отвѣчалъ отказомъ, даже посадилъ подъ арестъ старшинъ города, когда они 14 іюня снова стали просить о началѣ переговоровъ съ Шереметьевымъ. Взятіе Риги.

Бомбардировка усилилась и въ теченіе 10 дней не прекращалась ни днемъ, ни ночью, такъ что множество зданій превращено было въ развалины, пожары ежеминутно вспыхивали въ разныхъ концахъ города, и жители были въ паническомъ страхѣ. Наконецъ комендантъ самъ убѣдился въ безполезности сопротивленія и просилъ перемирія. 30 іюня къ фельдмаршалу явились депутаты отъ гарнизона и отъ города. Шереметьевъ, наставленный предусмотрительными письмами царя, поставилъ условія рѣшительно и твердо: «*гарнизону сдаться безусловно, а жителямъ присягнуть въ подданство царя»*. Послѣ недолгихъ споровъ онъ сдѣлалъ однако уступку шведскому гарнизону — позволилъ выйти войскамъ изъ крѣпости съ ружьями, знаменами, барабанами и 6 полевыми пушками. Жители присягали на подданство царю, — но условія присяги были очень милостивы: жителямъ Риги и вообще всѣмъ лифляндцамъ давалась полная свобода вѣроисповѣданія, подтверждались всѣ права и привилегіи, обѣщано было охраненіе вольностей и законовъ и возвращеніе земель, захваченныхъ шведами. Было объявлено, что борьба велась исключительно со шведами и противъ шведовъ, а лифляндцы будутъ въ полной безопасности подъ властью царя. 4 іюля гарнизонъ, въ числѣ 4,000 солдатъ и 250 офицеровъ, вышелъ изъ крѣпости, и русскіе вступили въ городъ, который представлялъ видъ страш-

наго разрушенія. Большая часть зданій лежала въ грудахъ развалинъ, жители были изнурены болѣзнью и голодомъ, во время осады погибло болѣе 60,000 человѣкъ. Уцѣлѣвшіе встрѣчали побѣдителей съ покорностью и страхомъ. 8 іюля состоялся торжественный въѣздъ Шереметьева въ городъ при пушечныхъ выстрѣлахъ и кликахъ русскаго войска, занявшаго Ригу. При въѣздѣ фельдмаршала въ городъ ему были поднесены два золотые ключа отъ крѣпости по три фунта каждый. Въ древнемъ епископскомъ замкѣ его привѣтствовали ораціею, т. е. рѣчью, въ которой ораторъ провозгласилъ, «что Богъ возвышаетъ и низлагаетъ царства», что «лифляндцы, какъ побѣжденные, благоговѣйно преклоняютъ колѣна передъ монархомъ, избраннымъ возвеличить Россію». Въ соборѣ была принесена присяга дворянами, а передъ ратушей на особо устроенномъ мѣстѣ фельдмаршалъ, сидя въ богатыхъ креслахъ, принялъ присягу гражданъ, послѣ чего въ русскомъ лагерѣ былъ устроенъ роскошный пиръ для новыхъ подданныхъ царскихъ.

Отношеніе къ покореннымъ жителямъ.

За 10 лѣтъ до этого Шереметьевъ являлся разорителемъ Лифляндіи, тамъ, гдѣ онъ «гостилъ изрядненько», оставались только груды развалинъ, вытоптанныя поля и сожженные лѣса; теперь онъ по настоянію и волѣ царя долженъ былъ явиться другомъ населенія, долженъ былъ расположить сердце къ «монарху, избранному Богомъ для возвеличенія Россіи». Шереметьевъ, по природѣ человѣкъ миролюбивый и простодушно дружелюбный ко всѣмъ, какъ нельзя лучше исполнялъ новыя предначертанія царя, дѣйствуя не столько силой оружія, сколько силой убѣжденія.

Такъ, еще при занятіи Риги было объявлено, что если городъ Пернау сдастся царю и студенты университета не примутъ участія въ защитѣ крѣпости, то университету «не только будутъ оставлены его выгоды и привилегіи, но государь еще болѣе распространитъ ихъ и будетъ заботиться, чтобы университетъ «всегда былъ снабженъ искусными профессорами, назначеніе которыхъ будетъ зависѣть отъ рыцарства и особой консисторіи, т. е. совѣта».

Взятіе Пернау и Ревеля.

Такія обѣщанія не могли не дѣйствовать на лифляндцевъ, естественно жаждавшихъ мира. Благодаря общему настроенію жителей, и шведскіе гарнизоны крѣпостей не могли долго держаться. Въ августѣ русскимъ сдались Пернау и Аренсбургъ, главный городъ острова Эзеля, а въ сентябрѣ и Ревель. Жители Ревеля вовсе не хотѣли сопротивляться русскимъ войскамъ и дали знать адмиралу эскадры, подходившей для поддержки крѣпости, что онъ идетъ на вѣрную гибель, потому что въ городѣ свирѣпствуетъ зараза; когда же эскадра удалилась, горожане принудили

коменданта къ сдачѣ крѣпости, такъ что осаждавшимъ не пришлось начать военныхъ дѣйствій. Къ концу сентября Лифляндія и Эстляндія были въ нашихъ рукахъ, и царь могъ успокоиться отъ тяжелаго напряженія. Въ ознаменованіе побѣды надъ Лифляндіей были выбиты по его приказанію и по его мысли двѣ медали: на одной изображенъ былъ Геркулесъ, несущій на плечахъ земной шаръ, съ латинскою надписью изъ Овидія: «*Есть у меня силы понести такую тяжесть*», на другой вычеканенъ былъ двуглавый орелъ, окруженный гербами восьми покоренныхъ городовъ, а надпись вокругъ гласила: «Полный успѣхами годъ».

Извѣстіе о царевичѣ Алексѣѣ.

Этотъ годъ былъ вообще счастливымъ въ жизни царя Петра — даже отъ сына изъ-за границы шли утѣшительныя вѣсти: Алексѣй исполнялъ завѣтъ отца и «прилежалъ даже геометріи». По крайней мѣрѣ Головкинъ и Трубецкой доносили Меншикову въ концѣ декабря: «Государь цесаревичъ обрѣтается въ добромъ здравіи и въ наказанныхъ наукахъ прилежно обращается — выучилъ профондиметрію и стереометрію и такъ, съ Божіею помощью, геометрію все кончилъ». Царь былъ радъ «докончанію курса науки» сыномъ и сталъ подумывать о женитьбѣ его на какой-нибудь нѣмецкой принцессѣ.

Выборъ невѣсты царевичемъ.

Это далеко не улыбалось царевичу, какъ радѣтелю старины, но, исполняя волю отца, онъ все же сдѣлалъ свой выборъ: рѣшилъ жениться на Шарлотѣ, принцессѣ Блакенбургъ-Вольфенбюттенской. Невѣста воспитывалась при дворѣ польской королевы, и царевичъ такъ писалъ о ней своему духовнику: «*Извѣствую вашей святости, есть здѣсь князь Вольфенбюттенскій, живетъ близъ Саксоніи, и у него есть дочь — дѣвица, и та дѣвица живетъ здѣсь въ Саксоніи при королевѣ, аки у сродницы, и на той княжнѣ давно ужъ меня сватали, однакожъ мнѣ отъ батюшки не весьма было откровенно, но я ее видѣлъ и сіе батюшкѣ извѣстно стало, и онъ писалъ ко мнѣ нынѣ, какъ она мнѣ показалась, есть ли воля моя съ ней въ супружество (вступить)? И я писалъ, что когда его воля есть, что мнѣ быть на иноземкѣ женатому, и я его воли согласую, чтобъ меня женить на вышеописанной княжнѣ, которую я уже видѣлъ, и мнѣ показалось, что она человѣкъ добръ и лучше ея мнѣ здѣсь не сыскать*».

Отношенія къ Польшѣ.

Царь былъ радъ такому «*соизволенію*» сына, но рѣшительнаго слова въ 1710 году еще не далъ. Его удручали слабыя дѣйствія короля датскаго противъ шведовъ, а также притязанія короля польскаго Августа, который желалъ «ничего не дѣлая, всего достигнуть». Онъ требовалъ, чтобы царь отдалъ ему Лифляндію и Эстляндію, покоренныя русскимъ оружіемъ, русской силой, цѣною крови многихъ русскихъ людей. Царь

не хотѣлъ, конечно, играть роль кошки, таскающей горячіе каштаны для обезьяны, и, стараясь расположить жителей завоеванныхъ областей самымъ строгимъ соблюденіемъ ихъ привилегій, отвѣчалъ Августу и полякамъ, что о передачѣ завоеванныхъ областей не можетъ быть рѣчи до окончательнаго низложенія шведскаго оружія и шведской славы, такъ какъ только у него съ его русскимъ войскомъ хватитъ силы удержать завоеванныя области и не допустить новаго ихъ захвата со стороны Швеціи. Августъ не могъ не признать справедливости этихъ доводовъ, и поляки волей-неволей должны были довольствоваться обѣщаніями царя насчетъ будущаго раздѣла земель. Но Петръ хорошо понималъ, что никакой надежды на пріязнь и вѣрность со стороны Августа имѣть нельзя, тѣмъ болѣе, что поляки жаловались на своеволіе русскихъ войскъ и русскихъ полководцевъ, находившихся въ Польшѣ, а царь за отдаленностью мало могъ помочь дѣлу.

Датчане дѣйствовали слабо и до того нерѣшительно, что не дали возможности русскому флоту соединиться съ ними и сдѣлать высадку у Стокгольма, какъ того хотѣлъ Петръ для нанесенія рѣшительнаго удара Швеціи. Но больше всего тревожила царя неопредѣленность дѣлъ въ Турціи и неясность его отношеній къ султану.

Интриги Карла въ Турціи.

Хотя послѣ Полтавской побѣды султанъ подтвердилъ прежній дружескій договоръ и обѣщаніе ни въ чемъ не помогать королю Карлу, даже выслать его изъ предѣловъ Турціи, но договоръ этотъ не исполнялся. Еще осенью 1709 года уполномоченный посолъ царя, Толстой, писалъ, что сомнѣвается въ миролюбіи турокъ, такъ какъ они стали бояться усиленія силъ Россіи, а Карлъ всячески подбиваетъ ихъ къ войнѣ. Толстой совѣтовалъ какъ-нибудь хитростью при помощи поляковъ захватить и увезти Карла изъ Бендеръ, пока у него не собралось достаточно войска, и прибавлялъ: «хоть и дознаются, что это сдѣлано съ русской стороны, но ничего другого не будетъ — какъ только, что здѣсь я пострадаю». Царь не могъ, конечно, принять совѣта и жертвы своего посла и употреблялъ всѣ силы, чтобы уладить дѣло переговорами и силою золота. Сначала русская партія взяла верхъ при дворѣ султана, и Карлу предложено было оставить Турцію въ возможно скоромъ времени. Но на почтительный докладъ бендерскаго паши объ этомъ Карлъ отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ. Онъ устроилъ себѣ подъ Бендерами удобный лагерь, гдѣ жилъ со своими генералами и солдатами, успѣвшими бѣжать къ нему изъ Россіи и Польши. У него набралось до 1,800 человѣкъ войска, и онъ, оправившись отъ раны, жилъ со своей обычной простотой: много ѣздилъ верхомъ, ежедневно занимался обученіемъ солдатъ, отпра-

влялъ вмѣстѣ съ ними вечернюю и утреннюю молитвы и, казалось, совершенно успокоился. Въ отвѣтъ на печальныя донесенія изъ Швеціи о всеобщемъ уныніи народа, о разореніи страны, онъ послалъ строгій приказъ собирать новыя войска и готовиться къ отраженію непріятеля.

Объявленіе войны.

Наконецъ Карлу удалось подкупить лучшее турецкое войско — янычаръ, и они стали требовать, чтобы ихъ вели на русскихъ. 20 ноября 1710 года въ торжественномъ засѣданіи дивана[1] было рѣшено объявить войну Россіи: посланникъ нашъ Толстой былъ заключенъ въ Семибашенный замокъ, и весной 1711 года визирь долженъ былъ съ огромными силами двинуться на Россію.

Зная интриги Карла и неустойчивость турецкой политики, Петръ могъ ждать и ждалъ, можетъ быть, такого результата дипломатической борьбы, но все же извѣстіе о предстоящей войнѣ было тяжело ему.

Война предстояла опасная и серьезная. Серьезно и обдуманно сталъ готовиться къ ней и царь, заботясь не только о томъ, какъ обставить дѣло борьбы съ турками, но и о томъ, какъ устроить дѣла дома, чтобы не задерживался безъ него ходъ государственной машины, чтобы въ порядкѣ оставить и свои семейныя дѣла.

Учрежденіе Сената.

Давно уже во время отсутствія царя государствомъ правили бояре, которые однако носили уже названіе министровъ и являлись не безмолвными вершителями царской воли, какъ то было прежде въ Боярской Думѣ, а отвѣтственными лицами передъ царемъ. Въ 1707 году царь написалъ Ромодановскому, чтобы министры всякія дѣла, о которыхъ совѣтуются, записывали, и каждый бы своею рукою подписывалъ, а безъ того никакого дѣла отнюдь не рѣшали, «ибо этимъ дурость всякаго будетъ явна».

Но и эти отвѣтственные передъ царемъ министры не были еще уполномоченными правителями, а, отправляясь въ Турцію, въ «сей дальній и Единому Богу свѣдомый путь», царь хотѣлъ ихъ сдѣлать именно представителями самого себя, своей воли. Онъ устроилъ новое правительственное учрежденіе — Сенатъ. 22 февраля 1711 года царь во всеобщее свѣдѣніе объявилъ, что для управленія дѣлами во время отлучекъ своихъ учреждаетъ Правительствующій Сенатъ, которому всякій долженъ быть послушенъ, какъ самому царю. Въ Сенатъ назначено было 9 членовъ изъ наиболѣе выдающихся, умныхъ и довѣренныхъ слугъ царя. Всѣ должны были имѣть равные голоса и каждый указъ обязаны были подписывать всѣ собственноручно, а если одинъ изъ нихъ

---

[1] Диванъ — у турокъ высшее правительственное учрежденіе — собраніе министровъ.

откажется подписывать, объявляя несправедливость приговора, то приговоръ остальныхъ членовъ дѣлался недѣйствительнымъ, но несогласный долженъ былъ дать свой протестъ на письмѣ за собственноручной подписью. Сенату подчинены были всѣ губернаторы и всѣ судейскія дѣла, ему же поручено было смотрѣть за правильнымъ доставленіемъ всякаго рода сборовъ и денегъ, поручено было смотрѣть за правильнымъ сборомъ рекрутовъ, за развитіемъ торговли, и кромѣ того учинить по всякимъ дѣламъ фискаловъ, которымъ поручалось быть «очами и ушами» государевыми, т. е. вмѣнялось въ обязанность слѣдить за правильнымъ веденіемъ дѣлъ и привлекать къ отвѣтственности всякаго нарушителя закона, «какой великой степени ни есть». Для скорѣйшаго хода дѣлъ постановлено было, чтобы въ Москвѣ находились комиссары изъ каждой губерніи, которые обязаны были безотлучно находиться въ канцеляріи Сената, чтобы при первой надобности давать отчеты по дѣламъ своей губерніи, а принявъ указы Сената, немедленно отсылать въ свои губерніи съ особыми гонщиками-курьерами, для чего заведены были «нарочныя почты». О скорѣйшемъ ходѣ дѣлъ государь особенно заботился, такъ какъ медленность губернаторовъ выводила его изъ себя. 6 февраля того же 1711 года онъ писалъ Меншикову: «Донынѣ, Богъ вѣдаетъ, въ какой печали пребываю, ибо губернаторы зѣло раку послѣдуютъ въ происхожденіи своихъ дѣлъ». Наладить такое сложное дѣло, какъ Сенатъ, было не легко, но Петръ не боялся трудностей и, обладая необыкновенной трудоспособностью и умѣньемъ беречь время, устроилъ дѣло вполнѣ.

Объявленіе женитьбы царя на Екатеринѣ.

Устраивая дѣла государственныя, Петръ заботился и о дѣлахъ семейныхъ. 19 апрѣля 1711 года онъ окончательно устроилъ бракъ сына Алексѣя съ принцессой Шарлотой. До отправленія на войну далъ, по его выраженію, «пароль», т. е. права законной жены и царицы, любимой имъ женщинѣ — Екатеринѣ Алексѣевнѣ, съ которою обвѣнчался еще въ 1708 году, но тайно при немногихъ свидѣтеляхъ. Теперь онъ во всеуслышаніе, во всеобщее свѣдѣніе объявилъ ее своей женой и царицей, а дочерей, ею рожденныхъ, — принцессами.

Екатерина была простой служанкой пастора Глюка изъ города Маріенбурга и сдалась въ плѣнъ вмѣстѣ съ семьею пастора, была потомъ служанкой въ семьѣ Меншикова, тамъ понравилась государю, и онъ скоро сдѣлалъ ее своей женой. Точное происхожденіе ея неизвѣстно; по новѣйшимъ даннымъ, ее считаютъ литвинкой, крестьянкой, но Петръ любилъ дразнить ее, называя «подданной шведскаго короля».

Отношенія царя къ женѣ.

Горячо и нѣжно любилъ царь свою вторую жену, которая, несмотря на свою безграмотность, обладала свѣтлымъ, яснымъ умомъ, живымъ

нравомъ и удивительной способностью примѣняться къ нраву «самодержавнаго великана». Она дала ему тотъ семейный уютъ, котораго жаждетъ сердце всякаго упорно трудящагося человѣка и котораго не могла дать ему Евдокія Лопухина съ ея вздохами и причитаніями «лапушка, разлапушка!» Екатерина умѣла интересоваться тѣмъ, чѣмъ интересовался мужъ, умѣла говорить о любимыхъ его корабляхъ, какъ о дѣтяхъ его, и точно знала все, касающееся морского дѣла; умѣла шутить съ государемъ въ минуты веселья, умѣла шуткой и улыбкой своей успокоить его въ минуты гнѣва. Гнѣвъ царя былъ явленіемъ болѣзненнымъ и выражался прежде всего сильнымъ подергиваніемъ въ лицѣ и трясеніемъ головы, послѣ чего на царя находило какъ бы сумасшествіе, во время котораго онъ не помнилъ себя, становился ужасенъ и могъ убить человѣка, не сознавая, что дѣлаетъ; потомъ припадокъ кончался упадкомъ силъ и страшнѣйшими головными болями, во время которыхъ царь не могъ подняться съ мѣста. Припадки эти чаще всего случались во время пировъ; при первыхъ предвѣстникахъ этого наступающаго ужаснаго явленія всѣ окружающіе уже трепетали за свою жизнь и спѣшили удалиться, если представлялась возможность. Когда же Екатерина стала близка государю, она безстрашно шла къ нему въ минуты самыхъ отчаянныхъ припадковъ его гнѣва, заговаривала съ нимъ, садилась возлѣ него и, ласково разглаживая суровыя морщины на его лицѣ, клала его больную, трясущуюся голову себѣ на грудь, продолжая свои ласковыя разглаживанія лица. И усмирялся могучій великанъ, и засыпалъ на широкой груди любимой женщины, иногда на нѣсколько минутъ, иногда на цѣлые часы. Тогда всѣ пирующіе или уходили, или старались не шелохнуться; Екатерина сидѣла, не шевелясь иногда цѣлыми часами, а больной просыпался освѣженный, довольный, съ радостной улыбкой: и боли головной не было, и гнѣвъ проходилъ безслѣдно. Какъ же ему было не любить свою цѣлительницу, которая кромѣ того въ трудныя минуты жизни умѣла поддержать, утѣшить его, даже подать совѣтъ иногда, и при этомъ держалась безъ всякой навязчивости и заносчивости, величала мужа «хозяиномъ», себя «служанкой его». Не брезгала она и никакимъ дѣломъ для угоды ему: и любимые его пироги иногда пекла ему, и чулки штопала, и ходила за нимъ, какъ сидѣлка, во время его болѣзней. Когда же нужно было принимать иноземныхъ пословъ, показаться любезной хозяйкой, она умѣла и это исполнить съ достоинствомъ и простотой; а когда дѣло доходило до танцевъ, то отдавалась имъ со всѣмъ увлеченіемъ горячей натуры и этимъ еще болѣе плѣняла мужа. Во всемъ показывалъ онъ вниманіе и нѣжность къ ней: высказывалась она въ той пышности,

которой онъ окружалъ Екатерину, и въ легкихъ шуткахъ съ нею, и въ душевныхъ письмахъ къ ней.

Въ 1711 году Екатерина, какъ вѣрный другъ, вызвалась сопровождать царя въ его безвѣстный «Единому Богу свѣдомый путь», и только этимъ нѣсколько поддерживались душевныя силы царя, который былъ удрученъ мыслью о безполезной и опасной, по его мнѣнію, войнѣ. Царь тотчасъ по объявленіи войны туркамъ рѣшилъ не допустить ихъ въ предѣлы Россіи и потому двинулъ свои войска къ границамъ Турціи и самъ поѣхалъ туда же 16 марта 1711 года, какъ только закончилъ дѣло устройства Сената.

Глава XVII.

Прутская неудача и другія дѣла 1711 года.

Приготовленія къ войнѣ съ турками. — Болѣзнь царя. — Разочарованіе въ Меншиковѣ и горе царя при этомъ. — Тревожныя извѣстія о дѣлахъ съ Турціей. — Походъ къ Пруту и столкновеніе съ турками. — Безвыходно-печальное положеніе дѣлъ и великодушіе Петра въ это время. — Поступокъ Екатерины и начало переговоровъ о мирѣ. — Условія мирнаго договора и протестъ Карла. — Горе царя и неопредѣленность дѣлъ послѣ прутской неудачи. — Женитьба царевича Алексѣя. — Порученіе, данное Алексѣю царемъ. — Враждебное отношеніе турокъ. — Поѣздка въ Остзейскія провинціи. — Петръ передъ рижскимъ судомъ.

Планъ войны 1711 года былъ задуманъ широко, и всѣ мѣры предосторожности къ выполненію его были приняты: какъ только получено было извѣстіе о разрывѣ мира, такъ царь уже послалъ повелѣніе о движеніи войскъ къ турецкой границѣ, вошелъ въ союзъ съ господарями, т. е. князьями Молдавіи и Валахіи, обѣщая имъ свое содѣйствіе для освобожденія отъ турецкаго ига, кромѣ того переслался съ черногорцами и сербами, которые давно уже заявляли о готовности своей служить царю. Теперь обратился къ нимъ царь, и было рѣшено, что какъ только наши войска перейдутъ Дунай, такъ черногорцы и сербы общими силами поднимутся противъ вѣковыхъ и ненавистныхъ своихъ притѣснителей. Господари молдавскій и валахскій обѣщали свою помощь въ дѣлѣ доставленія провіанта. Слѣдовало только, какъ можно скорѣе, двигаться къ Дунаю, чтобы предупредить переправу турокъ черезъ рѣку. Приготовленія къ войнѣ съ турками.

Но именно этого-то и не было сдѣлано, такъ какъ всѣ вообще русскіе люди любили «зѣло раку подобиться», а руководитель всего — Петръ захворалъ въ пути и слегъ въ городкѣ Луцкѣ. Болѣзнь была такъ серьезна и мучительна, что, сообщая о ней, царь писалъ Меншикову: «Объявляю, что я зѣло былъ боленъ скорбью такою, какой болѣзни отъ роду мнѣ не бывало, ибо двѣ недѣли съ жестокими паланъ-сизмами [па- Болѣзнь царя.

роксизмами, припадками] были, изъ которыхъ одинъ полторы сутки держалъ, гдѣ весьма жить отчаялся, но потомъ великими потами освободился и учусь ходить». Царь оправился, благодаря усерднымъ попеченіямъ Екатерины, сопровождавшей его въ походъ, и продолжалъ свой путь. Но чѣмъ дальше подвигался вглубь Польши, тѣмъ прискорбнѣе дѣлалось на душѣ его.

Разочарованіе въ Меншиковѣ и горе царя при этомъ.

Онъ воочію убѣждался, что жалобы поляковъ на притѣсненія и обиды русскихъ войскъ справедливы, и это было «зѣло» горько ему; но еще ужаснѣе и печальнѣе было убѣдиться, что его Данилычъ — дитя его сердца, его милый Алексаша Меншиковъ его обманываетъ, «корыстится на малые прибытки» и возбуждаетъ противъ себя всѣхъ своимъ высокомѣріемъ, заносчивостью и хвастовствомъ не въ мѣру. Жестоко огорченный царь писалъ своему любимцу: «Зѣло удивляюсь, что обозъ вашъ слишкомъ годъ послѣ васъ мѣшкаетъ въ Польшѣ, къ тому же Чашники [мѣстечко] будто на васъ отобраны, прошу, чтобы вы такими малыми прибытками не потеряли своей славы и кредиту. Прошу васъ не оскорбиться о томъ, ибо первая брань лучше послѣдней». Меншиковъ, избалованный снисхожденіемъ царя, попробовалъ было шутить и писалъ, что нельзя обращать вниманія, если какая бездѣлица и взята у поляковъ, но царь строго возражалъ ему: «Что ваша милость пишете о сихъ грабежахъ, что это бездѣлица, а то не есть бездѣлица, ибо интересъ тѣмъ теряется въ озлобленіи жителей».

Злоупотребленія Меншикова глубоко потрясли царя — онъ приходилъ въ отчаяніе и на вопросъ Апраксина, гдѣ тому лучше утвердить пребываніе, чтобы слѣдить за Азовомъ, отвѣчалъ: «Вся та сторона вамъ вручена и что удобнѣе гдѣ, то и чините, ибо мнѣ, какъ отдаленному и почитай въ отчаяніи сущему (къ тому жъ отъ болѣзни чуть ожилъ), невозможно разсуждать, ибо дѣла что день отмѣняются».

Въ такомъ мрачномъ настроеніи продолжалъ царь путь къ Дунаю, но на время былъ обрадованъ извѣстіемъ, что казаки разбили крымскаго хана, тронутъ былъ почестями, съ которыми польскіе паны встрѣчали его Катеринушку, и обрадовался обѣщанію Августа оказать намъ помощь присылкою нѣсколькихъ полковъ кавалеріи. Вслѣдствіе этого онъ нѣсколько смягчилъ гнѣвъ свой и противъ Меншикова.

Тревожныя извѣстія о дѣлахъ съ Турціей.

Между тѣмъ извѣстія съ границъ Турціи становились все печальнѣе и тревожнѣе: господари Молдавіи и Валахіи, а также черногорцы и сербы торопили царя, донося, что надо предупредить переходъ турокъ черезъ Дунай, а войска Шереметьева, несмотря на строжайшія приказанія быть въ Молдавіи въ половинѣ мая, были еще далеко. Только 4 іюня Шереметьевъ перешелъ Днѣстръ и скоро извѣстилъ царя, что «упре-

дить» турокъ не могъ, что они уже перешли Дунай, и валахскій господарь Бранкованъ видимо дѣйствуетъ заодно съ нимъ, а молдавскій господарь Антіохъ Кантемиръ хоть и присоединился къ намъ, но провіанту отнюдь не приготовилъ; о магазинахъ, которые царь приказалъ приготовить, не было и помину. Печально было такое извѣстіе, и царь поспѣшилъ къ войску, чтобы вмѣстѣ съ нимъ нести тягость похода.

Походъ къ Пруту и столкновеніе съ турками.

На берегахъ Днѣстра былъ собранъ военный совѣтъ и поднятъ вопросъ — двигаться ли далѣе или подождать непріятеля на Днѣстрѣ. Генералъ Рене высказался за то, что только смѣлымъ движеніемъ впередъ можно достигнуть цѣли похода и поддержать честь русскаго оружія; большинство согласилось съ нимъ, и царь присоединился къ большинству, несмотря на ожидавшійся недостатокъ провіанта. Къ этому опасному рѣшенію привела царя мысль о томъ, что, оставшись на берегахъ Днѣстра, онъ можетъ этимъ подвести господаря Кантемира и, оставивъ безъ защиты несчастную Молдавію, погубить тысячи жителей. 24 іюня царь достигъ Прута и на другой же день отправился въ Яссы для свиданія съ господаремъ Кантемиромъ, который показался ему «человѣкомъ зѣло разумнымъ и въ совѣтахъ способнымъ». Тутъ же узналъ царь, что, несмотря на желаніе своихъ подданныхъ отдаться подъ покровительство русскаго царя, господарь валахскій колеблется, на какую сторону ему стать; узналъ и о невозможности достать достаточное количество хлѣба вслѣдствіе опустошенія полей саранчею и о томъ, что подъ Браиловымъ находятся большіе запасы провіанта безъ всякой охраны со стороны турокъ. Вернувшись къ войску, царь послалъ большой отрядъ кавалеріи къ Браилову за провіантомъ, а самъ съ остальной арміей двинулся къ югу вдоль Прута, надѣясь подкрѣпить жителей Валахіи и тѣмъ принудить Бранкована открыто стать на нашу сторону. Присланные изъ Валахіи уполномоченные увѣряли, что путь отъ турокъ пока свободенъ, и войско двигалось спокойно, но 7 іюля передовой отрядъ нашъ наткнулся на огромныя полчища турокъ; тогда наши отступили, двигаясь вверхъ по Пруту и все время отстрѣливаясь отъ передовыхъ отрядовъ непріятелей. Царь ждалъ отъ Августа подмоги провіантомъ и присылки кавалеріи, но этотъ коварный союзникъ ничего обѣщаннаго не исполнилъ.

Безвыходно-печальное положеніе дѣлъ и великодушіе Петра въ это время.

9-го войска остановились на довольно удобномъ мѣстѣ и укрѣпились рогатками, а турецкая армія кольцомъ оцѣпила нашъ станъ, и началось упорное сраженіе, длившееся весь день непрерывно. Турецкая пѣхота и конница наступали «прежестоко», даже и ночью продолжали осыпать русскій лагерь пулями, для чего выставили 300 пушекъ. Положеніе русскихъ было отчаянное: въ войскѣ было всего 38,000 чело-

вѣкъ, а число турокъ и татаръ доходило до 190,000, слѣдовательно впятеро превосходило число нашихъ войскъ; наши были истомлены тяжелымъ, почти двухдневнымъ переходомъ по выжженой солнцемъ степи, упорнымъ боемъ цѣлаго дня и почти полнымъ отсутствіемъ провіанта: хлѣба не было, питались однимъ мясомъ, сѣна не было ни пылинки — грозилъ голодъ и падежъ лошадей.

Всѣ были въ угнетенномъ состояніи. Царь одинъ удалился въ свою палатку и одинъ, принявъ на себя отвѣтъ во всемъ, думалъ свою печальную думу — искалъ выхода изъ своего тяжелаго положенія. Онъ зналъ свое войско, своихъ солдатъ, готовыхъ умереть за него и за родину, умѣющихъ умирать великодушно и храбро, но онъ зналъ также, что его люди изнурены зноемъ и голодомъ, что ему нечѣмъ подкрѣпить ихъ силы, что поэтому бой будетъ не боемъ, а бойнею ничѣмъ неповинныхъ людей. Мучительно было герою Полтавы чувствовать себя въ западнѣ у турокъ, мучительно было думать о пораженіи послѣ стольких славныхъ побѣдъ, но онъ не былъ гнѣвенъ, онъ никого не винилъ, а думалъ съ горемъ, что собственной ошибкой, собственной довѣрчивостью къ измѣннику Бранковану довелъ войско и себя до такого унизительнаго положенія. Его мучила мысль, что своей ошибкой онъ подвергаетъ бѣдствію ввѣрившихся ему славянъ. Еще ужаснѣе ему было думать о томъ, что ждетъ его любимую Россію, его народъ, когда все дѣло его жизни оборвется на полпути. О переговорахъ съ врагами онъ не помышлялъ, но, зная всю безвыходность своего положенія, готовился къ плѣну и смерти, а готовясь къ этому, думалъ только о томъ, какъ лучше поставить дѣла Россіи, и написалъ въ Сенатъ: «Господа Сенатъ. Извѣщаю васъ, что я со всѣмъ своимъ войскомъ безъ вины или погрѣшности нашей, но единственно только по полученнымъ ложнымъ извѣстіямъ въ семь кратъ сильнѣйшею турецкою силою такъ окруженъ, что всѣ пути къ полученію провіанта пересѣчены, и что я, безъ особливыя Божія помощи, ничего иного предвидѣть не могу, кромѣ совершеннаго пораженія, или что я впаду въ турецкій плѣнъ. Если случится сіе послѣднее, то вы не должны меня почитать своимъ царемъ и государемъ и ничего исполнять, что мною, хотя бы и по собственному повелѣнію отъ насъ было требуемо, покамѣстъ я самъ не явлюсь между вами въ лицѣ моемъ; но если я погибну, и вы вѣрныя извѣстія получите о моей смерти, то выбирайте между собою достойнѣйшаго мнѣ въ наслѣдники». Послѣ такого важнаго распоряженія о дѣлахъ Россіи государь нѣсколько успокоился и сталъ писать «диспозицію», т. е. распоряженіе на страшный смертный бой.

Поступокъ Екатерины и начало переговоровъ о мирѣ.

Въ то время какъ царь, исполненный тревоги и горести за родину, писалъ эти распоряженія, его жена и его лучшіе сановники — Шафировъ, Остерманъ, Шереметьевъ тоже думали крѣпкую думу о томъ, какъ предотвратить бѣду. Екатерина, какъ женщина, первая предложила начать переговоры о мирѣ, при чемъ, какъ говорятъ, собрала всѣ свои драгоцѣнности, а также всѣ серьги, браслеты и ожерелья своихъ придворныхъ дамъ и послала все это къ визирю съ вопросомъ, можно ли завести рѣчь о мирѣ. Къ утру она получила отвѣтъ о готовности визиря начать мирные переговоры. Утѣшительный отвѣтъ былъ полученъ, но какъ передать его царю, который отдалъ уже распоряженіе на рѣшительный смертный бой? Это взяла на себя Екатерина, «чудотворца исполина чернобровая жена». Она смѣло вошла въ палатку царскую и неизвѣстно, что и какъ говорила царю, но умолила его рѣшиться на переговоры. Рано утромъ 10 іюля царь, призвавъ одного изъ лучшихъ офицеровъ гвардіи, вручилъ ему письмо въ Сенатъ и поручилъ немедленно отвезти въ Москву, а Шереметьевъ отъ своего лица, какъ фельдмаршалъ и главнокомандующій, послалъ великому визирю письмо съ предложеніемъ мира. Отвѣта не было, и стрѣльба со стороны турокъ продолжалась, хотя наши не отвѣчали. Послали второе письмо съ просьбой дать скорѣйшую резолюцію, такъ какъ равно готовы и къ миру и къ бою, а миръ предлагаютъ только «щадя человѣческаго кровопролитія». Визирь на это отвѣтилъ, что онъ добраго мира «не отрицается», и просилъ прислать для переговоровъ знатнаго человѣка. Тотчасъ былъ посланъ для переговоровъ подканцлеръ Шафировъ съ переводчиками, а для пересылокъ — Волынскій, при чемъ Петръ далъ Шафирову указанія, какія уступки можно сдѣлать. Наставленія эти, писанныя собственноручно рукою государя, сохранились, и почеркъ этого документа, поправки и зачерки — ясно показываютъ, въ какомъ волненіи былъ великій человѣкъ. Уступки, на которыя онъ соглашался заранѣе, были громадны, и одно это показываетъ, какъ опасно было положеніе арміи. Царь соглашался отдать туркамъ не только Азовъ, но и всѣ вновь построенные города въ цѣлости, уполномачивалъ отдать Лифляндію и даже область Псковскую, чтобы только отстоять Карелію и излюбленный «Петербурхъ», позволено было дать визирю 150,000 рублей и всѣмъ его подчиненнымъ соразмѣрныя взятки. Шафировъ въ этотъ же день прислалъ отвѣтъ, что турки требуютъ отдачи Азова, Таганрога и всѣхъ вновь построенныхъ городовъ на Азовскомъ морѣ, невмѣшательства въ польскія дѣла, свободнаго проѣзда шведскаго короля черезъ русскія владѣнія и выдачи Кантемира. Противъ послѣдняго пункта царь возсталъ самымъ рѣшительнымъ обра-

зомъ; онъ объявилъ, что скорѣй отдастъ туркамъ земли до Курска, а Кантемира взять не позволитъ, прибавивъ: «взятое оружіемъ — оружіемъ возвращено быть можетъ, а честь потерянная ничѣмъ невозвратима, — нарушить же слово свое — значитъ не быть государемъ». И царь, пославъ Шафирова обратно, приказалъ готовиться къ смертному бою. Но наши не знали, что визирь не менѣе ихъ жаждетъ мира, не знали, что во время сраженія 9 іюля турки потеряли 7,000 убитыми, болѣе 8,000 ранеными, и янычары, испуганные отчаянной храбростью и стойкостью нашихъ солдатъ, отказывались идти на битву съ ними.

Условія мирнаго договора и протестъ Карла.

Визирь былъ настолько напуганъ сопротивленіемъ своихъ солдатъ, что тотчасъ отказался отъ требованія выдачи Кантемира и 11-го вечеромъ былъ заключенъ договоръ, по которому царь обязывался отдать туркамъ Азовъ въ томъ видѣ, какъ завоевалъ его отъ турокъ, обязывался срыть всѣ вновь построенные города; обѣщался не вмѣшиваться въ польскія дѣла и дать королю шведскому свободный проходъ черезъ свои владѣнія, а если тотъ согласится, то и миръ учинить. На этихъ условіяхъ «всѣ непріятельскіе поступки предаются забвенію и войскамъ царскаго величества свободный путь въ свои земли позволяется». Русскія войска снялись изъ лагеря 14 же іюля вечеромъ и выступили въ обратный походъ въ лучшихъ парадныхъ мундирахъ, съ распущенными знаменами и барабаннымъ боемъ, сохраняя внѣшній видъ побѣдителей, но до исполненія договора со стороны царя при турецкомъ лагерѣ были оставлены заложниками подканцлеръ Шафировъ и сынъ фельдмаршала Шереметьева.

Для Карла вѣсть о заключеніи мира была неожиданна и ужасна. Узнавъ о переговорахъ между визиремъ и царемъ, онъ безъ всякаго конвоя, загоняя лошадей, помчался изъ Бендеръ къ Пруту и явился туда 14 іюля, какъ разъ въ то время, когда наши войска выступали изъ лагеря. Карлъ былъ и въ отчаяніи, и въ бѣшенствѣ. Ворвавшись въ палатку визиря, онъ осыпалъ его бранью: упрекалъ въ продажности, въ измѣнѣ и требовалъ войска, обѣщаясь въ тотъ же день разбить царя и привести плѣнникомъ. Всѣ его упреки и настоянія не привели ни къ чему: великій визирь остался непоколебимъ и только насмѣшливо отвѣтилъ: «Оставь — ты уже испыталъ русскихъ, и я ихъ видѣлъ въ бою. Если у тебя есть свое войско — сражайся, а я свое на гибель не дамъ». Страшась однако Карла и его обличеній, визирь не могъ воспользоваться тѣми ста пятьюдесятью тысячами рублей, которые обѣщаны были ему Петромъ за заключеніе мира; хотя наши уполномоченные и привезли обѣщанныя деньги, визирь не осмѣлился ихъ взять, боясь, что Карлъ узнаетъ и донесетъ объ этомъ султану. Потому визирь всѣми силами

желалъ скорѣйшаго удаленія шведскаго короля изъ Турціи и въ отвѣтъ на просьбу Шафирова — ускорить отъѣздъ Карла, совершенно искренно воскликнулъ: «Я бы желалъ, чтобы его чортъ взялъ, потому что вижу теперь, что онъ только именемъ король, а ума въ немъ ничего нѣтъ, какъ самый скотъ; я буду стараться, чтобы его куда-нибудь отпустили». Но до удаленія Карла было еще далеко, и еще много бѣдъ принесъ онъ и Россіи и царю Петру.

Горе царя и неопредѣленность дѣлъ послѣ прутской неудачи.

Освободившись отъ прутской западни, войска были несказанно довольны возможностью возвратиться на родину и съ радостью тронулись въ обратный путь, но царь былъ удрученъ и подавленъ горемъ: потерялъ и сонъ, и аппетитъ, перемогался черезъ силу и писалъ Апраксину, что «какъ бы не собственною рукою подписывалъ условія мира».

Силы царя были такъ надорваны пережитой неудачей, что ему необходимо было заняться лѣченіемъ, и, по предписанію докторовъ, онъ отправился въ Карлсбадъ, гдѣ пилъ воды въ теченіе 3 недѣль, соблюдая строгую діэту, но не имѣя возможности достичь того душевнаго спокойствія, которое необходимо при лѣченіи. Союзники наши въ Помераніи дѣйствовали нерѣшительно и лѣниво, султанъ не подтверждалъ условій прутскаго мира, и царю во время лѣченія приходилось слѣдить за дѣлами и въ Россіи, и въ Турціи, и въ Польшѣ, и въ Помераніи. Опасаясь интригъ и происковъ Карла, ежеминутно опасаясь новаго объявленія войны со стороны турокъ, царь распорядился не отдавать Азова и не срывать стѣнъ Таганрога, пока Карлъ не выѣдетъ изъ Турціи, и кромѣ того далъ Шереметьеву приказъ оставаться близъ Кіева и расположить свои войска такъ, чтобы имѣть возможность въ теченіе 2—3 дней собрать ихъ воедино, въ цѣлую армію. Распоряженіе это было сдѣлано такъ разумно, такъ предусмотрительно, что теперь возбуждаетъ удивленіе у лучшихъ знатоковъ военнаго дѣла.

Военныя дѣла и всякія заботы угнетали царя, но карлсбадскія воды все-таки нѣсколько поправили его здоровье, и онъ изъ Карлсбада поспѣшилъ на свадьбу сына въ городъ Торгау.

Женитьба царевича Алексѣя.

Добровольно ли женился Алексѣй, принудила ли его къ этому желѣзная воля отца — опредѣлить трудно, такъ какъ извѣстія объ этомъ противорѣчатъ другъ другу. Въ однихъ говорится, что царевичъ хотѣлъ избѣжать брака, что невѣста ему не полюбилась, такъ какъ была худа и изуродована оспой, что онъ сталъ пріятно обращаться съ принцессой только съ единственной цѣлью выиграть время. По другимъ же извѣстіямъ, невѣста была красива и даже обворожительна, а самъ царевичъ (какъ мы уже знаемъ) писалъ духовнику своему, отъ котораго ничего

не скрывалъ, что выбралъ себѣ невѣсту самъ, что она человѣкъ добрый, что лучше ему невѣсты не сыскать, и только сокрушался, что ей предоставлена свобода вѣроисповѣданія, и что она будетъ держаться лютеранскаго закона. Онъ однако утѣшалъ себя мыслью, что дѣти будутъ греческаго закона, и что сама принцесса «безъ всякаго принужденія потребуетъ нашей православной вѣры и св. крещенія, когда увидитъ наше всякое церковное благолѣпіе и благочиніе».

Какъ бы то ни было, свадьба царевича состоялась и отпразднована была 14 октября 1711 года въ городѣ Торгау, о чемъ, извѣщая Меншикова, царь писалъ: «Свадьба сына моего совершилась, слава Богу, добрымъ порядкомъ, и людей было зѣло знатныхъ много. Свадьба была въ домѣ польской королевы, гдѣ и отъ васъ присланный арбузъ поставленъ былъ, который овощъ здѣсь зѣло на диво». Самъ царь надѣлъ на молодыхъ вѣнцы во время вѣнчанія по греческому обряду, потомъ былъ на пиру «зѣло веселъ». Но кое-что въ обращеніи молодой невѣстки и ея окружающихъ не очень-то понравилось ему, потому что сохранилось сказаніе, что на просьбу герцога Вольфенбюттенскаго — отца принцессы — любить и беречь ее, царь съ своей всегдашней правдивостью отвѣтилъ: «Приму, какъ дочь, только бы она и кто съ ней будетъ держали бы себя безъ высокомнѣнія, какъ многіе пріѣзжіе къ намъ въ Россію обыкли дѣлать». Несомнѣнно, что царь примѣтилъ что-нибудь высокомѣрное въ обращеніи своей невѣстки, но очень возможно, что и принцесса въ свою очередь могла испугаться близкаго общенія съ варварами, у которыхъ и овощи какіе-то особенные, всѣмъ «зѣло на диво».

Порученіе данное Алексѣю царемъ.

Отецъ Шарлотты просилъ, чтобы молодыхъ оставили погостить годокъ у него на полной свободѣ, но царь не понималъ, какъ можно отдыхать и пользоваться свободой, когда «сія весьма тяжелая война на плечахъ», и на четвертый же день послѣ свадьбы далъ царевичу подробную инструкцію: «Что дѣлать въ небытіе мое сыну моему въ Польшѣ».

Въ инструкціи царь подробно указывалъ сыну, какъ онъ долженъ строить провіантскіе магазины по всѣмъ рѣкамъ, текущимъ въ Померанію, какъ онъ долженъ собирать провіантъ, уплачивая за все деньгами, какъ долженъ приготовить суда и плоты для сплава провіанта къ Штетину при первомъ вскрытіи рѣкъ. Царь увѣщевалъ сына смотрѣть за всѣмъ «накрѣпко, зане зѣло надобно провіантъ имѣть въ достаткѣ — голодный бо солдатъ противу сытаго и половины не стоитъ».

Враждебное отношеніе турокъ.

Эти естественныя заботы царя о своихъ подданныхъ не такъ были истолкованы его недругами въ Турціи: Карлъ и заодно съ нимъ дѣйствующій посланникъ Франціи толковали, что царь нарушаетъ второй

пунктъ Прутскаго договора, что онъ не выводитъ войскъ изъ Польши, а напротивъ укрѣпляется въ ней; что весь Прутскій договоръ ошибка и даже измѣна со стороны великаго визиря, и добились того, что великій визирь былъ заключенъ, а потомъ и удавленъ тайно на островѣ Лемносѣ. Турки готовы были объявить намъ войну, чѣмъ такъ напугали Шафирова, что онъ далъ обязательство сдать Азовъ и другіе города не позже декабря мѣсяца. Царь хотя и понималъ тяжелое положеніе нашихъ заложниковъ, но остался очень недоволенъ такимъ обязательствомъ и писалъ Шафирову: «Зѣло удивляюсь, что вы такое письмо дали туркамъ — нельзя въ такое короткое время и такимъ малолюдствомъ исправить все въ Азовѣ и Таганрогѣ. Они съ насъ спрашиваютъ сверхъ человѣческой силы, а сами одного человѣка, короля шведскаго, выслать не могутъ».

Передъ царемъ, такимъ образомъ, была нелегкая задача: онъ требовалъ удаленія Карла изъ Турціи и говорилъ, что ранѣе этого не выведетъ свои войска изъ Польши и не отдастъ туркамъ Азова и Таганрога, а ему отвѣчали, что король не выѣдетъ изъ Турціи, пока русскіе полки будутъ оставаться въ Польшѣ, вывести же полки — значило оставить беззащитными наши южныя и западныя области, значило отказаться отъ борьбы въ Помераніи, а это равнялось отказу отъ пріобрѣтенія Финскаго побережья. Отказаться отъ этого было невозможно, такъ какъ значило бы свести на «нѣтъ» всѣ труды, всѣ жертвы одиннадцати лѣтъ. И царь рѣшился на продолженіе борьбы.

Онъ отдалъ только одинъ приказъ — о скорѣйшей сдачѣ Азова и Таганрога, но войну со шведами рѣшилъ продолжать и на пятый же день послѣ свадьбы сына поспѣшилъ въ городъ Торнау, чтобы тамъ условиться съ саксонскими министрами относительно военныхъ дѣйствій на слѣдующій 1712 годъ.

Поѣздка въ Остзейскія провинціи.

Послѣ этого государь отправился въ Россію, въ свой любимый «парадизъ» (Петербургъ) черезъ Лифляндію и Эстляндію, гдѣ пробылъ около шести недѣль, посѣщая различные города, знакомясь съ обычаями и законами новыхъ своихъ подданныхъ, которые внушали ему симпатію многими чертами своего быта и расположеніе которыхъ онъ хотѣлъ пріобрѣсти.

Тотчасъ по завоеваніи Лифляндіи въ 1710 году Петръ спѣшилъ возвратить лифляндскимъ и эстляндскимъ дворянамъ всѣ отнятыя у нихъ шведами права и преимущества. Имъ было предоставлено самимъ опредѣлить размѣръ податей, самимъ заняться распредѣленіемъ своихъ доходовъ и расходовъ, возстановленіемъ зданій и разрушенныхъ городовъ, имъ предоставлена была прежняя свобода торговли, и опредѣлено было

возвратить владѣльцамъ ранѣе секвестрованныя имѣнія. Вслѣдствіе этого всѣ дворяне Эстляндіи и Лифляндіи поспѣшили собраться въ Ригу, чтобы встрѣтить государя со всѣми подобающими ему почестями и привѣтствовать его, какъ своего повелителя. Царю говорили рѣчи, подносили стихи, гдѣ поэты восклицали: «Приди, великій императоръ, приди и покажи намъ, что скоро обнимутся здѣсь миръ и радость».

Петръ былъ, конечно, очень доволенъ такимъ выраженіемъ покорности и дружества со стороны новыхъ подданныхъ и съ особенной радостью видѣлъ, что прекрасный городъ уже нѣсколько оправился отъ разоренія, причиненнаго войною и долговременной осадой, что трудолюбіе и дѣятельность жителей уже сказываются въ оживленіи промышленности и торговли. Болѣе всего цѣня и уважая въ людяхъ трудолюбіе и трудоспособность, болѣе всего желая привить своему народу настойчивость въ трудѣ, царь былъ въ восторгѣ отъ всего видѣннаго и въ свою очередь произвелъ на всѣхъ прекрасное впечатлѣніе простотой своего обращенія, глубокимъ интересомъ ко всему окружающему, а главное уваженіемъ ко всѣмъ ихъ узаконеніямъ. Къ этому времени относится анекдотъ о томъ, какъ Петръ явился отвѣтчикомъ передъ рижскимъ судомъ за неправильно отданный Меншикову «*гакъ*» (участокъ земли) одного мирнаго жителя Риги. Анекдотъ этотъ записанъ въ исторіи Голикова со словъ самого истца, который не могъ говорить о государѣ иначе какъ со слезами восторга и благодарности.

Петръ передъ рижскимъ судомъ.

Когда въ 1710 году Рига была взята, то Меншиковъ, во всемъ умѣвшій соблюсти свою выгоду, распорядился отобрать себѣ и своимъ ближайшимъ помощникамъ земельные участки у тѣхъ жителей Риги, которые служили въ городской милиціи [1] и такимъ образомъ принимали участіе въ вооруженной борьбѣ противъ русскихъ, но, конечно, не очень стѣснялся въ захватѣ того, что ему больше нравилось, и между прочимъ захватилъ гакъ одного бѣдняка, не принимавшаго никакого участія въ войнѣ. Тотъ пробовалъ жаловаться своимъ судьямъ, но тѣ боялись дѣйствовать противъ всесильнаго царскаго любимца, тѣмъ болѣе что Меншиковъ представлялъ именное предписаніе государя объ утвержденіи за нимъ означеннаго гака среди другихъ такихъ же участковъ. Бѣднякъ, воспользовавшись пріѣздомъ государя въ Ригу, лично обратился къ нему съ просьбой о правосудіи. Государь со всегдашней своей простотой спросилъ, отчего же онъ не подастъ жалобу въ свой судъ, и бѣднякъ отвѣчалъ, что судьи боятся отвѣтчика, такъ какъ онъ очень важный го-

[1] Милиція — военная служба, рать.

сподинъ. «Кто же онъ?» спросилъ государь, весь вспыхнувъ при извѣстіи о страхѣ судей передъ его вельможами. «Ты самъ, государь», отвѣтилъ челобитчикъ и тутъ же разсказалъ, что Меншиковъ не возвращаетъ его гака, ссылаясь на именное предписаніе царя. На это государь отвѣтилъ, что дѣло должно быть разобрано судомъ, и если онъ, государь, окажется виновнымъ въ неправильномъ захватѣ гака, то выплатитъ ему всѣ убытки. Бѣднякъ вновь обратился къ судьямъ съ просьбою о пересмотрѣ своего дѣла, называя отвѣтчикомъ уже не Меншикова, а самого царя. Судьи нашли необходимымъ донести объ этомъ государю, который спросилъ, какъ разбираются у нихъ дѣла, и на сообщеніе, что истецъ и отвѣтчикъ равно призываются въ судъ и, стоя передъ судьями, устно даютъ свои показанія, отвѣтилъ: «Пришлите мнѣ повѣстку, и я явлюсь отвѣтчикомъ, какимъ являюсь и на самомъ дѣлѣ, если гакъ отобранъ у человѣка завѣдомо непричастнаго въ войнѣ». Въ назначенный день государь явился въ судъ. Когда смущенные и встревоженные судьи встрѣтили его какъ царя и встали передъ нимъ, онъ просилъ ихъ успокоиться, серьезно заняться разборомъ дѣла и усѣлся на скамью, гдѣ сидѣли всѣ судившіеся и свидѣтели дѣла, а когда его спрашивали, вставалъ, какъ и всѣ отвѣчавшіе. Когда разсмотрѣніе дѣла было закончено и справедливость жалобы бѣдняка была доказана, истца, отвѣтчика и свидѣтелей просили удалиться и признали царя виновнымъ въ неправильномъ захватѣ и неправильно отдачѣ гака, присудивъ отвѣтчика къ возвращенію гака, уплатѣ штрафа и всѣхъ убытковъ потерпѣвшаго. Государь, стоя, какъ того требовали правила, выслушалъ приговоръ, тотчасъ уплатилъ требуемую сумму и горячо благодарилъ за правильный приговоръ всѣхъ судей, которые отвѣчали на это громкими криками: «виватъ».

Такое же уваженіе къ мѣстнымъ обычаямъ и порядкамъ показалъ государь, когда осматривалъ городскія достопримѣчательности; а когда увидѣлъ портретъ Карла XII въ помѣщеніи собранія дворянъ, то не только не разсердился на этотъ знакъ почтенія къ своему врагу, но сказалъ, чтобы портрета не трогали, прибавивъ: «Я не сержусь на брата Карла, а благодарю его за науку: онъ научилъ насъ воевать».

Глава XVIII.

Томленіе 1712, 1713 и 1714 годовъ.

Томительная бездѣятельность союзниковъ Петра. — Рѣшимость царя вести войну съ Турціей и дѣйствовать самостоятельно въ Финляндіи. — Пораженіе датчанъ въ Помераніи. — Удачныя дѣйствія Петра противъ шведовъ и отъѣздъ въ Россію. — Ссора Карла XII съ султаномъ. — Покореніе Финляндіи. — Гангутская побѣда. — Празднованіе побѣды и полученіе царемъ чина вице-адмирала.

Томительная бездѣятельность союзниковъ Петра.

Тяжелые годы неопредѣленности и томленія этой неопредѣленностью пережилъ царь Петръ послѣ прутской невзгоды. Благодаря его союзу съ людьми измѣнчивыми, нерѣшительными, онъ не могъ дѣйствовать такъ открыто и смѣло, какъ хотѣлъ и привыкъ; онъ долженъ былъ хитрить, изворачиваться, примѣняться къ силамъ и понятіямъ тѣхъ, съ которыми имѣлъ дѣло; онъ долженъ былъ улаживать взаимныя недоразумѣнія союзниковъ и только силой своего генія избавлялся отъ сѣти тѣхъ интригъ, въ которыя хотѣли его запутать.

Надо удивляться необычайной настойчивости и энергіи Петра въ эти годы томленія, надо удивляться его неутомимости, благодаря которой онъ не измѣнялъ своей великой цѣли — возвысить Россію, поставить свой народъ наряду съ могущественнѣйшими народами Европы. Только вѣра въ силы этого народа и вѣра въ заступленіе Божіе помогли ему преодолѣть всѣ трудности борьбы съ мелкими интригами, кипѣвшими вокругъ него.

Союзники смотрѣли на русскихъ, или по тогдашнему выраженію «трактовали» русскихъ какъ своихъ слугъ, очень годныхъ, какъ пушечное мясо для взятія траншей и укрѣпленій, но вовсе не хотѣли допустить ихъ, какъ равныхъ, въ общій составъ европейскихъ державъ, а Петръ добивался именно этого признанія. Такимъ образомъ между царемъ и его союзниками было непримиримое противорѣчіе во взглядахъ на

ихъ роли въ борьбѣ съ Карломъ, а все же царю и союзникамъ слѣдовало держаться вмѣстѣ для борьбы съ общимъ врагомъ. Союзники же вовсе не хотѣли этого понять, не могли ужиться мирно даже другъ съ другомъ; подозрѣвая царя, связывали ему руки своею нерѣшительностью, лишали его свободы дѣйствій, но и сами не дѣйствовали, а только ссорились, мѣшали другъ другу, желая захватить побольше выгодъ каждый себѣ. Когда на сцену выступалъ царь со своимъ войскомъ (а его призывали въ минуту всякой серьезной опасности), дѣла принимали рѣшительный оборотъ, борьба кипѣла, военныя дѣйствія усиливались, враги — шведы терпѣли рѣшительныя пораженія, но только онъ удалялся, все какъ бы погружалось въ полудремоту, дѣйствій военныхъ почти не было, выступали на сцену только мелкіе интриганы, стремившіеся погубить дѣло царя.

Въ началѣ 1712 года турки грозили намъ войною, а къ апрѣлю перемѣнили политику. 15 апрѣля султанъ изъявилъ согласіе заключить миръ на 25 лѣтъ. Государь, успокоенный этимъ, рѣшилъ самъ отправиться въ Померанію, надѣясь личнымъ вліяніемъ склонить союзниковъ къ дѣйствію, — все было напрасно.

Рѣшимость царя вести войну съ Турціей и дѣйствовать самостоятельно въ Финляндіи.

Томительная бездѣятельность, безсонница, вызванная этимъ томленіемъ, такъ тяжело дѣйствовали на здоровье царя, что онъ захворалъ и по предписанію врачей въ октябрѣ отправился въ Карлсбадъ и Теплицъ. Но и здѣсь не могъ найти успокоенія, такъ какъ къ непріятностямъ въ Помераніи прибавились тяжелыя извѣстія изъ Турціи, гдѣ взяла верхъ шведская партія, вслѣдствіе чего султанъ потребовалъ не только удаленія царскихъ войскъ изъ Польши, но отдачи всей Малороссіи въ пользу Турціи и вывода нашихъ войскъ изъ Помераніи, да не черезъ Польшу, а черезъ Данію. Чтобы увидѣть всю невозможность удовлетворенія такого требованія, достаточно взглянуть на карту, и царь не безъ ироніи отвѣчалъ на это Шафирову: «Претензія турецкая, чтобы, не захватывая Польши, наши войска шли изъ Помераніи въ Россію, зѣло удивительна: ибо землю передѣлать нельзя, ниже моря осушить невозможно, хотя бы мы и крылья имѣли, то черезъ ту же польскую землю летѣть [пришлось] и для отдохновенія на оной же бы [землѣ] садиться». Письмо свое царь закончилъ словами: «Будь воля Божія, лишь бы наша правда была — если враги наши разума отбыли, и правда на нашей сторонѣ, безбоязненно приступаю я къ войнѣ и ни въ какіе переговоры болѣе не вступаю».

Вообще, разувѣрившись въ своихъ союзникахъ, царь понялъ, что надо дѣйствовать самостоятельно одному, а потому рѣшилъ завоевать Финляндію, о чемъ распорядился еще съ осени 1712 года. Объясняя дѣло, онъ писалъ Апраксину: «Сіе главное дѣло, чтобы, конечно, въ бу-

дущую кампанію, какъ возможно сильныя дѣйствія съ помощью Божіею показать и идти не для разоренія, но чтобы овладѣть Финляндіей — двухъ ради причинъ главнѣйшихъ: первое, было бы что при мирѣ уступить, о которомъ шведы уже явно говорить начинаютъ, другое, что сія провинція есть матка Швеціи. Не только что мясо и прочее, но и дрова оттоль, и ежели Богъ допуститъ лѣтомъ до Абова, то шведская шея мягче гнуться станетъ».

Но готовясь къ походу на Финляндію, Петръ долженъ былъ отдавать распоряженія о приготовленіяхъ къ оборонительной войнѣ противъ Турціи, такъ какъ его рѣшительный отказъ вывести войска изъ Помераніи вызвалъ негодованіе султана, и тотъ, объявивъ Россіи войну, заключилъ нашихъ заложниковъ въ Семибашенный замокъ и еще разъ послалъ царю такія требованія, на которыя тотъ не могъ согласиться.

Пораженіе датчанъ въ Помераніи.

Въ тревогѣ и волненіи проводилъ царь курсъ своего лѣченія и бросилъ все, когда узналъ, что шведскій генералъ Стенбокъ, собравъ послѣднія средства, выступилъ изъ Помераніи въ Мекленбургъ и готовится къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Обладая удивительной способностью узнавать и запоминать разъ осмотрѣнную мѣстность, государь издали предусматривалъ всѣ движенія Стенбока, указывалъ всѣ мѣста его остановокъ и посылалъ къ датскому королю письмо за письмомъ, чтобы онъ шелъ наперерѣзъ шведскому генералу, но не дѣйствовалъ одинъ, а соединился съ русскими войсками.

Царь спѣшилъ, какъ могъ, на помощь союзникамъ, но они вовсе не желали его помощи и, несмотря на его просьбы не вступать въ сраженіе до соединенія съ русскими войсками, начали битву одни, и были разбиты «на голову» — вся ихъ артиллерія и весь обозъ достались шведамъ.

Одно хорошо было въ этомъ дѣлѣ; датчане поняли, что въ совѣтахъ русскаго царя много разумнаго, что надо его слушаться. Самъ король Фридрихъ IV поѣхалъ въ городокъ Гистроу, гдѣ остановился царь, и просилъ Петра помочь ему въ его безвыходномъ положеніи. Петръ, конечно, не отказалъ. Онъ принялъ команду надъ соединенными войсками — датскими, саксонскими и русскими — и своими искусными движеніями такъ стѣснилъ Стенбока, что тотъ принужденъ былъ бы отдаться въ руки царя, если бы администраторъ (временный правитель) Гольштиніи не нарушилъ нейтралитета[1] и не позволилъ шведскимъ войскамъ войти въ Гольштинію, которая была даже не по пути имъ.

[1] Нейтралитетъ — средній, ничей: положеніе государства, не принимающаго участія въ дѣлахъ враждующихъ державъ.

Удачныя дѣйствія Петра противъ шведовъ и отъѣздъ въ Россію.

Царь со своимъ союзнымъ войскомъ преслѣдовалъ шведскаго генерала неутомимо, желая загнать его къ уединенной крѣпости Тоннингену. Стенбокъ, пользуясь наступившей оттепелью, взорвалъ нѣкоторыя плотины, залилъ мѣстность водою и почувствовалъ себя на нѣкоторое время въ безопасности. Положеніе шведовъ среди болотъ было дѣйствительно недоступное, но только для другихъ, а не для русскихъ подъ предводительствомъ Петра. Датскія и саксонскія союзныя войска, испугавшись трудности пути, отказались отъ дальнѣйшаго движенія въ глубь страны, но царь безстрашно сказалъ: «Чѣмъ болѣе опасности, тѣмъ болѣе славы», и продолжалъ преслѣдовать непріятеля только своими силами. Путь былъ ужасенъ: приходилось идти по узкой плотинѣ, гдѣ солдаты вязли въ грязи, но изумленные отвагою русскихъ шведы почти бѣжали передъ ними и въ началѣ января заперлись въ Тоннингенѣ. Безъ запасовъ и артиллеріи, безъ возможности сноситься со своими, окруженные со всѣхъ сторонъ непріятелями, превосходящими ихъ своею численностью (саксонскія и датскія войска подошли къ Тоннингену, какъ только настали морозы и путь сдѣлался удобопроходимымъ), отрѣзанные отъ моря, шведы не могли сопротивляться, и союзнымъ войскамъ оставалось безъ боя ждать ихъ капитуляціи.

Чтобы не замедлять дѣла и заняться приготовленіями къ войнѣ финляндской и турецкой, царь вызвалъ въ Померанію Меншикова и поручилъ ему осаду Тоннингена. Но, призывая къ дѣлу своего любимца, поручая ему дѣло чрезвычайной важности, царь въ письмѣ къ нему показалъ, что не попрежнему уже довѣряетъ ему, и строго писалъ: «Не думай, что въ Помераніи ты сможешь хозяйничать какъ въ Польшѣ: теперь я буду строго слѣдить за тобой, и ты отвѣтишь мнѣ жизнью, если покорыстишься на чужое добро».

Самъ царь спѣшилъ вернуться въ Россію и дѣятельно занялся тамъ приготовленіями къ войнѣ съ Финляндіей и въ то же время посылалъ подробнѣйшіе указы о томъ, какъ защищать наши южныя области отъ ожидаемаго нападенія турокъ. Но въ началѣ апрѣля онъ получилъ отъ Шафирова радостное извѣстіе, что наши заложники освобождены изъ крѣпости, что войны не будетъ, и что «первый въ мірѣ солдатъ — король шведскій» захваченъ въ Бендерахъ и отвезенъ въ Адріанополь «аки плѣнникъ».

Ссора Карла XII съ султаномъ.

Вотъ какъ это случилось. Еще въ мартѣ 1713 года султанъ, испуганный готовностью Петра къ войнѣ, прекратилъ приготовленія къ военнымъ дѣйствіямъ и отправилъ въ Бендеры хана крымскаго, чтобы уговорить Карла двинуться, наконецъ, изъ предѣловъ Турціи въ сопро-

вожденіи хана и его татаръ. Карлъ опять отвѣтилъ отказомъ, и тогда султанъ пригрозилъ гнѣвомъ и хану и пашѣ бендерскому, который уже давно тяготился пребываніемъ короля въ Бендерахъ. Желая избавиться отъ надоѣдливаго гостя и съ тѣмъ вмѣстѣ исполнить волю султана, паша явился къ королю и передалъ ему полученное изъ Константинополя требованіе о немедленномъ выѣздѣ изъ Бендеръ, на что Карлъ сердито отвѣтилъ, что онъ не намѣренъ исполнять желанія султана, переданныя въ такой рѣзкой формѣ. Тогда паша, въ свою очередь разсердившись, сказалъ: «Я употреблю силу: мнѣ должно исполнить волю моего повелителя». — «Исполняй, — закричалъ Карлъ, — а пока исполняешь ее, убирайся къ чорту». — «Вашъ король сошелъ съ ума, а съ безумными поступаютъ такъ, какъ они достойны», сказалъ паша, обращаясь къ королевскимъ приближеннымъ, и поспѣшилъ уйти. Онъ попробовалъ смирить упрямство Карла голодомъ и пересталъ выдавать содержаніе ему и его людямъ. Карлъ не унывалъ, приказалъ убить лошадей и посолить ихъ мясо для употребленія въ пищу. Англійскій и ганноверскій повѣренные, бывшіе случайно въ Бендерахъ, попробовали указать ему на необходимость повиновенія, но онъ гордо замѣтилъ, что въ ихъ совѣтахъ не нуждается, и распорядился сдѣлать грозные окопы вокругъ своего дома. Тогда султанъ приказалъ взять короля силою. Двадцать пять тысячъ татаръ и турокъ придвинулись къ жилищу Карла, и «тако началась сія разумная съ обѣихъ сторонъ война» (по ироническому выраженію Шафирова). Поляки и запорожцы оставили Карла, видя всю невозможность борьбы съ огромными полчищами враговъ, но шведы дали клятву умереть за своего короля и съ отвагой, достойной лучшей участи, начали битву стрѣльбою изъ двухъ своихъ пушекъ и изъ всѣхъ имѣвшихся ружей. Конечно, всѣхъ шведовъ, бывшихъ на внѣшнихъ укрѣпленіяхъ, въ нѣсколько минутъ смяли и взяли въ плѣнъ. Король приказалъ забить окна и двери своего дома и продолжалъ отстрѣливаться. Янычары подожгли домъ, и «король, мудрая голова — храбрый и первый въ свѣтѣ солдатъ», сталъ перебираться въ другія хоромы, но на дорогѣ былъ обойденъ янычарами и взятъ въ плѣнъ, потерявши въ борьбѣ 4 пальца, часть уха и кончикъ носа. 20 янычаръ понесли плѣннаго короля къ пашѣ, а остальные шведы положили оружіе. Плѣнныхъ мужчинъ и женщинъ разобрали себѣ татары и турки, а потомъ продавали въ разныя страны, какъ рабовъ. Король же подъ сильнымъ конвоемъ въ простой телѣгѣ былъ отправленъ въ Адріанополь.

Это удивительное извѣстіе о бендерскихъ событіяхъ не могло не обрадовать царя, но все же онъ совершенно искренно воскликнулъ: «Жаль

мнѣ брата Карла, жаль, что онъ такъ поступаетъ, безславя себя въ глазахъ всей Европы». Поступки Карла, дѣйствительно, обратили на себя вниманіе всей Европы, но всѣ европейскіе посланники протестовали противъ оскорбленія, нанесеннаго царственной особѣ. Султанъ оправдывался, какъ могъ, указывая на то, что ничего не могъ сдѣлать увѣщаніями и ласками; съ Карломъ приказано было обходиться почтительно, какъ съ государемъ и гостемъ. Но король своими капризами скоро до того озлобилъ противъ себя всѣхъ его окружавшихъ, до того надоѣлъ султану, что тотъ повелѣлъ отвести ему для житья домъ въ мѣстечкѣ Демотикѣ, велѣлъ отпускать содержаніе ему и его свитѣ, но прекратилъ прежнюю щедрую дачу денегъ и запретилъ даже говорить о надоѣдливомъ гостѣ, котораго называлъ помѣшаннымъ. Такое настроеніе султана было очень благопріятно для Россіи, и надежды Петра на прочный миръ съ Турціей возродились съ новой силой. Но еще долго тянулись препирательства съ «непостояннымъ и превратнымъ правительствомъ турецкимъ», и только 14 іюля 1713 года (два года спустя послѣ несчастнаго прутскаго похода) заключенъ былъ настоящій миръ, утвержденный царемъ и султаномъ, и тогда заложники наши могли возвратиться на родину.

Но извѣстіе объ этомъ мирѣ не вывело Карла изъ его апатіи: онъ казался ненормальнымъ и впалъ какъ бы въ оцѣпенѣніе послѣ пережитыхъ волненій. Ничѣмъ не занимаясь, онъ иногда по цѣлымъ днямъ спалъ; иногда страдалъ безсонницей въ теченіе многихъ дней и ночей, но съ постели не вставалъ и, казалось, сдѣлался равнодушенъ ко всему на свѣтѣ. Когда въ Демотику пришло извѣстіе, что въ Швеціи послѣ плѣненія короля произошли безпорядки, и правители государства, испуганные общимъ неудовольствіемъ, просили сестру Карла — Ульрику Элеонору — принять на себя временно правленіе государствомъ, Карлъ какъ будто нѣсколько взволновался, потомъ насмѣшливо сказалъ своему секретарю: «Напиши имъ, что я лучше пришлю для правленія ими мой сапогъ». Послѣ этого онъ уже не показывалъ никакихъ признаковъ оживленія и ничего не отвѣчалъ на трогательные призывы Ульрики вернуться спасти несчастную родину.

Покореніе Финляндіи.

Между тѣмъ царь Петръ не дремалъ въ своемъ «парадизѣ»: къ открытію навигаціи, въ половинѣ апрѣля 1713 года флотъ и армія были готовы къ выступленію въ походъ.

26 апрѣля 1713 года открылись военныя дѣйствія движеніемъ на Гельсингфорсъ, и въ теченіе лѣта почти вся Финляндія была покорена. Въ августѣ былъ взятъ главный городъ Або, гдѣ (по словамъ царя) «не только войска, но и жителей не обрѣли, все найдено пусто».

Наши войска продолжали однако свое наступательное движеніе въ глубь Финляндіи, въ октябрѣ «обрѣли» наконецъ непріятельскіе отряды и разбили ихъ на голову. Тогда вся страна до Каяни досталась намъ, и цѣль, поставленная царемъ, была достигнута: матка Швеціи оказалась въ нашихъ рукахъ, и было что отдать при заключеніи мира... Царь увѣреннѣе прежняго смотрѣлъ на будущее и сдѣлалъ въ 1713 году два распоряженія, имѣвшія великія послѣдствія для его государства. Первое распоряженіе касалось его любимаго Петербурга: царь въ 1713 году велѣлъ перенести туда всѣ высшія правительственныя учрежденія, т. е. Сенатъ и приказы, послѣ чего Петербургъ сталъ уже столицей государства. Второе очень важное распоряженіе касалось всего государства — царь въ томъ же 1713 году потребовалъ отъ всѣхъ дворовъ Европы, чтобы его государство называли не Московскимъ, а Россійскимъ. Такимъ образомъ на сцену государствъ европейскихъ въ 1713 году вступаетъ новое государство Россійское — Русское, съ его удивительнымъ народомъ, который (по словамъ поэта Розенгейма)

Какъ будто ожилъ вдругъ и двинулся впередъ,
Осиливая все: труды, бѣды, невзгоды,
Ломая тьму преградъ въ пути со всѣхъ сторонъ.

Много еще этихъ преградъ на пути къ величію Россіи было передъ царемъ Петромъ. Союзники въ это время окончательно перестали довѣрять другъ другу — обвиняли царя въ измѣнѣ, въ двуличіи и необъятномъ честолюбіи. Царю пришлось дѣйствовать опять одному. Еще въ февралѣ 1714 года войска его подъ начальствомъ Голицына сразились подъ городомъ Вазой со шведскимъ войскомъ и, разбивъ его, очистили Финляндію отъ всѣхъ шведскихъ отрядовъ, а какъ только вскрылся ледъ въ Финскомъ заливѣ, такъ и русскій флотъ выступилъ въ походъ. Гребной флотъ шелъ подъ командой Апраксина къ Ревелю, а парусный флотъ повелъ самъ царь къ городу Або. Передъ отправленіемъ въ этотъ морской походъ произошла странная исторія. Царь, какъ шаутбенахтъ флота — Петръ Михайловъ, обратился въ морскую коллегію съ просьбой о повышеніи и дарованіи ему чина вице-адмирала, на что ему отвѣтили: «Коллегія не можетъ безъ причины обходить достойнѣйшаго чиномъ: передъ Петромъ Михайловымъ право на это званіе имѣетъ другой его товарищъ по службѣ; если же контръ-адмиралъ Петръ Михайловъ чѣмъ-нибудь особеннымъ отличится, то и ему будетъ данъ чинъ вице-адмирала». Царь былъ въ восторгѣ отъ такого рѣшенія коллегіи, хвалилъ безпристрастіе господъ адмираловъ и обѣщалъ «постараться».

Гангутская побѣда.

Скоро случай къ этому представился. Въ началѣ іюля царю (который уѣхалъ отъ флота въ Петербургъ для распоряженія по внутреннимъ дѣламъ) дали знать, что къ берегамъ Финляндіи приближается сильный непріятельскій флотъ, и онъ тотчасъ поспѣшилъ къ мѣсту военныхъ дѣйствій. Шведскій флотъ изъ 16 линейныхъ кораблей, 5 фрегатовъ и 7 судовъ меньшаго размѣра сталъ у мыса Гангута и тѣмъ преградилъ путь къ Ботническому заливу нашимъ судамъ, которыя укрылись въ заливѣ Твереминскомъ. Апраксинъ чувствовалъ себя въ опасности и призывалъ царя на помощь. Петръ тотчасъ по пріѣздѣ предложилъ трудный, но безусловно вѣрный путь къ побѣдѣ — перетащить нѣсколько своихъ галеръ черезъ перешеекъ въ 2 версты, который отдѣлялъ Твереминскій заливъ отъ того, гдѣ стояли шведскіе корабли, и тогда атаковать ихъ съ фронта своими кораблями, а галерамъ дѣйствовать съ тыла. Работы для приведенія этого смѣлаго плана въ исполненіе были начаты, но шведы не дали ихъ исполнить и сами двинулись противъ нашего флота тремя отрядами, что было далеко небезопасно для насъ, такъ какъ наши корабли могли быть заперты въ заливѣ. Но въ это время настал великій штиль, т. е. затишье на морѣ; шведскіе парусные корабли не могли двигаться при такой погодѣ, и, воспользовавшись этимъ, царь смѣло двинулся изъ залива со своими галерами. Лично предводительствуя гребнымъ флотомъ, онъ вывелъ свои суда изъ залива, провелъ среди шведскихъ кораблей и успѣлъ раздѣлить шведскія силы, послѣ чего уже смѣло атаковалъ отрѣзанный отъ общаго флота небольшой отрядъ Эриншольда, состоявшій изъ 1 фрегата, 10 галеръ и 3 ботовъ. Шведы дрались отчаянно, но и царь не щадилъ себя: онъ сцѣпился на абордажъ [1] со шведскимъ фрегатомъ и первый вошелъ на бортъ его. Адмиралъ думалъ спастись на лодкѣ, но былъ захваченъ въ плѣнъ и приведенъ къ царю, который встрѣтилъ его чрезвычайно ласково, хвалилъ за храбрость и мужество, просилъ не безпокоиться за свою участь, а заняться лѣченіемъ своихъ ранъ, которыя тутъ же велѣлъ перевязать, послѣ чего приказалъ отвести раненому самую лучшую каюту въ своемъ фрегатѣ. Намъ достался хорошій фрегатъ, 10 галеръ, 116 пушекъ и болѣе 1,000 человѣкъ солдатъ и матросовъ.

Царь справедливо радовался и торжествовалъ, такъ какъ побѣдою при мысѣ Гангутѣ намъ открылся свободный путь на Аландскіе острова, которые находятся всего въ 15 миляхъ отъ Стокгольма. Петръ овладѣлъ главнымъ изъ этихъ острововъ, укрѣпился на немъ, и жители

[1] Сцѣпиться на абордажъ значитъ сцѣпиться особыми абордажными крючьями бортъ съ бортомъ для рукопашнаго боя.

шведской столицы съ трепетомъ ждали, что царь двинется на нихъ. Все населеніе пришло въ ужасъ, поднялся настоящій мятежъ, народъ требовалъ прекращенія войны, и временная правительница Швеціи Ульрика Элеонора, не зная что предпринять, отказалась отъ управленія страною. Во главѣ правленія сталъ сенатъ, рѣшившій еще разъ послать къ Карлу своего уполномоченнаго съ просьбою вернуться и спасти страну отъ гибели. Очень можетъ быть, что рѣшительнымъ нападеніемъ на Стокгольмъ царь и добился бы нужнаго ему мира, но онъ связанъ былъ договоромъ съ союзниками, безъ согласія которыхъ не могъ предпринять такого рѣшительнаго шага. Поэтому, распорядившись только укрѣпленіемъ русскихъ на Аландскихъ островахъ, онъ отправился съ плѣнными кораблями и частью своего флота въ Петербургъ. На этомъ пути царь былъ застигнутъ такою бурею, что гибель казалась неминуемой, тѣмъ болѣе, что всѣ знали, что находятся близъ Березовыхъ острововъ, очень скалистыхъ и опасныхъ, на которые можно было наткнуться и погибнуть, а за темнотою и бурею ничего нельзя было видѣть. Было одно средство спасенія — пробраться на острова, развести тамъ огонь и этимъ указать путь кораблямъ. За это трудное предпріятіе взялся самъ царь съ нѣсколькими охотниками-удальцами. Напрасно уговаривали его отказаться отъ опаснаго предпріятія, представляя, что лучше гибнуть всѣмъ; онъ ничего не слушалъ. Когда лодка была спущена и густая мгла охватила отважныхъ гребцовъ, многіе изъ нихъ пріуныли и даже опустили весла, но царь, безстрашный какъ всегда, увѣренный въ особомъ покровительствѣ Божіемъ къ себѣ самому и своему дѣлу, воскликнулъ: «Чего унываете, трусы, вѣдь царя своего везете, помазанника Божія везете!» И это самоувѣренно-гордое восклицаніе придало храбрости удальцамъ. Борясь съ волнами, они благополучно добрались до берега, гдѣ царь, обладавшій умѣніемъ найтись въ самыхъ опасныхъ случаяхъ и великолѣпно знавшій мѣстность, довелъ своихъ до березовой рощи. Распорядившись рубкой кустовъ и деревьевъ, онъ приказалъ развести рядъ костровъ и тѣмъ освѣтить путь своимъ кораблямъ. Работая топоромъ наравнѣ съ другими, онъ не успокоился, пока флотъ его не укрылся въ безопасной бухтѣ. Тогда, спросивъ анисовой водки, онъ выпилъ за славу русскаго оружія и улегся близъ костра на землѣ, закрылся плащомъ и заснулъ мирнымъ сномъ.

Празднованіе побѣды и полученіе царемъ чина вице-адмирала.

4 сентября онъ привелъ свой флотъ въ Кронштадтъ и распорядился торжественной встрѣчей въ Петербургѣ. Какъ только настала тихая погода, онъ повелъ шведскія суда въ Петербургъ при громѣ пушекъ, и былъ торжественно встрѣченъ духовенствомъ, народомъ и высшими чи-

нами отъ арміи и флота. На Троицкой площади были воздвигнуты арки, обвитыя зеленью, и на нихъ была укрѣплена картина, изображавшая орла, налетающаго на слона съ надписью: «Орелъ не мухъ ловитъ». Отъ пристани торжественное шествіе, съ царемъ во главѣ, отправилось въ Сенатъ, при чемъ несли знамена и флаги шведскіе, везли шведскія пушки и ружья. Кесарь Ромодановскій, принявъ рапортъ великаго контръ-адмирала царя, поздравилъ его вице-адмираломъ, и царь былъ обрадованъ этимъ не меньше чѣмъ весною, когда отказъ себѣ въ этомъ чинѣ счелъ справедливымъ и правильнымъ. Теперь онъ чувствовалъ, что вполнѣ заслужилъ свой чинъ, и это несказанно веселило его. Торжество закончилось великолѣпнымъ пиромъ въ домѣ Меншикова. На пиру Петръ сказалъ рѣчь, въ которой выразилась вся горячая вѣра его въ свой народъ и въ свое дѣло: «Товарищи! — говорилъ онъ — кто изъ васъ за двадцать лѣтъ могъ сказать, что мы будемъ побѣждать непріятеля на Балтійскомъ морѣ кораблями, которые мы сами построили? Трудитесь непрестанно! Предчувствую, что русскіе превзойдутъ нѣкогда другіе народы величіемъ подвиговъ и славой . . . ».

Глава XIX.

Тяжелое положенiе Карла и Петра въ 1715 году.

Возвращенiе Карла въ Германiю. — Усиленiе союза противъ Карла и недоброжелательство союзниковъ по отношенiю къ Петру. — Осада и взятiе Штральзунда и бѣгство Карла. — Семейная драма Петра. — Отношенiя царевича къ женѣ и угрозы друзьямъ отца. — Тревога Петра за будущее Россiи. — Рѣшимость царя дѣйствовать и первое письмо его къ сыну. — Передача письма царевичу и отвѣтъ его. — Огорченiе царя и тяжелая болѣзнь его. — Второе письмо царя къ сыну и рѣшенiе послѣдняго постричься.

Возвращенiе Карла въ Германiю.

Въ то время, какъ Петръ окончательно утвердился въ Финляндiи, союзники его ничего не сдѣлали для пользы общей и проводили время въ пустыхъ переговорахъ. Георгъ — курфюрстъ ганноверскiй, получившiй въ 1714 году престолъ англiйскiй, предлагалъ составить обширный Сѣверный союзъ противъ Карла, захватить его владѣнiя и потомъ раздѣлить ихъ между собою; но король прусскiй колебался, король датскiй не довѣрялъ прусскому королю, не хотѣлъ слушать совѣтовъ Петра и не хотѣлъ имѣть никакого дѣла съ Августомъ Саксонскимъ. Августъ же дѣйствовалъ со свойственнымъ ему двоедушiемъ: увѣряя союзниковъ въ дружбѣ, въ то же время велъ тайные переговоры съ Карломъ и, добившись отдѣльнаго мира, предлагалъ даже войти въ союзъ съ турками противъ Петра. Время изводили въ «водотолченiи» и вдругъ были поражены извѣстiемъ, что Карлъ вернулся въ Германiю и явился подъ стѣнами Штральзунда.

Въ полномъ уединенiи жилъ Карлъ въ Демотикѣ и, казалось, потерялъ всякую энергiю, всякiй интересъ къ совершавшемуся у него на родинѣ. Когда пришло извѣстiе, что хотятъ устроить въ Брауншвейгѣ конгрессъ для возможнаго примиренiя его съ его противниками, онъ безнадежно воскликнулъ: «Пускай берутъ все безъ конгрессовъ». На него

нашло какое-то страшное отупѣніе, равнодушіе ко всѣмъ и ко всему, такъ что казалось все конченнымъ для него. Но это отупѣніе и затишье смѣнилось бурной дѣятельностью, когда онъ услыхалъ отъ графа Ливена, присланнаго ему сенатомъ, что царь Петръ грозитъ самому Стокгольму, что народъ проситъ, даже требуетъ мира. Тогда какъ будто какая-то искра зажгла въ немъ прежнюю энергію, пробудила дремавшія силы. Во время грустнаго разсказа онъ мрачно ходилъ по комнатѣ, потомъ неожиданно воскликнулъ: «Хорошо, я ѣду! я — ѣду, умремъ вмѣстѣ». — «Нѣтъ, государь! — возразилъ восхищенный посланникъ, — съ тобой мы еще побѣдимъ всѣхъ». Карлъ въ тотъ же день далъ знать султану, что уѣзжаетъ, и обрадованный султанъ немедленно прислалъ ему нѣсколько великолѣпныхъ лошадей, отрядъ янычаръ для торжественныхъ его проводовъ и сообщилъ, что кесарь, т. е. императоръ германскій, обѣщаетъ дать королю охранный листъ и почетную стражу для проѣзда черезъ Германію. Все это отвергъ «первый въ мірѣ солдатъ»: какъ древній витязь, онъ хотѣлъ вернуться или побѣдителемъ и героемъ въ глазахъ Европы или удивить всѣхъ странностью своихъ похожденій. На границахъ Турціи онъ простился съ отрядомъ янычаръ, его сопровождавшихъ, отказался отъ всякой свиты и только съ двумя самыми любимыми и вѣрными товарищами пустился въ дорогу, переодѣвшись для этого простымъ путешественникомъ и назвавшись капитаномъ Фришемъ. Въ простой крестьянской телѣгѣ проѣхалъ онъ Венгрію, а потомъ въ Вѣнѣ купилъ лошадей и уже верхомъ отправился въ дальнѣйшій путь. Въ 16 дней, безъ отдыха, промчался онъ черезъ Баварію, Вестфалію и Люксембургъ и 21 ноября явился къ воротамъ Штральзунда цѣлымъ и невредимымъ, хотя вокругъ города стояли датскія и саксонскія войска, и король ежечасно подвергался опасности попасть въ плѣнъ. Товарищи его въ пути падали отъ усталости; давая имъ отдохнуть, онъ временно нанималъ для нихъ телѣгу, самъ же ѣхалъ все время верхомъ, не давая себѣ времени на перемѣну платья, не снимая даже сапогъ во все это время. Явившись ночью въ Штральзундъ, Карлъ потребовалъ, чтобы къ нему вызвали коменданта, говоря, что онъ — курьеръ, привезшій важныя бумаги отъ самого короля. Комендантъ замедлилъ выходомъ, и Карлъ самъ вошелъ къ нему въ комнату. На недоумѣвающій взглядъ хозяина крѣпости онъ печально спросилъ: «Неужели я такъ измѣнился, Дуккеръ, что уже старые боевые товарищи не узнаютъ меня?» Дуккеръ упалъ на колѣни передъ своимъ королемъ, цѣловалъ полы его кафтана и не могъ промолвить ни слова отъ радости. Извѣстіе о пріѣздѣ Карла съ быстротою молніи распространилось по крѣпости, и всѣ стремились къ дому

коменданта, желая видѣть своего когда-то прославленнаго короля. Но онъ былъ не въ силахъ выйти къ своему войску, энергія оставила его, и онъ отъ слабости долженъ былъ лечь: ноги его до того опухли, что не было силъ снять сапоги, и пришлось ихъ разрѣзать. Только на другой день утромъ Карлъ нашелъ силы показаться жителямъ Штральзунда и своимъ боевымъ товарищамъ, которые привѣтствовали его съ такимъ неподдѣльнымъ восторгомъ, съ такой умилительной радостью, что эта минута вознаградила его за годы скитаній. Но ни пораженіе подъ Полтавой, ни бендерское униженіе, ни безславіе турецкаго плѣна не измѣнили неукротимаго витязя, не отрезвили его, не потушили въ немъ неукротимаго воинственнаго духа; онъ попрежнему думалъ не о своей странѣ и народѣ, а о томъ, какъ бы вернуть свою прежнюю славу, показать прежнюю удаль. Извѣстіе о прибытіи Карла глубоко поразило его враговъ и порадовало его друзей, изъ которыхъ первымъ явился къ нему администраторъ гольштинскій — Христіанъ вмѣстѣ со своимъ любимцемъ Герцемъ, который такъ очаровалъ Карла, что тотъ тотчасъ назначилъ его своимъ первымъ министромъ и поручилъ ему веденіе всѣхъ дипломатическихъ дѣлъ. Герцъ, крайне осторожный и предусмотрительный, старался прежде всего помирить Карла съ королемъ прусскимъ и королемъ англійскимъ, чтобы съ ихъ помощью дѣйствовать противъ Петра, но неисправимый воитель не хотѣлъ и слышать о примиреніи и самъ объявилъ союзникамъ войну.

Усиленіе союза противъ Карла и недоброжелательство союзниковъ по отношенію къ Петру.

Этимъ онъ заставилъ союзниковъ забыть всѣ взаимныя обиды и соединиться дѣйствительно воедино. Къ союзу присоединились уже открыто и король прусскій Фридрихъ Вильгельмъ и курфюрстъ ганноверскій Георгъ, бывшій въ то время королемъ Англіи. Такимъ образомъ Пруссія и Данія, Саксонія и Россія, Ганноверъ и Англія вооружились противъ Швеціи, уже обезсиленной войною, безпрерывными рекрутскими наборами и невозможно тяжелыми податями. Карлъ попрежнему не унывалъ и, не имѣя силъ сражаться въ открытомъ полѣ, заперся съ двѣнадцатью тысячами войска въ Штральзундѣ, предоставивъ Герцу вести политическія дѣла и ссорить союзниковъ. Союзники — короли датскій и прусскій — въ іюлѣ 1715 года поспѣшили къ Штральзунду и тѣснымъ кольцомъ обложили городъ, при чемъ на 12,000 шведовъ было собрано 53,000 союзнаго войска. Петръ писалъ и говорилъ, что не слѣдуетъ сосредоточивать такого огромнаго войска вокругъ одного города, что надо воспользоваться отсутствіемъ Карла въ Швеціи и напасть непосредственно на Стокгольмъ, чтобы однимъ ударомъ покончить дѣло. Царя опять не слушали и, отказываясь дѣлать высадку въ Швецію, тре-

бовали у него подмоги въ 30,000 человѣкъ, чтобы замѣнить «своихъ» русскими въ наиболѣе опасныхъ мѣстахъ; саксонскихъ же войскъ допустить къ осадѣ вовсе не желали. Царь, вѣрный данному слову, не отказалъ въ помощи и выслалъ вспомогательный отрядъ подъ начальствомъ Шереметьева. Но король Августъ, обиженный недовѣріемъ къ себѣ пруссаковъ и датчанъ, не желалъ допустить русскія войска къ участію во взятіи Штральзунда и употребилъ всѣ силы, чтобы задержать русскихъ въ Польшѣ. Это ему вполнѣ удалось. Въ Польшѣ началось вооруженное возстаніе противъ Августа, и нашъ посланникъ при польскомъ дворѣ, князь Григорій Долгорукій, считалъ своею обязанностью потушить возстаніе противъ царскаго союзника, а для того и просилъ Шереметьева остаться въ Польшѣ. Благодаря этому, наши отряды не поспѣли въ Померанію ко взятію Штральзунда и этимъ привели царя въ великое негодованіе, такъ какъ онъ считалъ дѣла въ Помераніи важнѣе дѣлъ польскихъ, а главное видѣлъ во всемъ этомъ недобросовѣстность Августа. Онъ писалъ Шереметьеву: «Я зѣло удивляюсь, что вы на старости лѣтъ потеряли разумъ свой, дали себя завесть всегдашнимъ обманщикамъ и черезъ то войска въ Польшѣ оставили».

Осада Штральзунда и бѣгство Карла.

Осада Штральзунда, несмотря на многочисленность войска союзниковъ и малыя силы шведовъ, тянулась шесть мѣсяцевъ, благодаря необычайной храбрости Карла. Воодушевленные его примѣромъ, шведы сопротивлялись отчаянно. Карлъ былъ вездѣ и всюду, выказывая удивительную отвагу и хладнокровіе. Разъ, когда онъ диктовалъ какое-то письмо секретарю въ своемъ кабинетѣ, бомба упала въ сосѣдней комнатѣ, лопнула, разрушила потолокъ и потрясла стѣны. Испуганный секретарь выпустилъ перо и вскочилъ. «Что съ тобой?» спросилъ король, не перемѣняя положенія. — «Государь, бомба!» пробормоталъ дрожащій секретарь. «Какое отношеніе имѣетъ бомба къ твоему письму, — со смѣхомъ возразилъ Карлъ. — Она дѣлаетъ свое дѣло, а ты свое — пиши!» и онъ спокойно докончилъ нужное ему письмо.

Нѣсколько мѣсяцевъ безуспѣшно стояли союзники вокругъ Штральзунда, но въ октябрѣ одинъ измѣнникъ указалъ имъ, какъ овладѣть внѣшнимъ укрѣпленіемъ — ретраншементомъ, примыкавшимъ къ морю. Измѣнникъ объяснилъ имъ, что море во время западнаго вѣтра мелѣетъ настолько, что по немъ смѣло можно пройти, и этимъ предалъ укрѣпленіе въ руки враговъ. При первомъ западномъ вѣтрѣ они сдѣлали ложную атаку на крѣпость и тѣмъ отвлекли вниманіе шведовъ отъ нужнаго имъ ретраншемента, а главныя силы отправили въ бродъ по морю и такимъ образомъ овладѣли внѣшней твердыней, а затѣмъ съ нея уже

начали бомбардировку крѣпости. Карлъ не сдавался до декабря, несмотря на мольбы окружавшихъ его генераловъ поберечь себя ради отечества и спастись въ Швецію, гдѣ весь народъ съ нетерпѣніемъ ждетъ его. Только мысль о томъ, что бѣгство сопряжено съ такими же опасностями, какъ и пребываніе въ Штральзундѣ, и что поэтому никто не можетъ упрекнуть его въ трусости, заставила «перваго въ мірѣ солдата», великаго искателя приключеній, послушать мольбы друзей и въ темную ночь пуститься въ опасный путь. Выбрали небольшой ботъ съ парусными веслами, десять лучшихъ отважнѣйшихъ гребцовъ вызвались проводить своего короля, проломили ледъ около берега и 19 декабря 1715 года Карлъ, простившись съ вѣрными товарищами, пустился въ открытое бурное море. Непріятельскіе корабли день и ночь стерегли море, боясь выпустить хоть какое-нибудь судно изъ Штральзунда, и тотчасъ, замѣтивъ ботъ короля, ударили тревогу, открыли огонь со всѣхъ батарей, пустились на веслахъ въ погоню. Первымъ же выстрѣломъ съ острова Рюгена снесло мачту и убило двухъ гребцовъ около Карла. Онъ спокойно сѣлъ на мѣсто одного изъ убитыхъ, взялся за весла, и темнота ночи скрыла его изъ глазъ враговъ. Положеніе было опасное, но судьба берегла еще Карла: его встрѣтилъ шведскій корабль и перевезъ благополучно на родной берегъ, куда онъ вступилъ бѣднымъ изгнанникомъ послѣ 15 лѣтъ отсутствія.

На другой день 20 декабря 1715 года Штральзундъ сдался союзникамъ. Но разбитый, преслѣдуемый врагами Карлъ все еще не терялъ энергіи и объявилъ, что не вернется въ столицу, пока не одолѣетъ непріятелей. Онъ приказалъ снова собирать войска и рѣшилъ двинуться въ Норвегію, которая принадлежала тогда Даніи.

Семейная драма Петра.

Во время этихъ диковинныхъ похожденій шведскаго короля царь Петръ, повидимому, спокойно жилъ въ своемъ любимомъ «парадизѣ», но душевное настроеніе его было тяжелѣе и печальнѣе, чѣмъ настроеніе его воинственнаго соперника. Не измѣнчивость союзниковъ, не безплодность войны довели его до этого печальнаго состоянія тоски и унынія, а все усиливающійся разладъ его съ сыномъ и сознаніе, что его наслѣдникъ — противъ него. Съ самаго возвращенія царевича Алексѣя изъ-за границы росла и развивалась эта рознь между царемъ и его наслѣдникомъ, росло отчужденіе между отцомъ и сыномъ, которые не могли понять другъ друга и сойтись въ чемъ бы то ни было: то, что интересовало Петра, было скучно и томительно его сыну, то, что всего болѣе занимало сына, было безразлично для царя, и оба были несчастны вслѣдствіе этого. До 1713 года отецъ и сынъ не жили вмѣстѣ, и при рѣдкихъ свиданіяхъ

царевичъ могъ еще подлаживаться подъ требованія царя, но при совмѣстной жизни въ одномъ городѣ такое подлаживаніе стало невозможнымъ, и это сразу обострило отношенія между кровно родными, но совершенно чуждыми по духу людьми. Царевича тянуло въ Москву, гдѣ была «своя компанія» — «свои люди», гдѣ онъ надѣялся насладиться древнимъ благолѣпіемъ церковнымъ и этимъ благолѣпіемъ церковнымъ подѣйствовать на жену, которая, по его мнѣнію, могла бы, благодаря этому, обратиться въ православіе. Между тѣмъ царь, естественно желая видѣть сына и наслѣдника около себя, держалъ его въ своемъ «Петербурхѣ», который для отца казался «раемъ», «святой землей», а въ глазахъ сына былъ «чортовымъ болотомъ», «проклятымъ мѣстомъ». Царь дѣятельный, всегда «въ работѣ пребывающій», требовалъ такой же непрестанной работы отъ сына, а тотъ только и думалъ, какъ бы побыть въ покоѣ, заняться чтеніемъ безъ помѣхи и «отдохнуть», не принимавшись за работу.

Петръ не могъ постичь робкую душу сына, а тотъ съ дѣтства уже привыкъ къ страху передъ отцомъ повелителемъ, привыкъ и къ лукавству, такъ какъ не было въ немъ энергіи и силы духа для сколько-нибудь энергичной борьбы съ «самодержавнымъ великаномъ». Царь всегда провозглашалъ, что нѣтъ ничего хуже лукавства, что лучше «грѣхъ явный, чѣмъ тайный», что «за признаніе — прощеніе, за утайку — прощенія нѣтъ», а царевичъ по своему малодушію и запуганности поступалъ какъ разъ наоборотъ. Когда онъ вернулся съ женой изъ-за границы, отецъ встрѣтилъ его очень ласково, разспрашивалъ о всемъ видѣнномъ въ чужихъ земляхъ, ни словомъ не попрекнулъ за малоуспѣшную дѣятельность въ Польшѣ по сбору провіанта, а только спросилъ, не забылъ ли онъ того, чему учился за границей. На отвѣтъ, что ничего не забыто, царь только замѣтилъ, «вотъ посмотримъ, каково чертишь». Эта пустяшная фраза, сказанная налету, до такой степени испугала несчастнаго царевича, что онъ изъ страха предстоящаго экзамена, изъ простого страха отвѣчать передъ отцомъ — выстрѣлилъ себѣ въ руку, сильно повредилъ ее, почти исковеркалъ и долго лѣчился; но желаннаго достигъ — отецъ не потревожилъ его экзаменомъ. Отецъ пробовалъ привлечь его къ дѣлу: въ 1713 году бралъ его съ собой на войну въ Финляндію, потомъ послалъ по какому-то порученію въ Старую Руссу; но съ тѣхъ поръ пересталъ трогать, пересталъ давать ему порученія. Царскій сынъ — наслѣдникъ престола, ближайшій помощникъ царя, при естественномъ положеніи дѣлъ «сталъ въ нѣтяхъ», по старинному выраженію. Царь и стыдилъ, и принуждалъ сына, даже бивалъ его, по грубому обычаю того времени, — результата не было. Царь замолчалъ, пересталъ говорить

съ царевичемъ, что было еще тяжелѣе для мягкаго, трусливаго, несчастнаго Алексѣя; въ него вселился какой-то животный страхъ передъ отцомъ. Избѣжать встрѣчи съ отцомъ — было его первымъ желаніемъ, и разъ, получивъ офиціальное приглашеніе — приказъ присутствовать при спускѣ корабля, онъ съ тоской воскликнулъ: «*Лучше бы мнѣ на днѣ моря лежать, чѣмъ навстрѣчу отцу идти!*»

Отношенія царевича къ женѣ и угрозы друзьямъ отца.

Отношенія его къ женѣ были самыя холодныя, она смотрѣла на русскихъ именно такъ, какъ предвидѣлъ Петръ: высокомѣрно, полупрезрительно, какъ на варваровъ. Она сторонилась отъ всего русскаго, нисколько не сошлась съ царемъ и ничѣмъ не облегчала тяжелаго положенія мужа. Она держалась въ своемъ тѣсномъ придворномъ кружкѣ и, горячо любимая своими, не хотѣла снизойти до того, чтобы стать русской, не пріобрѣла любви среди русскихъ, и сама была очень несчастна.

Глаза кронпринцессы, по ея выраженію, «мутились слезами» при видѣ всего ее окружавшаго, отъ горя и тревоги, что несчастный и нелюбимый мужъ началъ пить, а въ пьяномъ видѣ буянилъ и произносилъ угрожающія слова не только противъ любимцевъ отца, но даже противъ него самого.

Всѣ недовольные крутыми, принудительными мѣрами царя по заселенію Петербурга, всѣ родовитые бояре, недовольные возвышеніемъ «пришлыхъ», «подлыхъ» людей, тянули къ царевичу; ему же сочувствовали всѣ духовныя лица, особенно блюститель патріаршаго престола Стефанъ Яворскій, недовольный умаленіемъ своей духовной власти; ему сочувствовалъ простой народъ, отягченный податями и разнаго рода повинностями. Зналъ это Алексѣй и, приниженно-робкій въ нормальномъ состояніи, въ пьяномъ видѣ, теряя самообладаніе, часто грозился, говоря: «Плюю я на всѣхъ! Здорова бы была мнѣ чернь. Когда будетъ время безъ батюшки, тогда я шепну архіереямъ, архіереи приходскимъ священникамъ, священники прихожанамъ. Близкіе отцу люди всѣ будутъ на кольяхъ сидѣть, а Петербургъ треклятый не долго за ними будетъ». Такъ или иначе разносились эти рѣчи, и всѣ новые люди, послѣдователи, сторонники, а особенно сотрудники Петра съ ужасомъ помышляли о томъ, что дѣло царя будетъ измѣнено, даже разрушено царевичемъ, что сами они потеряютъ свое значеніе, а нѣкоторые непріятные царевичу люди даже потерпятъ гоненія и наказанія.

Тревога Петра за будущее Россіи.

Конечно, Петръ былъ не такой человѣкъ, чтобы позволить нашептывать себѣ, наушничать на сына, но онъ видѣлъ ту страшную рознь, которая была между нимъ и сыномъ, видѣлъ, что всѣ плоды его трудовъ пропадутъ даромъ въ неумѣлыхъ рукахъ его наслѣдника, и къ его отцов-

скимъ чувствамъ, оскорбленнымъ отчужденіемъ Алексѣя, примѣшивалась скорбь царя-гражданина, для котораго общее было важнѣе частнаго, для котораго на первомъ планѣ всегда и всюду была Россія, ея будущее величіе, ея интересы, передъ которыми меркли всѣ личныя желанія и привязанности. Видѣлъ Петръ, что сынъ не сочувствуетъ его начинаніямъ и пойдетъ противъ всего имъ сдѣланнаго, съ ужасомъ думалъ о будущемъ, проводилъ изъ-за этого ночи безъ сна, былъ часто гнѣвенъ и грозенъ не въ мѣру, и самые близкіе люди говорили про него: «Кабы на государевъ жестокій нравъ да не царица, намъ бы жить нельзя». Но онъ все же не переставалъ заботиться о сынѣ: когда въ началѣ 1714 года доктора предписали Алексѣю ѣхать за границу лѣчиться, то царь не только далъ ему средства на лѣченіе, но и заботился о томъ, чтобы обставить поѣздку возможно удобнѣе. Онъ просилъ императора германскаго и короля прусскаго дать царевичу конвой въ дорогѣ и посовѣтовалъ сыну объѣхать стороною Саксонію, такъ какъ тамъ народъ былъ настроенъ враждебно противъ русскихъ. Во время отсутствія царевича у кронпринцессы родилась дочь Наталія. Царь тотчасъ поздравилъ ее съ рожденіемъ дочери такимъ письмомъ, которое принцесса въ своемъ отвѣтѣ назвала «облигательнымъ», т. е. любезнымъ. Казалось, добрыя отношенія наладятся между царемъ и невѣсткой. Друзья-доброхоты царевича совѣтовали ему, отговариваясь болѣзнью, затянуть свое пребываніе за границей на возможно долгій срокъ, говорили, что по возвращеніи его будутъ заваливать трудами да работой, которыхъ ему не понести. Царевичъ, отправляясь домой, жаловался, что житье дома ему плохое, что «быть ему пострижену волей то иль неволей», но все же вернулся, и прежнія недоразумѣнія, прежняя молчаливая борьба возобновилась съ прежней силой. Царь не говорилъ съ сыномъ, при обязательныхъ встрѣчахъ дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ его, не разспрашивалъ о немъ, но самые простодушные, самые доброжелательные люди иногда заговаривали съ нимъ о сынѣ и тѣмъ бередили раны его сердца. Такъ въ сентябрѣ 1715 года во время одной пирушки произошелъ случай, переполнившій чашу горечи отца. На этой пирушкѣ рядомъ съ царемъ сидѣлъ очень имъ любимый командиръ фрегата Мишуковъ, — человѣкъ простодушный и горячо преданный государю. Конечно, на пирушкѣ не обошлось безъ вина, и подъ вліяніемъ этого Мишуковъ вдругъ расплакался и на вопросъ государя, отчего онъ плачетъ, отвѣчалъ, что не можетъ не плакать при мысли о томъ, какъ хорошо теперь во флотѣ, а между тѣмъ здоровье царя слабѣетъ, и что тогда будетъ. «На кого ты насъ покинешь?» прибавилъ онъ съ еще пущими слезами. — «Какъ на

кого? — спросилъ Петръ. — У меня есть наслѣдникъ — царевичъ Алексѣй». — «Охъ, да вѣдь онъ глупъ, все разстроитъ!» простодушно и наивно воскликнулъ Мишуковъ, за что царь полугнѣвно хлопнулъ его по затылку, сказавъ съ усмѣшкой: «Дуракъ ты, этого при всѣхъ не говорятъ».

Рѣшимость царя дѣйствовать и первое письмо его къ сыну.

Слова простодушнаго моряка тяжело подѣйствовали на царя, онъ какъ-то еще яснѣе понялъ пропасть, раздѣлявшую его съ сыномъ, и рѣшилъ принять мѣры къ выясненію томившаго его дѣла. 11 октября 1715 года онъ написалъ сыну письмо, которымъ надѣялся вызвать его на объясненія и на работу.

Вся переписка Петра съ царевичемъ Алексѣемъ сохранилась, и по ней можно прослѣдить, какъ царь старался подѣйствовать на сына. Въ началѣ письма Петръ спокойно и ясно излагаетъ причину и необходимость войны своей со шведами, которые «не только ограбили насъ нужными отеческими крѣпостями, но и со всѣмъ свѣтомъ сообщеніе намъ пресѣкли», выражаетъ радость, что «оный непріятель, отъ котораго всѣ трепетали, отъ насъ нынѣ трепещетъ», а потомъ переходитъ къ вопросу объ отношеніи сына къ своему дѣлу и говоритъ: «Когда же обозрюся на линію наслѣдства, едва ли не равная радости горесть меня снѣдаетъ, видя тебя наслѣдника весьма на правленіе дѣлъ государственныхъ непотребнаго». Царь сокрушался особенно тѣмъ, что сынъ не хочетъ слышать о воинскомъ дѣлѣ, которымъ «мы отъ тьмы къ свѣту вышли», и убѣждаетъ его любить и изучать воинское дѣло, «ибо это едина отъ двухъ необходимыхъ дѣлъ въ правленіи, — гдѣ нужны распорядокъ и оборона». Убѣждая сына въ необходимости самому изучить дѣло, онъ пишетъ: «Аще же не знаешь, то како повелѣвать можеши — и какъ доброму доброе воздать и нерадиваго наказать, не зная силы въ ихъ дѣлѣ? Но принужденъ будешь, какъ птица молодая, въ ротъ смотрѣть». Въ этихъ словахъ Петра нельзя замѣтить и тѣни злобы противъ сына, а скорѣе заботу о немъ въ будущемъ, когда онъ останется безпомощнымъ, какъ неоперившійся птенецъ; главное же тутъ — забота о «добрыхъ», которымъ сынъ не сумѣетъ «доброе воздать». Бо́льшая часть письма наполнена уговорами, доброжелательными совѣтами и просьбами опомниться, оставивъ бездѣлье, обратиться къ труду; только въ концѣ царь приходитъ въ видимое раздраженіе и осыпаетъ сына упреками, но въ самыхъ этихъ упрекахъ все же слышится любовь къ сыну и надежда на его исправленіе. Царь пишетъ: «Какого злого нрава и упрямаго ты исполненъ. Ибо сколь много тебя за лѣнь бранивалъ и не точію бранилъ, но и бивалъ, къ тому же столько лѣтъ почитай не говорю съ тобою; но

ничто не пользуетъ, все даромъ, все на сторону, и ничего дѣлать не хочешь, только бъ дома жить и имъ веселиться, не вѣдая, что можетъ отъ того слѣдовать не точію тебѣ, но и всему государству». Заканчивается письмо дѣйствительно грозными словами: «За благо изобрѣлъ я сей тестаментъ [т. е. это увѣщаніе] тебѣ написать и еще мало пождать, аще нелицемѣрно обратишься. Если же нѣтъ, то извѣстенъ будь, что я тебя наслѣдства лишу, яко удъ гангренный, и не мни себѣ, что ты одинъ у меня сынъ, и что я сіе только въ устрастку пишу: воистину (Богу извольшу) исполню. Ибо за мое отечество и людей моихъ жизни моей не жалѣлъ, то како могу тебя непотребнаго пожалѣть? Лучше будь чуждый добрый, нежели свое непотребный».

Передача письма царевичу и отвѣтъ его.

Написалъ такъ грозно царь-гражданинъ, боявшійся за судьбу людей своихъ и отчизны своей, но чувства отца, жалость къ сыну взяли верхъ и много дней, цѣлыхъ 16 дней, не посылалъ онъ этого грознаго письма. А въ эти 16 дней случилось много новаго и тяжелаго. 15 октября 1715 года у кронпринцессы родился сынъ Петръ. Первые дни она чувствовала себя прекрасно, но на четвертый день встала, чтобы принимать поздравленія, и этимъ такъ себѣ повредила, что захворала и 22 октября скончалась въ полной памяти, прося царскаго посланника Левенвольда передать отцу и матери, что была довольна расположеніемъ царя и царицы, что все, обѣщанное ей въ свадебномъ контрактѣ, было исполнено, что поручаетъ дѣтей своихъ милости царской. Царь, самъ больной, превозмогая свою болѣзнь, пріѣхалъ къ умирающей, прислалъ ей всѣхъ своихъ медиковъ, но искусство врачей ничего не могло сдѣлать, и кронпринцесса скончалась. 27 октября совершились со всей подобающей пышностью похороны кронпринцессы, и въ тотъ же день царевичу вручено было грозное письмо отца, писанное 11 октября. Многихъ поражаетъ этотъ фактъ передачи письма въ такой печальный для царевича день, какъ день похоронъ жены, нѣкоторые видятъ въ этомъ доказательство жестокости царя. Но, можетъ быть, царь надѣялся лучше подѣйствовать на сына своимъ наставленіемъ именно въ тотъ день, когда сердце его было размягчено грустнымъ, но торжественнымъ актомъ погребенія, когда, вернувшись съ похоронъ, онъ долженъ былъ сильнѣе почувствовать свое одиночество, и («Богу извольшу») не почувствуетъ ли потребности пойти къ отцу, послушать его убѣжденій, что не трудовъ тяжелыхъ тотъ хочетъ, а только охоты?

Какъ бы то ни было — царь ошибся: во всемъ письмѣ, исполненномъ увѣщаній и наставленій, царевичъ усмотрѣлъ только одну угрозу себѣ, угрозу лишенія наслѣдства, и не сталъ дѣйствовать прямо, а по-

шелъ совѣтоваться съ друзьями-доброхотами. Когда же на другой день по передачѣ письма, 28 октября, у царицы родился сынъ, нареченный Петромъ, то и царевичъ, и друзья его рѣшили, что отецъ во всякомъ случаѣ лишитъ его престола, а потому и не для чего перемѣнять ему свой нравъ и обычай и не для чего приниматься за дѣло, а лучше отказаться отъ наслѣдства и жить въ покоѣ, въ тиши, а тамъ — что Богъ дастъ. Друзья-доброхоты твердили ему: «Тебѣ покой будетъ, какъ ото всего отстанешь, а трудовъ тебѣ не снести за слабостью своею» — и Алексѣй не пожелалъ «обратиться», захотѣлъ остаться «въ нѣтяхъ». Черезъ три дня онъ написалъ отцу письмо, исполненное лживаго смиренія и льстивой угодливости, отказываясь отъ наслѣдства.

Огорченіе царя и тяжелая болѣзнь его.

Понятно, что такое письмо не могло удовлетворить правдиваго и горячаго отца; онъ надѣялся на обращеніе сына, надѣялся на пробужденіе его сердца и услышалъ лицемѣрно-смиренный отказъ отъ дѣла и престола. Царь пришелъ въ негодованіе, въ первыя минуты гнѣва грозилъ сыну, и Василій Долгорукій, доброхотъ царевича, посланный имъ для собиранія свѣдѣній о томъ, какъ письмо принято — говорилъ царевичу: «Я тебя у отца съ плахи снялъ. Теперь ты радуйся, дѣла тебѣ ни до чего не будетъ».

Царевичу и хотѣлось только того, чтобы дѣла ему ни до чего не было, и онъ, можетъ быть, былъ доволенъ такимъ исходомъ, но для Петра отказъ сына отъ послушанія былъ такимъ тяжелымъ ударомъ, котораго не вынесла даже его крѣпкая натура. Онъ захворалъ — и захворалъ такъ опасно, что министры и сенаторы ночевали во дворцѣ, а придворные льстецы стали уже забѣгать къ царевичу, заранѣе заискивая его милостей. 2 декабря царь пріобщился св. Тайнъ и послѣ этого сталъ поправляться, но вышелъ изъ дому въ церковь въ первый разъ только въ праздникъ Рождества, и при этомъ всѣ нашли его сильно измѣнившимся, блѣднымъ, усталымъ. Что пережилъ за болѣзнь отца царевичъ Алексѣй, что перенесъ онъ въ это тяжелое время — разсказать трудно, — онъ искалъ успокоенія въ винѣ, «пилъ горькую» и самъ скоро слегъ. Тяжело было положеніе отца и сына, но у отца были еще заботы, горести и тревоги относительно другого безконечно дорогого дѣтища — Россіи, которой не хотѣли дать подобающаго мѣста его коварные союзники, сумѣвшіе задержать его войска въ Польшѣ и лишившіе его удовольствія взять вмѣстѣ съ ними Штральзундъ. Его безпокоилъ Карлъ, удалившійся въ Швецію, и Августъ, который, называясь королемъ польскимъ, продавалъ интересы поляковъ сосѣднимъ государямъ и толковалъ съ прусскимъ королемъ о раздѣлѣ польскихъ земель между Пруссіей и Саксоніей. Все это

вмѣстѣ взятое было такъ серьезно, что царь рѣшилъ опять ѣхать за границу, чтобы личными переговорами и личнымъ вліяніемъ уладить дѣла.

Второе письмо царя къ сыну и рѣшеніе послѣдняго постричься.

Но уѣхать, не выяснивъ отношеній къ сыну, было совершенно невозможно, и 19 января 1716 года Петръ написалъ Алексѣю еще болѣе горячее письмо, которое самъ назвалъ «послѣднимъ напоминаніемъ».

Упрекая сына за то, что тотъ не отвѣтилъ на самыя важныя его замѣчанія «о вольной негодности», и «неохотѣ къ дѣлу», а вспомнилъ только о наслѣдствѣ, царь съ горечью пишетъ, что не можетъ вѣрить его слову относительно отказа отъ наслѣдства, и прибавляетъ: «Къ тому же чѣмъ воздаешь рожденіе отцу своему? Помогаешь ли въ несносныхъ печаляхъ и трудахъ моихъ, достигши такого совершеннаго возраста? Ей николи! Но паче ненавидишь дѣлъ моихъ, которыя я для людей народа своего, не жалѣя здоровья своего, дѣлалъ и дѣлаю, и, конечно, по мнѣ разорителемъ оныхъ будешь. Того ради такъ остаться, какъ желаешь быть ни рыбой, ни мясомъ — невозможно: или отмѣни свой нравъ и нелицемѣрно удостой себя наслѣдникомъ или будь монахъ. На что по полученіи сего дай немедленный отвѣтъ — или на письмѣ или самому мнѣ на словахъ. А буде того не учинишь, то я съ тобой какъ съ злодѣемъ поступлю. *Петръ*».

Несчастный, запуганный Алексѣй опять сталъ дѣйствовать не самъ, а по совѣту доброхотовъ, и опять услыхалъ лукавые, двоедушные совѣты: «Вѣдь клобукъ не прибитъ къ головѣ гвоздемъ, можно его и снять», совѣтовалъ ему Кикинъ [1]. «Когда иной дороги нѣтъ, то иди въ монастырь, да пошли по отца духовнаго, скажи, что принужденъ идти невольно», говорилъ старый воспитатель Вяземскій и этимъ научалъ царевича сдѣлать шагъ къ тому, чтобы клобукъ къ головѣ прибитъ не былъ, чтобы всегда можно было отказаться отъ монашескаго житія.

Малодушный, неискренній наслѣдникъ великаго царя и человѣка опять поступилъ по совѣту лукавцевъ и на другой же день 20 января отвѣчалъ отцу: «Милостивѣйшій государь батюшка! Письмо ваше я получилъ, за которое больше писать за болѣзнью своею не могу. Желаю монашескаго чина и прошу о семъ милостиваго позволенія. Рабъ вашъ и непотребный сынъ *Алексѣй*».

Если бы царь хотѣлъ только постриженія и отреченія сына, онъ тотчасъ могъ бы воспользоваться этимъ письмомъ, онъ могъ бы торжественно совершить это постриженіе и этимъ избавиться отъ семейнаго

[1] Кикинъ — одинъ изъ „кавалеровъ“ бывшей компаніи царевича въ Москвѣ.

гнета. У него былъ уже наслѣдникъ, сынъ горячо любимой женщины, его дорогой «шишечка», маленькій Петръ, но не замолчала въ сердцѣ отца любовь къ старшему, хотя безконечно раздражавшему сыну, — вѣдь онъ былъ когда-то малюткой, также прозывался «шишечкой» и доставлялъ радости своими улыбками, своими проказами. Потому всегда рѣшительный, смѣлый человѣкъ прибѣгаетъ къ отсрочкѣ ужаснаго рѣшенія. Царь самъ пришелъ къ больному сыну, говорилъ съ нимъ и на слова Алексѣя, что тотъ не можетъ понести трудовъ и быть наслѣдникомъ, сказалъ: «Одумайся, не спѣши, молодому человѣку это дѣло зѣло трудное, лучше бы тебѣ взять за прямую дорогу, нежели въ чернецы! Одумайся, не спѣши, напиши мнѣ потомъ, какую возьмешь резолюцію, еще подожду полгода!» Дѣло такимъ образомъ было отложено, и царь 26 января тронулся въ путь за границу, гдѣ ждали его крайне важные вопросы. Царевичъ остался одинъ на свободѣ и могъ бы что-нибудь сдѣлать для себя. Но не сдѣлалъ ничего.

Глава XX.

Дѣла 1716 года.

Отправленіе царя въ путь. — Отношеніе царя къ Августу и полякамъ. — Женитьба герцога мекленбургскаго на Екатеринѣ Іоанновнѣ и отношеніе его къ царю. — Договоръ съ королемъ датскимъ. — Старанія царя ускорить походъ въ Швецію. — Командованіе союзнымъ флотомъ. — Письмо царя къ сыну съ предложеніемъ пріѣхать или постричься. — Рѣшеніе царя отказаться отъ похода въ Швецію. — Негодованіе союзниковъ противъ Петра. — Отъѣздъ царя изъ Даніи. — Бѣгство царевича Алексѣя. — Обращеніе царевича къ императору. — Извѣстіе о бѣгствѣ Алексѣя и болѣзнь царя. — Рожденіе и смерть царевича Павла.

Отправленіе царя въ путь.

26 января 1716 года Петръ выѣхалъ за границу, но былъ такъ слабъ вслѣдствіе болѣзни, что первые дни едва перемогался и думалъ, что будетъ не въ состояніи продолжать путь. Но передвиженіе было полезно для него, онъ нѣсколько оправился и 18 февраля пріѣхалъ въ Данцигъ — вольный городъ, который находился въ предѣлахъ Польши, т. е. подъ протекціей или покровительствомъ короля польскаго Августа. Въ Данцигѣ было назначено свиданіе Петра съ королемъ Августомъ, который довелъ своихъ подданныхъ до такого озлобленія, что тѣ рѣшительно объявили, что «вольность ихъ кончается, и остается одно спасеніе — просить обороны у русскаго орла». Эту оборону и хотѣлъ дать Петръ, но Августа, для котораго удовольствія всегда стояли на первомъ планѣ, нельзя было выманить изъ Саксоніи прежде карнавала, и онъ, будучи хозяиномъ Данцига, пріѣхалъ къ своему державному гостю, когда тотъ сталъ распоряжаться въ городѣ какъ господинъ и повелитель.

Отношеніе царя къ Августу и полякамъ.

Государь такъ рѣзко и холодно обошелся съ нимъ, что тотъ совсѣмъ растерялся, и, по словамъ современниковъ, казался всѣмъ не хозяиномъ города, а какимъ-то вассаломъ, принимавшимъ своего сюзерена-повелителя. Такое обращеніе привело въ волненіе всѣ дворы Германіи,

и министры Вильгельма I Прусскаго говорили, что надо опасаться даже общенія съ русскимъ медвѣдемъ, который въ состояніи такъ третировать своего союзника. Но Вильгельмъ, гораздо болѣе дальновидный, чѣмъ его министры, продолжалъ дружественныя отношенія съ Петромъ. Царь же такъ холодно обошелся съ Августомъ потому, что не могъ сносить его лукавства и двоедушія по отношенію ко всѣмъ участникамъ Сѣвернаго союза, и своею рѣзкостью хотѣлъ показать ему свое презрѣніе.

24 марта собрались дипломаты саксонскіе и русскіе, которые представили саксонскимъ министрамъ «Меморію досадамъ» — цѣлый списокъ тѣхъ поступковъ Августа, которыми былъ недоволенъ царь и которые считалъ за измѣну союзническимъ интересамъ. Министры Августа ни въ чемъ не могли оправдаться, но просили заняться скорѣе примиреніемъ ихъ короля съ поляками. Польскіе послы прибыли въ Данцигъ съ тѣмъ, чтобы объяснить царю Петру причины и цѣли возстанія, поднятаго ими противъ короля осенью 1715 года. При этомъ они просили о выводѣ саксонскихъ и русскихъ войскъ изъ Польши, а также о сложеніи всѣхъ податей и поборовъ, сдѣланныхъ въ пользу короля. Петръ принялъ ихъ просьбу, и, послѣ многихъ убѣжденій царя, Августъ согласился, чтобы въ половинѣ мая состоялся съѣздъ или конгрессъ уполномоченныхъ со стороны поляковъ и саксонцевъ для переговоровъ о взаимныхъ уступкахъ. Послу царскому было поручено стараться о примиреніи спорившихъ и данъ былъ приказъ въ случаѣ неудачи переговоровъ вызвать изъ Украйны генерала Рена съ войсками, чтобы онъ дѣйствовалъ противъ тѣхъ, кто не хочетъ внутренняго покоя. Такимъ образомъ царь явился не только примирителемъ, но и распорядителемъ въ дѣлѣ столкновенія Августа съ поляками. Августъ чувствовалъ себя сильнымъ только подъ его покровительствомъ.

Его же покровительства, какъ власть имущаго, искалъ герцогъ мекленбургскій Леопольдъ, который сватался за племянницу царя съ 1710 года, но только по полученіи развода съ женой, въ январѣ 1716 года, былъ объявленъ женихомъ Екатерины Іоанновны.

Женитьба герцога мекленбургскаго на Екатеринѣ Іоанновнѣ и отношеніе его къ царю.

8 апрѣля въ Данцигѣ состоялась свадьба герцога мекленбургскаго съ Екатериной Іоанновной. По свадебному договору царь совершенно открыто обязался отстаивать интересы герцога, по возможности обезпечивъ ему владѣніе Висмаромъ, а въ свою очередь выговорилъ себѣ право свободной торговли въ Мекленбургскомъ герцогствѣ. Черезъ нѣсколько дней (18 апрѣля) государь, по окончаніи дѣлъ въ Данцигѣ, отправился въ Шверинъ — столицу Мекленбурга, къ новому племяннику, который, несмотря на свою обыкновенную заносчивость, держалъ себя передъ

своимъ новымъ дядюшкой какъ самый почтительный вѣрноподданный, стараясь при этомъ оказывать ему всевозможныя почести, которыя однако только тяготили царя. Онъ избѣгалъ всякой пышности и всякой праздности, усиленно работалъ надъ составленіемъ «Военнаго регламента» и надъ выработкою маршрута и плана предполагавшагося морского похода въ Швецію.

Договоръ съ королемъ датскимъ.

Все было предусмотрѣно имъ, все было подготовлено, оставалось только получить согласіе короля датскаго, послѣ чего могло начаться наступленіе. Наконецъ свиданіе государей состоялось, и Фридрихъ датскій далъ согласіе на всѣ предложенія государя: рѣшено было, что русскія войска перейдутъ изъ Польши въ Померанію и оттуда на датскихъ и своихъ корабляхъ будутъ перевезены въ Данію, послѣ чего двинутся на корабляхъ англійскихъ, голландскихъ, датскихъ и русскихъ въ Швецію, гдѣ постараются завязать бой со шведскимъ флотомъ и сдѣлать высадку на шведскихъ берегахъ. На уничтоженіе шведскаго флота царь очень разсчитывалъ и очень торопилъ походомъ, пока Карлъ XII занятъ былъ войною въ Норвегіи.

Когда договоръ былъ подписанъ, Петръ успокоился нѣсколько и, разсчитавъ, что до общаго сбора войскъ остается три недѣли, «взялъ отпускъ» и отправился въ Пирмонтъ на лѣченіе тамошними минеральными водами. Воды дѣйствовали на него хорошо, но при употребленіи ихъ требовалось строгое воздержаніе отъ вина, что не особенно-то нравилось царю, любившему выпить.

Старанія царя ускорить походъ въ Швецію.

Наскоро окончивъ курсъ лѣченія, царь спѣшилъ въ Копенгагенъ, надѣясь, что датскія транспортныя суда уже готовы для перевозки русскихъ войскъ изъ Помераніи, но скоро убѣдился, что дѣло будетъ тянуться въ вѣчныхъ проволочкахъ, и писалъ Екатеринѣ: «О здѣшнемъ объявляемъ, что болтаемся втуне, ибо, что молодыя лошади въ каретѣ, такъ наши соединенные [союзники], а паче коренные».

Іюнь—іюль, самые лучшіе мѣсяцы, прошли въ пустомъ «болтаньи», царь безпрестанно побуждалъ датчанъ, чтобы они не мѣшкали, чтобы войска его и свои собирали къ Копенгагену; ему отвѣчали, что раньше уборки хлѣба нельзя двинуться въ путь, а между тѣмъ пришло извѣстіе, что Карлъ оставилъ Норвегію и готовится къ отпору союзниковъ. Петръ попробовалъ дѣйствовать на короля непосредственно, но и тутъ всѣ старанія его остались безъ результата. Царь справедливо сердился и негодовалъ, но онъ не зналъ, чѣмъ вызвана была эта медлительность со стороны датчанъ. Дѣло же все замедлялось благодаря распрѣ между герцогомъ мекленбургскимъ и его дворянами, которые че-

резъ одного изъ «своихъ» при датскомъ дворѣ внушали королю, что Петръ воспользуется его флотомъ не для борьбы съ Карломъ, а для того, чтобы усилиться въ Германіи и подчинить себѣ Данію.

Царь не обращалъ должнаго вниманія на интриги, кипѣвшія вокругъ него, но попрежнему считалъ дѣло союзниковъ «своимъ» дѣломъ и, тяготясь «болтаньемъ втуне», рѣшилъ лично изслѣдовать шведскіе берега. Для этого онъ отправился съ небольшимъ русскимъ отрядомъ на трехъ шнявахъ «Принцесса», «Лизета» и «Діана» къ сѣверу отъ Копенгагена и тутъ убѣдился, что шведы отлично воспользовались медлительностью своихъ противниковъ и прекрасно укрѣпили свои берега. Это не устрашило царя, и онъ попрежнему настаивалъ на походѣ. Когда въ концѣ іюля собрались подъ Копенгагеномъ русскіе, англійскіе, датскіе и голландскіе корабли, возникъ вопросъ, кому командовать флотомъ, такъ какъ ни англійскіе ни голландскіе адмиралы не хотѣли уступить другъ другу этой чести, и дѣло чуть не дошло до ссоры.

Командованіе союзнымъ флотомъ.

Тогда англійскій адмиралъ Норрисъ предложилъ передать команду царю Петру, прославившемуся какъ созданіемъ своего флота, такъ и побѣдой при Гангутѣ. Предложеніе Норриса уладило дѣло и привело царя въ восторгъ. Онъ принялъ команду, и 5 августа соединенный флотъ въ устрашающемъ количествѣ 89 кораблей вышелъ изъ Копенгагена и направился къ берегамъ Швеціи. Это была великая и вовѣки незабвенная минута для царя работника и создателя земли Русской. Недавній ученикъ голландцевъ, скромный плотникъ саардамской верфи, тутъ онъ явился не только равноправнымъ товарищемъ, но и руководителемъ всѣмъ свѣтомъ признанныхъ искусныхъ моряковъ; они сами признавали его знанія, опытность и по его знаку, по его волѣ производили свои стройныя движенія. Впереди всѣхъ кораблей шла императорская яхта «Ингерманландія», и оттуда всѣмъ флотомъ командовалъ тотъ «шкиперъ славный, кѣмъ наша двинулась земля, кто придалъ смѣло бѣгъ державный кормѣ родного корабля». Онъ командовалъ увѣренно, умѣло, и «наши» не отставали, не отличались отъ другихъ, а шли со всѣми вмѣстѣ, исполняя команду со всею тщательностью, проворствомъ опытныхъ моряковъ. Эта минута была минутой величайшаго торжества царя, и всегда съ восторгомъ вспоминалъ онъ ее. Царю и его близкимъ всего болѣе хотѣлось, чтобы шведскій флотъ отважился на битву съ «союзниками», но шведы были настолько благоразумны, что не покинули своихъ гаваней, а союзники не могли рѣшиться на высадку, такъ какъ войска на корабляхъ было мало, и весь походъ имѣлъ видъ простой рекогносци-

ровки[1], видъ провѣрочныхъ маневровъ. Эти маневры имѣли однако великое значеніе въ глазахъ Европы, такъ какъ показали воочію все могущество русскаго царя, а ему дали понятіе о силахъ шведовъ и о недобросовѣстности датчанъ. Датчане все медлили, отъ всѣхъ отставали «за тупостью своихъ судовъ», а главное за своей неохотой и медлительностью. Не имѣя возможности сразиться съ непріятельскимъ флотомъ, пришлось выслать только отдѣльныя суда для изслѣдованія шведскихъ береговъ. Свѣдѣнія, полученныя при этомъ, были самыя неутѣшительныя. Узнали, что Карлъ построилъ на берегахъ рядъ редутовъ и батарей, сосредоточилъ тамъ сильное войско и сдѣлалъ распоряженіе заманивать непріятелей въ глубь страны, сжигая все на пути, если не удастся помѣшать ихъ «дессанту», т. е. высадкѣ. Понималъ царь, что лучшее время для похода упущено, но все еще торопилъ, хлопоталъ о выступленіи и писалъ: «Чаю уже поздно будетъ, когда дессантъ учинимъ, однакожъ, хотя и поздно, зѣло бъ великое дѣло было».

Письмо царя къ сыну съ предложеніемъ пріѣхать или постричься.

Ожидая великаго дѣла, проводя дни въ тревогѣ и хлопотахъ, царь не забывалъ однако наиболѣе тяжелаго дѣла, дѣла семейнаго, и черезъ 7 мѣсяцевъ послѣ разлуки написалъ сыну, что по обѣщанію далъ ему достаточно времени на размышленіе и теперь проситъ его взять какую-нибудь «резолюцію» по извѣстному дѣлу и опредѣлить — желаетъ ли онъ «явить себя наслѣдникомъ» или удалиться въ монастырь. Письмо заканчивалось словами: «Буде первое возьмешь, то болѣе недѣли не мѣшкай, поѣзжай сюда, ибо еще можешь къ дѣйствамъ поспѣть. Буде же другое возьмешь, то отпиши куды, и въ какое время и день совершишь. Паки подтверждаемъ, чтобы сіе конечно учинено было, ибо я вижу, что только время проводишь въ обыкновенномъ своемъ неплодіи». Попрежнему надежда на послушаніе сына не оставляла отца: приготовляясь къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ своего исконнаго врага, онъ звалъ сына на работу въ общемъ дѣлѣ и надѣялся, что и сынъ «удостоитъ» показать себя наслѣдникомъ, и врагъ будетъ побѣжденъ. Ни то, ни другое изъ предположеній государя не исполнилось: сынъ не пріѣхалъ, компанія не удалась. Но онъ всего этого еще не зналъ въ августѣ 1716 года, напротивъ ждалъ сына и хлопоталъ о походѣ, съ каждымъ днемъ убѣждаясь однако, что лучшее время ушло, что высадка съ приближеніемъ зимняго времени дѣлается опасной.

Рѣшеніе царя отказаться отъ похода въ Швецію.

Дѣло усложнялось еще и тѣмъ, что получились вѣрныя извѣстія о томъ, что всѣ датчане подкуплены и нарочно медлятъ перевозкой

---

[1] Рекогносцировка — развѣдываніе непріятельскаго войска.

войска, чтобы заставить русскихъ сдѣлать высадку въ самое опасное время — глубокой осенью, между тѣмъ какъ шведы стянули къ берегамъ до 40,000 войска. 1 сентября собрался «генеральный консиліумъ» для обсужденія вопроса, можно ли предпринять высадку? Всѣ русскіе генералы единодушно отвѣтили, что въ виду поздняго времени и готовности шведовъ къ встрѣчѣ предпринять военныя дѣйствія невозможно и походъ надо отложить до будущаго года. На это посыпались горячія возраженія со стороны датчанъ, которые увѣряли, что время очень удобное для высадки и сраженія. Король говорилъ, что укрѣпленія шведовъ ненадежны, что ихъ бояться нечего. «Пойдемъ и посмотримъ, — отвѣчалъ царь. — Я уже ихъ видѣлъ, но готовъ еще прогуляться съ вами подъ шведскими ядрами». На это пришлось отмолчаться, но на вопросъ царя, гдѣ же зимовать, если не удастся взять городовъ, — отвѣчали, что «зимовать можно въ окопахъ, а для людей надѣлать землянки». Царь отвѣтилъ, что этимъ можно погубить людей хуже всякой баталіи, что кромѣ помѣщенія нужны еще и запасы съѣстныхъ припасовъ. На это ему замѣтили, что «запасы найдутся у шведовъ». «Да, — отвѣтилъ царь съ ироніей, — на шведскомъ берегу столъ накрытъ, да за нимъ сидитъ 40,000 хозяевъ, которые не допустятъ незванныхъ гостей обѣдать, пока гости не выгонятъ ихъ». Тогда датскіе генералы, въ теченіе всей компаніи не сумѣвшіе сдѣлать нужные запасы хлѣба и этимъ погубившіе все дѣло, вдругъ заявили, что они берутъ на себя подвозку всякаго провіанта. Тутъ царь уже не выдержалъ и запальчиво воскликнулъ: «Благодарю, давно ужъ слышалъ такія обѣщанія и вѣрю имъ, да жаль, солдатъ обѣщаніями сытъ не бываетъ, а солдатскій желудокъ требуетъ готовыхъ магазейновъ».

Ради сохраненія жизни своихъ солдатъ, считая безчестнымъ подвергать ихъ лишнимъ опасностямъ, царь объявилъ, что считаетъ кампанію несостоявшейся, и рѣшительно отказался отъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Когда же ему пригрозили неудовольствіемъ союзниковъ, онъ смѣло и гордо отвѣтилъ, что съ 25 кораблями своего флота и 25,000 своего войска не побоится всей Германіи съ ея флотомъ, и что ему только стоитъ протянуть руку черезъ Зундъ, и Карлъ XII напомнитъ Даніи ея прежнее униженіе. Такъ открыто и смѣло заявилъ Петръ своимъ союзникамъ, что Карлъ ищетъ сепаратнаго, т. е. отдѣльнаго мира съ нимъ, и готовъ изъ врага обратиться въ союзника и друга. Это открытое заявленіе испугало датчанъ: всѣ возраженія съ ихъ стороны прекратились, и любезность со стороны короля удвоилась.

Зная любовь царя ко всякаго рода диковинкамъ, датскій король по-

дарилъ ему въ это время огромный глобусъ, стоявшій до этого времени въ герцогской библіотекѣ въ Шлезвигѣ. Глобусъ этотъ давно уже интересовалъ Петра, и онъ былъ въ восторгѣ отъ подарка, тѣмъ болѣе, что видѣлъ въ этой любезности выраженіе дружбы со стороны короля.

Негодованіе союзниковъ противъ Петра.

Однако, любезность была сдѣлана только для отвода глазъ, на самомъ же дѣлѣ король приказалъ вооружаться всѣмъ жителямъ Копенгагена и держать наготовѣ всѣ пушки и ружья на случай враждебнаго дѣйствія со стороны царя. Ко всѣмъ дворамъ Европы посланы были письма, въ которыхъ обвиняли царя въ желаніи захватить чуть ли не всю сѣверную Германію и призывали всѣхъ соединиться для отпора ему. Король англійскій Георгъ отдалъ своему адмиралу Норрису тайный приказъ — внезапно напасть на русскій флотъ, захватить государя въ плѣнъ и не отпускать до тѣхъ поръ, пока онъ не выведетъ своихъ войскъ изъ Германіи. Петра спасла только благородная гордость адмирала Норриса, который отвѣтилъ, что онъ, адмиралъ Англіи, не обязанъ исполнять приказаній, идущихъ изъ канцеляріи курфюрста ганноверскаго, а въ это время англійскіе министры убѣдили короля, что такой предательскій поступокъ принесетъ вредъ торговымъ дѣламъ Англіи, и все обошлось мирно и спокойно. Этому миролюбивому исходу дѣла болѣе всего способствовало то, что царь, не имѣвшій вѣроломныхъ намѣреній, въ которыхъ его обвиняли, самъ приказалъ своимъ войскамъ возвратиться въ предѣлы Мекленбурга и Польши, оставивъ въ покоѣ Данію.

Отъѣздъ царя изъ Даніи.

Послѣ этихъ окончательныхъ распоряженій 16 октября царь выѣхалъ изъ Копенгагена и, остановившись ненадолго въ Шверинѣ, продолжалъ свой путь въ Голландію, которую хотѣлъ посѣтить — и въ силу воспоминаній о прежнемъ и для выясненія многихъ торговыхъ дѣлъ.

Въ Шверинѣ царь встрѣтилъ курьера Сафонова, отправленнаго царевичемъ Алексѣемъ къ отцу съ извѣстіемъ, что онъ ѣдетъ и присоединится къ нему въ очень скоромъ времени. Царь былъ доволенъ и счастливъ: призывъ его (думалъ онъ) подѣйствовалъ, сынъ ѣдетъ къ нему съ желаніемъ работать и «явить себя наслѣдникомъ». Хотя кампанія и не состоялась, но будетъ чему поучиться въ иностранныхъ земляхъ. Пріятно было это царю.

Бѣгство царевича Алексѣя.

Но въ то время, какъ онъ ждалъ пріѣзда сына, Алексѣй былъ совсѣмъ въ другой сторонѣ, отдавшись подъ защиту австрійскаго императора.

Семь мѣсяцевъ провелъ Алексѣй «безъ батюшки», и пришло, казалось, время исполнить ему свою пьяную угрозу «шепнуть архіереямъ» обратиться къ черни и сдѣлать что-нибудь для себя, если онъ хотѣлъ

бороться съ отцомъ. Но на борьбу онъ былъ совершенно неспособенъ по свойствамъ своей натуры и, полагаясь на «авось» и «небось», думалъ, что все «какъ-нибудь само образуется», занимался управленіемъ своей мызы подъ Петербургомъ, увлекся простой крестьянкой Евфросиньей и подумывалъ только о томъ, какъ бы скрыться отъ отца.

Письму отца Алексѣй обрадовался, такъ какъ имъ отецъ самъ отворялъ ему дорогу изъ Россіи, и онъ, даже ранѣе назначеннаго ему недѣльнаго срока, спѣшно собрался въ дорогу. Онъ взялъ 1,000 червонцевъ у князя Меншикова, 2,000 получилъ отъ Сената да въ Ригѣ занялъ 7,000 червонцевъ, всѣмъ объявляя, что ѣдетъ въ походъ по приказу отца. Только ближнему камердинеру Ивану Афанасьеву объявилъ, что съ дороги свернетъ въ сторону и постарается «куда ни на есть» отъ отца скрыться, въ чемъ ему обѣщалъ помочь Кикинъ.

Кикинъ еще лѣтомъ отъѣхалъ съ этою цѣлью за границу, воспользовавшись тѣмъ, что нужно было провожать въ Карлсбадъ царевну Марію Алексѣевну [1], которую державный братъ очень уважалъ и окружалъ почетомъ и вниманіемъ. Она очень любила царевича и, не страшась брата, всегда держала сторону Евдокіи. Царевичъ поѣхалъ не одинъ, а взялъ съ собою Евфросинью, ея брата Ивана и трехъ слугъ, ѣхалъ удобно и спокойно, но чѣмъ больше удалялся отъ предѣловъ Россіи, тѣмъ безпокойнѣй и тревожнѣй становился.

Въ Митавѣ царевичъ увидѣлся съ главнѣйшимъ своимъ совѣтникомъ, злымъ геніемъ Кикинымъ, который сталъ совѣтовать ему ѣхать въ Вѣну, гдѣ, по его словамъ, цезарь обѣщалъ принять царевича какъ сына и даже обѣщалъ давать ему тысячи по три гульденовъ на мѣсяцъ. Къ отцу же онъ посовѣтовалъ царевичу не ѣздить, говоря: «онъ тебѣ голову отсѣчетъ публично», и тутъ же, съ увѣренностью истиннаго лгуна и клеветника, прибавлялъ: «Отецъ тебя не пострижетъ нынѣ, хотя бы ты хотѣлъ: ему князь Василій [Долгорукій] приговорилъ, чтобы тебя при себѣ держать неотступно и съ собою возить повсюду, чтобы ты отъ волокиты умеръ, понеже ты труда не понесешь. И отецъ сказалъ: «хорошо такъ». И разсуждалъ [т. е. объяснялъ] ему князь Василій, что въ черничествѣ тебѣ покой будетъ, и можешь ты долго жить. И по сему слову я дивлюсь, что давно тебя не взяли, и нынѣ тебя зовутъ для того, и тебѣ кромѣ побѣгу спастись ничѣмъ инымъ нельзя». И безсмысленныя рѣчи о желаніи царя заморить сына работой и одновременно о намѣреніи публично отсѣчь ему голову слушалъ царевичъ, какъ какое-то откро-

[1] Царевна Марія Алексѣевна — одна изъ многочисленныхъ дочерей Алексѣя Михаиловича отъ перваго брака его съ Милославской.

веніе, и вѣрилъ не отцу, а Кикину — человѣку, который тутъ же при немъ принялъ всѣ мѣры, чтобы очистить себя отъ всякаго «суспета», т. е. подозрѣнія въ сношеніяхъ съ царевичемъ.

Обращеніе царевича къ императору.

Возбужденный злыми навѣтами Кикина, царевичъ слалъ къ отцу курьеровъ съ извѣстіемъ о скоромъ своемъ пріѣздѣ, а самъ изъ Кенигсберга свернулъ въ сторону, 10 ноября пріѣхалъ въ Вѣну и явился къ вице-канцлеру имперіи графу Шенборну. Когда тотъ послѣ многихъ препирательствъ принялъ его наконецъ у себя въ кабинетѣ, Алексѣй сталъ говорить ему съ сильными жестикуляціями, съ ужасомъ озираясь на всѣ стороны и бѣгая изъ угла въ уголъ, что онъ пришелъ просить у цезаря, какъ своего свояка, о протекціи и защитѣ, что отецъ хочетъ отнять у него жизнь и корону, а онъ ни въ чемъ не виноватъ, ни въ чемъ даже не прогнѣвалъ отца, что если онъ слабъ и пьетъ, то по винѣ Меншикова, который нарочно поилъ его и нарочно пьянствомъ разстроилъ его здоровье. Въ волненіи и изнеможеніи несчастный царевичъ бросился на стулъ и закричалъ: «Кесарь долженъ меня спасти! Ведите меня къ кесарю!» Потомъ онъ спросилъ пива, ему подали мозельскаго вина, и Шенборнъ, успокоивъ его какъ могъ, сталъ спрашивать, что побудило его отдаться подъ защиту императора и уѣхать отъ отца. Царевичъ сталъ объяснять, перепутывая факты, безсознательно, быть можетъ, переплетая ложь съ правдой, но во всякомъ случаѣ неправильно обвиняя отца. То онъ говорилъ, что отецъ былъ добръ къ нему, то что отецъ и Меншиковъ заставляли его пить, хотѣли запоить его до смерти, потому что онъ отъ преслѣдованія ослабѣлъ духомъ (отъ какого преслѣдованія, когда, по его же словамъ, отецъ былъ добръ, понять конечно невозможно). «Когда у меня пошли дѣти, и жена умерла, — говорилъ онъ, — то все пошло дурно, особенно когда явилась новая царица» (а царица новая явилась гораздо раньше женитьбы царевича, и онъ всѣмъ и каждому хвасталъ, что мачеха добра до него, что за мачехой ему хорошо жить!). «Говорятъ, будто я дурно обходился съ моей женой, сестрою императрицы, но Богу извѣстно, что не я дурно съ ней обходился, а отецъ да царица, которые хотѣли заставить ее служить себѣ, какъ простую горничную».

Все было исполнено лжи, двоедушія и ужаса, страха и ужаса прежде всего. Когда его спрашивали подробнѣе, не замышлялъ ли онъ что противъ отца, онъ отвѣчалъ, что ничего не замышлялъ, но легко могъ бы всего достигнуть, потому что «русскіе любятъ его, царевича, и ненавидятъ царя за худородную царицу и злыхъ любимцевъ; за то, что онъ отмѣнилъ добрые древніе обычаи и ввелъ дурные, за то, что не

щадитъ ихъ денегъ и крови; за то, что онъ тиранъ и врагъ своего народа, а потому надобно опасаться, чтобы за все это подданные не умертвили его и Богъ его не наказалъ». Царевичъ распространился въ подробностяхъ объ отцовской арміи, о его министрахъ и боярахъ, говоря, что большая часть ихъ, особенно Меншиковъ и лейбъ-медикъ — льстецы и злые люди, которые вовлекаютъ царя во множество дурныхъ поступковъ. Отецъ по природѣ добръ и справедливъ, но легко воспламеняется гнѣвомъ и становится свирѣпъ; но онъ, царевичъ, и не думаетъ вовсе предпринимать что-либо противъ отца, любитъ его и уважаетъ, только не хочетъ къ нему возвращаться и проситъ цезаря не выдать его и надѣется, что пощадятъ невинную кровь его и бѣдныхъ дѣтей его.

Говоря о дѣтяхъ, царевичъ пришелъ въ сильное волненіе и заплакалъ, а потомъ объяснилъ, что насчетъ дѣтей не оставилъ никакого распоряженія, «надѣясь на Бога и доброе сердце отца своего». Почему онъ могъ надѣяться на доброе сердце отца своего, котораго за минуту передъ тѣмъ называлъ тираномъ и извергомъ, осталось неизвѣстнымъ и указывало только на ненормальность царевича. Всякій безпристрастный слушатель, конечно, сразу могъ бы оцѣнить личность говорившаго, но ни Шенборну, ни цезарю не было никакого дѣла до правдивости царевича. Имъ непріятенъ былъ самодержавный великанъ, врывавшійся со своими мужиками въ высокій сонмъ европейскихъ державъ, имъ доставляло удовольствіе сдѣлать ему непріятность, и потому царевичъ былъ принятъ подъ покровительство императора. Хотя самъ императоръ не пожелалъ его видѣть, но ему объяснили, что это дѣлается для его безопасности, во избѣжаніе огласки.

Во избѣжаніе же огласки ему предложили укрыться въ тирольской крѣпости Эренбергѣ, подъ видомъ государственнаго преступника. И онъ на все это охотно согласился. Онъ жилъ въ крѣпости плѣнникомъ, подъ крѣпкимъ карауломъ и былъ доволенъ этимъ, только бы не видѣть отца и быть подальше отъ него.

Извѣстіе о бѣгствѣ Алексѣя и болѣзнь царя.

Петръ, ничего не зная о томъ, что совершилось въ Вѣнѣ, продолжалъ свои заботы о народѣ, врагомъ и тираномъ котораго являлся въ разсказахъ сына. Царь видѣлся 17 ноября съ королемъ прусскимъ, возобновилъ съ нимъ договоръ о взаимной помощи въ случаѣ нападенія враговъ и работалъ надъ вопросомъ объ улучшеніи торговли и промышленности въ Россіи.

Зная вообще медлительность Алексѣя, зная ужасное состояніе дорогъ въ осеннее время, царь сначала не безпокоился о сынѣ, но въ концѣ ноября тревога была поднята, и подняла ее простодушная царевна Марія

Алексѣевна, которая, навѣстивъ дѣтей Алексѣя, вдругъ расплакалась и сказала: «Бѣдныя сиротки, нѣтъ у васъ ни отца, ни матери — жаль мнѣ васъ!» Тогда многіе забезпокоились, стали пересылаться письмами, сообщали даже тревожные слухи, что царь заманилъ и убилъ царевича. Екатерина въ декабрѣ писала Меншикову, «что очень безпокоится, не вѣдая, гдѣ обрѣтается его высочество — царевичъ Алексѣй Петровичъ».

Екатерина безпокоилась, а царь былъ и пораженъ и больно уязвленъ вѣстью объ исчезновеніи сына; сынъ не только не послушался, но и отдался, должно быть, подъ покровительство одного изъ враговъ отца, отдался не иначе, какъ опорочивъ отца, котораго и безъ того ненавидѣли, подозрѣвали и обвиняли во всякихъ интригахъ и происках. Какъ это тяжело было Петру, доказываетъ то, что въ концѣ декабря онъ жестоко захворалъ, слегъ въ Амстердамѣ и не могъ поѣхать навстрѣчу женѣ, не могъ выѣхать и на свиданіе съ Георгомъ — королемъ англійскимъ, а отъ этого свиданія зависѣлъ вопросъ о будущихъ дѣйствіяхъ противъ Швеціи.

Рожденіе и смерть царевича Павла.

Когда царь лежалъ въ постели въ жестокой лихорадкѣ, пришло извѣстіе, что у Екатерины родился сынъ Павелъ, и Петръ въ восторгѣ писалъ женѣ: «Сія вѣдомость такъ обрадовала, что и мнѣ стало лучше, ибо отъ самаго Рождества Христова столь долго сидѣть не могъ, какъ вчера». Это указаніе на страшную нервность царя, на зависимость силы его болѣзненныхъ припадковъ отъ его душевнаго настроенія указываетъ и на то, какъ поступокъ Алексѣя долженъ былъ подѣйствовать на него. Сидѣть сложа руки, выжидать и бездѣйствовать было однако не въ его натурѣ. Догадавшись, что сынъ искалъ убѣжища у императора, онъ послалъ вѣрнаго и ловкаго человѣка, Румянцева — прослѣдить, куда скрылся царевичъ Алексѣй; а самъ собственноручно написалъ императору письмо, въ которомъ просилъ возвратить царевича къ нему, «ежели онъ тайно или явно во владѣніяхъ императорскихъ обрѣтается». Отвѣта долго не было. Можетъ быть, на долгое время заботы о старшемъ сынѣ были отодвинуты на задній планъ горемъ о смерти новорожденнаго Павла (онъ скончался черезъ 3 часа по рожденіи) и заботы о здоровьѣ друга сердешнинькаго Катеринушки, которая послѣ рожденія сына была долго больна и слаба. Узнавъ о смерти сына, Петръ послалъ женѣ трогательное письмо, въ которомъ, какъ когда-то по смерти матери, совѣтовалъ «о мертвомъ оставя, о живомъ паки думать», — и слалъ извѣщеніе о томъ, какъ женѣ беречься, какъ ѣхать безъ вреда для своего здоровья, какъ при этомъ экономить деньгами.

Глава XXI.

Пребываніе за границей въ 1717 году.

Раскрытіе заговора Карла XII противъ Георга Англійскаго и обвиненіе царя въ двуличіи. — Страданія царя и нахожденіе забвенія въ трудѣ. — Рѣшеніе царя ѣхать во Францію и совершеніе поѣздки. — Отношеніе царя къ маленькому королю. — Отношеніе французовъ къ царю. — Хлопоты царя о возвращеніи сына. — Наружное спокойствіе царя и грустное положеніе дѣлъ въ Россіи. — Результаты пребыванія царя за границей. — Свиданіе царскихъ посланныхъ съ царевичемъ Алексѣемъ. — Рѣшеніе царевича вернуться къ отцу. — Возвращеніе царя въ Петербургъ.

Раскрытіе заговора Карла XII противъ Георга Англійскаго и обвиненіе царя въ двуличіи.

Въ концѣ января 1717 года царь поправился настолько, что могъ заниматься дѣлами. Онъ съ радостью встрѣтилъ Екатерину, которая пріѣхала къ нему въ Амстердамъ, какъ только сама поправилась отъ болѣзни. Въ это же время царь былъ обрадованъ извѣстіемъ о томъ, что Георгъ, король англійскій, все время враждебно относившійся къ нему и тянувшій сторону Карла, разочаровался въ Карлѣ, такъ какъ въ Лондонѣ перехватили случайно переписку Герца съ шведскимъ посланникомъ при англійскомъ дворѣ и изъ этой переписки узнали, что Карлъ (вѣрнѣе — Герцъ) задумалъ свергнуть Георга съ престола и возвести претендента Іакова III Стюарта. Извѣстіе это, давшее надежду на искреннее содѣйствіе Георга, такъ обрадовало царя, что онъ писалъ Апраксину: «Нынѣ не правда ль моя, что всегда я за здоровье сего начинателя [Карла] пилъ? ибо сего никакою цѣною не купишь, что самъ сдѣлалъ?» Царь радовался отъ искренняго сердца, надѣялся на крѣпкій договоръ съ Георгомъ, а между тѣмъ въ перехваченныхъ бумагахъ шведскаго посла, въ одномъ изъ писемъ Герца нашли упоминаніе о царскомъ медикѣ Арескинѣ, какъ приверженцѣ Іакова Стюарта. Герцъ писалъ: «Думаю, что можно поддерживать доброе расположеніе царя посредствомъ его довѣреннаго медика,

если расположенiе дѣйствительно таково, какъ дано о немъ знать». Въ частномъ же письмѣ объ Арескинѣ говорилось, что, по словамъ Арескина, царь разссорился съ союзниками и, если Карлъ XII согласится сдѣлать хотя малѣйшiй шагъ для сближенiя, то немедленно все будетъ улажено между ними. Конечно, царь не могъ быть отвѣтственъ за слова своего медика въ частномъ разговорѣ; конечно, выяснившiяся для всѣхъ мечты шведовъ о сепаратномъ мирѣ съ царемъ нисколько не зависѣли отъ воли царя, но снова со всѣхъ сторонъ, во всей Европѣ поднялись обвиненiя царя въ двуличiи, хитрости, продажности, изворотливости. Царю пришлось оправдываться, защищаться и даже посылать въ англiйскiй парламентъ «оправдательный меморiалъ», т. е. оправдательную записку, гдѣ для «показанiя всему свѣту» объяснялось, что царь ни въ какихъ замыслахъ противъ короля не былъ виновенъ, что ему было бы даже невыгодно, если бы претендентъ получилъ престолъ съ помощью Швецiи, которой навѣки онъ остался бы благодаренъ и въ угоду которой дѣйствовалъ бы противъ Россiи. Со стороны англичанъ посыпались увѣренiя, что шведскимъ навѣтамъ не вѣрятъ, что желаютъ продолжать союзъ и дружбу, но требовали вывода всѣхъ русскихъ войскъ изъ Мекленбурга. Въ то же время Георгъ вступилъ въ переговоры съ императоромъ Карломъ VI о защитѣ «добраго царевича отъ явнаго и постояннаго тиранства отца, не безъ подозрѣнiя яда и подобныхъ русскихъ галантерей».

Страданiя царя и нахожденiе забвенiя въ трудѣ.

Все это приходилось переносить Петру, и переносить, по возможности, не показывая вида, «какъ иглы тайныя сурово язвили славное чело», какъ сердце его страдало отъ клеветы и ужаснаго измѣнническаго поступка сына. Въ работѣ и непрестанномъ трудѣ для пользы Россiи да въ общенiи съ простыми безхитростными людьми изъ простого народа искалъ и находилъ онъ себѣ успокоенiе. Тотчасъ по прибытiи въ Амстердамъ онъ посѣтилъ ту верфь, на которой работалъ почти за 20 лѣтъ передъ этимъ, отыскалъ, кого могъ, изъ своихъ старыхъ знакомцевъ и, попрежнему ласково, дружески привѣтствуя ихъ, бесѣдовалъ со всѣми, заходилъ въ дома простыхъ мастеровыхъ и никого не оставлялъ безъ вниманiя и ласки. Когда же прiѣхала Екатерина, онъ, въ концѣ февраля, отправился въ Саардамъ, чтобы показать ей и самый городъ и хижину, въ которой жилъ когда-то. Царица была одѣта при этомъ великолѣпно, дорогiе бриллiанты блестѣли въ ея серьгахъ, браслетахъ и брошкѣ, а на царѣ былъ простой солдатскiй нарядъ — черный поношенный кафтанъ и сверхъ кафтана кортикъ.

Тотчасъ по прiѣздѣ въ Саардамъ царь спросилъ про бывшаго своего хозяина, Киста и, узнавъ, что тотъ еще живъ, пожелалъ его ви-

дѣть. Но когда сказали объ этомъ старику Кисту, тотъ сердито закричалъ: «Убирайтесь вы къ чорту со своимъ царемъ! онъ мнѣ еще и денегъ не заплатилъ за постой!» Царю передали въ точности этотъ нелюбезный отвѣтъ, и онъ, вспомнивъ, что во время поспѣшнаго отъѣзда изъ Саардама точно не доплатилъ чего-то своему тогдашнему хозяину, поспѣшилъ къ нему въ кузницу, заплатилъ ему долгъ свой съ процентами и потомъ выпилъ съ нимъ мировую въ одномъ изъ «герберговъ». Толпы народа слѣдовали за царемъ, но онъ уже не скрывался отъ любопытныхъ, какъ когда-то, а говорилъ весело: «Смотрите на меня сколько вамъ угодно».

При этомъ царь продолжалъ учиться всему, что считалъ нужнымъ: онъ производилъ опыты совмѣстно съ учеными химиками, «точилъ фигуры у токаря», «гравировалъ картины у гравера», учился механикѣ и кромѣ того посѣщалъ заводы и фабрики. Подъ руководствомъ лучшихъ живописцевъ онъ изучалъ художественныя произведенія, покупалъ рѣдкія картины для украшенія своихъ дворцовъ, занимался покупкою рѣдкихъ научныхъ коллекцій; никогда не оставался онъ въ праздности.

При этомъ на первомъ планѣ у царя всегда стояли интересы Россіи; несмотря на всѣ старанія голландцевъ заключить съ нимъ торговый договоръ исключительно съ пользою для себя и съ малой выгодой для Россіи, — царь не поддался на ихъ уловки и добился такого договора, въ которомъ были соблюдены выгоды Россіи. Петръ сознавалъ однако, что при враждебномъ настроеніи европейскихъ державъ, пользуясь дружественной поддержкой одного короля прусскаго, ему трудно будетъ бороться съ открыто враждебной Швеціей и скрыто враждебной Англіей, а потому рѣшилъ ѣхать во Францію и тамъ заключить тѣсный союзъ съ французскимъ дворомъ.

Рѣшеніе ѣхать во Францію и совершеніе поѣздки.

За 20 лѣтъ до этого, въ 1697 году, Петръ желалъ посѣтить Парижъ, но Людовикъ XIV, находившійся тогда на верху славы и могущества, нашелъ, что ему неудобно принимать какого-то невѣдомаго царя варварской Московіи, и заявилъ, что такое посѣщеніе будетъ ему непріятно, вслѣдствіе чего молодой монархъ долженъ былъ отказаться отъ желанной поѣздки. Въ 1718 году политическія обстоятельства измѣнились: за 20 лѣтъ на востокѣ, вмѣсто слабой и никому невѣдомой Московіи, успѣло вырасти новое государство Россійское, которое отняло отъ Швеціи ея первенствующее значеніе на сѣверовостокѣ Европы, и царь этой державы являлся уже желаннымъ гостемъ для Франціи. Тамъ въ это время на престолѣ былъ ребенокъ Людовикъ XV, а регентъ-герцогъ Филиппъ Орлеанскій, ища союза съ сильными, желалъ союза съ Россіей.

Заранѣе разсчитывая на радушный пріемъ, Петръ 19 марта 1717 года выѣхалъ изъ Амстердама и направился черезъ Бельгію (которая тогда принадлежала Австріи) въ Парижъ, оставивъ жену въ Голландіи. Государь такъ спѣшилъ въ Парижъ, что проѣзжалъ нѣкоторые города безъ остановокъ, отказываясь отъ торжественныхъ встрѣчъ и угощеній, говоря, что не нуждается въ пышныхъ обѣдахъ, такъ какъ онъ солдатъ, и какъ солдатъ всегда и вездѣ найдетъ хлѣбъ и воду, а этого съ него вполнѣ достаточно.

Но и торопливость путешествія не мѣшала ему дѣлать вѣрныя наблюденія надо всѣмъ его окружавшимъ. Несмотря на старанія сопровождавшихъ его лицъ замаскировать печальное положеніе Франціи, разоренной войнами Людовика XIV, онъ замѣчалъ все и писалъ Екатеринѣ: «Сколько дорогой видѣли — бѣдность въ людяхъ подлыхъ [низшихъ классовъ] великая». Въ концѣ же своего пребыванія въ Парижѣ онъ пророчески замѣтилъ: «Жалѣю о королѣ и о Франціи — она погибнетъ отъ роскоши».

Отношеніе царя къ маленькому королю.

Въ Парижѣ для государя было приготовлено прекрасное помѣщеніе въ королевскомъ дворцѣ, но, вѣрный своей привычкѣ къ простотѣ, Петръ отказался отъ этой роскоши и помѣстился въ частномъ домѣ, нанятомъ для его свиты, — и то выбралъ для своей спальни самую маленькую комнату. Въ этомъ домѣ царь оставался три дня, ожидая къ себѣ съ визитомъ маленькаго короля; когда тотъ пріѣхалъ наконецъ, то царь вышелъ во дворъ, встрѣтилъ гостя у кареты и потомъ пошелъ рядомъ съ нимъ до дверей своей комнаты. Тамъ маленькій король сказалъ царю заученную привѣтственную рѣчь, царь былъ такъ тронутъ этимъ, что, забывая всякій этикетъ, поднялъ царственнаго ребенка и крѣпко расцѣловалъ. Сообщая объ этомъ свиданіи Екатеринѣ и Меншикову, царь писалъ: «Въ прошлый понедѣльникъ визитовалъ меня здѣшній королище, который пальца на два больше Луки, нашего карлика. Король матерой человѣкъ и гораздо старъ лѣтами, а именно — семи лѣтъ».

Когда на другой день царь отправился съ визитомъ въ Тюльери къ королю, тотъ встрѣтилъ высокаго гостя на крыльцѣ и опять сказалъ ему привѣтственную рѣчь; Петръ, желая избѣжать дальнѣйшихъ церемоній, взялъ попросту маленькаго короля на руки и понесъ на лѣстницу, шутливо говоря: «Вотъ — всю Францію на рукахъ несу».

Отношеніе французовъ къ царю.

Послѣ размѣна визитами царь почувствовалъ себя свободнымъ, и уже въ качествѣ простого путешественника принялся за осмотръ достопримѣчательностей Парижа, поражая всѣхъ удивительной простотой, но въ то же время и величественностью своего обращенія, глубокимъ инте-

ресомъ ко всему полезному или истинно художественному и полнымъ пренебреженіемъ къ роскоши, которая тогда господствовала при французскомъ дворѣ и въ высшемъ обществѣ.

Онъ едва взглянулъ на собраніе великолѣпныхъ королевскихъ бриллiантовъ, но зато провелъ цѣлый день въ королевскомъ госпиталѣ, гдѣ просилъ произвести при немъ глазную операцію.

Какъ и вездѣ, онъ посѣщалъ здѣсь фабрики и заводы, воспитательныя заведенія и тюрьмы, госпитали и казармы, все наблюдалъ, все новое усваивалъ съ необыкновенной легкостью и быстротой. Осматривая знаменитый Версаль, онъ пожелалъ узнать подробности устройства фонтановъ и лазилъ въ подвалы, осматривая водопроводныя трубы. При этомъ всѣ были поражены многосторонними и глубокими познаніями царя: во время глазной операціи онъ обнаружилъ основательное знакомство съ анатоміей и медициной; при осмотрѣ версальскихъ фонтановъ поразилъ всѣхъ глубокими познаніями не только въ механикѣ, но и въ физикѣ. Когда же онъ былъ приглашенъ на торжественное засѣданіе французской академіи, то, присутствуя при докладѣ о новѣйшихъ открытіяхъ въ области естественныхъ наукъ, выказалъ громадный интересъ къ докладу и обнаружилъ свои серьезныя познанія въ географіи, собственноручно исправивъ карту Каспійскаго моря. Послѣ этого онъ былъ единогласно избранъ членомъ академіи наукъ и всегда очень гордился этимъ избраніемъ. Вообще, французы относились къ государю съ замѣчательной предупредительностью и любезностью. Такъ, въ честь его была выбита медаль, на одной сторонѣ которой былъ портретъ царя, на другой — изображеніе славы съ латинской надписью вокругъ, означавшей «шествуя возрастаетъ». Эта золотая медаль была выбита при государѣ, когда онъ осматривалъ монетный дворъ; подобныя же медали, только серебряныя, были отчеканены и тутъ же розданы членамъ его свиты. Царь былъ глубоко тронутъ и всегда держалъ эту медаль у себя въ кабинетѣ.

Хлопоты царя о возвращеніи сына.

Но, несмотря на почести, которыя оказывались государю, несмотря на удивленіе, которое онъ возбуждалъ въ легко увлекающихся французахъ, ему не удалось достичь главной цѣли своей поѣздки — добиться разрыва дружественнаго договора между Франціей и Швеціей и заключенія союза съ Россіей и Пруссіей; ему только обѣщали «подумать». Безъ видимыхъ результатовъ онъ принужденъ былъ вернуться назадъ, и на душѣ у него было нерадостно — дѣла со Швеціей остались невыясненными, ничего опредѣленнаго не удалось узнать и о царевичѣ Алексѣѣ: мѣстопребываніе его въ Эренсбергѣ было открыто, но когда

Румянцевъ хотѣлъ повидаться съ нимъ, его скрыли, а на письмо государя императоръ отвѣтилъ оскорбительно уклончиво. Царь думалъ, что простыми способами и вѣжливыми письмами ничего не добьется и, по пріѣздѣ въ Спа (гдѣ снова долженъ былъ лѣчиться водами), 1 іюля отправилъ къ императору Румянцева и Толстого съ собственноручной инструкціей, въ которой указывалъ, чтобы они настойчиво добивались свиданія съ царевичемъ, чтобы заявили цезарю о непреклонномъ желаніи государя вернуть Алексѣя, а въ случаѣ отказа императора въ этомъ — объявили, что государь будетъ добиваться возвращенія сына, хотя бы силою оружія. При свиданіи съ царевичемъ посланнымъ поручено было передать ему собственноручное письмо государя и устно объявить «какое онъ царю тѣмъ своимъ поступкомъ безславіе, обиду и смертную печаль, а себѣ бѣдство и смертную бѣду нанесъ».

Сыну царь писалъ опять и грозно, и милостиво, звалъ къ себѣ и указывалъ на безуміе его поступка. Царь писалъ: «Всѣмъ есть извѣстно, какое ты непослушаніе и презрѣніе волѣ моей дѣлалъ. Ни отъ словъ, ни отъ наказанія не послѣдовалъ наставленію моему, но, обольстя меня и заклинаясь Богомъ при прощаніи со мною, потомъ что учинилъ? — Ушелъ и отдался яко измѣнникъ подъ чужую протекцію, чѣмъ обиду и досаду отцу своему и стыдъ отечеству своему учинилъ. Того ради посылаю нынѣ сіе послѣднее къ тебѣ, дабы ты по волѣ моей учинилъ и вернулся. Буде же побоишься меня, то я тебя обнадеживаю и обѣщаюсь Богомъ и судомъ Его, что никакого наказанія тебѣ не будетъ, но лучшую любовь покажу тебѣ, ежели воли моей послушаешь и возвратишься. Буде же сего не учинишь, то яко отецъ, данною мнѣ отъ Бога властію, проклинаю тебя вѣчно, а яко государь твой, за измѣнника объявляю, и не оставлю всѣхъ способовъ тебѣ, яко измѣннику и ругателю отцову, учинить, въ чемъ Богъ мнѣ поможетъ въ моей истинѣ».

Толстой и Румянцевъ прибыли въ Вѣну 26 іюня и на третій день были у цезаря въ приватной аудіенціи, послѣ которой императоръ передалъ дѣло на разсмотрѣніе своихъ ближайшихъ министровъ, а тѣ положили, что «надо, отвѣчая возможно вѣжливо, въ пересылкахъ да перепискахъ выиграть время, и, смотря по тому, какъ кончится нынѣшній походъ царя, можно будетъ говорить съ нимъ смѣлѣе или скромнѣе, что это происшествіе очень важно и опасно, потому что царь, не получивъ удовлетворительнаго отвѣта, можетъ со своими войсками вступить въ Силезію и даже Богемію, что не надобно терять ни минуты въ бездѣйствіи и найти скорѣе средство къ отпору заключеніемъ союза съ англійскимъ королемъ».

Наружное спокойствіе царя и грустное положеніе дѣлъ въ Россіи.

Тянули время, сколько могли — протянули два мѣсяца, а въ эти мѣсяцы, скрывая свое горе и безпокойство, царь сначала лѣчился въ Спа, потомъ проѣхалъ въ Голландію и занимался своими обычными дѣлами на пользу Россіи, чѣмъ возбуждалъ удивленіе иностранцевъ. Французъ Данжо въ своемъ дневникѣ замѣчаетъ: «Царь въ разладѣ съ сыномъ, но, несмотря на это, къ общему удивленію, путешествуетъ преспокойно, говоря, что въ Россіи никоимъ образомъ нельзя ожидать бунта». Царь былъ правъ въ своей увѣренности — бунта не вспыхнуло, народъ не измѣнилъ великому труженику земли Русской. Послѣ Полтавской битвы народъ уже вѣрилъ своему «надежѣ-осударю» и остался спокоенъ, хотя все въ Россіи благопріятствовало всякимъ смутамъ и волненіямъ.

Въ Сенатѣ шли разлады между сановниками, всѣ сенаторы вмѣстѣ и единодушно враждовали съ Меншиковымъ, но всѣ шли другъ противъ друга, когда дѣло касалось вопросовъ государственныхъ. Дѣла не двигались; войска временами голодали; деньги, собранныя съ народа, не доставлялись въ Сенатъ; учителямъ въ навигаціонной и въ другихъ школахъ не платили жалованья, ученикамъ не давали содержанія, и они были «весьма наги и босы». Любимый Петромъ адмиралъ Апраксинъ писалъ личному секретарю государя — Макарову: «Истинно во всѣхъ дѣлахъ, какъ слѣпые, бродимъ и не знаемъ, что дѣлать. Стали вездѣ великіе разстрои, и гдѣ прибѣгнуть, и что впредь дѣлать не знаемъ; денегъ ниоткуда не возятъ, дѣла почитай всѣ становятся». Сторонники Алексѣя не могли не дѣйствовать, хотя бы простымъ распространеніемъ слуховъ о томъ, что царь-де заморилъ царевича, а все же народъ оставался спокоенъ.

Былъ ли такъ спокоенъ царь, какъ онъ казался иноземцамъ — неизвѣстно, но онъ въ то время еще былъ увѣренъ, что сынъ нанесъ ему «несносное поношеніе» только по маломыслію, и не спѣшилъ домой, потому что считалъ необходимымъ свое присутствіе за границей для выясненія дѣлъ шведскихъ и для возвращенія сына.

Результаты пребыванія царя за границей.

Пребываніе государя за границей, особенно визитъ его во Францію — принесли свои плоды. 4 августа царь и короли французскій и прусскій заключили договоръ, по которому обязались поддерживать другъ друга въ случаѣ нападенія враговъ, помогая войсками или деньгами; кромѣ того царь всероссійскій и король прусскій обязались принять медіацію, т. е. посредничество короля французскаго для прекращенія Сѣверной войны. Съ королемъ англійскимъ велись переговоры о заключеніи тѣсного союза, но эти переговоры ни къ чему не привели. Гораздо важнѣе были переговоры о заключеніи сепаратнаго мира со Швеціей,

Переговоры эти велись тайно между нашимъ посланникомъ Куракинымъ и Герцемъ, который увѣрялъ, что король весьма желаетъ мира, и предлагалъ устроить конференцію [1] между шведскими и русскими министрами гдѣ-нибудь въ Финляндіи. Въ концѣ переговоровъ Куракинъ объявилъ, что при условіи уступки Лифляндіи, Эстляндіи и Ингріи царь соглашается отправить своихъ министровъ для переговоровъ; желаетъ, чтобы съѣздъ былъ на островѣ Аландѣ и начался черезъ 2 или 3 мѣсяца, «а если въ это время съѣздъ не состоится, то царское величество останется при всѣхъ своихъ обязательствахъ съ союзниками и будетъ искать вмѣстѣ съ ними общей пользы». 12 августа Герцу былъ даже данъ русскій паспортъ для проѣзда черезъ Лифляндію, и это возбудило сильное волненіе во всей Европѣ. Хотя было еще только рѣшено начать переговоры, но по Европѣ пронесся слухъ, что миръ уже заключенъ, подписанъ, что имѣются уже копіи съ него, что царю ни въ чемъ вѣрить нельзя. А царь дѣйствовалъ совершенно открыто и ничего не скрывалъ отъ своего доброжелателя, короля прусскаго, которому при личномъ свиданіи заявилъ, что сносится съ Швеціей о мирѣ, но обязуется о всѣхъ этихъ сношеніяхъ немедленно и вѣрно сообщать находящемуся при его дворѣ прусскому министру и даже допускать послѣдняго къ обсужденію дѣлъ, когда онъ этого пожелаетъ. Кромѣ того царь обѣщалъ охранять интересъ прусскаго короля, какъ свой собственный, и не заключать ни мира, ни перемирія съ Швеціей безъ того, чтобы Пруссіи не достался Штетинъ съ округомъ. При личномъ свиданіи царя съ королемъ прусскимъ въ Берлинѣ былъ возобновленъ прежній дружескій договоръ или «учиненъ концертъ», какъ тогда говорили, и сверхъ того царь убѣдилъ короля прусскаго заключить союзный договоръ съ королемъ мекленбургскимъ и этимъ доставилъ новому племяннику покровительство сильнаго сосѣда.

Такимъ образомъ въ дѣлахъ дипломатическихъ царь видѣлъ нѣкоторый результатъ: союзъ съ Пруссіей былъ закрѣпленъ, съ Франціей начались постоянныя и дружескія сношенія, съ Голландіей былъ утвержденъ торговый договоръ на выгодныхъ для Россіи условіяхъ съ заявленіемъ, что со слѣдующаго 1718 года большая часть товаровъ пойдетъ не черезъ Архангельскъ, чего добивались голландцы, а черезъ Петербургъ, чего давно хотѣлось государю. Дѣла съ Даніей и Англіей попрежнему были неопредѣленны, но не было и явнаго разрыва, а въ будущемъ ожидались важные переговоры съ Карломъ XII, и государь ради этого великаго дѣла спѣшилъ въ Россію, хотя переговоры о сынѣ еще не были окончены.

---

[1] Конференція — совѣщаніе.

Свиданіе царскихъ посланныхъ съ царевичемъ Алексѣемъ.

Только въ сентябрѣ Толстому и Румянцеву позволено было ѣхать въ Неаполь, гдѣ несчастный царевичъ подъ крѣпкимъ карауломъ сидѣлъ въ крѣпости «Сентъ-Эльмо», подъ видомъ государственнаго преступника. Царевичъ встрѣтилъ посланныхъ отца съ великимъ страхомъ, такъ какъ былъ «въ томъ мнѣніи», что они пріѣхали его убить; но на вопросъ о возвращеніи къ отцу не далъ опредѣленнаго отвѣта, говоря, что «надо помыслить о томъ гораздо».

Долго думалъ царевичъ надъ вопросомъ о своемъ возвращеніи, день за днемъ тянулись переговоры объ этомъ, и посланные ничего не могли добиться у несчастнаго, который продолжалъ упорствовать въ своемъ желаніи остаться въ Италіи, хотя убѣдился, что защиты ему не дадутъ, что его уже въ сущности выдали отцу, что для безопасности ему придется жить подъ вѣчнымъ карауломъ. Толстой грозилъ, что изъ-за него начнется война, что царскія войска готовы къ выступленію въ предѣлы Австріи — ничего не подѣйствовало. Но когда ловкій дипломатъ сказалъ, что самъ отецъ пріѣдетъ за нимъ, что къ этому не можетъ быть никакого препятствія — все перемѣнилось, и Толстой доносилъ: «И такъ сіе его привело въ страхъ, что въ томъ моментѣ мнѣ сказалъ, еже [что] конечно ѣхать къ отцу отважится».

Рѣшеніе царевича вернуться къ отцу.

Паническій страхъ къ отцу, къ отцу, отъ котораго не убѣжишь, отъ котораго никуда не скроешься, котораго неизбѣжно увидишь передъ собой — наполнялъ душу несчастнаго царевича. Этотъ страхъ гналъ его въ Австрію, этотъ же страхъ заставилъ его вернуться въ Россію, когда онъ узналъ о невозможности избѣжать этой встрѣчи. Царевичъ согласился вернуться только съ двумя условіями — чтобы ему позволили жениться на Евфросиніи и позволили жить въ своихъ деревняхъ. 4 октября царевичъ собственноручно написалъ отцу, что, надѣясь на его милостивое обѣщаніе отпустить ему всѣ вины, поѣдетъ изъ Неаполя въ Петербургъ.

Писалъ онъ принужденно, взволнованный и устрашенный, а отецъ отвѣтилъ ему, чтобы въ прощеніи онъ не сомнѣвался и что желанія его будутъ исполнены.

Царь надѣялся женитьбой сына на «худородной Евфросиньѣ» обезпечить его отказъ отъ престола и, предоставивъ ему свободу жизни въ деревнѣ, думалъ добиться отъ него этими милостями чистосердечнаго и полнаго признанія.

Возвращеніе царя въ Петербургъ.

10 сентября 1717 года въ четвертомъ часу дня царь вернулся въ Петербургъ послѣ 20 мѣсяцевъ отсутствія. Встрѣча была офиціальная: духовенство, сановники привѣтствовали царя торжественными рѣчами,

послѣ чего онъ отправился къ себѣ во дворецъ, гдѣ былъ радостно встрѣченъ своими дочерьми и полюбовался своимъ «шишечкой», своимъ любимцемъ царевичемъ Петромъ.

Но недолго отдавался труженикъ земли русской радости свиданія со «своими» — не прошло и часа, какъ онъ вышелъ на «работу», отправился осматривать верфи, доки, постройки, и работа закипѣла въ его присутствіи. Всѣ перестали бродить, «аки слѣпые», всѣ почувствовали себя у мѣста, и деньги опять привозиться стали, и государственная машина заработала успѣшно въ рукахъ умѣлаго работника.

Самъ царь однако былъ далеко не спокоенъ — вопросъ о сынѣ, о свиданіи съ нимъ, вопросъ о дѣйствительномъ преданіи всего дѣла забвенію или о необходимости изслѣдованія его — тяжелымъ кошмаромъ давилъ его душу.

Работалъ онъ однако съ такимъ напряженіемъ, какъ никогда, какъ будто въ трудѣ искалъ забвенія. Особенно много трудился онъ надъ составленіемъ инструкцій или наставленій своимъ министрамъ, отправлявшимся на Аландъ, стараясь выяснить имъ тѣ условія, при которыхъ считалъ миръ возможнымъ.

Эти условія, выработанныя царемъ, особенно интересны, какъ доказательство того, что никогда не терялъ онъ изъ виду интересовъ союзниковъ, что не о себѣ одномъ была его забота въ это время. Выговаривая себѣ Ингрію, Ливонію, Эстляндію съ Ревелемъ, Карелію и городъ Выборгъ съ округомъ въ Финляндіи, свободу плаванія и свободу торговли въ Балтійскомъ морѣ, царь писалъ, что король Августъ II долженъ быть оставленъ въ покойномъ владѣніи престоломъ польскимъ, что королю прусскому долженъ быть уступленъ Штетинъ съ округомъ, что король датскій и король англійскій должны быть включены въ общій трактатъ, если только пожелаютъ помириться съ королемъ шведскимъ. Кромѣ того, не желая ничего скрывать отъ своихъ союзниковъ, царь приказалъ своимъ министрамъ Остерману и Брюсу сообщить уполномоченнымъ посланникамъ прусскому, польскому, ганноверскому и датскому о началѣ переговоровъ со шведами съ тѣмъ, чтобы въ этихъ переговорахъ выслушать шведскія предложенія, не вступая пока ни въ какіе договоры.

Такъ поступалъ со своими измѣнчивыми и недовѣрчивыми союзниками Петръ Великій, обвиняемый ими въ предательствѣ, лживости и невѣсть еще въ какихъ порокахъ.

Глава XXII.

Драма царевича Алексѣя.

Возвращеніе царевича Алексѣя. — Первая встрѣча отца съ сыномъ. — Отреченіе царевича отъ престола. — Московскій розыскъ и казни. — Снисходительное отношеніе царя къ сыну. — Возвращеніе Евфросиніи и ея новыя показанія. — Перемѣна во взглядахъ царя на дѣло сына. — Преданіе дѣла царевича на духовный и свѣтскій судъ. — Отношеніе духовныхъ лицъ къ дѣлу царевича. — Судъ свѣтскихъ лицъ и смертный приговоръ. — Смерть царевича Алексѣя и объявленіе о ней. — Слухи о насильственной смерти царевича.

Возвращеніе царевича Алексѣя.

Насталъ 1718 годъ, самый тяжелый въ жизни царя.

Неохотно ѣхалъ царевичъ къ отцу и отклонялся сколько возможно отъ пути слѣдованія: такъ, онъ потребовалъ, чтобы ему дали съѣздить въ Бари для поклоненія мощамъ св. Николая, потомъ въ Римъ и Венецію для осмотра этихъ городовъ; на самомъ же дѣлѣ онъ дѣлалъ это, чтобы отсрочить страшную минуту свиданія съ отцомъ и получить разрѣшеніе обвѣнчаться съ Евфросиніей прежде возвращенія на родину. Когда отъ отца было получено разрѣшеніе обвѣнчаться только въ своихъ городахъ, хотя бы въ Ригѣ или Курляндіи у герцогини Анны Іоанновны, тогда царевичъ ускорилъ путь; но во время путешествія Евфросинія захворала, принуждена была остановиться, и Алексѣй въ сопровожденіи Толстого и Румянцева поѣхалъ далѣе одинъ. Въ сущности, не онъ ѣхалъ, а его везли и мало давали ему свободы. Его уговорили тайно проѣхать мимо Вѣны, не повидавшись съ императоромъ, и этимъ крайне смутили мягкосердаго Карла VI, который заключилъ, что царевича везутъ къ отцу силою, помимо его воли. Императоръ послалъ предписаніе моравскому генералъ-губернатору задержать царевича въ Брюнѣ, повидаться съ нимъ наединѣ и узнать отъ него, доподлинно ли устранены причины, подозрѣнія и страхи, заставившіе его отдаться подъ покровительство императора.

Толстой не допустилъ генералъ-губернатора къ царевичу и требовалъ немедленнаго пропуска на дальнѣйшій путь, а потому смутившійся чиновникъ рѣшилъ сдѣлать запросъ въ Вѣну, какъ ему поступать? Въ Вѣнѣ дипломаты рѣшили, что «лучше избавиться отъ царевича съ соблюденіемъ приличій, что продолжать ему покровительствовать при непостоянствѣ его и угрожающей государству опасности со стороны царя было бы безразсудно, такъ какъ у царевича нѣтъ настолько ума, чтобы можно было надѣяться отъ него какой-нибудь пользы. Поэтому генералъ-губернатору поручено было только сказать привѣтствіе отъ лица императора. Царевичъ, въ присутствіи Толстого, выслушавъ эту рѣчь, заявилъ, что только неимѣніе подходящаго экипажа и костюма помѣшали ему явиться къ императору, но что онъ поручилъ посланнику Веселовскому благодарить кесаря за гостепріимство. Послѣ этого путешествіе продолжалось безпрепятственно, и 31 января 1718 года послѣ семнадцатимѣсячнаго отсутствія царевичъ пріѣхалъ въ Москву. Онъ не зналъ хорошенько, что его ждетъ тамъ, врядъ ли зналъ объ этомъ и царь, — одно было рѣшено безповоротно, что царевичъ долженъ отречься отъ престола и долженъ открыть, кто подучилъ его на злое «поносное» дѣло бѣгства.

Первая встрѣча отца съ сыномъ.

Для совершенія акта отреченія царь пріѣхалъ въ Москву, гдѣ не былъ со дня отправленія въ прутскій походъ, и видъ ея «площадей, дворцовъ, церквей и колоколенъ» живѣе прежняго напомнилъ ему ужасныя картины дѣтства, звѣрства бунтовавшихъ стрѣльцовъ, «сей крови жаждущей саранчи», какъ называлъ ихъ царь. Здѣсь, съ бо̀льшимъ горемъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было, помышлялъ Петръ о томъ, что «сѣмя Ивана Милославскаго» выросло ему вновь въ лицѣ сына. Сына онъ обѣщалъ простить, даже не опасался простить, такъ какъ тотъ своимъ бѣгствомъ обезславилъ себя передъ лицомъ своего народа не меньше, если не больше, чѣмъ отца передъ лицомъ Европы, но онъ считалъ своимъ священнымъ долгомъ допытаться, кто подучилъ сына къ бѣгству, не были ли тутъ участниками кто изъ иностранцевъ, не работали ли тутъ враги внѣшніе, и онъ ждалъ, что Алексѣй откроетъ все. 1 февраля отецъ съ сыномъ встрѣтились наединѣ (Алексѣй былъ привезенъ для этого въ Преображенскій дворецъ). Говорятъ, что чувство давно заглушенной любви вдругъ вспыхнуло въ душѣ обоихъ, и они говорили просто, какъ родные, какъ близкіе. Алексѣй обѣщалъ все разсказать безъ утайки и радостно отказывался отъ престола, отъ власти, отъ славы, чтобы жить частнымъ человѣкомъ, и отецъ видѣлъ его искренность и вѣрилъ ей.

Если бы они могли кончить этимъ, если бы ложныя идеи объ обязанности «подстерегать», «искоренять», «уничтожать измѣну» не

господствовали въ умѣ царя, если бъ у царевича хватило духу во всемъ принять отвѣтъ на себя, или, прямо назвавъ своихъ единомышленниковъ, молить отца о пощадѣ ихъ — все бы уладилось. Естественная родственная любовь побѣдила бы, и два мучившіе другъ друга человѣка стали бы близки и милы, и дороги другъ другу. Но... Петръ считалъ, что онъ прежде всего царь и долженъ бороться съ «сѣменемъ Милославскаго»; царевичъ... царевичъ не могъ передѣлать своей натуры и попрежнему лукавилъ, и... все, созданное свиданіемъ наединѣ, было разрушено послѣдующимъ.

Отреченіе царевича отъ престола.

3 февраля во дворецъ собрались всѣ сановники, все высшее духовенство, и введенъ былъ царевичъ безъ шпаги. Отецъ обратился къ нему съ выговоромъ, а царевичъ палъ передъ нимъ на колѣни (опять въ страхѣ и ужасѣ, какъ передъ грознымъ судьей и властелиномъ), призналъ себя во всемъ виновнымъ и со слезами просилъ помилованія. Царь отвѣтилъ, что обѣщаетъ ему полное прощенье, если царевичъ отречется отъ престола и откроетъ всѣхъ своихъ сообщниковъ. Царевичъ на все согласился и тутъ же при всѣхъ принесъ повинную, назвалъ отцу нѣсколько близкихъ себѣ лицъ, а послѣ этого въ Успенскомъ соборѣ передъ крестомъ и евангеліемъ произнесъ отреченіе отъ престола, обѣщалъ «того наслѣдства короны Россійской никогда ни въ какое время не искать, не желать и не принимать ни подъ какимъ видомъ, а признавать за истиннаго наслѣдника брата Петра Петровича». Въ этотъ же день былъ обнародованъ царскій манифестъ ко всѣмъ вѣрноподданнымъ, гдѣ объяснялась вина Алексѣя передъ царемъ и говорилось, что государь прощаетъ ему всѣ вины и преступленія, освобождаетъ отъ всякаго наказанія, но лишаетъ его наслѣдства — престола Всероссійскаго и назначаетъ наслѣдникомъ второго сына своего Петра, въ вѣрности которому должны присягнуть всѣ вѣрноподданные; тѣ же, что дерзнутъ почитать наслѣдникомъ Алексѣя, объявлялись измѣнниками государю и отечеству.

4 февраля царевичу предложены были письменные допросные пункты о сообщникахъ съ требованіемъ объявить все, касающееся дѣла бѣгства, и очистить себя, какъ на сущей исповѣди, съ угрозою, что если что утаено будетъ, то лишенъ будетъ жизни, такъ какъ передъ всѣмъ народомъ объявлено, что за утайку «пардонъ не въ пардонъ». Царевичъ показалъ, что въ Неаполѣ секретарь кесаря Кейль угрозами принудилъ его написать сенаторамъ и архіереямъ письма съ извѣстіемъ о томъ, что онъ — царевичъ живъ, что скрывается у нѣкотораго великаго государя, который обѣщалъ не оставлять его и въ нужный часъ помочь. Кромѣ того онъ указалъ, что въ бѣгствѣ ему помогали Кикинъ, Вяземскій, Ва-

силій Долгорукій. царевна Марья Алексѣевна и камердинеръ Иванъ Афанасьевъ (хотя тотъ всячески отговаривалъ его отъ бѣгства, удерживалъ даже отъ всякихъ «поносныхъ» разговоровъ объ отцѣ). Всѣ названныя лица были схвачены и подвергнуты пыткамъ.

Московскій розыскъ и казни.

Произвели по подозрѣнію царя допросъ въ Суздальскомъ монастырѣ, гдѣ была заключена царица Евдокія подъ именемъ инокини Елены, и было дознано, что она жила тамъ не какъ инокиня, а какъ царица и повелительница: ходила въ свѣтскомъ платьѣ, приказывала поминать себя какъ царицу, и, по пророчеству ростовскаго епископа Досиѳея, говаривала, что государь ее вернетъ къ себѣ, и будетъ она царицей.

Начались пытки и прозведены были казни. Казнили до 16 человѣкъ; инокиню Елену (жену царя) сослали подъ строгій надзоръ въ ближайшій отъ Петербурга женскій монастырь въ Новой Ладогѣ. Царь былъ ужасенъ въ своемъ гнѣвѣ, присутствовалъ при совершеніи казней и, какъ когда-то при казни стрѣльцовъ, терялъ самообладаніе — дѣлался жестокъ и страшенъ.

Снисходительное отношеніе царя къ сыну.

Но на сына онъ смотрѣлъ болѣе чѣмъ снисходительно, радовался возможности свалить на другихъ его вину, и во всемъ проглядывало желаніе его оправдать Алексѣя черезъ обвиненіе другихъ. Передъ отъѣздомъ изъ Москвы онъ съ облегченіемъ сказалъ Толстому: «Когда бъ не монахиня [Евдокія], не монахъ [Досиѳей] и не Кикинъ — Алексѣй не дерзнулъ бы на такое неслыханное зло. Ой, бородачи! [т. е. приверженцы старины]. Многому злу корень старцы и попы. Богъ судья вѣроломцамъ». Петръ почти не отпускалъ царевича отъ себя, а Екатерина дѣлала распоряженія, чтобы въ Петербургѣ все было приготовлено къ пріѣзду Алексѣя.

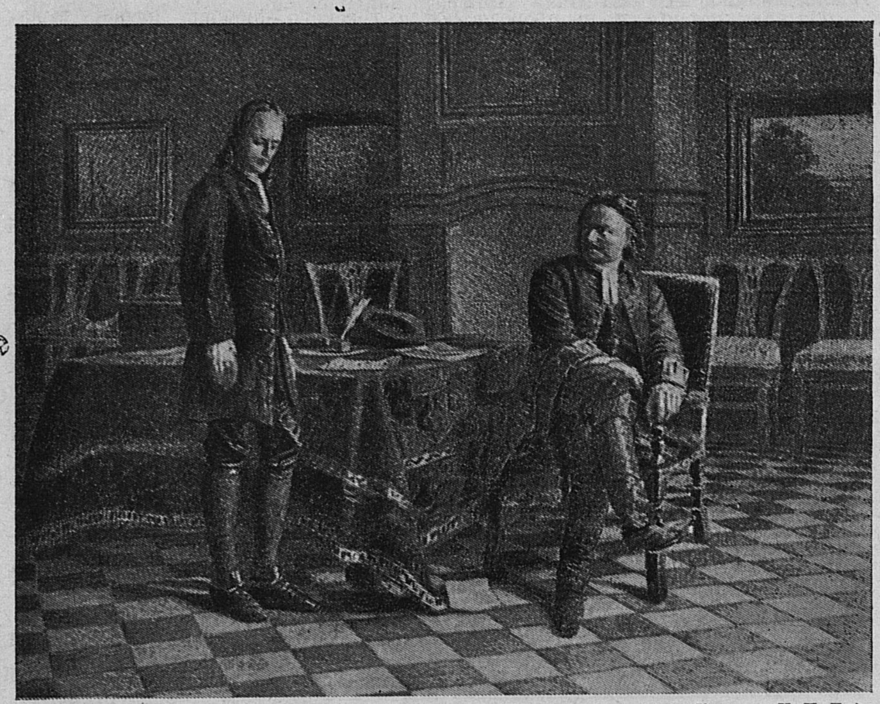
Что чувствовалъ несчастный виновникъ розыска и казней, какъ страдалъ онъ — изобразить трудно, но онъ несомнѣнно желалъ жить и мечталъ жить счастливо съ любимой женщиной. Это ясно видно изъ того, что въ первый день Пасхи, упавъ царицѣ въ ноги, онъ просилъ ходатайствовать за него и скорѣе женить его на Евфросиніи.

Возвращеніе Евфросиніи и ея показанія.

Въ половинѣ апрѣля Евфросинія пріѣхала, и царь счелъ нужнымъ самъ разспросить ее о томъ, что дѣлалъ, какъ жилъ царевичъ за границей? Она же, по злому ли умыслу или по простотѣ сердечной, открыла о царевичѣ много такого, что совершенно измѣняло картину дѣйствій Алексѣя.

Алексѣй, выдавая своихъ доброхотовъ, совершенно обѣлялъ себя, указывая, что дѣйствовалъ не самъ, а только подъ вліяніемъ дурныхъ совѣтниковъ, что по настоянію Кикина уѣхалъ къ цезарю, по требованію

кесарскаго секретаря Кейля писалъ обращеніе къ архіереямъ и сенаторамъ, — и то только для того, чтобы извѣстить ихъ о томъ, что онъ живъ и здоровъ, чтобы тѣ своими рѣчами успокоили народъ, объявивъ, что онъ невредимъ. Евфросинія же показала, что онъ самъ безъ чьего-либо совѣта и наставленія писалъ эти письма; что этими письмами надѣялся вызвать въ народѣ бунтъ, или по крайней мѣрѣ волненіе, что

(Картина Н. Н. Ге)

Царь Петръ Великій допрашиваетъ царевича Алексѣя Петровича въ Петергофѣ.

хотѣлъ отдаться подъ протекцію папы римскаго, и только она удержала его отъ этого. Главное, она показала, что царевичъ радовался всякому слуху о болѣзни отца или брата Петра, говоря: «Авось, Богъ дастъ намъ случай съ радостью возвратиться. Батюшка дѣлаетъ свое, а Богъ свое: отецъ хочетъ сдѣлать наслѣдникомъ брата моего, а онъ еще младенецъ, и когда отецъ, сдѣлавши это, умретъ, то будетъ бабье царство, и добра не будетъ, а будетъ смятеніе, иные станутъ за брата, иные за меня. А я старыхъ всѣхъ переведу, а новыхъ наберу по своей волѣ. Когда буду государемъ, буду жить въ Москвѣ, а Петербургъ оставлю простымъ

городомъ; корабли держать не буду, войска буду держать только для обороны, а войны ни съ кѣмъ имѣть не хочу, буду довольствоваться старымъ владѣніемъ. Зиму буду жить въ Москвѣ, а лѣто въ Ярославлѣ».

Перемѣна во взглядахъ царя на дѣло сына.

Впечатлѣніе отъ этихъ словъ было ужасно и для отца и для сына: сынъ понялъ, что счастье съ Евфросиніей для него недостижимо, что «вынула она изъ него душу и сердце», что не для чего ему заботиться о жизни, не для чего и жить, что впереди для него ничего ужъ нѣтъ, и съ рѣшимостью отчаянья, не сознавая, что дѣлаетъ, самъ на себя взводилъ новыя обвиненія. На вопросъ отца, не присталъ ли бы онъ къ бунтовщикамъ, если бы случился бунтъ въ войскахъ, — Алексѣй отвѣчалъ: «Когда бъ дѣйствительно былъ бунтъ въ Мекленбургіи и прислали бы по меня, то бы я съ ними поѣхалъ, а безъ присылки — поѣхалъ бы или нѣтъ — не знаю. А чаялъ быть присылкѣ по смерти вашей потому, что писано было, что хотѣли тебя убить, и чтобъ живого тебя отлучить не чаялъ. А хотя бы и при живомъ прислали, когда бъ они сильны были, то бъ могъ и поѣхать».

Царевичъ лгалъ на себя: даже если бъ и сильны были враги царя, онъ не посмѣлъ бы, у него не хватило бы характера идти противъ отца, но онъ въ отчаяніи наклепалъ на себя и поставилъ передъ отцомъ такую ужасную задачу, что муки по разрѣшенію ея сломили силы великаго человѣка. Изъ показаній Евфросиніи и изъ словъ самого Алексѣя царь понялъ, что сынъ опирается на свои права наслѣдника престола, что у него есть опредѣленная программа дѣятельности по вступленіи на мѣсто отца и что дѣятельность эта будетъ посвящена разрушенію всего сдѣланнаго отцомъ; онъ понялъ, что послѣ его смерти никакія клятвы не удержатъ Алексѣя отъ желанія вступить на престолъ, что со вступленіемъ его на престолъ будетъ низвергнуто все, достигнутое многолѣтними трудами и жертвами, при чемъ не будетъ пощады ни второй женѣ, ни дѣтямъ отъ нея. Передъ Петромъ стоялъ ужасный вопросъ — что дѣлать? Надо было выбирать — или пожертвовать сыномъ ради сохраненія тѣхъ преобразованій, которымъ была посвящена вся жизнь, или видѣть Россію въ рукахъ сына, который со своими приверженцами будетъ съ наслажденіемъ истреблять самую память объ отцовской дѣятельности. То царю казалось, что надо пожертвовать недостойнымъ сыномъ ради общаго блага, то его бралъ ужасъ при мысли казнить сына (родного сына!), которому онъ клятвенно обѣщалъ помилованіе и прощеніе. Онъ не спалъ ночей и, по словамъ одного изъ иноземныхъ посланниковъ, удалялся изъ богатаго своего дворца въ свой прежній маленькій домикъ и тамъ цѣлыя ночи молился на колѣняхъ, съ горькими слезами, прося Бога

внушить ему мысли, согласныя съ его честью, съ долгомъ отца и съ благомъ народа и государства.

Преданіе дѣла царевича на духовный и свѣтскій судъ.

Для царя Россія и ея величіе всегда были на первомъ планѣ; но тутъ силы его были сломлены ужасомъ и горемъ, онъ не рѣшался на выборъ, не рѣшался быть судьею въ собственномъ дѣлѣ, особенно послѣ того, какъ далъ сыну обѣщаніе простить его. И вотъ, 13 іюня царь обратился къ духовенству и ко всѣмъ лицамъ свѣтскимъ съ порученіемъ разсудить его дѣло съ сыномъ.

Публично, какъ на исповѣди, обличая себя самого въ нарушеніи своего слова, даннаго сыну, царь просилъ духовенство разсудить его съ сыномъ, облегчить его совѣсть, успокоить его душевныя муки и въ концѣ писалъ: «Надѣемся и судомъ Божіимъ и священствомъ вашимъ заклинаемъ, да безъ всякаго лицемѣрства и пристрастія въ томъ поступите». Обращаясь къ свѣтскимъ лицамъ, Петръ еще убѣдительнѣе просилъ ихъ отказаться отъ этого пристрастія, и въ концѣ своего обращенія къ нимъ писалъ: «Прошу васъ, дабы истинно сіе дѣло вершили, чему достойно, не фланируя или похлѣбуя [т. е. не потакая] мнѣ. Несмотря на лицо, сдѣлайте правду и не губите душъ своихъ и моей, чтобы совѣсти ваши остались чисты въ день страшнаго испытанія, и отечество ваше безбѣдно».

Тутъ Петръ раскрывалъ съ полной откровенностью, что онъ знаетъ мнѣніе, будто онъ хочетъ смерти сына, просилъ не вѣрить этому, просилъ правды, только одной правды, какъ ради спасенія души, такъ и ради отечества, которое должно быть спасено отъ бѣдствій. Такимъ образомъ царь передалъ страшное дѣло свое въ руки духовенства и судилища изъ свѣтскихъ лицъ, желая облегчить и очистить совѣсть свою.

Отношеніе духовныхъ лицъ къ дѣлу царевича.

Но лица, которымъ онъ поручилъ это ужасное дѣло, совершили его далеко не такъ, какъ слѣдовало бы: изъ всего сонма духовныхъ лицъ не нашлось ни одного, кто отвѣтилъ бы на главный вопросъ, мучившій царя, — на вопросъ о нарушеніи имъ слова, даннаго сыну. Хотя въ своемъ объявленіи Петръ указывалъ именно на это свое обѣщаніе, какъ на вину свою, требуя очищенія совѣсти, однако духовныя лица совершенно обошли этотъ щекотливый вопросъ. Они, очень пространно изложивъ обязанности дѣтей къ родителямъ, заключили свое посланіе тѣмъ, что все находится во власти самого государя и родителя; однимъ словомъ, всю отвѣтственность возложили на царя, который хотѣлъ избавиться отъ этой отвѣтственности.

Судъ свѣтскихъ лицъ и смертный приговоръ.

Лица свѣтскія дѣйствовали опредѣленнѣе и рѣшительнѣе: они прежде всего желали удостовѣриться — дѣйствительно ли Алексѣй виновенъ въ возмутительныхъ замыслахъ противъ отца, а для того под-

вергли указанныхъ имъ лицъ и его самого допросу съ пристрастіемъ, т. е. подъ пыткой. Царевичъ далъ письменное признаніе, что ничего не хотѣлъ дѣлать по волѣ отцовской, потому что съ малолѣтства научился только «ханжить»; что хотѣлъ получить наслѣдство «вооруженною рукой, что ничего бы не жалѣлъ, только бы исполнить свою волю — и войска императорскія взялъ бы на свое иждивеніе и суммъ бы великихъ не пожалѣлъ, и подарки великіе далъ бы генераламъ и министрамъ».

Разсказываютъ, что при первомъ судебномъ засѣданіи, когда Петръ и Алексѣй явились передъ лицомъ собравшихся судей, какъ истецъ и отвѣтчикъ, Алексѣй оскорбилъ всѣхъ сановниковъ изобличеніемъ ихъ различныхъ неправильныхъ поступковъ и обвиненіемъ ихъ въ подобострастномъ отношеніи къ царю; говорятъ, что слишкомъ многіе изъ судей были врагами его, что судъ былъ пристрастенъ, а одинъ изъ иностранныхъ писателей того времени замѣтилъ, что англійскій парламентъ не такъ бы закончилъ дѣло. Все это, безспорно, возможно, но, какъ бы то ни было, 24 іюня свѣтскія лица поставили свой строгій приговоръ: «*казнь смертную безъ всякой пощады*». Утомительно длинно и широковѣщательно излагая вины царевича, они признали его достойнымъ смерти за то, что 1) «онъ, царевичъ — въ отвѣтномъ и повинномъ письмѣ своемъ отвѣтствовалъ весьма неправдиво, и не только многія особы, но и главнѣйшія дѣла свои и умыселъ противъ отца утаилъ; 2) намѣренъ былъ противъ государя не только черезъ бунтовщиковъ, но черезъ чужестранную цесарскую помощь дѣйствовать и достигнуть престола при жизни отца съ разореніемъ всего государства».

Смерть царевича Алексѣя и объявленіе о ней.

25-го приговоръ былъ прочитанъ царевичу, а 26-го въ 6 часу вечера царевичъ, не вынеся тяжкихъ нравственныхъ и физическихъ мукъ, скончался въ Трубецкомъ раскатѣ крѣпости подъ крѣпкимъ карауломъ. 30 іюня уже совершилось погребеніе несчастнаго. Тяжелая, жестокая, семейная драма царя закончилась — сынъ былъ принесенъ въ жертву государству, въ жертву долга — какъ понималъ его царь Петръ.

Насколько тяжело далось это царю, указываютъ болѣзненные припадки, которые случались съ нимъ въ теченіе тяжелаго процесса сына — онъ нѣсколько разъ падалъ въ обморокъ, впадалъ въ тяжелое оцѣпенѣніе, былъ близокъ къ удару, а потомъ точно застылъ въ своемъ горѣ — двигался, какъ автоматъ, поступалъ, какъ бы въ полуснѣ. «Страдаю, а все за отечество, желая ему правды», — говорилъ въ это время Петръ своему учителю токарнаго искусства, Нартову. — «Труденъ разборъ невинности моей тому, кому дѣло сіе невидимо. Единъ Богъ зритъ правду». И онъ страдалъ многіе, многіе годы, страдалъ до смерти. Память о ца-

ревичѣ долго не умирала въ народѣ, и являлись многіе самозванцы, называвшіеся его именемъ, и ходили многіе слухи о насильственной смерти царевича. Въ рескриптахъ къ иностраннымъ министрамъ было разсказано, что смерть царевича произошла отъ болѣзни, которая вначалѣ была подобна апоплексіи, что онъ съ покаянными слезами принесъ царю-отцу чистое сознаніе во всѣхъ своихъ злоумышленіяхъ и, получивъ прощеніе отъ отца, жизнь свою христіански скончалъ.

Слухи о насильственной смерти царевича.

Никто однако не вѣрилъ этому офиціальному изложенію, и о смерти Алексѣя ходили самые разнообразные слухи: одни говорили, что царевичъ былъ отравленъ, что его заставили взять свой смертный приговоръ въ руки, а бумага была пропитана ядомъ, другіе разсказывали, что царевича удушили подушками, третьи, что онъ умеръ отъ вскрытія жилъ, четвертые, что самъ царь билъ его до тѣхъ поръ, пока онъ не испустилъ духъ. Всѣхъ версій было до 20, и всѣ онѣ не согласны съ дѣйствительностью. Петръ, не побоявшійся предать сына публичному суду передъ лицомъ всей Европы, не побоявшійся производить слѣдствіе, открыто употребляя при этомъ пытки, конечно, не остановился бы передъ преданіемъ сына публичной казни.

Но если не было отравы, удушенія, вскрытія жилъ и вообще тайнаго убійства, то все же съ царя Петра не можетъ быть снято обвиненіе въ смерти несчастнаго Алексѣя. Какая бы болѣзнь ни пресѣкла его дни, несомнѣнно, она была получена отъ всего ужаса пережитыхъ имъ допросовъ и пытокъ, и допущеніе царемъ этихъ допросовъ и пытокъ можетъ быть поставлено ему въ бо́льшую вину, чѣмъ совершеніе публичной казни сына по приговору судей.

Но не намъ судить царя Петра, не тому народу судить его, на благо котораго онъ положилъ всѣ свои геніальныя силы, всю свою безпримѣрную въ исторіи жизнь.

Глава XXIII.

Послѣдніе годы Великой Сѣверной войны.

Начало переговоровъ на Аландскихъ островахъ. — Замедленіе дѣлъ на Аландскомъ конгрессѣ. — Смерть Карла. — Политическія партіи въ Швеціи. — Извѣстіе о смерти короля.

Царевичъ умеръ. Кровавая драма закончилась. Продолжались только розыски его единомышленниковъ. Въ концѣ года были казнены его духовникъ Яковъ Игнатьевъ и дядя Абрамъ Лопухинъ; были также схвачены и казнены распространители слуховъ о насильственной смерти царевича. Но царь въ это время «въ сухомъ трудѣ для жизни новой ужъ почерпнулъ отважно силъ».

Сынъ умеръ, но жива была еще Россія, для которой онъ пожертвовалъ сыномъ; для нея нужно было работать, — и онъ работалъ.

Начало переговоровъ на Аландскихъ островахъ.

Еще въ февралѣ во время ужаснаго дѣла розыска царь получилъ отъ Брюса и Остермана, своихъ довѣренныхъ представителей на Аландскомъ конгрессѣ, письмо, въ которомъ они писали, что боятся проволочки дѣла по случаю установленія церемоніала переговоровъ и вопроса о главенствѣ или первенствѣ переговаривающихся, на что царь отвѣчалъ съ обычной простотой: «Во избѣжаніе великихъ церемоній предложите барону Герцу такой способъ: зимой занять для конференціи двѣ камеры одна подлѣ другой, и среднюю между ними стѣну вырубить, такъ чтобы въ обѣихъ камерахъ можно было поставить одинъ столъ, съ одной стороны будутъ входить и садиться наши — съ другой въ то же время шведскіе уполномоченные; лѣтомъ же можно поставить съ обѣихъ концовъ по намету [1], такимъ образомъ съ обѣихъ сторонъ будетъ равенство, всякій будетъ сидѣть въ своемъ наметѣ или камерѣ, безъ всякаго спора о предсѣдательствѣ. Надобно вамъ стараться, чтобы шведы согласились

---

[1] Наметъ — палатка, шатеръ.

на это и съѣздъ состоялся безъ потери времени, ибо уже время къ военному походу приближается».

Переговоры начались только 12 мая, и скоро стало ясно, что едва ли они приведутъ къ чему-нибудь, такъ какъ Герцъ не объявилъ королю условій мира и мирными переговорами хотѣлъ только протянуть время и избавить Швецію отъ приготовлявшагося дессанта русскихъ войскъ. Изъ-за этого происходили «непомѣрныя» затрудненія: шведскіе уполномоченные объявили, что миръ не состоится, если предварительно не будетъ положено о возвращеніи Эстляндіи и Лифляндіи королю, а Остерманъ и Брюсъ отвѣтили, что миръ не состоится, если предварительно не будетъ положено, что Эстляндія и Лифляндія останутся за Россіей. Казалось, что не о чемъ было и разговаривать болѣе, но шведскіе уполномоченные дѣлали одну уступку за другой, и наконецъ предложили эквивалентъ, т. е. замѣну уступленныхъ земель и провинцій другими землями. Тогда возникъ вопросъ, какъ и гдѣ можно дать имъ этотъ эквивалентъ. Царь готовъ былъ искать его общими силами въ земляхъ ганноверскихъ, но на предложеніе взять что-нибудь отъ Даніи или Пруссіи отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ. Тогда Остерманъ и Герцъ уѣхали съ Аланда каждый къ своему государю, чтобы привести дѣло къ доброму «докончанію».

Замедленіе дѣлъ на Аландскомъ конгрессѣ.

Всѣ преимущества однако были на сторонѣ царя, который могъ выдвинуть противъ Швеціи огромныя войска и внушительный флотъ, тогда какъ Карлъ напрягалъ послѣднія силы своей страны для трудной войны съ Норвегіей. Споръ затягивался, Герцъ два раза ѣздилъ къ королю, выпрашивая новыхъ уступокъ, два раза возвращался на Аландъ, чтобы добиться уступокъ со стороны царя. Король и царь оказывали другъ другу взаимныя любезности. Когда же царь обѣщалъ выдать Швеціи 200,000 рублей выкупа за Остзейскія провинціи, а по заключеніи мира вступить въ союзъ съ королемъ, Карлъ далъ знать, что соглашается на миръ. Герцъ, торжествующій, отправился къ королю за ратификаціей, т. е. подписаніемъ договора, говоря, что вернется на конгрессъ не позже, какъ черезъ двѣ недѣли. Все предвѣщало близкій счастливый конецъ; два недавніе врага — Карлъ и Петръ готовы были вступить въ союзъ, союзъ опасный для Европы, предвѣщавшій большія перемѣны во всемъ строѣ европейскихъ государствъ. Все давало надежды на прочный и выгодный миръ. Но тутъ «съ запрещеніемъ явилась смерть», и всѣ хитросплетенные расчеты человѣческіе разлетѣлись въ прахъ.

Смерть Карла.

30 ноября 1718 года Карлъ былъ убитъ. Въ сентябрѣ 1718 года онъ вторгся въ Норвегію и осадилъ городъ Фридрихсгамъ, служившій

ключемъ къ столицѣ Христіаніи. Шведамъ приходилось терпѣть величайшія бѣдствія, но король былъ съ ними, дѣлилъ всѣ ихъ лишенія, какъ будто тѣшился опасностями, и своимъ удальствомъ поддерживалъ во всѣхъ отвагу и бодрость. Солдаты его мерзли въ траншеяхъ, и онъ ложился прямо на землю, завернувшись только въ свой походный плащъ; солдаты его питались плохо, и онъ ѣлъ только хлѣбъ, пилъ только воду, отдавая вино и мясо слабымъ больнымъ. Какъ же было солдатамъ не любить своего вождя-героя? Они обожали его, но 30 ноября этого героя не стало! Въ этотъ день, въ 9 часу вечера, Карлъ пріѣхалъ на одно изъ осадныхъ укрѣпленій и приказалъ произвести передѣлки, а самъ наклонился къ парапету (т. е. къ краю) и сталъ смотрѣть на непріятельскіе бастіоны, откуда безпрестанно посылались ядра. Ночь была морозная, темная, звѣзды ярко блестѣли, а мглу на землѣ прорѣзывали только огни непріятельскихъ выстрѣловъ. Король, всегда безстрашный, высунувшись, смотрѣлъ на непріятельскія укрѣпленія, и никто не смѣлъ даже напомнить ему объ опасности, такъ какъ всѣ знали, что никакихъ совѣтовъ онъ не послушается. Свита была занята разговорами, какъ вдругъ начальникъ осадныхъ работъ, французъ Мегре, замѣтилъ, что король какъ-то странно отклонился на парапетѣ. Бросились къ королю и остановились въ ужасѣ — онъ былъ уже мертвъ. Пуля ударила въ високъ и вышла на вылетъ черезъ глазъ, одинъ глазъ его ввалился, другой почти выскочилъ. Умирая, король удержался на ногахъ, а рука его закостенѣла на эфесѣ шпаги. «Вотъ и кончилась комедія!» — воскликнулъ чужеземецъ Мегре, но скорбь шведовъ, настоящихъ сподвижниковъ короля, была неописуема. Приказано было скрыть отъ солдатъ смерть Карла, именемъ котораго еще нѣсколько дней распоряжались его приближенные. Именемъ короля эти приближенные, ненавидѣвшіе Герца, приказали схватить уполномоченнаго министра и заключили его въ крѣпость. Настало смутное время для Швеціи.

Политическія партіи въ Швеціи.

Въ Швеціи еще при жизни Карла XII по вопросу о престолонаслѣдіи возникли двѣ партіи: одна желала возведенія на престолъ сестры короля, Ульрики Элеоноры, и вмѣстѣ съ ней мужа ея, принца Фридриха Гессенъ-Кассельскаго, — другая — племянника его, Фридриха Гольштинскаго. Карлъ съ одинаковой любезностью относился и къ сестрѣ и къ племяннику, не затрагивая вопроса о престолонаслѣдіи, а когда представители партій упрекали его въ этомъ и указывали ему на необходимость назначить наслѣдника, онъ съ обычной безпечностью отвѣчалъ: «Всегда сыщется голова, которой придется впору шведская корона. Довольно съ меня держать въ повиновеніи народъ, пока я живъ. Могу ли

я надѣяться, что онъ будетъ мнѣ послушенъ и послѣ моей смерти?» Въ нѣкоторомъ отношеніи король былъ правъ, такъ какъ рядомъ съ гессенъ-кассельской и гольштинской партіей выростала еще третья партія — либеральная, которая желала ограниченія королевской власти. Эта партія быстро росла и развивалась, такъ какъ безцеремонное обращеніе Карла и Герца съ имуществомъ и даже съ жизнью шведовъ заставило не только дворянство, но и всѣхъ сколько-нибудь образованныхъ людей желать ограниченія власти. Либераламъ было очень выгодно соперничество

(Картина Г. О. Цедештрема.)

Перенесеніе останковъ Карла черезъ норвежскую границу.

между гессенской и гольштинской партіей, такъ какъ они предвидѣли, что для достиженія престола соперники готовы будутъ отказаться отъ самодержавія. Ихъ предположенія оправдались. Молодой герцогъ гольштинскій не успѣлъ воспользоваться первыми минутами послѣ смерти короля, не успѣлъ привлечь на свою сторону войско и заставить провозгласить себя королемъ; тетка его, Ульрика Элеонора поспѣшила перехватить у него корону и, можно сказать, купила ее у сената, давъ согласіе на ограниченіе королевской власти.

Извѣстіе о смерти короля.

Наши уполномоченные на Аландскомъ конгрессѣ 14 декабря узнали, что 7 числа изъ Норвегіи въ Стокгольмъ прискакалъ гонецъ съ какой-то

вѣстью, послѣ которой Герцъ, всѣ приверженцы его и самъ герцогъ гольштинскій были арестованы. Но долго наши не могли провѣдать ничего больше, такъ какъ шведы тщательно скрывали горестное событіе. Наконецъ, 23 декабря на Аландъ пришло извѣстіе о смерти короля. Царь, узнавъ объ этомъ, воскликнулъ съ искреннимъ огорченіемъ: «Какъ мнѣ жаль тебя, братъ мой Карлъ». Почтивъ этимъ восклицаніемъ память своего соперника, царь былъ искрененъ, какъ всегда; въ умѣ его должна была пройти яркая картина всего пережитого съ 1700 года: и чувство торжества побѣдителя, и сознаніе бренности всего земного, а затѣмъ горькое сознаніе, что при видимомъ достиженіи цѣли опять уничтожено все сдѣланное и опять все надо вести съ начала. Царь такъ хорошо зналъ людей, что отлично понималъ невозможность заключенія мира при перемѣнѣ правительства въ Швеціи, при ненависти, которая существовала тамъ къ Герцу — главному дѣятелю и виновнику Аландскаго конгресса. Смерть Карла была послѣдней каплей горести, которой такъ много было испытано Петромъ въ 1718 году.

Глава XXIV.

Окончаніе Великой Сѣверной войны.

Спокойствіе и твердость царя. — Казнь Герца. — Болѣзнь царя и лѣченіе его на Кончезерскихъ водахъ. — Возобновленіе Аландскаго конгресса. — Смерть царевича Петра и отчаяніе царя. — Распаденіе Сѣвернаго союза. — Высадка русскихъ въ Швеціи. — Союзъ европейскихъ державъ противъ Петра. — Разумная дипломатія царя. — Неустрашимость его передъ союзомъ всей Европы. — Военныя дѣйствія 1720 года. — Результаты рѣшительныхъ дѣйствій Петра. — Пріѣздъ въ Россію герцога гольштинскаго. — Начало конгресса въ Ништадтѣ. — Заключеніе мира и его условія. — Объявленіе мира въ Петербургѣ. — Принятіе царемъ титула императора. — Празднованіе мира въ Москвѣ.

Спокойствіе и твердость царя.

Для Карла все было кончено, а для царя все еще продолжалась комедія мелкихъ интригъ и препирательствъ со стороны его недавнихъ союзниковъ. Ему грозили общеевропейскимъ союзомъ противъ него и войною на сушѣ и на морѣ, такъ что, казалось, должны были погибнуть всѣ плоды его непомѣрныхъ трудовъ... Но онъ «остался твердъ, спокоенъ и угрюмъ»; онъ не отступилъ ни на шагъ отъ своихъ требованій въ пользу Россіи, и — «вкругъ него волненья пали»... и — участь Швеціи была рѣшена.

Казнь Герца.

Тотчасъ по смерти короля, когда кончину его еще скрывали отъ народа и войска, именемъ королевскимъ Герцъ былъ арестованъ и вскорѣ, обвиненный въ измѣнѣ королю за желаніе заключить миръ съ Петромъ, приговоренъ былъ къ казни.

Царь зналъ объ этой казни, понималъ, что изъ-за одной ненависти къ Герцу всѣ враги его постараются вести политику какъ разъ противоположную политикѣ своего погибшаго врага, поэтому онъ отдалъ приказъ готовить войска и флотъ къ выступленію въ походъ, далъ подробныя инструкціи о движеніи войскъ и послѣ этого поѣхалъ лѣчиться на вновь открытыя цѣлебныя Кончезерскія воды на Олонцѣ.

Болѣзнь царя и лѣченіе на Кончезерскихъ водахъ.

Давно потрясенныя силы его требовали подкрѣпленія, но ѣхать за границу въ Спа или Пирмонтъ послѣ пережитой трагедіи съ сыномъ ему не хотѣлось, и онъ откладывалъ поѣздку со дня на день, что очень вредило его здоровью. Вдругъ въ концѣ 1718 года онъ былъ обрадованъ извѣстіемъ, что близъ Кончезерскихъ заводовъ, недалеко отъ его Петровскихъ заводовъ, открытъ источникъ цѣлебной воды, по изслѣдованіи которой оказалось, что она по своимъ свойствамъ нисколько не уступаетъ лучшимъ водамъ въ Спа. Тотчасъ приказано было построить дворецъ, т. е. попросту немудреный домъ, и 19 января 1719 года Петръ выѣхалъ для пользованія водами. Онъ оставался въ Кончезерскѣ безъ малаго два мѣсяца, пользуясь водами, которыя принесли ему несомнѣнную пользу. Во время пребыванія на водахъ царь не оставлялъ своихъ обычныхъ занятій и работалъ такъ, какъ будто отдыхъ не для него былъ созданъ.

Возобновленіе Аландскаго конгресса.

Мысль о продолженіи войны съ Швеціей особенно заботила царя, такъ какъ дѣла на Аландскомъ конгрессѣ ни на шагъ не подвигались, а до выясненія дѣлъ тамъ нельзя было приниматься за военныя дѣйствія. Только въ февралѣ прислана была «извѣстительная» грамота о вступленіи на престолъ Ульрики Элеоноры. Государь послалъ молодого Лефорта (сына своего прежняго друга) поздравить ее со вступленіемъ на престолъ и увѣрить, что «царь истинную склонность имѣетъ прекратить настоящую войну благополучнымъ и постояннымъ миромъ», но требуетъ, чтобы новый представитель Швеціи — Лиліенштетъ былъ скорѣе посланъ на Аландъ, такъ какъ иначе царю придется принять свои мѣры къ скорѣйшему окончанію дѣла.

Королева была очень любезна къ нашему посланнику, но министры объявили, что чины государственные положили, что они скорѣе готовы все потерять, чѣмъ учинить миръ «непристойный и безчестный», а такимъ они считали миръ, проектированный Герцемъ.

Шведскіе уполномоченные, пріѣхавшіе на Аландъ въ началѣ апрѣля, потребовали возвращенія Лифляндіи съ Ригой, Эстляндіи съ Ревелемъ, говоря, что «лучше съ Россіей остаться въ войнѣ, чѣмъ уступить такія провинціи, которыя шведскому королевству служатъ хлѣбными амбарами», что лучше для заключенія мира съ другими непріятелями потерять нѣмецкія провинціи, отъ которыхъ нѣтъ никакой выгоды, а продолжать съ Россіей оборонительную войну.

Смерть царевича Петра и отчаяніе царя.

Эти споры огорчали царя, но были ничтожны передъ тѣмъ горемъ, которое пришлось еще испытать ему: 25 апрѣля 1719 года на 4 году отъ рожденія скончался его любимецъ, его милый «шишечка», его сокровище безцѣнное — царевичъ Петръ. По однимъ извѣстіямъ это

былъ прелестный, даровитый, многообѣщающій ребенокъ, который радовалъ отца своимъ раннимъ развитіемъ и способностями; по другимъ (но надо сказать — враждебнымъ) описаніямъ — это былъ вѣчно больной, вѣчно страдавшій ребенокъ, который не жилъ, а только прозябалъ, искусственно поддерживаемый лѣкарствами. Какъ бы то ни было, смерть его была тяжелымъ ударомъ для отца и матери. Петръ былъ безутѣшенъ. Онъ не могъ справиться съ собой и со своимъ горемъ, онъ не хотѣлъ никого видѣть, не хотѣлъ даже работать — заперся въ своей токарнѣ и нѣсколько дней, отказываясь отъ питья, пищи и сна, оставался одинъ, не допуская къ себѣ даже Екатерину. Чего-чего не передумалъ, не пережилъ тутъ великій человѣкъ! Тоска о Петрѣ соединялась въ немъ съ тоской по Алексѣѣ; мысль о несчастномъ сынѣ, упреки совѣсти за отреченіе отъ этого сына смѣшивались съ глубокимъ горемъ о потерѣ Петра, ради котораго онъ забывалъ старшаго сына.

Великій человѣкъ, учившій «мертвое оставя паки о живомъ думать» — не хотѣлъ слышать, не хотѣлъ знать этого живого, — все ему опостылѣло, онъ самъ хотѣлъ умереть. Всѣ были смущены этимъ, всѣ «аки слѣпые» не знали, что предпринять, такъ какъ и просьбы царицы не дѣйствовали. Тогда, разсказываютъ, Меншиковъ рѣшился на геройское средство: онъ съ нѣсколькими сановниками отправился къ дверямъ токарни и, когда на стукъ и просьбы не было отвѣта, — повелительно воскликнулъ: «Петръ Михайловъ! Именемъ закона — отвори!» Имя закона подѣйствовало. Двери были открыты, и на порогѣ показался царь, до того измѣнившійся, что многіе со страхомъ отступили. Вмѣсто бодраго и мужественнаго человѣка передъ ними былъ сгорбленный старикъ, съ осунувшимся лицомъ, съ небритой бородой, потускнѣвшими глазами; старикъ, готовый опять затвориться отъ всѣхъ дѣлъ и обязанностей, взбѣшенный тѣмъ, что ему мѣшаютъ сдѣлать это. Но Меншиковъ недаромъ былъ любимцемъ царя — въ немъ сказывалось иногда удивительное благородное безстрашіе. Не убоявшись царскаго гнѣва, онъ смѣло приступилъ къ царю не съ утѣшеніями и соболѣзнованіями, а съ требованіемъ дѣла. Онъ требовалъ, чтобы Петръ Михайловъ работалъ, потому что дѣло ждетъ, потому что нужны рѣшенія на запросы министровъ, на дѣло Аландскаго конгресса. Напоминаніе о дѣлѣ, о долгѣ подѣйствовало: царь принялся за работу, хотя съ великимъ напряженіемъ, хотя съ великимъ трудомъ отрываясь отъ своей скорби.

Распаденіе Сѣвернаго союза.

Въ это время стали приходить со всѣхъ концовъ извѣстія, что бывшіе союзники царя измѣняютъ ему окончательно, что прусскій уполномоченный Мардефельдтъ отозванъ въ Стокгольмъ, чтобы тамъ всту-

пить въ отдѣльные переговоры о мирѣ, что кесарь, Августъ Саксонскій и Георгъ, король англійскій, вступили въ тѣсный союзъ противъ царя, подстрекая противъ него турецкаго султана; что королевѣ Элеонорѣ всѣ предлагаютъ помощь противъ «сѣвернаго медвѣдя» — и деньгами, и флотомъ, и войскомъ. Наши уполномоченные писали, что только «сильное дѣйство» можетъ принудить шведовъ къ миру. Дѣйствовать было необходимо, и царь послалъ на конгрессъ новаго уполномоченнаго, Ягужинскаго, съ требованіемъ торопить миромъ и съ предложеніемъ — или уплатить за Лифляндію 2.000,000 рублей или отдать ее России на временное пользованіе лѣтъ на 40 или даже на 30, при чемъ царь прибавилъ: «Скажи имъ, что я медлить не стану, и если они заспорятъ, пришлю въ Швецію 40,000 уполномоченныхъ, которые огнемъ и мечомъ подтвердятъ мои требованія».

Высадка русскихъ въ Швеціи.

Угроза не подѣйствовала. Министры упорствовали, такъ какъ надѣялись на помощь англійскаго короля Георга; тогда царь нашелъ необходимымъ показать, что онъ не боится никакихъ угрозъ, никакихъ союзовъ противъ себя. Въ концѣ мая уже начались наши военныя дѣйствія противъ Швеціи, и любимецъ царя, товарищъ его по работѣ на Переяславскомъ озерѣ и въ Голландіи «корабельныхъ дѣлъ мостильщикъ» — Скляевъ — взялъ въ плѣнъ нѣсколько шведскихъ кораблей. Въ іюлѣ мѣсяцѣ русскій флотъ подошелъ къ берегамъ Швеціи, и русскія войска подъ начальствомъ Ласси опустошили берега почти до Стокгольма, при чемъ погибло 2 города, 135 деревень, 40 мельницъ и 9 заводовъ. Войска двинулись уже къ самому Стокгольму, но царь, прекративъ кровопролитіе и опустошеніе, приказалъ распространять въ Швеціи свой манифестъ о томъ, что сдѣлалъ свое нападеніе только въ видѣ угрозы для скорѣйшаго окончанія дѣла, что онъ хочетъ и ждетъ мира. Конечно, такой манифестъ не могъ успокоить умы въ Швеціи, не могъ расположить шведовъ къ миру съ русскими варварами, а между тѣмъ царь, надѣясь, что его страшная угроза приведетъ къ желаннымъ уступкамъ, послалъ Остермана подъ бѣлымъ флагомъ въ Стокгольмъ для мирныхъ переговоровъ. Это не привело ни къ чему. Королева въ «жестокихъ терминахъ» заявила Остерману, что въ то время, какъ онъ является съ мирными предложеніями, русскія войска жгутъ дома и деревни близъ Стокгольма, что такіе поступки не могутъ назваться дружественными, и если у нея и ея народа была склонность къ миру, то теперь она исчезла. Весь шведскій народъ былъ противъ примиренія съ Россіей, потому что всѣ ужасы пережитого и переживаемаго униженія приписывали (и совершенно справедливо) русскому царю; всѣ были воодушевлены мыслью

отомстить ему за перенесенное и готовы были сдѣлать всевозможныя уступки другимъ участникамъ Сѣвернаго союза, чтобы только не уступить Петру.

Легко понять, что продолженіе аландскихъ переговоровъ не могло привести ни къ какому результату. Въ сентябрѣ всѣ уполномоченные разъѣхались, не придя ни къ какому рѣшенію, и царь принужденъ былъ готовиться къ новымъ военнымъ дѣйствіямъ, а его недавніе союзники спѣшили воспользоваться общимъ настроеніемъ умовъ въ Швеціи, и всѣ заключили отдѣльные договоры съ королевой.

Союзъ европейскихъ державъ противъ Петра.

Въ ноябрѣ 1719 года заключенъ былъ договоръ съ англійскимъ королемъ Георгомъ, по которому онъ получилъ Бременъ и Верденъ съ ихъ округами, а взамѣнъ этого обѣщалъ выплатить милліонъ талеровъ, выслать сильный флотъ и не менѣе 6,000 войска, чтобы дѣйствовать сообща противъ царя Московскаго и этимъ принудить его къ принятію условій справедливаго мира.

Вѣроломный Августъ Саксонскій вступилъ со Швеціей въ тайный договоръ, по которому обѣщалъ оказать Швеціи всякую помощь, «дабы привести въ надлежащіе предѣлы могущество русскаго царя». Въ началѣ 1720 года къ этому союзу примкнулъ, но уже открыто, король прусскій Фридрихъ. Получивъ за 2.000,000 талеровъ городъ Штетинъ съ огромнымъ округомъ, онъ обѣщалъ «употребить стараніе и всевозможные способы склонить всѣхъ враговъ Швеціи на заключеніе справедливаго и прочнаго мира». Наконецъ, отъ союза съ царемъ отстала и Данія, которая въ обмѣнъ за будущее утвержденіе за ней Гольштиніи отдала Швеціи Штральзундъ и обязалась «ни прямымъ, ни окольнымъ образомъ, ни совѣтами, ни дѣйствами не помогать царю Московскому».

Разумная дипломатія царя.

Такимъ образомъ Петръ остался одинъ противъ союза всей Европы. Малѣйшее колебаніе съ его стороны, малѣйшее выраженіе страха — и все было бы испорчено; но въ это время онъ обнаружилъ такія же удивительныя дипломатическія способности, какъ въ первое время войны — таланты военные.

Съ Турціей онъ утвердилъ вѣчный миръ; относительно кесаря держалъ себя строго независимо и на высылку нашего резидента (посланника) изъ Вѣны отвѣтилъ высылкою іезуитовъ изъ Россіи; короля прусскаго и датскаго онъ не только не упрекалъ въ ихъ отдаленіи отъ союза, но, поддерживая съ ними дружескія отношенія, говорилъ: «Всякій о своемъ государствѣ радѣть долженъ». Только противъ Георга и Августа онъ дѣйствовалъ враждебно. Въ Англіи нашъ уполномоченный разъяснилъ членамъ парламента, что изъ своихъ корыстныхъ видовъ ганно-

верскіе министры ссорятъ Россію и Пруссію съ Англіей, указалъ убыточность этихъ происковъ для англійской торговли и добился того, что въ парламентѣ образовалась сильная партія противъ ганноверскихъ министровъ.

Въ Польшѣ царь поддерживалъ конституціонный порядокъ и даже возбудилъ негодованіе поляковъ противъ короля, раскрывъ замыслы Августа — сдѣлать свой тронъ наслѣдственнымъ.

Съ Даніей царь не прерывалъ дружескихъ сношеній, не упрекалъ короля за сепаратный миръ, но на требованіе Даніи утвердить за ней Гольштинію, уступленную Швеціей, отвѣчалъ, что королева шведская не имѣла права на такую уступку, что онъ, царь, не потерпитъ такого наглаго хищенія и будетъ стоять за герцога гольштинскаго.

Рѣшительно дѣйствовалъ царь и въ отношеніи Георга. Когда въ 1719 году адмиралъ Норрисъ съ сильнымъ флотомъ вошелъ въ Рижскій заливъ и потребовалъ отъ имени короля, чтобы съ нимъ вступили въ переговоры о заключеніи мира со Швеціей, ему рѣшительно отказали въ этомъ, объявивъ, что для переговоровъ есть иной путь — черезъ посланниковъ, а никакъ не путь угрозъ, которыхъ царь русскій не боится.

Неустрашимость его передъ союзомъ всей Европы.

Зная почти о всеобщемъ союзѣ европейскихъ державъ противъ Россіи, Петръ тѣмъ не менѣе безстрашно готовился къ новымъ военнымъ дѣйствіямъ въ Швеціи. Послѣ усиленныхъ занятій по вооруженію флота и арміи онъ отправился въ концѣ февраля 1720 года на Кончезерскія воды, гдѣ пробылъ почти мѣсяцъ и очень поправился.

Между тѣмъ враги Россіи не дремали; въ началѣ апрѣля огромный англійскій флотъ изъ 53 кораблей появился въ Балтійскихъ водахъ и, готовясь къ соединенію со шведскимъ флотомъ, сталъ крейсировать въ виду Ревеля, угрожая нашимъ кораблямъ. Петръ, хорошо укрѣпившій свои пограничныя морскія крѣпости, не боялся угрозъ, а только отдалъ строгій приказъ не принимать отъ командира флота никакихъ бумагъ и ни подъ какимъ видомъ не вступать въ битву съ англійскимъ флотомъ. Норрисъ опять прислалъ письма царскому посланнику въ Копенгагенъ и комендантамъ городовъ Ревеля и Риги, но письма были возвращены нераспечатанными.

Царь готовился къ новой высадкѣ на берегахъ Швеціи. Но въ началѣ мая въ Петербургъ пріѣхалъ изъ Стокгольма посолъ Марксъ съ извѣстительной грамотой о вступленіи на шведскій престолъ мужа Ульрики Элеоноры, принца Гессенъ-Кассельскаго, Фридриха, который предлагалъ царю перемиріе для дальнѣйшихъ переговоровъ объ условіяхъ мира. Царь принялъ Маркса съ большой лаской, но отвѣчалъ, что условія мира уже извѣстны шведскому королю и ему остается только утвер-

дить ихъ, а онъ, царь, измѣнять своихъ условій не будетъ. Марксъ просилъ не начинать военныхъ дѣйствій, но царь возразилъ, что онъ, напротивъ, начнетъ ихъ скоро, такъ какъ нужно покончить дѣло. Тогда посланникъ осторожно указалъ на силы англійскаго флота и намекнулъ, что англичане появились на Балтійскомъ морѣ съ цѣлью помочь Швеціи. «Милости просимъ, я готовъ встрѣтить ихъ», безстрашно отвѣчалъ царь и при томъ очень любезно пригласилъ посланника проѣхаться съ нимъ въ Кроншлотъ. Тамъ Петръ показалъ ему свой флотъ, готовый къ отплытію, показалъ всѣ укрѣпленія и, смѣясь, сказалъ: «Теперь вамъ не для чего присылать сюда шпіоновъ. Посланникъ все самъ видѣлъ». Посланникъ дѣйствительно все видѣлъ: и флотъ, и силу укрѣпленій, а главное, — хладнокровную, строго обдуманную рѣшимость царя; онъ вернулся домой, очень мало утѣшенный всѣмъ видѣннымъ.

Черезъ нѣсколько времени явился въ Петербургъ французскій посланникъ при шведскомъ дворѣ, Кампредонъ, предлагая свое посредничество, но царь попрежнему спокойно отвѣчалъ, что кромѣ Финляндіи онъ ничего не уступитъ и, не видя со стороны Швеціи никакихъ стремленій къ миру, открываетъ военныя дѣйствія.

Военныя дѣйствія 1720 года.

Военныя дѣйствія открылись въ виду грознаго англійскаго флота. Наши войска вторглись въ Швецію, взяли два города, сожгли нѣсколько деревень и значительно углубились внутрь страны. Король Фридрихъ послалъ къ Норрису, прося защиты и помощи, но англійскій адмиралъ отвѣтилъ, что онъ не уполномоченъ къ открытію военныхъ дѣйствій, что посланъ только для устрашенія и наблюденія за дѣйствіями царя. Тогда несчастные шведы поняли, чего стоятъ ихъ союзники, поняли, что дорогою уступкою Вердена и Бремена они ничего не достигли, что должны одинъ на одинъ бороться съ русскимъ медвѣдемъ; тогда только мало-помалу общественное мнѣніе стало склоняться къ миру съ Россіею.

Въ іюлѣ князь Голицынъ одержалъ блестящую побѣду на морѣ. Шведы принуждены были бѣжать, и 4 фрегата со ста четырьмя пушками достались намъ. Извѣщая Меншикова объ этомъ, царь писалъ: «Мы одержали викторію въ глазахъ англичанъ, которые взялись оборонять Швецію и флотъ шведскій, и не могли ихъ оборонить нимало». Шведы сознали вѣроломство союзниковъ, поняли свою слабость, невозможность борьбы съ Россіей и готовы были къ миру, отъ котораго такъ гордо и рѣшительно отказывались за два года передъ тѣмъ.

Результаты рѣшительныхъ дѣйствій Петра.

Петръ увѣреннѣе прежняго смотрѣлъ на будущее, рѣшительнѣе прежняго говорилъ съ друзьями и врагами. Онъ велъ переговоры о бракѣ дочери своей Елизаветы съ королемъ французскимъ; далъ условное со-

гласіе на бракъ своей дочери Анны съ герцогомъ гольштинскимъ, объявилъ, что постарается возвратить юному герцогу его наслѣдственныя владѣнія и даже утвердить за нимъ наслѣдіе шведскаго престола. Въ Даніи перепугались, и король прислалъ въ Россію своего посла сказать, что Гольштинію онъ не отдастъ и что никогда не думалъ видѣть друга и союзника въ родствѣ съ врагомъ своимъ. На это царь насмѣшливо, но рѣшительно отвѣтилъ: «Странно, что врагомъ называетъ король датскій своего ближайшаго родственника и увѣряетъ меня въ дружбѣ, заключивъ союзъ со шведами! Супружество дѣло не преступное, и если я выдаю дочь мою за герцога, то моя въ томъ воля и дѣло домашнее. Датскому королю здѣсь вмѣшиваться не для чего, а если онъ хочетъ похищенное имъ защищать оружіемъ — также его воля. Мы увидимъ, кто проиграетъ!»

Вслѣдъ за этимъ, въ январѣ 1721 года царь пригласилъ герцога гольштинскаго къ себѣ въ Россію. Въ то же время пріѣхалъ въ Петербургъ шведскій уполномоченный съ извѣстіемъ о томъ, что король желаетъ начать переговоры о мирѣ и проситъ назначить мѣсто для конгресса. Царь выбралъ городъ Ништадтъ, но заявилъ, что до заключенія мира не считаетъ возможнымъ прекратить войну, и такимъ образомъ оставилъ за собою свободу дѣйствій.

Пріѣздъ въ Россію герцога гольштинскаго.

16 марта пріѣхалъ въ Ригу герцогъ гольштинскій. Государь выѣхалъ ему навстрѣчу, привѣтствовалъ его очень ласково и устроилъ въ честь него рядъ блестящихъ празднествъ. Въ Ригѣ царь прожилъ до половины мая и удивлялъ всѣхъ простотою своего обращенія: онъ безъ всякой свиты гулялъ по городу, посѣщалъ мастеровыхъ и мастерскія, разъ самъ разнималъ на улицѣ драку пьяныхъ горожанъ; а когда случился пожаръ великолѣпной рижской церкви, то принялъ самое дѣятельное участіе въ тушеніи его. Всѣ усилія спасти церковь оказались напрасными, удалось отстоять только сосѣднія зданія, а церковь сгорѣла. Тогда царь велѣлъ возобновить ее на свой счетъ и пожертвовалъ на пріобрѣтеніе новаго органа 5,000 талеровъ, что не могло не тронуть сердца протестантовъ — его новыхъ подданныхъ. Изъ Риги государь со своимъ высокимъ гостемъ проѣхалъ въ Ревель и тамъ былъ очень обрадованъ, что садъ, устроенный по его плану въ 1711 году и названный въ честь Катеринушки — Екатериненталемъ — великолѣпно разроссся. Но, съ восторгомъ прогуливаясь по прекраснымъ аллеямъ, любуясь прелестнымъ расположеніемъ куртинъ, надъ распланированіемъ которыхъ самъ когда-то работалъ, онъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что въ саду нѣтъ гуляющихъ. На запросъ о причинѣ этого онъ получилъ отвѣтъ, что паркъ считаютъ царскимъ и никого не пускаютъ, для чего и поставлены караульные

солдаты при всѣхъ воротахъ. Царь и удивился, и разсердился на такое распоряженіе ревельскихъ властей и тотчасъ далъ распоряженіе, чтобы садъ былъ открытъ для всѣхъ, говоря: «Неужели же для себя только, а не для всѣхъ устраивалъ я все это и насаждалъ деревья — даръ Божій».

Въ день празднованія «преславной викторіи», т. е. Полтавской побѣды, 27 іюня, герцогъ гольштинскій пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ былъ принятъ какъ родственникъ и будущій зять, что пугало и датчанъ и шведовъ.

Начало конгресса въ Ништадтѣ.

28 апрѣля начался конгрессъ въ Ништадтѣ, и опять шведы начали съ прежняго вопроса объ условіяхъ мира, на что Брюсъ и Остерманъ отвѣчали, что условія эти давно извѣстны и никакихъ другихъ условій царь русскій не приметъ. Тогда начался торгъ за каждый городъ, требуемый царемъ; англійскій флотъ снова появился въ Балтійскомъ морѣ, но это угрожающее движеніе англичанъ только раздражило царя, и онъ повелѣлъ сдѣлать новую высадку на шведскіе берега. Снова началась опустошительная война; тогда шведскіе уполномоченные стали уступчивѣе, прося прекратить военныя дѣйствія.

Военныя дѣйствія были прекращены. Шведы сдѣлали многія уступки, только желали удержать Выборгъ, говоря, что «онъ ключъ къ Финляндіи, что если онъ останется въ рукахъ Россіи, то вся Финляндія будетъ всегда въ волѣ царскаго величества». Наконецъ уполномоченные уступили и Выборгъ, спорили только объ округѣ его и о невмѣшательствѣ царя во внутреннія дѣла Швеціи по вопросу о престолонаслѣдіи герцога гольштинскаго. Объ этомъ Брюсъ и Остерманъ прислали свое «разсужденіе» и писали: «мира всѣ очень желаютъ, но при его заключеніи всѣ хотятъ поставить, чтобы царское величество не вступался въ домашнее дѣло Швеціи, и не думаемъ, чтобъ отъ этого условія отстали, это фундаментъ мирнаго договора».

Царю было бы гораздо пріятнѣе выдать дочь за наслѣдника шведскаго престола, чѣмъ за герцога маленькой Гольштиніи, но ради пользы государственной онъ, конечно, пожертвовалъ интересами личными и только поручилъ своимъ уполномоченнымъ «одинъ изъ пунктовъ договора такъ изобразить, чтобы и королю Фридриху нельзя было искать наслѣдства своимъ дѣтямъ». Царь торопилъ съ окончаніемъ дѣла и въ нетерпѣніи своемъ едва самъ не испортилъ его. Онъ послалъ Ягужинскаго съ приказомъ уступить Шведамъ Выборгъ съ округомъ и даже согласиться на временное владѣніе Лифляндіей, что сильно повредило бы его торжеству. Къ счастью, умный Остерманъ, догадываясь, съ чѣмъ ѣдетъ посланецъ, сдѣлалъ распоряженіе задержать Ягужинскаго по дорогѣ веселой

пирушкой, а самъ сообщилъ шведскимъ уполномоченнымъ, что царь шлетъ повелѣніе о прекращеніи переговоровъ. Эта угроза такъ испугала шведовъ, что они поспѣшили съ рѣшеніемъ дѣла, и 30 августа 1721 года былъ подписанъ мирный договоръ, вознаградившій Петра за всѣ труды и заботы долгой, тяжелой войны.

Заключеніе мира и его условія.

Условія мира были самыя выгодныя для Россіи: шведы уступили Россійскому государству въ вѣчныя времена Лифляндію съ Ригою, Эстляндію съ Ревелемъ, Ингрію съ Шлиссельбургомъ, часть Финляндіи съ Выборгомъ и Корелію съ Кексгольмомъ и обѣщали свободу торговли русскимъ купцамъ. Царь обѣщалъ не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Швеціи, дать свободу вѣроисповѣданія жителямъ всѣхъ новопріобрѣтенныхъ владѣній и возвратить прежнимъ собственникамъ въ Лифляндіи, Эстляндіи, Нарвѣ и Выборгѣ конфискованные во время войны земли и дома. За уступку Риги царь обѣщалъ уплатить 2.000,000 рублей въ 4 срока, и оба государства обязались размѣняться плѣнными.

Отправивши Ягужинскаго, царь не утерпѣлъ и самъ поѣхалъ въ Выборгъ, но 3 сентября, не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до Дубковъ, на Лисьемъ носу, увидѣлъ курьера, который привезъ ему подписанный мирный договоръ.

Какую радость, какое торжество почувствовалъ великій труженикъ при этой вѣсти, при сознаніи своего торжества — опредѣлить трудно.

Объявленіе мира въ Петербургѣ.

На другой же день въ легкой бригантинѣ[1] отправился царь въ Петербургъ и, какъ только въѣхали въ Неву, приказалъ палить изъ трехъ своихъ пушекъ и трубить въ трубы. Синодъ, Сенатъ, коллегіи, министры — всѣ пришли въ волненіе, всѣ понимали, что значитъ эта радостная пальба, эти торжественные звуки трубъ и барабановъ, всѣ давно знали о мирныхъ переговорахъ, съ трепетомъ ждали окончанія ихъ и поняли, что царь возвращается съ радостной вѣстью о мирѣ. Толпы народа, всѣ высшія духовныя и свѣтскія лица, всѣ полки въ парадныхъ мундирахъ ждали государя на Троицкой площади, а онъ, сіяющій, радостный, заглушая звуки трубъ, кричалъ: «Миръ, православные! Миръ!» Тотчасъ по прибытіи на площадь онъ поспѣшилъ на торжественное молебствіе въ Троицкій соборъ, гдѣ молился со слезами радости и пѣлъ вмѣстѣ съ пѣвчими. Во время молебствія успѣли приготовить возвышеніе на Троицкой площади, приготовили для народа бочки вина и пива. Царь вышелъ къ народу, поднялся на возвышеніе и, обращаясь ко всѣмъ, сказалъ: «Здравствуйте и благодарите Бога, православные, что толикую

[1] Бригантина — небольшое парусное судно.

долгую войну, которая 21 годъ продолжалась, всесильный Богъ прекратилъ и даровалъ намъ со Швецiею вѣчный счастливый миръ!» Сказавши это, Петръ взялъ ковшъ съ виномъ и выпилъ за здоровье народа, который плакалъ, съ восторгомъ и слезами восклицая: «Да здравствуетъ государь!» Съ крѣпости стрѣляли изъ пушекъ, полки, поставленные на площади, стрѣляли изъ ружей, люди въ умиленiи и радости цѣловались, какъ въ свѣтлый день праздника. Приближенные, зная, чѣмъ порадовать государя, въ тотъ же день просили его принять чинъ адмирала отъ краснаго флага» [1]. Въ тотъ же день по городу были разосланы особые герольды

Видъ Троицкаго собора, въ которомъ шелъ торжественный молебенъ по случаю заключенiя мира со шведами.

съ бѣлыми перевязями черезъ плечо, со знаменами и миртовыми вѣтвями, для возвѣщенiя радостной вѣсти о мирѣ. 10 сентября былъ устроенъ большой маскарадъ изъ 1,000 масокъ, который продолжался чуть не цѣлую недѣлю. Царь былъ веселъ, какъ мальчикъ, скакалъ и прыгалъ черезъ столы, забывая свои лѣта, всѣхъ одушевляя и заражая своимъ весельемъ, точно десятки лѣтъ трудовъ и печалей были сброшены съ плечъ, точно это былъ Петръ — юноша, Петръ — временъ Азовскихъ походовъ.

Принятiе царемъ титула императора.

Второе торжество было назначено на 22 октября (день освобожденiя Москвы отъ поляковъ въ 1612 году). 2 октября царь, прiѣхавъ въ Сенатъ, объявилъ, что въ знакъ благодарности за Божью милость даетъ прощенiе всѣмъ осужденнымъ преступникамъ и слагаетъ всѣ не-

[1] Адмиралъ отъ краснаго флага — вѣроятно, старшiй адмиралъ.

доимки, накопившіяся съ начала войны по 1718 годъ. Въ тотъ же день Сенатъ рѣшилъ поднести Петру титулъ: «Отца Отечества, Императора и Великаго». 22 октября царь со всѣми вельможами былъ у обѣдни, послѣ которой во всеуслышаніе былъ прочитанъ мирный договоръ. Ѳеофанъ Прокоповичъ сказалъ блестящую проповѣдь, въ которой перечислялъ всѣ великіе подвиги царя во время войны, подвиги, за которые онъ достоинъ назваться «Отцомъ Отечества, Императоромъ и Великимъ». Послѣ Ѳеофана выступилъ канцлеръ Головкинъ и сказалъ, что только

(Съ рисунка акад. и проф. А. І. Шарлемана.)
Москарадъ въ Москвѣ, въ февралѣ 1722 года, по случаю празднованія Ништадтскаго мира.

трудами царя Россія введена въ общество политическихъ народовъ, и потому они просятъ государя принять титулъ Отца Отечества, Петра Великаго, Императора Всероссійскаго. «Виватъ! [да здравствуетъ] Виватъ! виватъ Петръ Великій, Отецъ Отечества, Императоръ Всероссійскій!» Этотъ крикъ подхватили всѣ сенаторы и народъ, бывшій внутри и внѣ церкви. Раздался колокольный звонъ, звуки трубъ, литавровъ, барабановъ, громъ пушекъ и ружей. Когда общій шумъ нѣсколько смолкъ, новый императоръ новорожденной имперіи отвѣтилъ такъ, какъ могъ отвѣчать только онъ одинъ. Онъ сказалъ: «Надо благодарить Бога за дарованный миръ, но не ослабѣвать въ трудахъ и стараться о пользѣ общей внутри и внѣ, такъ какъ только тогда народъ получитъ облегченіе».

Такъ, ни въ минуты величайшихъ испытаній, ни въ минуты величайшей радости не забывалъ Петръ своего долга по отношенію къ своему народу и думалъ только о его пользѣ и его облегченіи! Для славы своего народа онъ принялъ титулъ императора Всероссійскаго — и родная страна не была отлучена отъ славы царя своего.

Послѣ церковнаго торжества всѣ послѣдовали за императоромъ въ Сенатъ, гдѣ былъ накрытъ обѣдъ на 1,000 человѣкъ. Присутствовавшимъ роздали медали, на которыхъ былъ изображенъ Ноевъ ковчегъ между Петербургомъ и Стокгольмомъ, надъ нимъ представленъ былъ голубь съ масляничной вѣтвью, а вдали въ видѣ радуги протягивалась надъ столицами Россіи и Швеціи надпись: «Союзомъ мира связуемы въ Ништадтѣ, послѣ потопа Сѣверной войны». На площадяхъ для народа были выставлены жареные быки, начиненные разной дичью, лежали груды калачей, баранокъ, пряниковъ, были устроены фонтаны пива и вина. Однимъ словомъ, веселье было всеобщее.

Празднованіе мира въ Москвѣ.

18 декабря новый императоръ Всероссійскій торжественно вступилъ въ древнюю столицу царей и въ Успенскомъ соборѣ торжественно благодарилъ Бога за окончаніе войны, даровавшей Россіи миръ и почетное мѣсто среди европейскихъ народовъ. Въ Москвѣ начались маскарады, фейерверки, иллюминаціи. Петръ былъ неистощимъ въ придумываніи разныхъ подробностей и мелочей этихъ празднествъ, какъ будто это было что-то серьезное, важное. Такъ, по московскимъ улицамъ прошелъ цѣлый флотъ: — суда были сдѣланы изъ тонкихъ досокъ и папки, но представляли настоящее подобіе кораблей, галеръ, фрегатовъ и т. п. Всѣ эти суда поставлены были на полозья, и тащили ихъ по московскимъ улицамъ самыя разнообразныя животныя — лошади, быки, коровы, свиньи, верблюды и даже медвѣди. Впереди всѣхъ везли раззолоченную галеру, гдѣ сидѣлъ самъ императоръ, генералы и посланники, потомъ слѣдовалъ большой фрегатъ съ мачтами и пушками, гдѣ матросы производили всѣ морскія эволюціи [1]: лазили на мачты, свертывали и развертывали паруса, офицеры производили команду, пушки палили салюты. Послѣ этого слѣдовалъ рядъ болѣе мелкихъ судовъ, въ которыхъ ѣхали вельможи, чиновники и почетные люди.

---

[1] Эволюціи — движенія.

Часть четвертая.

Глава XXV.

Внутреннія реформы во время Великой Сѣверной войны.

Главнѣйшія реформы до окончанія войны. — Шляхтенство и его обязанности. — Указъ о единонаслѣдіи — маіоратѣ. — Табель о рангахъ и ея значеніе. — Производство въ чины при Петрѣ. — Закрѣпощеніе крестьянъ. — Подати до Петра. — Введеніе подушной подати. — Взглядъ царя на крестьянъ и заботы о нихъ. — Цѣли царя при введеніи подушной подати. — Заботы объ установленіи правильнаго управленія. — Объясненіе пользы коллегій. — Желаніе ввести коллегіальное управленіе въ церкви. — Обязанности св. Синода и духовенства. — Раздѣленіе власти судейской и административной. — Отношеніе царя къ суду. — Отсутствіе правды въ судахъ. — Задержка дѣлъ въ коллегіяхъ.

Только въ 1721 году окончилась многолѣтняя борьба Петра за обладаніе Финскимъ заливомъ, только въ этомъ году онъ «ногою твердой сталъ при морѣ» и, возведя Россію на степень имперіи, могъ свободно отдаться заботамъ о просвѣщеніи и духовномъ развитіи своего народа. Но и во всѣ годы борьбы со Швеціей царь не оставлялъ заботы о внутреннемъ преобразованіи своего государства и ввелъ такъ много новаго въ русскую жизнь, что трудно перечислить все имъ сдѣланное. Одной изъ главнѣйшихъ заботъ царя въ это время было — укрѣпить обязательную службу государеву среди дворянъ. Главнѣйшія реформы до окончанія войны.

Дворяне или, иначе, «служилые люди» еще въ московское время «обыкли» нести «службу государеву» въ войскахъ и отъ этой службы не уклонялись; но Петру было недостаточно этого: онъ требовалъ работы и во флотѣ, и въ службѣ гражданской, которая казалась унизительной родовитымъ дворянамъ и боярамъ — его современникамъ. Требовалъ онъ также обученія въ школѣ, а службу военную опредѣлилъ начинать съ солдатскихъ чиновъ. Не очень нравилось это служилымъ людямъ, еще болѣе не нравилось, что всѣ родовыя отличія «бояръ», «дѣтей бояр- Шляхтенство и его обязанности.

скихъ», «окольничьихъ», «думныхъ бояръ» были уничтожены, и въ 1712 года всѣ служилые люди получили названіе «шляхтенства»[1].

Петръ имѣлъ намѣреніе уравнять всѣхъ служилыхъ людей въ этомъ званіи. Всегда внушалъ царь, что одно шляхтенское или, иначе, дворянское званіе, полученное по происхожденію, отъ знатныхъ родителей, не даетъ ровно никакихъ преимуществъ, что только служба родинѣ и заслуги передъ ней дѣлаютъ человѣка выше и знатнѣе. Онъ нерѣдко возвышалъ слугу передъ господиномъ, если видѣлъ, что слуга лучше, чѣмъ господинъ, исполнялъ опредѣленное ему дѣло. Такъ на одномъ экзаменѣ по навигаторскимъ[1] наукамъ, увидѣвъ, что недорослю Спарафьеву помогаетъ его слуга-калмыкъ, царь, оставивъ переспросъ безнадежно плохого навигатора-дворянина, сталъ экзаменовать слугу-калмыка и, увидѣвъ его умъ и знаніе, даровалъ ему вольность, произвелъ въ офицеры и отдалъ подъ его начальство бывшаго барина.

Царю хотѣлось внѣдрить въ умы своего шляхтенства сознаніе необходимости неустанной службы на благо государства, и онъ принимается дѣйствовать путемъ указовъ, начиная указомъ о единонаслѣдіи въ 1714 году и кончая «Табелью о рангахъ» 1722 года.

Указъ о единонаслѣдіи — маіоратѣ.

По указу объ «единонаслѣдіи» умирающій землевладѣлецъ могъ завѣщать свое недвижимое имущество любому изъ сыновей своихъ или родственниковъ, даже родственницъ, но непремѣнно одному лицу; въ случаѣ же смерти безъ завѣщанія наслѣдникомъ дѣлался безспорно старшій сынъ, и во всякомъ случаѣ имѣніе закрѣплялось за однимъ лицомъ въ семьѣ. Новый законъ о «единонаслѣдіи» или маіоратствѣ былъ совершенно чуждъ порядкамъ и привычкамъ русскихъ людей. Но царь видѣлъ въ этомъ законѣ средство отъ многихъ золъ и болѣе всего отъ праздности, «которая есть матерь всѣхъ злыхъ дѣлъ». Своимъ указомъ царь надѣялся принудить къ дѣятельности младшихъ сыновей, которые, не получивъ наслѣдства, не останутся праздными, но «принуждены будутъ хлѣба своего искать службою или ученіемъ или торгами». — «А все, что они сдѣлаютъ для своего пропитанія — уже государственная польза есть», — писалъ царь.

[1] Слово „шляхтенство“ заимствовано было царемъ Петромъ изъ Польши, потому что слово „дворянинъ“ въ Московскомъ государствѣ обозначало очень невысокій чинъ, и люди старыхъ служилыхъ родовъ не согласились бы носить имя дворянина. Только въ царствованіе Екатерины II слово „шляхтенство“ совсѣмъ исчезло изъ употребленія и замѣнилось словомъ „дворянство“, а до того времени оба эти слова были въ одинаковомъ ходу и почетѣ.

[2] Навигаторскія науки — науки, касающіяся мореплаванія.

Табель о рангахъ и ея значеніе.

Надежды государя не оправдались: уклоненія отъ службы, а тѣмъ паче — отъ ученія продолжались такъ часто, что царь принужденъ былъ издать рядъ указовъ, гдѣ объяснялъ необходимость государственной службы и грозилъ запрещеніемъ жениться, если дворянинъ оказывался неграмотнымъ. Когда же и это не помогло, царь постарался дѣйствовать путемъ соревнованія и закономъ 1722 года установилъ такъ называемую «Табель о рангахъ», которою всѣ должности были раздѣлены на 14 классовъ или служебныхъ ступеней, при чемъ 14-я ступень считалась низшей. Служащіе производились въ высшіе чины или за «выслугу лѣтъ», т. е. по числу лѣтъ службы, или за особыя заслуги государству; каждый дослужившійся до 8-го класса, т. е. до чина маіора въ военной службѣ или коллежскаго ассесора — по гражданской, вмѣстѣ съ потомствомъ своимъ причислялся къ лучшему старшему дворянству. Этимъ указомъ царь открылъ широкій доступъ къ дворянству для всякаго сколько-нибудь талантливаго, выдающагося человѣка и еще разъ подтвердилъ, что всякій дворянинъ обязанъ учиться, служить и работать на пользу государства.

Производство въ чины при Петрѣ.

Работа же во времена Петра была самая настоящая: дворянинъ, какъ и простой крестьянинъ, взятый отъ сохи, долженъ былъ нести всѣ тяготы военнаго строя и только за личныя заслуги получалъ чины и повышенія. Царь, самъ получавшій чины за истинные подвиги, строго слѣдилъ за правильнымъ производствомъ, и получить повышеніе было у него дѣломъ далеко нелегкимъ.

Закрѣпощеніе крестьянъ.

Обязалъ царь шляхтенство неустанной, безсрочной службой государству, обязалъ такой же службой и крестьянство, но не государству непосредственно, а помѣщику. Если же крестьянинъ вступалъ на службу государеву, то тѣмъ самымъ освобождался отъ службы помѣщику; такъ, дворовые люди, вступившіе въ солдаты, тѣмъ самымъ освобождались отъ крѣпостной зависимости помимо согласія своего господина. Крестьянамъ, которые вели крупную торговлю и этимъ служили пользамъ государства, позволено было приписываться къ городамъ, даже вопреки желанію помѣщиковъ, и при томъ помѣщикъ не смѣлъ брать съ нихъ больше оброка, чѣмъ съ остальныхъ крестьянъ. Трудное обязательство служить помѣщикамъ тяжело легло на плечи крестьянъ и привело къ крѣпостной зависимости; но въ основѣ перваго царскаго распоряженія объ этомъ лежала забота о тѣхъ же крестьянахъ, желаніе облегчить имъ государственныя повинности.

Подати до Петра.

До Петра съ крестьянъ брались подати «подворныя» и «посошныя», т. е. брали съ числа дворовъ или съ числа десятинъ обработанной

земли. Но, избѣгая платы податей, крестьяне наивозможно уменьшали число дворовъ, селясь по нѣскольку семей въ одномъ дворѣ, уменьшали и число запашекъ, т. е. число десятинъ обработанной земли отчего и сумма податей являлась крайне неопредѣленной, и земледѣліе не могло развиваться. Очень заботило это государя, и въ 1718 году онъ особенно много и внимательно занимался этими вопросами, такъ какъ предвидѣлъ скорое окончаніе войны и возвращеніе всѣхъ войскъ «по домамъ».

Населеніе Россіи въ то время не превышало 13 милліоновъ; страна была истощена войною, а число регулярнаго войска доходило до 200,000, и кромѣ того насчитывалось до 100,000 нерегулярной казачьей конницы. Содержаніе такого огромнаго войска для бѣдной страны было дѣло тяжелое, «бремя неудобоносимое», и царь былъ очень озабоченъ тѣмъ, какъ расквартировать, т. е. размѣстить и содержать своихъ солдатъ безъ излишней тяготы населенію.

Введеніе подушной подати.

Царь дѣйствовалъ не одинъ, работалъ вмѣстѣ съ нимъ весь Сенатъ. Много думали, разсуждали, наконецъ указомъ отъ 26 ноября 1718 года повелѣно было всѣмъ землевладѣльцамъ, свѣтскимъ и церковнымъ, дать точныя «сказки», т. е. свѣдѣнія, сколько у нихъ по деревнямъ живетъ душъ мужского пола, включая и стариковъ и младенцевъ. Сказки эти провѣрили потомъ особые ревизоры и на основаніи этихъ сказокъ опредѣлили, сколько человѣкъ или душъ крестьянъ находится въ государствѣ; затѣмъ точно опредѣлили число войскъ, высчитали, сколько стоитъ въ годъ полное содержаніе одного солдата, сосчитали, сколько душъ крестьянъ приходится на одного солдата, и тогда стало ясно, какимъ налогомъ слѣдуетъ обложить каждаго человѣка изъ крестьянъ. По вычисленіи оказалось, что для покрытія расходовъ на армію и флотъ надо съ каждаго человѣка или съ каждой души взимать 74 копейки по тогдашнему счету, что на наши деньги составитъ около 5 рублей въ годъ. Опредѣлено было установить подушную подать со всѣхъ «подданныхъ» помѣщика и сборъ подати возложить на землевладѣльцевъ.

Установленіемъ подушной подати царь мечталъ облегчить тяготу народную, разложивъ необходимый расходъ на всѣхъ поровну, никому «не похлѣбуя», т. е. никому не давая преимущества. Но вслѣдствіе того, что сборъ подушный возлагается на отвѣтственность помѣщиковъ и сбирался за ихъ порукою, крестьяне больше прежняго «закрѣпились» за своими владѣльцами, стали вполнѣ зависимы отъ нихъ, и съ 1719 года «крѣпостное право» вполнѣ утвердилось на Руси.

Взглядъ царя на крестьянъ и заботы о нихъ.

Государь лично былъ противъ закрѣпощенія или, вѣрнѣе, порабощенія крестьянъ и писалъ: «Поселяне суть артеріи государства и какъ черезъ артерію, т. е. большую жилу, все тѣло питается, такъ и государство поселянами, а потому ихъ надлежитъ беречь и не отягощать черезъ мѣру, но охранять отъ всякихъ нападковъ и разореній». Вѣрный этому правилу, онъ уже въ 1719 году издалъ рядъ постановленій, охраняющихъ крестьянъ отъ произвола помѣщиковъ. Запрещена была розничная продажа крестьянъ и дворовыхъ людей «какъ скотовъ», причемъ въ приказѣ своемъ, желая подѣйствовать на помѣщиковъ примѣромъ другихъ, болѣе образованныхъ народовъ, царь писалъ: «Таковой продажи во всемъ свѣтѣ не водится». Въ 1719 году былъ изданъ указъ смотрѣть, чтобы помѣщики не разоряли крестьянъ, а разорителей приказано было отрѣшать отъ управленія имѣніями, которыя отдавались ихъ родственникамъ. Слабоумныхъ помѣщиковъ, негодныхъ ни въ науку, ни въ службу, велѣно было устранять отъ управленія.

Цѣли царя при введеніи подушной подати.

Вообще, закрѣпивъ крестьянъ за помѣщиками, царь тѣмъ самымъ прикрѣпилъ и владѣльцевъ къ государственной службѣ; такъ, послѣ первой же ревизіи въ 1718 году неявка дворянина на службу стала считаться преступленіемъ, равнымъ измѣнѣ, и наказывалась или смертной казнью или «шельмованіемъ», т. е. лишеніемъ добраго имени. Кромѣ того, дворянинъ, уклонявшійся отъ службы, лишался своихъ владѣльческихъ правъ, и его имѣніе движимое и недвижимое, покупное или выслуженное и даже родовое — отписывалось и отбиралось на государя. Однимъ словомъ, во всемъ законодательствѣ Петра относительно крестьянъ и помѣщиковъ видна одна главная цѣль, чтобы въ государствѣ не было «избылыхъ», т. е. гулящихъ людей, чтобы каждый несъ свою службу государству, чтобы каждый трудился, работалъ по мѣрѣ силъ и «въ потѣ лица своего ѣлъ хлѣбъ свой».

Заботы объ установленіи правильнаго управленія.

Заботясь о привлеченіи къ дѣлу дворянъ и крестьянъ, Петръ употреблялъ также всѣ зависящія отъ него средства для борьбы съ неправдой и взяточничествомъ, «съ игранiемъ закономъ», какъ онъ говаривалъ.

Съ самаго своего вступленія на престолъ онъ постоянно былъ занятъ вопросомъ, какъ лучше устроить внутреннее управленіе, чтобы меньше обидъ терпѣлъ народъ? Понимая, что это дѣло «зѣло» трудное, Петръ внимательно изучалъ законодательныя учрежденія всѣхъ европейскихъ государствъ, бесѣдовалъ со знающими людьми и во время своего путешествія за границу въ 1716—1717 году непрестанно учился въ этомъ направленіи у лучшихъ ученыхъ того времени.

Объясненіе пользы коллегій.

Послѣ внимательнаго изученія законовъ и государственныхъ учрежденій въ разныхъ странахъ государь рѣшилъ ввести въ Россіи управленіе коллегіальное, т. е. управленіе всѣми дѣлами при помощи коллегій, гдѣ дѣла рѣшались бы не волею одного лица, какъ было раньше въ приказахъ, а «соборне», т. е. послѣ обсужденія вопроса всѣми членами коллегіи. Царь надѣялся, что въ коллегіяхъ не будетъ уже мѣста пристастію и лихоимству, такъ какъ «если одинъ и будетъ къ подсудимому пристрастенъ, то другой и третій отъ пристрастья свободны будутъ». Онъ думалъ, что въ коллегіяхъ легче постигнутъ истину и доберутся до правды, такъ какъ дѣло разбирать будутъ умы многіе «и чего не постигнетъ одинъ, то постигнетъ другой или третій». Отъ своихъ учителей въ трудной наукѣ государственнаго правленія царь заимствовалъ вѣру, что стоитъ только завести въ странѣ хорошія правительственныя учрежденія и все пойдетъ какъ по маслу, настанетъ рай земной.

Самъ царь ждалъ такого благоденствія съ утвержденіемъ новаго порядка дѣлъ, но не торопился введеніемъ его, а исподволь, осторожно налаживалъ дѣло, приглашая въ помощники иностранцевъ, поручая будущимъ начальникамъ или господамъ президентамъ коллегій самимъ «сочинять свои коллегіи», т. е. устанавливать порядокъ веденія дѣлъ. Не слушали государевыхъ приказаній «господа президенты коллегій», въ работахъ «зѣло раку подобились», и въ концѣ 1718 года царю пришлось объявить, что и въ слѣдующемъ 1719 году дѣла по управленію государствомъ придется вести старымъ порядкомъ, «понеже новымъ манеромъ еще не управились».

Желаніе ввести коллегіальное управленіе въ церкви.

Царь такъ увлекся условіями коллегіальнаго управленія, что рѣшилъ ввести такую же форму управленія въ дѣла церковныя. Еще въ 1718 году онъ выразилъ мысль, что «для лучшаго управленія церковью мнится быть удобно духовной коллегіи», и поручилъ составить регламентъ для этой духовной коллегіи ученѣйшему архіерею Ѳеофану Прокоповичу, который трудился надъ этимъ около трехъ лѣтъ. Дѣло было новое и очень серьезное, такъ какъ учрежденіемъ духовной коллегіи должна была совершиться окончательная отмѣна патріаршества, а противъ этого возставала нѣкоторая часть духовенства, и можно было ожидать протеста среди народа.

Однако въ теченіе двадцатилѣтняго правленія Стефана Яворскаго — человѣка извѣстнаго своимъ краснорѣчіемъ, но безвольнаго и слабаго, народъ мало-по-малу привыкъ къ подчиненному положенію церкви, а потому окончательная отмѣна патріаршества не встрѣтила никакого открытаго протеста.

Когда трехлѣтняя работа Ѳеофана Прокоповича была окончена, въ январѣ 1721 года Петръ подписалъ манифестъ объ учрежденіи святѣйшаго Синода.

Обязанности св. Синода и духовенства.

Синодъ долженъ былъ слѣдить за правильностью текста священныхъ книгъ, издавать понятныя для простыхъ людей книжки съ объясненіемъ главныхъ догматовъ вѣры и всячески исправлять суевѣрія. Епископамъ вмѣнялось въ обязанность заводить школы для дѣтей священническихъ и строго слѣдить, чтобы въ такихъ школахъ учили не только «честь» книги, но и разумѣть ихъ. Обученіе въ такихъ школахъ должно было быть безплатнымъ, зато посѣщеніе такихъ школъ объявлено было обязательнымъ для всѣхъ дѣтей священниковъ, а неграмотнымъ, не пожелавшимъ учиться, грозила отдача въ солдаты безъ выслуги лѣтъ.

Такимъ образомъ великій преобразователь возложилъ на Синодъ и на все духовенство великую обязанность «учительства» и «руководства» въ дѣлахъ вѣры. Налагая на духовныхъ лицъ такія великія и трудныя обязанности, Петръ заботился о томъ, чтобы сдѣлать ихъ жизнь возможно безбѣдной, а для того повелѣлъ при распорядкѣ приходскихъ дворовъ по церквамъ опредѣлить «сколько всякій приходскій человѣкъ долженъ [вносить] причту своея церкви, такъ чтобы отъ подаяній тѣхъ весь причтъ могъ имѣть безбѣдный и безобидный трактаментъ» [1]. Но этому прекрасному предположенію, долженствовавшему обезпечить жизнь бѣднаго сельскаго духовенства и сдѣлать его независимымъ, не суждено было исполниться ни при Петрѣ, ни послѣ него.

Раздѣленіе власти судейской и административной.

Не суждено было осуществиться (по крайней мѣрѣ на долгое время) и другому благому желанію Великаго Петра, — упорядочить судейское дѣло и сдѣлать судъ независимымъ отъ правителей-воеводъ.

До Петра въ рукахъ воеводъ сосредоточивались и судъ, и расправа, и назначеніе, и собираніе податей; воеводы такимъ образомъ являлись какъ бы царьками въ своей области. При Петрѣ власть губернаторовъ, замѣнившихъ воеводъ, была ограничена должностью ландратовъ. Въ 1719 году предписано было воеводамъ и земскимъ комиссарамъ и губернаторамъ до «юстиціи [т. е. до суда] не касаться», въ судѣ участія не принимать, такъ что суды сразу становились свободными и самостоятельными. Въ каждомъ городѣ опредѣлено было быть «нижнему надворному суду», въ знатныхъ городахъ учрежденъ былъ «высшій надворный» судъ, куда можно было жаловаться на неправильныя дѣйствія «нижняго

[1] Трактаментъ — содержаніе.

суда». Надъ «надворными судьями» стояла «юстицъ коллегія», а еще выше Сенатъ, на приговоръ котораго уже нельзя было жаловаться подъ страхомъ смертной казни, которой наказывался всякій, жаловавшійся неправильно. Главное отличіе всѣхъ новыхъ судовъ отъ прежнихъ — была полная независимость ихъ отъ воеводъ и мѣстныхъ властей. Имъ предписывалось «не смотрѣть на лица, не мирволить сильнымъ міра сего, но заступаться за вдовъ и сиротъ, за всѣхъ безсильныхъ и безпомощныхъ и взыскивать за обиды ихъ, не смотря ни на какое лицо».

Отношеніе царя къ суду

Царь употреблялъ всѣ силы, чтобы развить въ своихъ подданныхъ уваженіе къ суду, вѣру въ его правильность, а ради этого онъ не только не отказывался отъ отвѣтственности передъ судомъ, но даже съ удовольствіемъ являлся въ роли отвѣтчика и всегда безпрекословно подчинялся рѣшенію суда. Первый разъ царь явился въ роли отвѣтчика передъ рижскимъ судомъ въ 1712 году, потомъ нѣсколько позднѣе передъ Сенатомъ по дѣлу одного дворянина и одного купца и, наконецъ, по дѣлу Иголкина. Всѣ эти истцы обвиняли капитана Петра Михайлова въ нарушеніи даннаго имъ обѣщанія беречь ихъ сыновей, взятыхъ по его настоянію на военную службу, и каждый разъ царь, признанный виновнымъ, старался вознаградить пострадавшихъ возвращеніемъ сыновей или повышеніемъ ихъ по службѣ.

Отсутствіе правды въ судахъ.

Но, несмотря на усилія Петра, всѣ благія его пожеланія плохо исполнялись, судьи рѣдко оставались независимыми и часто всячески подделывались подъ желанія и волю высшаго начальства, или, напротивъ, слишкомъ кичились своей самостоятельностью и присваивали себѣ слишкомъ большую власть. Кромѣ того, веденію дѣлъ много мѣшало отсутствіе Свода Законовъ, т. е. общаго собранія всѣхъ законовъ государства.

Задержка дѣлъ въ коллегіяхъ.

Не ладились и залеживались дѣла и въ коллегіяхъ — изъ-за недостатка умѣлыхъ работниковъ, изъ-за невѣжественно-небрежнаго отношенія къ нуждамъ народа. Дѣйствія финансовыхъ коллегій, напримѣръ, зависѣли отъ своевременной присылки изъ губерній и другихъ учрежденій приходо-расходныхъ книгъ и отчетовъ о расходахъ. Распоряженіе о присылкѣ ихъ было сдѣлано еще въ 1718 году, но изъ губерній не было ни гласа ни послушанія. Въ мартѣ 1719 года послѣдовалъ второй повторительный указъ объ этомъ. Изъ губерній — опять ничего. Тогда Сенатъ послалъ въ губерніи гвардейскихъ офицеровъ съ приказаніемъ «непрестанно докучать» губернаторамъ о доставкѣ приходо-расходныхъ книгъ. Ослушникамъ грозило разореніе, наказаніе, ссылка или даже и лишеніе живота. Губернаторамъ предлагалось виновныхъ въ медленности чиновниковъ «сковать за ноги и на шею положить цѣпь и держать

въ приказѣ покамѣстъ, пока не изготовятъ нужныя вѣдомости». И все-таки прошелъ весь 1719 годъ, а вѣдомости въ финансовыя коллегіи доставлены не были, и Петръ принужденъ былъ еще на годъ отсрочить открытіе этихъ коллегій.

При такомъ равнодушіи къ общественной пользѣ, при невозможности вездѣ самому поспѣть и заставить дѣйствовать какъ слѣдуетъ, казалось, не было никакой надежды на улучшеніе дѣлъ, на исправленіе людей, закоренѣвшихъ въ лѣни, равнодушіи и безпечности. Человѣкъ обыкновенный, можетъ быть, при такихъ условіяхъ палъ бы духомъ, но герой Полтавы, сумѣвшій перенести Нарвское пораженіе, не переставалъ бороться, работать и надѣяться, говоря, что «безъ труда не увидишь и плода», что всякое дѣло надо начинать «съ изначала», «съ корня».

Глава XXVI.

Построеніе Петербурга и общественныя реформы.

Необходимость устройства новой столицы. — Неблагопріятныя условія мѣстности. — Перенесеніе столицы въ Петербургъ и видъ его въ то время. — Насильственное заселеніе Петербурга. — Побѣда человѣческой воли надъ природой. — Видъ города въ концѣ царствованія Петра. — Благоустройство Петербурга. — Заботы царя о мелочахъ. — Отношеніе государя къ жителямъ. — Трудовой день царя. — Заботы о развитіи промышленности. — Заботы о сохраненіи лѣсовъ. — Труды для развитія скотоводства. — Горное дѣло. — Заботы о просвѣщеніи. — Общественная жизнь. — Ассамблеи и ихъ значеніе. — Значеніе общественной реформы. — Пробужденіе самодѣятельности.

Необходимость устройства новой столицы.

Чтобы начать «съ корня», чтобы создать «новую Россію» и, пробудивъ народъ отъ «дреманія лѣностнаго», привить ему европейскій характеръ жизни, торговли и взаимоотношеній, Петру необходимо было перенести столицу въ новый городъ, гдѣ бы онъ могъ «насаждать» новое, не стѣсняясь пережитками старины.

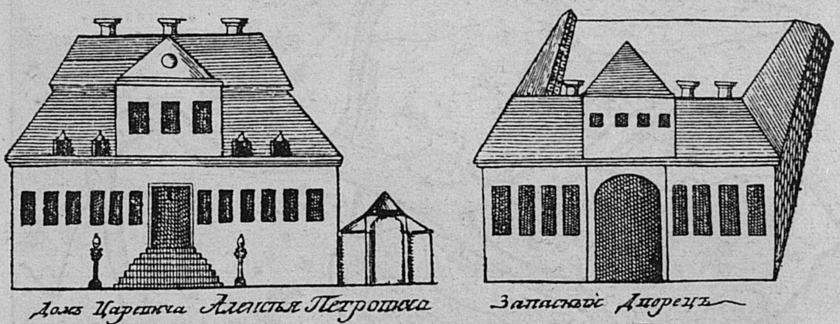
Въ силу этой необходимости Петръ и создалъ свой Петербургъ, который сначала былъ только маленькой крѣпостцей на берегахъ Невы, а къ концу жизни великаго труженика сталъ уже многолюднымъ и благоустроеннымъ городомъ — столицей имперіи.

До сихъ поръ еще упрекаютъ Петра за выборъ мѣста для столицы, указываютъ на ужасный климатъ Петербурга, на отдаленность его отъ Москвы, на неудобства его какъ порта, и говорятъ, что новую столицу слѣдовало бы устроить или въ Ригѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ Нарвѣ, гдѣ климатъ лучше и гдѣ уже были основы торговли и промышленности. Но упреки эти совершенно неосновательны. Во время борьбы Петра съ Карломъ, когда до Ништадтскаго мира обладаніе Лифляндіею было болѣе чѣмъ сомнительно, устройство столицы въ Ригѣ являлось дѣломъ не-

мыслимымъ и вызвало бы протестъ всей Европы; кромѣ того, въ Ригѣ и въ Нарвѣ пришлось бы дѣйствовать среди нѣмцевъ, имѣвшихъ свои опредѣленные порядки и обычаи, а Петру нужно было создавать «свое» безъ препятствій и помѣхъ.

Геніальность Петра сказалась въ выборѣ мѣста для столицы въ томъ пунктѣ, гдѣ завѣтное Варяжское море глубже всего вдается въ «исконныя» русскія области, гдѣ финское населеніе было незначительно и легко могло поддаться русскому вліянію, гдѣ еще съ незапамятныхъ временъ велась мѣновая торговля между народами Европы и Азіи.

Петръ сразу понялъ все значеніе выбраннаго имъ мѣста и, какъ мы знаемъ, въ труднѣйшія минуты своей борьбы съ Карломъ готовъ былъ

Домъ и запасный дворецъ царевича Алексѣя Петровича.

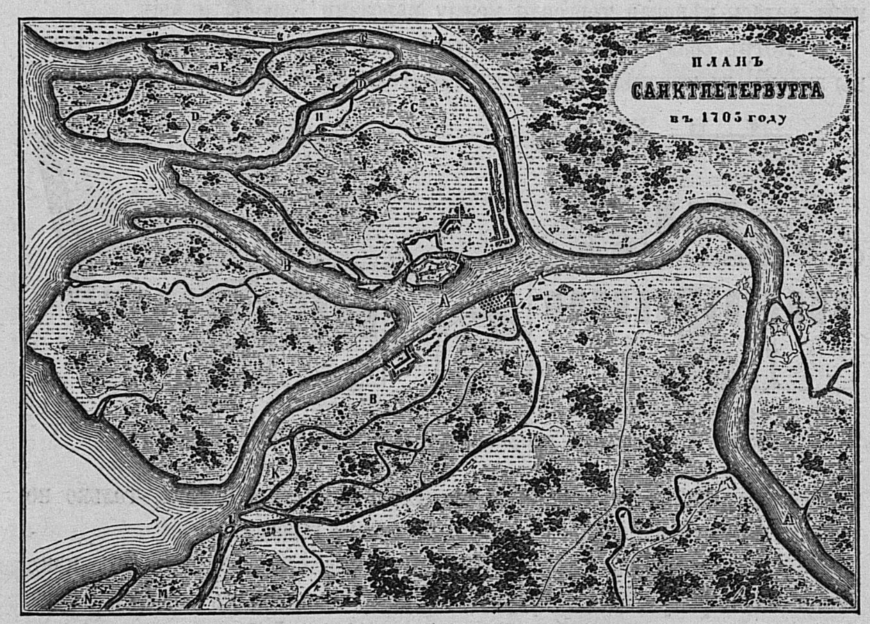
поступиться всѣми завоеваніями на берегу Финскаго залива, только не уступалъ своего маленькаго вновь созидаемаго городка.

Этотъ городокъ былъ дорогъ ему, какъ созданіе рукъ его, какъ «окно въ Европу», какъ будущее «диво» полночныхъ странъ, какъ пунктъ соединенія Россіи съ Европой и Азіей. Работая надъ застроеніемъ, заселеніемъ и благоустройствомъ своего городка, царь привязывался къ нему все больше и больше, называя его своимъ «парадизомъ», раемъ, или святымъ мѣстомъ. Системой каналовъ онъ мечталъ соединить свой парадизъ съ Волгой, а черезъ Волгу — съ Каспійскимъ моремъ, съ Персіей и Индіей, чтобы Россія явилась посредницей между просвѣщенной Европой и полудикой Азіей, внося туда свѣтъ науки и христіанской вѣры.

Неблагопріятныя условія мѣстности.

Мечты были возвышенныя и придавали великому работнику великія силы для борьбы съ препятствіями, мѣшавшими достиженію намѣченной имъ цѣли. А препятствій было множество, и немало трудовъ понадобилось, чтобы «изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ» воздвигнуть новую столицу. Въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ со времени заложенія

крѣпостцы во имя св. Петра царю пришлось три раза защищать свой любимый городокъ отъ шведскихъ войскъ, которыя дѣлали нападенія и съ моря и съ суши. Но борьба съ ними была несравненно легче, чѣмъ борьба съ неблагопріятными географическими условіями. Туманы, и теперь нерѣдко возмущающіе петербуржцевъ, тогда бывали настолько сильны, что бѣлой пеленой окутывали всѣ окрестности городка и, благодаря имъ, жители по недѣлямъ бывали лишены солнечнаго свѣта. Наводненія случались ежегодно, почти при всякомъ сѣверо-западномъ вѣтрѣ,

План Петербурга въ 1705 году.

Со снимка, приложеннаго къ „Исторіи Петра Великаго“ Устрялова.

и тогда гибли сотнями люди и скотъ, а легкія мазанковыя постройки сносились волнами, и люди оставались безъ крова и пристанища.

Вслѣдствіе сырости и почти непроходившихъ тумановъ въ городѣ свирѣпствовали повальныя болѣзни, и смертность была страшно велика, особенно среди рабочихъ, которымъ часто приходилось ютиться въ шалашахъ да въ палаткахъ, питаясь рѣпой и просяной кашей, такъ какъ хлѣбъ привозился издалека и былъ очень дорогъ.

Всѣ эти неблагопріятныя условія и климата и почвы рѣшился сломить и сломилъ полтавскій побѣдитель.

Въ 1713 году, послѣ окончательнаго завоеванія Финляндіи, онъ

Перенесеніе столицы въ Петербургъ и видъ его въ то время.

отдалъ приказъ о перенесеніи Сената и всѣхъ присутственныхъ мѣстъ въ Петербургъ и, объявивъ его столичнымъ городомъ, приказалъ на эктеньяхъ поминать «царствующій градъ Санктъ-Петербургъ». Непригляденъ былъ тогда видъ вновь объявленной столицы: зданія были расположены только по берегамъ Невы и рѣчекъ, въ нее впадавшихъ, а чуть только жители удалялись отъ линіи домовъ, какъ рисковали попасть въ топкія болота, гдѣ легко было и утонуть. Всѣ окрестности города были покрыты почти непроходимыми лѣсами, и въ нихъ водилось такое множество волковъ, что зимою 1714 года они съѣли двухъ солдатъ, стоявшихъ на часахъ у пушечно-литейной мастерской (теперь это арсеналъ у Александровскаго моста на Литейной).

До 1713 года всѣ дома строились наскоро, спѣшно, безъ достаточнаго фундамента, безъ опредѣленнаго плана, а потому постройки были плохого свойства: благодаря зыбкости и неустойчивости болотистой почвы, дома тряслись при проѣздѣ каждой телѣги и скоро осѣдали, а полы коробились и проваливались. Дома были большею частью мазанковой легкой постройки, т. е. дѣлались изъ мелкихъ бревенъ или даже досокъ и обмазывались глиной внутри и снаружи. Красотою постройки не отличались — всѣ дома были одноэтажные, изрѣдка съ мезонинами, только на Васильевскомъ Островѣ и на нынѣшней Петербургской Сторонѣ были великолѣпныя палаты вельможъ Меншикова, Апраксина, Шафирова и другихъ. Между этими многоэтажными палатами маленькій дворецъ царя казался жалкой хижиной, но Петръ нисколько не стѣснялся этимъ, и, въ случаѣ необходимости устроить торжественныя празднества, пользовался домомъ Меншикова, гдѣ все было устроено на европейскій образецъ и съ чрезвычайной роскошью. Только въ 1714 году стали строить для царя Зимній дворецъ на берегу рѣки Невы, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь Эрмитажъ (дворецъ этотъ уничтоженъ), а въ слѣдующемъ году былъ построенъ и Лѣтній дворецъ, который уцѣлѣлъ и донынѣ въ углу Лѣтняго сада и представляетъ изъ себя скромное зданіе въ два этажа, но очень уютно и даже изящно отдѣланное внутри.

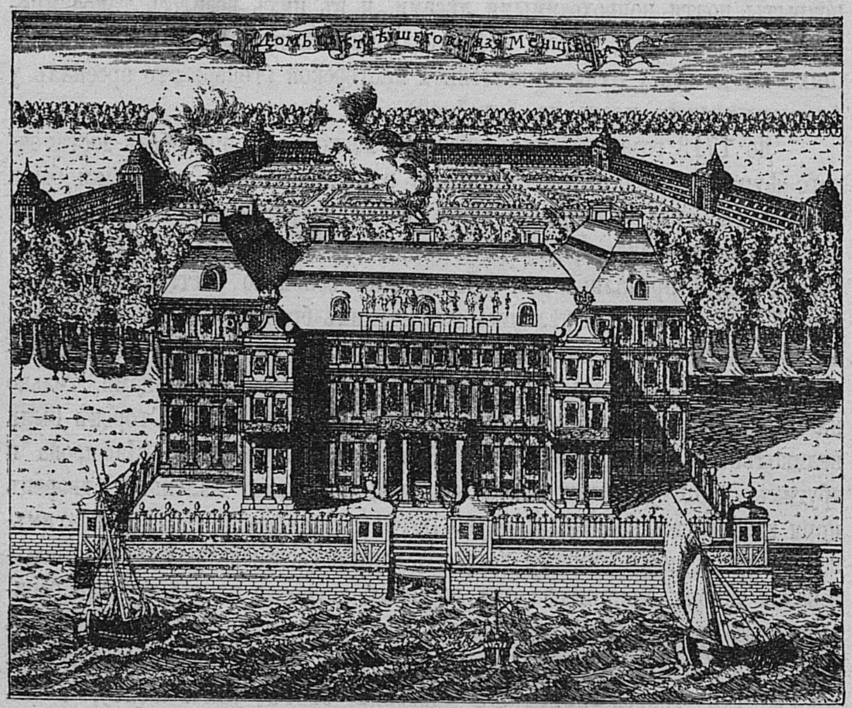
Насильственное заселеніе Петербурга.

Съ 1713 года начинается усиленная дѣятельность царя по застроенію и заселенію любимаго города. Въ 1714 году онъ указомъ запретилъ во всемъ государствѣ «всякое каменное строеніе, какого бы имени ни было», и приказалъ, чтобы каменщики со всей Россіи высылались для работъ въ Петербургъ, гдѣ уже вмѣнялось въ обязанность жить сенаторамъ и всѣмъ чиновнымъ, приказнымъ людямъ.

Съ неохотой и неудовольствіемъ шли люди изъ своихъ насижен-

ныхъ мѣстъ въ «Ингерманландское проклятое болото», а въ 1714 году новый приказъ государя — «выбравъ изъ купеческаго и ремесленнаго сословія первостатейныхъ и среднихъ людей добрыхъ и прожиточныхъ [т. е. зажиточныхъ] выслать ихъ въ Петербургъ съ женами и дѣтьми безсрочно».

Насильно переселялись бояре, насильно селились въ новомъ городѣ купцы; силою, какъ на каторгу, сгонялись рабочіе и всякаго рода ремес-

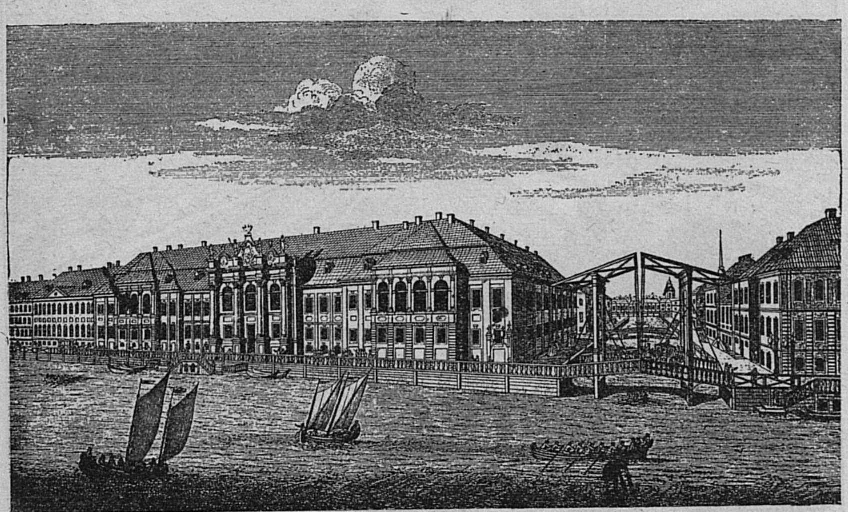
Домъ князя Меншикова на Васильевскомъ Островѣ.
(Съ гравюры Зубова.)

ленные люди; силою же закона воспрещалась служилымъ людямъ отлучка изъ Петербурга безъ царскаго указа. Съ плачемъ и причитаніями покидали служилые и торговые люди свои родныя мѣста, съ заклинаніями и причитаніями пускались въ дорогу въ «нѣмецкую, еретическую землю». Странными и жестокими кажутся намъ теперь такія насильственныя мѣры, но надо помнить, что и въ прежнее время до Петра бояре были люди подневольные, не имѣли права никуда отлучаться изъ Москвы безъ царскаго приказа, обязаны были жить тамъ, гдѣ жилъ царь, и потому чудовищные для насъ приказы царя о насильственномъ заселеніи Петер-

бурга тогда ни въ комъ не возбуждали удивленія, шелъ ропотъ только о томъ, что переселяютъ въ «землю еретическую», въ «чортово болото».

Побѣда человѣческой воли надъ природой.

Благодаря желѣзной волѣ великаго царя скоро была одержана «побѣда человѣческой воли надъ силами природы». Вездѣ были проведены каналы и канавы для осушки болотистой почвы, среди лѣсовъ сдѣланы были просѣки, дороги укрѣплены были фашинами и сваями, дома строились уже въ опредѣленномъ порядкѣ и большею частью или каменные, или крѣпкой плотничьей рубки. Съ 1718 года домохозяева должны были заботиться о мощеніи улицъ, и улицы приказано было устраивать опре-

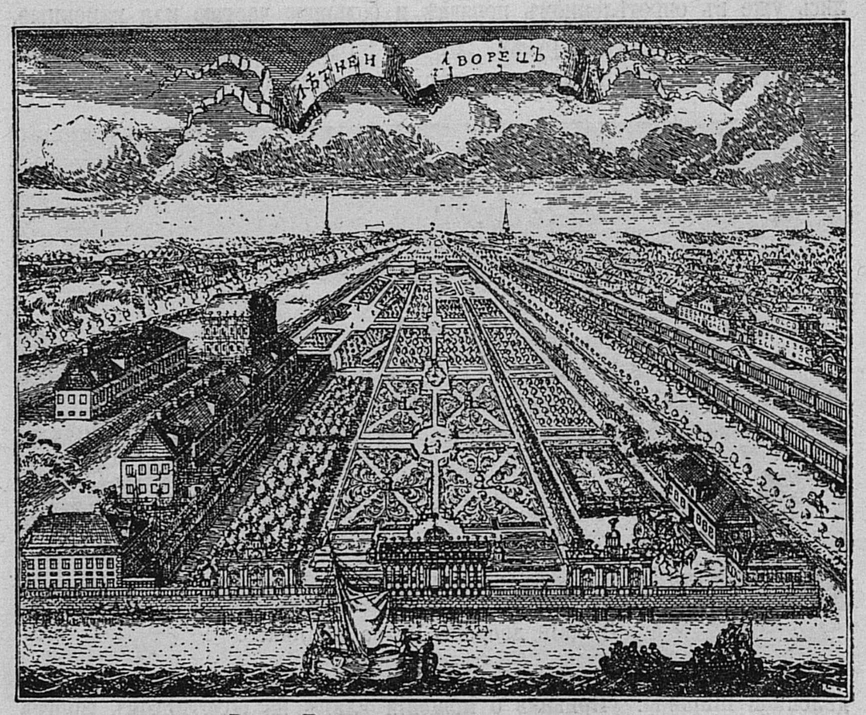
Зимній дворецъ Петра Великаго.
(Съ гравюры Зубова.)

дѣленной ширины. Приказъ о мощеніи улицъ на болотистомъ грунтѣ, гдѣ, казалось, невозможно было доставать камни, можетъ показаться неисполнимо труднымъ. Но издатель этого приказа уже заранѣе озаботился о его исполнимости.

Онъ чуть не съ самаго основанія Петербурга обязалъ всѣ прибывавшіе въ Петербургъ возы и барки привозить непремѣнно по нѣскольку камней и складывать ихъ у заставъ или на набережной Невы. Каждый крестьянинъ, каждый купецъ, въѣзжавшій въ городъ, долженъ былъ привезти отъ 10 до 20 мелкихъ булыжниковъ, или 5 крупныхъ, а барочники должны были доставлять по 20 крупныхъ камней. Оброкъ не тяжелый, такъ какъ въ окрестностяхъ петербургской топи и до сихъ поръ находится множество валуновъ, а тогда ихъ было еще больше; и приказъ

государя, обезпечивъ ему подвозъ камня, способствовалъ еще очищенію полей отъ валуновъ.

Мостились улицы и средствами домохозяевъ, и казенными подрядчиками, и силами монаховъ Александро-Невской лавры, которые устроили прекрасную «першпективу» (нынѣшній Невскій проспектъ) отъ монастыря до Адмиралтейства и замостили ее своими средствами при помощи плѣнныхъ шведовъ. Такъ берегли эту «першпективу», что позволяли по

Видъ Лѣтняго дворца въ 1717 году.

ней безплатно только пѣшеходное движеніе, а съ верховыхъ и экипажей брали отъ 5 копеекъ до 10 алтынъ за проѣздъ, что въ тогдашнее время составляло громадную сумму. Зато эта «першпектива» производила внушительное впечатлѣніе даже на иноземцевъ, видавшихъ виды.

Вообще подъ дѣятельнымъ руководствомъ царя Петербургъ такъ преобразился, что его нельзя было узнать, а населеніе его такъ увеличилось, что въ 1719 году отмѣнены были всѣ приказы относительно насильственнаго переселенія купцовъ и рабочихъ — достаточно было переселявшихся «вольной волею», такъ какъ въ новую столицу манила возможность, если не легкой, то все же быстрой наживы.

Къ концу царствованія Петра число жителей Петербурга достигало до 70,000, а съ пришлыми рабочими доходило, по всей вѣроятности, до ста тысячъ, такъ что менѣе чѣмъ черезъ 20 лѣтъ со времени своего возникновенія столица Петра сравнялась по населенію съ крупнѣйшими городами тогдашней Европы. Въ ней были широкія, прямыя и правильно проложенныя улицы, громадные каменные дворцы вельможъ, 25 церквей, богадѣльни, госпитали и прекрасные сады, которымъ удивлялись даже иностранцы.

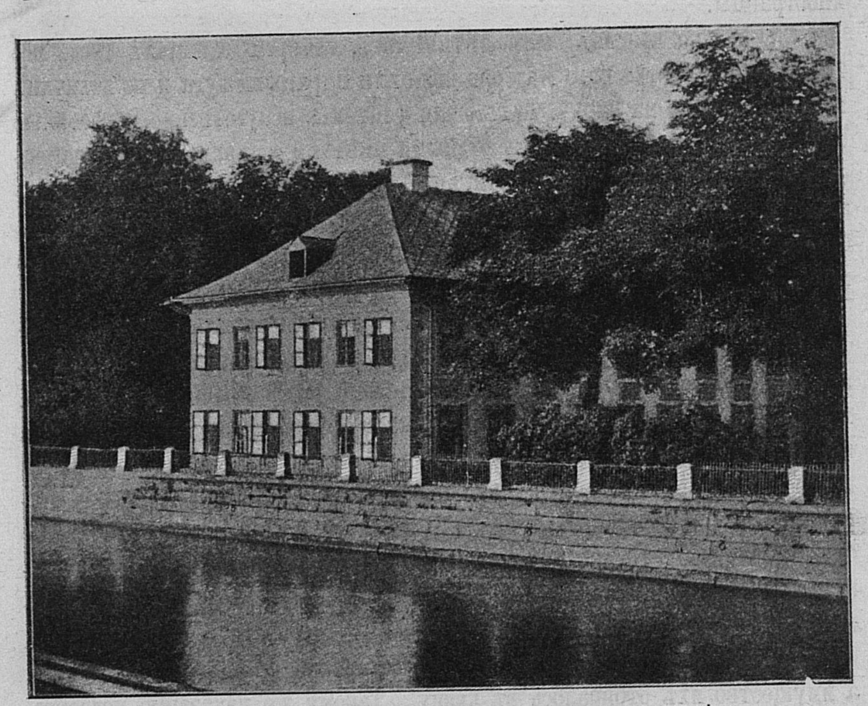
Видъ города въ концѣ царствованія Петра.

Особенно красивъ былъ Лѣтній садъ, который занималъ тогда все пространство нынѣшняго Марсова поля или Царицына луга и по величинѣ походилъ скорѣе на паркъ. Тутъ были фонтаны, искусственно устроенные гроты, каскады, оранжереи съ чудными цвѣтами, звѣринецъ и птичникъ съ рѣдкими породами звѣрей и птицъ. Паркъ былъ открытъ для всѣхъ желающихъ, а для наставленія посѣтителей на всѣхъ площадкахъ сада были разставлены статуи-группы — изъ басенъ Эзопа, съ поучительными надписями.

Въ 1718 году Петръ установилъ должность полицмейстера въ Петербургѣ и завелъ полицію изъ «охочихъ людей», которымъ вмѣнялось въ обязанность не допускать злоумышленнаго возвышенія цѣнъ на хлѣбъ и иные продукты, осматривать каждые три мѣсяца трубы и печи во всѣхъ жилыхъ зданіяхъ, забирать гуляющихъ и слоняющихся людей и послѣ допроса отдавать ихъ въ работы, учреждать ночные караулы и т. д. Петербургъ принялъ видъ благоустроеннаго города, только благоустройство это достигалось очень сильными мѣрами — такъ, напримѣръ, домовладѣльцы за необъявленіе пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ, а также за принятіе на службу людей безъ свидѣтельствъ и добрыхъ порукъ подвергались наказанію кнутомъ и ссылкѣ на каторгу, а имущество ихъ отбиралось въ казну. Такому же наказанію подвергались неосторожные извозчики, сбивавшіе съ ногъ пѣшеходовъ, и тѣ, кто вывозилъ на Неву и другія рѣки грязь и соръ, «для того что такимъ пометомъ рѣки тѣ засариваются, отчего и вода портится и судамъ проходъ чинится не свободный». Улицы приказано было содержать въ большой чистотѣ, для чего установлены были особые фурманщики, которые рано утромъ или поздно вечеромъ, разъѣзжая по городу на особыхъ дрогахъ, сбирали съ улицъ соръ и навозъ, отвозя ихъ за городъ въ особо опредѣленныя мѣста. Съ 1721 года Петербургъ стали освѣщать фонарями, что до того времени было дѣломъ неслыханнымъ на Руси. И вообще столица могла служить примѣромъ благоустройства для всего государства. Особенно хорошо была устроена пожарная часть, благодаря чему пожары

Благоустройство Петербурга.

ни разу не были велики и скоро прекращались хорошо обученными пожарными и сотнями плотниковъ, которые, подъ страхомъ жестокаго наказанія за ослушаніе, обязаны были бросать всякія работы и бѣжать на пожаръ, о которомъ давали знать набатомъ особые дозорщики, дежурившіе на городскихъ колокольняхъ. Если государь бывалъ въ городѣ, онъ первымъ являлся на пожаръ, распоряжался всѣмъ дѣломъ и нерѣдко самъ брался за топоръ, взбирался на полуобгорѣвшіе дома и, вполнѣ отдаваясь

Лѣтній дворецъ Петра въ настоящемъ его видѣ.

заботамъ о спасеніи людей и имущества, забывалъ себя, не щадилъ своей жизни.

Заботы царя о мелочахъ.

Царь имѣлъ удивительную способность входить во всѣ мелочи жизни, при чемъ вездѣ старался и умѣлъ помочь. Обратилъ онъ, напримѣръ, вниманіе на то, что подъ Петербургомъ почти нѣтъ пѣвчихъ птицъ, и распорядился ловить ихъ ранней весной въ южныхъ мѣстностяхъ Россіи и тысячами привозить въ особыхъ веревочныхъ садкахъ-клѣткахъ въ Петербургъ. Тутъ ихъ выпускали на свободу, и уцѣлѣвшіе отъ далекаго путешествія пѣвуны принимались тотчасъ вить гнѣзда, а на слѣдующій годъ молодые выводки возвращались на мѣста своей родины.

Раза два-три повторили привозъ птицъ и достигли того, что окрестности столицы достаточно заселились пернатыми пѣвцами.

Замѣтилъ царь, что въ деревянныхъ домахъ, построенныхъ изъ мелкаго лѣса, бѣднѣйшіе жители его столицы страдаютъ отъ холода, и придумалъ конопатить такіе дома обваренньмъ въ кипяткѣ мохомъ, что очень способствовало сохраненію тепла въ домахъ. Интересы всѣхъ жителей столицы были близки сердцу царя. Всякому, волей или неволей приходившему въ его Питеръ, онъ оказывалъ заботу, привѣтъ и помощь. Каждому желающему строиться отводили по царскому указу огромные участки земли, давали и матеріалъ на постройку: каждый могъ позвать на закладку дома самого государя, который не кичился ни передъ кѣмъ и шелъ съ одинаковой охотой къ богачу и бѣдняку, къ вельможѣ и простому матросу, — было бы только время свободное.

Отношеніе государя къ жителямъ.

Держался онъ со всѣми крайне просто и, требуя себѣ поклона отъ всѣхъ прохожихъ, не терпѣлъ никакихъ преувеличенныхъ знаковъ почтенія и говаривалъ: «Поменьше низости и низкопоклонства, а побольше усердія къ службѣ и вѣрности государству — вотъ почести, которыхъ бы я хотѣлъ достигнуть». Придерживаясь во всемъ величайшей простоты, царь часто ходилъ по городу пѣшимъ, а ѣздилъ въ такой старой неказистой одноколкѣ, въ такихъ незатѣйливыхъ саняхъ, что и простому купцу было бы впору. Если прохожій, отдавъ ему поклонъ, останавливался, то останавливался и царь, спрашивая, «что надо?», «нѣтъ ли какого дѣла?» и тутъ же, принимая просьбу или жалобу, быстро давалъ рѣшеніе. Если же прохожій говорилъ, что остановился ради почтенія къ высокой царской особѣ, то великій труженикъ съ досадой возражалъ: «И чего ради, братецъ? у тебя свои дѣла, у меня мои, зачѣмъ тратить время попусту, ступай своей дорогой».

Вставалъ царь зимою и лѣтомъ въ четвертомъ часу утра и тотчасъ принимался за дѣло: или слушалъ доклады своего личнаго секретаря Макарова о важнѣйшихъ дѣлахъ и давалъ резолюціи по нимъ, или, прочитывая голландскія и нѣмецкія газеты, дѣлалъ отмѣтки, что слѣдуетъ перевести для «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», или выправлялъ переводы иностранныхъ сочиненій на русскій языкъ. Потомъ, часовъ въ пять, выпивъ рюмку анисовой водки и заѣвъ ее кренделемъ, онъ отправлялся или на осмотръ новыхъ строившихся зданій, или на работу въ адмиралтейство, гдѣ ни одинъ корабль не строился безъ его указаній; а часамъ къ 9 являлся въ Сенатъ или коллегіи, гдѣ занимался текущими дѣлами, съ необыкновенной скоростью и ясностью рѣшая самые запутанные вопросы. Къ 11 часамъ царь возвращался къ себѣ во дворецъ и до 12 часовъ при-

Трудовой день царя.

нималъ просителей, имѣвшихъ личное до него дѣло, при чемъ одинаково быстро, но внимательно прослушивалъ какъ просьбы вельможъ, такъ и челобитни простыхъ мастеровыхъ, имѣвшихъ всегда свободный доступъ къ государю. Въ 12 часовъ ворота дворца запирались, и царь садился обѣдать въ своей семьѣ, а потомъ спалъ $1^1/_2$—2 часа, но къ тремъ былъ уже на ногахъ, и къ нему являлись министры для совѣщанія по особенно важнымъ дѣламъ, на которыя царь давалъ свои рѣшенія, писалъ или диктовалъ приказы, обсуждалъ планы построекъ и т. п. Только къ 7 часамъ царь освобождался и удалялся въ свою токарню, на дверяхъ которой собственноручно сдѣлалъ надпись: «Не призванный сюда да не входитъ, дабы хозяинъ дома сего хоть здѣсь имѣлъ отдохновеніе». Отдыхъ его состоялъ въ токарной или столярной работѣ, которой онъ учился еще мальчикомъ въ селѣ Преображенскомъ и которую не переставалъ изучать до самой смерти, для чего былъ приглашенъ особый механикъ и «токарнаго искусства учитель» Андрей Нартовъ, у котораго державный работникъ учился тонкостямъ токарнаго искусства со свойственнымъ ему прилежаніемъ и усердіемъ. Часа два посвящалъ царь ручному труду, а въ 9 или 10 часовъ ложился спать; но прежде просматривалъ свою записную книжку, чтобы отмѣтить, все ли назначенное на день исполнено, и записать все нужное къ слѣдующему дню. Даже ложась спать, царь приказывалъ класть около него грифельную доску, чтобы записать, если что-нибудь важное придетъ ему на умъ ночью.

Заботы о развитіи промышленности.

Царь смотрѣлъ за всѣмъ, вникалъ во все и все успѣвалъ примѣтить, схватить, распознать своимъ орлинымъ взоромъ. Будучи самъ мастеромъ 12 ремеслъ, онъ могъ дѣлать указанія почти во всякомъ дѣлѣ, и нерѣдко видали его за станкомъ на ткацкой фабрикѣ, или за горномъ и наковальней на желѣзныхъ заводахъ, которые онъ устраивалъ въ Олонецкомъ краѣ. Онъ выписывалъ иностранцевъ учителей почти для всякаго новаго дѣла, «понеже (какъ писалъ онъ) безъ прекословія есть, что ихъ торги и ремесленное дѣло несравненно есть лучше нашихъ». Но онъ строго слѣдилъ, чтобы выписанные мастера учили русскихъ своему мастерству, ничего не скрывая, а если узнавалъ объ утайкѣ, то высылалъ провинившихся, взимая штрафъ за утайку. Этимъ онъ явно показывалъ, что всѣ эти знанія онъ покупаетъ «на сѣмена», что плодовъ отъ познаній онъ ожидаетъ отъ «своихъ», отъ природныхъ русскихъ. Какъ только въ немъ явилась увѣренность въ побѣдѣ «надъ свейскимъ», онъ дѣлаетъ распоряженіе объ устройствѣ примѣрныхъ фабрикъ «для народнаго обученія». Въ 1714 году устроены были въ Петербургѣ: 1) шелковая фабрика, гдѣ обучалъ мастеръ-армянинъ, 2) фабрика для

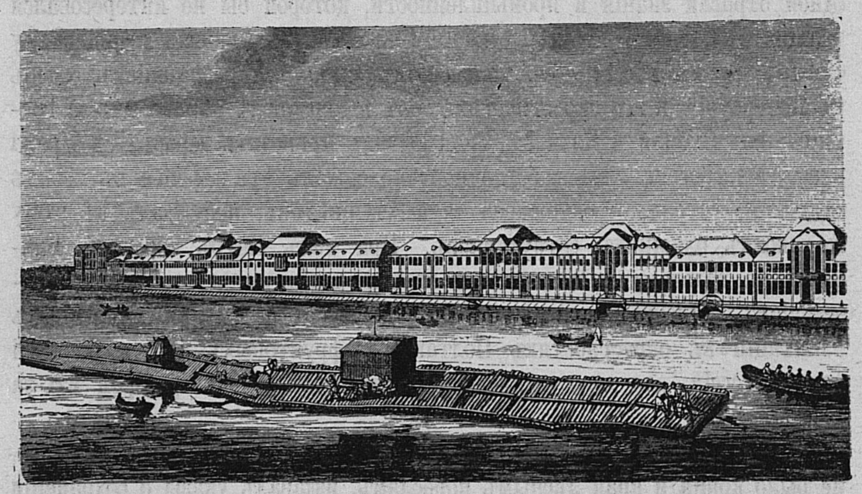
изготовленія тесьмы, позумента и шнурковъ, гдѣ руководителями являлись мастера-французы, 3) небольшой горный заводъ съ плавильными и мѣднообжигательными печами, съ бродильными и сереброочистительными горнами, «дабы показать, какъ разрабатываются руды и тѣмъ пріохотить особенно способныхъ русскихъ людей къ плавленію металловъ и вообще къ горно-заводскому дѣлу». Царь съ великимъ интересомъ слѣдилъ за работами на этихъ заводахъ и фабрикахъ, за успѣхами молодыхъ учениковъ, и старшіе изъ нихъ должны были каждую субботу послѣ обѣда являться во дворецъ съ образчиками своей работы, при чемъ Петръ разспрашивалъ ихъ о занятіяхъ, слѣдилъ за ихъ успѣхами. Не было ни одной отрасли знанія и промышленности, которой бы не интересовался великій труженикъ земли русской. Онъ положилъ начало правильному садоводству въ Россіи. Съ увлеченіемъ занимаясь разведеніемъ садовъ въ Петербургѣ и его окрестностяхъ, онъ выписывалъ сѣмена изъ-за границы, изъ Сибири и Кавказа, приказывалъ привозить деревья съ Урала и изъ Малороссіи, самъ собственноручно сажалъ эти деревья въ своихъ садахъ и, устраивая оранжереи чудныхъ цвѣтовъ, побуждалъ къ тому же своихъ ближнихъ сотрудниковъ. При томъ Петръ обратилъ вниманіе на садоводство и какъ на статью доходную и озаботился разведеніемъ виноградниковъ въ окрестностяхъ Астрахани, табачныхъ плантацій въ окрестностяхъ Полтавы и фруктовыхъ садовъ во всей южной Россіи, для чего выписывалъ садоводовъ и виноградарей изъ-за границы.

Заботы о сохраненіи лѣсовъ.

Петръ же первый обратилъ вниманіе на лѣса, когда еще, казалось, не было конца и края лѣснымъ порослямъ, издавалъ указы о сохраненіи лѣсовъ, указывая, какую громадную пользу приносятъ они и для домашняго обихода, и для сохраненія уровня воды въ рѣкахъ. Плохо слушались царскихъ указовъ, истребляли лѣса безъ всякой жалости, смотря на нихъ какъ на такой же всеобщій даръ Божій, какъ воздухъ и вода. Царь приказалъ прибить указы о сохраненіи лѣсовъ на столбахъ по всѣмъ деревнямъ, приказывалъ читать свои указы въ приходскихъ церквахъ, «чтобы въ томъ невѣдѣніемъ никто не отговаривался», — ничто не помогло. Тогда Петръ прибѣгъ уже къ наказаніямъ и строгостямъ: лѣса подъ Петербургомъ раздѣлены были на участки широкими просѣками въ три сажени и черезъ каждыя пять верстъ поставили на нихъ висѣлицы для страха порубщиковъ — и то порубки продолжались. Не исполняли требованій царя относительно лѣсовъ и въ самомъ Петербургѣ: такъ, когда государь уѣхалъ, безжалостно вырубили чудную березовую рощу, которая находилась въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Гостиный дворъ, рубили

не только простые, но и чиновные люди. Тогда царь пришелъ въ ярость и распорядился повѣсить каждаго десятаго изъ чиновныхъ порубщиковъ, а простыхъ бить кнутомъ на площади. Только Екатерина смягчила его и умолила отмѣнить смертную казнь, но всѣ виновные безъ исключенія были наказаны кнутомъ. Таковы были нравы того суроваго времени!

Для сохраненія лѣсовъ приказано было гнать смолу и деготь, приготовлять поташъ и сажу только изъ сучьевъ и пней, а никакъ не изъ цѣлыхъ деревьевъ, указано было разбивать отдѣльные лѣса на участки, по сто участковъ въ каждомъ, и вырубать тѣ участки по очереди, а вырубленныя мѣста выкорчевывать, вспахивать и, засѣявъ сѣменами, строго

Набережная Невы отъ Зимняго дворца до Лѣтняго сада при Петрѣ Великомъ.

хранить отъ порубокъ, чтобы черезъ сто лѣтъ на вырубленныхъ участкахъ снова былъ строевой лѣсъ.

Труды для развитія скотоводства.

Этотъ человѣкъ ничего не упускалъ изъ виду: для улучшенія скотоводства выписывалъ лучшія породы скота — и лошадей, и коровъ, и овецъ тонкорунныхъ, — и дѣло овцеводства развивалось быстро, приносило доходъ и установилось прочно на югѣ Россіи; съ того же времени появились русскія породы овецъ, лошади-битюги, коровы-холмогорки и ярославки.

Горное дѣло.

Царь Петръ создалъ и горнозаводскую промышленность. До него на Руси почти не было горнаго промысла, и не умѣли добывать руду; если были кое-гдѣ близъ Москвы желѣзные и ружейные заводы, то работали тамъ большею частью иноземцы, а мѣдь и желѣзо привозили изъ

Швеціи. Даже для приготовленія серебряной монеты пользовались тѣмъ серебромъ, которое получали отъ иностранцевъ за русскіе кожи, сало и хлѣбъ, — нѣмецкіе талеры переливали на русскіе рубли и ефимки. Петръ, лишенный возможности получать мѣдь и желѣзо изъ Швеціи, на первый случай принужденъ былъ употребить на пушки колокола, а потомъ, когда открылись руды въ Олонецкомъ краѣ и на Уралѣ, горное дѣло сразу стало прочно и прибыльно. Для отысканія руды и минераловъ по всему государству разъѣзжали свои и чужеземные ученые, которые находили разные минералы и руды и открыли много прежде неизвѣстныхъ богатствъ: горный хрусталь, сердоликъ, селитру, торфъ и, тогда никому еще неизвѣстный, каменный уголь, значеніе котораго сразу оцѣнилъ государь, сказавъ: «Сей минералъ если не намъ, то нашимъ потомкамъ весьма полезенъ будетъ». Вездѣ приказано было разыскивать и разрабатывать руду, хотя бы и на чужой землѣ найденную, только за небольшую плату землевладѣльцу, «дабы Божіе благословеніе подъ землей втуне не оставалось».

При этомъ царь заботился и о теоретическомъ изученіи горнаго дѣла и всюду, гдѣ шла усиленная горнозаводская дѣятельность, устраивалъ подходящія школы. Такъ, на Олонецкихъ заводахъ, гдѣ лили пушки и ядра, устроена была школа на 300 мальчиковъ; на уральскихъ заводахъ устроено было нѣсколько горныхъ школъ, гдѣ учили не только практикѣ горнаго дѣла, но и теоріи его и, кромѣ того, ариѳметикѣ и геометріи.

Заботы о просвѣщеніи.

Такъ вездѣ и всюду сѣялъ Петръ просвѣщеніе, а на свой «парадизъ» смотрѣлъ какъ на «нарочитую» школу для всего народа. Въ Петербургѣ особенно ясно сказалась воспитательная роль царя, который дѣйствовалъ тутъ какъ путемъ строгости и всякихъ принужденій, такъ и путемъ соревнованія и наградъ. Напримѣръ, онъ считалъ плаваніе на лодкахъ, особенно подъ парусами, прекраснымъ средствомъ къ развитію ловкости, сообразительности и храбрости, а потому воспрещалъ строить мосты на Невѣ, приказывалъ каждому домовладѣльцу имѣть не менѣе 2 лодокъ и переправляться черезъ Неву на парусахъ, а не только съ помощью гребцовъ. Это было, конечно, принужденіемъ, но рядомъ съ этими принудительными мѣрами шло устройство гребныхъ и парусныхъ гонокъ, гдѣ руководителемъ празднества являлся самъ царь, гдѣ всякій побѣдитель, получая призъ изъ рукъ императрицы, слышалъ ласковое привѣтливое слово отъ самого царя. Грозными указами требовалъ государь ученія отъ всѣхъ дворянъ и лицъ духовныхъ, но тотъ же грозный учитель, желая, чтобы люди его «всего учились и смотрѣли», прибѣгаетъ къ

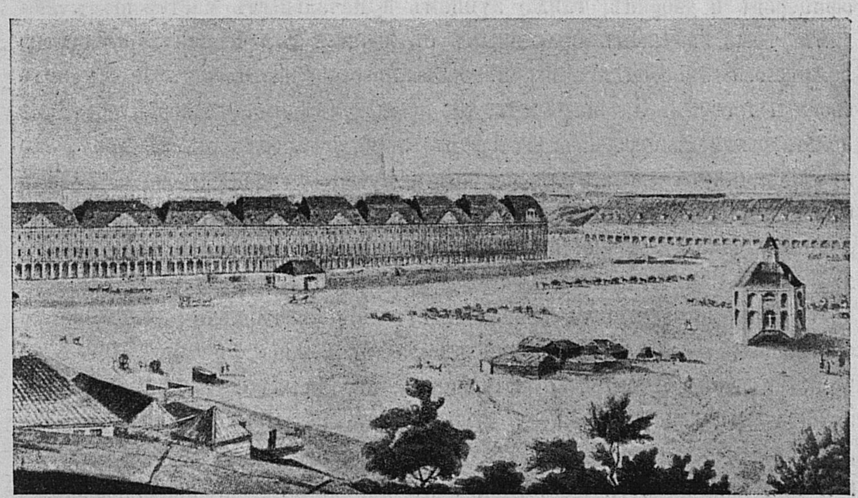
другимъ легчайшимъ средствамъ обученія: издаетъ газеты, журналы, приказываетъ переводить и издавать «научныя и занимательныя книги», устраиваетъ общедоступный театръ, библіотеку и собраніе рѣдкостей — кунсткамеру, гдѣ самъ работаетъ надъ препарированіемъ труповъ, надъ физическими и химическими опытами. Въ этой кунсткамерѣ царь въ извѣстные дни самъ принималъ посѣтителей, охотно показывалъ свои «раритеты», т. е. рѣдкости, и давалъ объясненія всего непонятнаго. Когда же ему предложили брать съ посѣтителей деньги, онъ отвѣчалъ: «Я хочу, чтобы люди смотрѣли и учились. Надлежитъ охотниковъ пріучить, потчевать и угощать, а не деньги съ нихъ брать», — и приказалъ, чтобы посѣтителямъ кунсткамеры предлагали чай, кофе и прохладительные напитки, на что ежегодно отпускалась значительная сумма денегъ. Когда въ 1716 году изъ-за границы привезли знаменитый Готорбскій глобусъ, то для него было устроено особое помѣщеніе со множествомъ оконъ, чтобы яснѣе можно было разсмотрѣть все изображенное на глобусѣ, и государь въ опредѣленные дни давалъ посѣтителямъ объясненія о строеніи земли, о суточномъ и годовомъ движеніи ея, т. е. попросту обращался въ учителя для всѣхъ желающихъ, только бы «учились и всего смотрѣли».

Общественная жизнь.

Учить приходилось не только наукамъ и мастерствамъ, но и новымъ порядкамъ общественной жизни, которой до Петра не существовало.

Тотчасъ по возвращеніи изъ-за границы царь освободилъ женщинъ отъ затворничества и сталъ требовать, чтобы онѣ появлялись всюду безъ фаты и безъ всякихъ покрывалъ, чтобы не прятались по теремамъ и пользовались развлеченіями, имъ доступными; но дѣло въ томъ, что доступныхъ увеселеній для женщинъ не было, что мужчины веселились и пировали отдѣльно отъ нихъ, и общественной жизни, «людкости», какъ тогда выражались, не было. Для развитія этой «людкости» царь сталъ дѣйствовать сначала собственнымъ примѣромъ, потомъ наставленіемъ, наконецъ — и принужденіемъ. Устраивая празднества, онъ требовалъ чтобы на нихъ непремѣнно присутствовали женщины; потомъ приказалъ перевести и издалъ всѣмъ въ наставленіе и поученіе любопытную книгу «Юности честное зерцало», гдѣ изложены были первоначальныя правила общежитія и вѣжливости. Любопытными, но странными кажутся эти наставленія теперь, когда правила общежитія вошли уже въ привычку и внушаются дѣтямъ съ малолѣтства. Вотъ, напримѣръ, эти наставленія: «Неприлично руками и ногами по столу вездѣ колобродить, но смирно [надлежитъ] ясти. А вилками и ножикомъ по тарелкамъ, по скатерти или по блюду не чертить, не колоть и не стучать, но должны

тихо и смирно не избоченясь сидѣть. Когда прилучится [случится] тебѣ съ другими за столомъ сидѣть, то держи себя въ порядкѣ по сему правилу: во-первыхъ, обрѣжь свои ногти, да не явится яко бы оныя бархатомъ обшиты. Сиди прямо, не хватай первый съ блюда, не жри какъ свинія, и не дуй въ ушное [1], чтобы вездѣ брызгало, не сопи, когда яси [т. е. когда ѣшь], надъ ѣствой не чавкай, какъ свинія, и головы не чеши, не

Зданіе Двѣнадцати коллегій, нынѣшній С.-Петербургскій университетъ, и павильонъ, въ которомъ хранился Готорбскій большой глобусъ, нынѣ находящійся въ Царскомъ Селѣ.
(Лондонская гравюра съ акварели Аткинсона.)

проглотя куска не говори, около своей тарелки не дѣлай забора изъ костей и корокъ хлѣба и прочаго».

Ассамблеи и ихъ значеніе.

Наставленія были сдѣланы, первоначальные пріемы общежитія указаны, слѣдовало примѣнить ихъ на дѣлѣ, и въ концѣ 1718 года появился указъ объ «ассамблеяхъ» или «вольныхъ собраніяхъ», которыя устраиваются (по объясненію указа) «не только для забавы, но и для дѣла, ибо тутъ можно другъ друга видѣть и о всякой нуждѣ переговорить, также слышать, гдѣ что дѣлается». Послѣ этого указа всѣ чиновные и богатые люди обязаны были въ теченіе всей зимы по очереди устраивать у себя ассамблеи, при чемъ царь назначалъ, въ чьемъ домѣ должна быть первая ассамблея, а затѣмъ дальнѣйшее ихъ назначеніе зависѣло въ Петербургѣ — отъ полицеймейстера, въ Москвѣ — отъ коменданта. Прежде

[1] Ушное — отъ слово уха, въ смыслѣ супа вообще.

чѣмъ гости расходились съ ассамблеи, имъ объявлялось, гдѣ будетъ слѣдующая. Устройство и посѣщеніе ассамблей являлось дѣломъ обязательнымъ, отъ котораго нельзя было отказываться ни гостямъ, ни хозяевамъ. Въ указѣ опредѣлялось: «начинать ассамблеи не раньше пяти или четырехъ часовъ, кончать не позже 10». Въ правилахъ опредѣлялось: «На ассамблеи ходить всѣмъ служащимъ, отъ высшихъ чиновъ до оберъофицеровъ и дворянъ, также купцамъ и начальнымъ мастеровымъ людямъ, тоже знатнымъ приказнымъ съ женами и дочерьми». Общество получалось самое смѣшанное, и приказано было ни въ чемъ не стѣснять свободы гостей. Ни встрѣчать, ни провожать, ни потчевать гостей не полагалось подъ строгимъ штрафомъ, а штрафъ состоялъ въ томъ, что провинившагося заставляли выпивать кубокъ «большого орла». Это былъ громадный кубокъ объемомъ въ 3—4 стакана, который наполнялся лучшимъ виномъ, и когда виноватый выпивалъ его, то пьянѣлъ и валился безъ памяти при общемъ смѣхѣ присутствовавшихъ.

Конечно, ассамблеи временъ Петра не отличались утонченностью обстановки — все дѣлалось попросту, безъ затѣй. Въ одной и той же комнатѣ нерѣдко танцовали и ужинали, играли въ шахматы и курили, а когда становилось слишкомъ душно, то, несмотря на морозъ, открывались окна, чтобы провѣтрить комнаты, прокопченныя табакомъ, и тутъ же, при всѣхъ, слуги подметали полъ вѣниками. Главнымъ развлеченіемъ на ассамблеяхъ были танцы, но первое время и они не ладились; мужчины и дамы стѣснялись другъ друга, стѣснялись непривычными костюмами, дамы не умѣли не только легко и граціозно танцовать, но не знали, какъ имъ стать и сѣсть, какъ распряжаться своими «шлепами», какъ онѣ называли шлейфы. Первое время учителемъ и въ этомъ немудреномъ дѣлѣ являлся царь, который, по словамъ иностранцевъ, былъ большимъ мастеромъ въ танцахъ и выдѣлывалъ такіе «капріоли», которые составили бы честь лучшимъ балетмейстерамъ того времени. Екатерина танцовала съ полнымъ увлеченіемъ, особенно въ парѣ съ царемъ, и ихъ примѣръ мало-по-малу уничтожилъ прежнюю застѣнчивость и дикость. Ассамблеи къ концу царствованія потеряли свой принудительный характеръ и составляли лучшее удовольствіе петербуржцевъ въ зимнее время.

Лѣтомъ Петръ старался переносить всѣ свои торжества и празднества на воздухъ и на широкій просторъ Невы. Торжества происходили обыкновенно въ Лѣтнемъ саду, гдѣ во время праздниковъ по всѣмъ площадкамъ разставлялись столы съ фруктами и сластями. Гости, нисколько не стѣсняясь, гуляя по аллеямъ, свободно подходили, брали, что

кому было угодно, никому ни въ чемъ стѣсненія не было, но въ 5 часовъ ворота сада запирались, часовымъ приказывалось не выпускать никого изъ воротъ, и начиналось угощеніе, на нашъ взглядъ чудовищное, непристойно грубое. На главную аллею выступала странная процессія: рослые гренадеры гвардіи несли ушаты простой водки; за солдатами шли майоры гвардіи и предлагали всѣмъ выпить по большой чаркѣ за здоровье ихъ полковника, т. е. царя. Отъ этой обязательной чарки не избавляли ни-

Ассамблея у царя Петра Великаго.
(Картина проф. Хлѣбовскаго.)

кого, даже дамы обязаны были пить, а тѣхъ, кто упирался, поили насильно и подъ веселую руку лили упрямцу вино на голову или за воротникъ, когда тотъ не соглашался выпить. Получалось что-то дикое и безобразное, но потомъ все опять принимало болѣе утонченный характеръ: начинались танцы съ ихъ мѣрными и красивыми движеніями, потомъ слѣдовалъ ужинъ, и празднество всегда заканчивалось блестящимъ фейерверкомъ, которымъ обыкновенно руководилъ самъ царь.

Значеніе общественной реформы.

Такъ грубость, отъ которой до конца не могъ освободиться царь, воспитанный улицей, вредила прекраснымъ его начинаніямъ, и о ней нельзя не упомянуть въ разсказѣ о Петрѣ, но она исчезаетъ въ общемъ фонѣ

всего, сдѣланнаго имъ для преобразованія общества и для освобожденія женщинъ отъ ихъ подневольнаго рабскаго положенія.

Петръ въ своихъ указахъ первый призналъ право личности — какъ мужчины, такъ и женщины, предписывая, чтобы браки совершалась съ согласія дѣтей, безъ произвола родителей, требовалъ, чтобы и помѣщики не смѣли принуждать крестьянъ къ невольному браку.

Онъ сдѣлалъ первую попытку къ устройству учебныхъ заведеній для женщинъ и постановилъ, чтобы въ женскихъ монастыряхъ, воспитывая дѣвочекъ сиротъ, учили ихъ не только рукодѣлію, но и грамотѣ,

Свадьба карликовъ при Петрѣ Великомъ.
(Съ голландской гравюры Филиса.)

чѣмъ положено было первое основаніе къ признанію женщинъ достойными образованія. Своими указами Петръ вывелъ женщинъ изъ прежняго подневольнаго положенія, и хоть насильственны и грубы были его ассамблеи, но все же онѣ привели къ общенію мужчинъ и женщинъ, вывели прежнихъ теремныхъ затворницъ въ жизнь общественную. Невозможно было уже послѣ этого оставаться женщинамъ попрежнему неграмотными, невѣжественными и чуждыми жизни, онѣ волей-неволей принимаются за книги, а мало-по-малу начинаютъ участвовать въ жизни мужчинъ, внося въ общество свое смягчающее вліяніе.

Подъ вліяніемъ великаго преобразователя если не всѣ, то лучшіе его современники стали смотрѣть на женщину съ полнымъ почтеніемъ, а не какъ «на сосудъ діавольскій», что̀ было ходячимъ мнѣніемъ въ Мо-

сковской Руси. Лучшіе люди послѣ общественныхъ реформъ царя стали видѣть въ женѣ уже «не вѣчную платьемойницу» и «вѣковѣчную ключницу», какъ было до Петра, но друга и совѣтника.

Не сразу, конечно, установился такой взглядъ на женщину, не сразу смягчились нравы подъ вліяніемъ новыхъ взглядовъ, но все же фундаментъ былъ заложенъ царемъ Петромъ.

Пробужденіе самодѣятельности.

Петръ же всей своей напряженной, поступательной дѣятельностью будилъ умственныя силы своего народа, не давая спать его мысли: при изданіи каждаго важнаго постановленія, при введеніи каждаго преобразованія великій законодатель объяснялъ своему народу, почему онъ такъ дѣлаетъ, почему новое лучше стараго, почему и для чего ведетъ онъ войну со «свейскимъ», почему и для чего нужно ему море и общеніе съ другими народами.

Не понимали многіе, а въ большинствѣ — не хотѣли понимать его объясненій, но все же надъ ними думали, все же мысль работала и все же «насажденъ былъ корень» къ развитію самодѣятельности, и люди работали: появились русскіе труды почти по всѣмъ отраслямъ знаній. Въ 1703 году Магницкимъ былъ составленъ учебникъ ариѳметики подъ названіемъ «Ариѳметика, сирѣчь наука числительная». Въ 1719 году два флотскихъ офицера, отправленные для изслѣдованія береговъ Камчатки, самостоятельно составили правильную карту Курильскихъ острововъ, а въ 1721 году уже тридцать картографовъ трудилось по всему государству надъ съемками для составленія общей карты Россіи. Благодаря ихъ трудамъ русскій человѣкъ, секретарь сената Кирилловъ, могъ составить географическій атласъ, надъ которымъ работалъ до 1734 года и который представляетъ до сихъ поръ очень цѣнный трудъ. И это черезъ 40 лѣтъ послѣ того, какъ царь-мальчикъ, горѣвшій жаждой знанія, не могъ найти среди придворной знати ни одного человѣка, знакомаго хотя бы съ астролябіей!

Въ концѣ царствованія Петра Татищевъ принимается за составленіе «Исторіи Россійской» въ пяти частяхъ, а крестьянинъ Посошковъ въ 1724 году издаетъ и подноситъ государю книгу «О скудости и богатствѣ», гдѣ даетъ яркую картину современнаго ему состоянія Россіи и высказываетъ такія свѣтлыя мысли объ улучшеніи общаго быта, что до сихъ поръ онѣ не теряютъ своей цѣнности.

Можно сказать, что не вотще трудился великій царь. Сѣмена знаній были посѣяны, дали ростки и принесли плодъ.

Глава XXVII.
Политическія дѣла послѣ Ништадтскаго мира.

От Зундскихъ водъ до Гималая. — Отношеніе къ Персіи. — Сознаніе необходимости укрѣпиться на берегахъ Каспійскаго моря. — Походъ на Кавказское побережье. — Выгодный договоръ съ Персіей. — Отношенія съ Турціей. — Отношенія къ прочимъ государствамъ Европы. — Дружественный договоръ со Швеціей. — Торжество Петра и Россіи.

От Зундскихъ водъ до Гималая.

Поэтъ Майковъ, характеризуя всестороннюю дѣятельность Петра, въ одномъ стихотвореніи своемъ такъ говоритъ о немъ:

Одинъ онъ кормчій былъ, который
Куда вести корабль свой зналъ;
Одинъ увѣренные взоры
Вдаль, въ безпредѣльность обращалъ:
Отъ Зундскихъ водъ до Гималая,
Съ Невы на Тихій океанъ...

Слова эти правдивы въ буквальномъ смыслѣ: въ 1717 году, находясь близъ Зундскихъ водъ, царь руководилъ экспедиціей въ Хиву для изслѣдованія пути въ Индію къ Гималайскимъ горамъ, а въ 1719 году отправилъ изъ Петербурга капитана Измайлова въ Пекинъ для утвержденія свободной и безпошлинной торговли съ Китаемъ, и послалъ молодыхъ геодезистовъ [1] изъ навигаторовъ для изслѣдованія вопроса, соединяется ли Азія съ Америкой или между ними есть проливъ? Направляя мысли свои «съ Невы на Тихій океанъ», царь интересовался всѣмъ, тамъ существующимъ, и никогда не упускалъ случая внушать своимъ подданнымъ, что имъ необходимо изучать языки сосѣдей своихъ — китайскій,

[1] Геодезистъ — землемѣръ, человѣкъ, изучающій геодезію — науку землеизмѣренія. Навигаторъ — человѣкъ, изучающій навигацію, т. е. науку мореплаванія.

монгольскій, персидскій и татарскій. Когда же буря выбросила однажды на берегъ Камчатки японца Дембея, Петръ, получивъ извѣстіе объ этомъ, приказалъ «втолковать ему, Дембею, чтобы училъ своему японскому языку и грамотѣ ребятъ человѣкъ четырехъ или пяти». Года черезъ три Петръ справился о Дембеѣ, научился ли онъ русскому языку, а у него — кто-нибудь японскому? Повидимому, ученье шло если не успѣшно, то удовлетворительно, такъ какъ въ помощь Дембею прислали другого японца, и въ Петербургѣ открылась «школа для изученія японскаго языка», для «будущаго общенія съ симъ диковиннымъ народомъ».

Отношеніе къ Персіи.

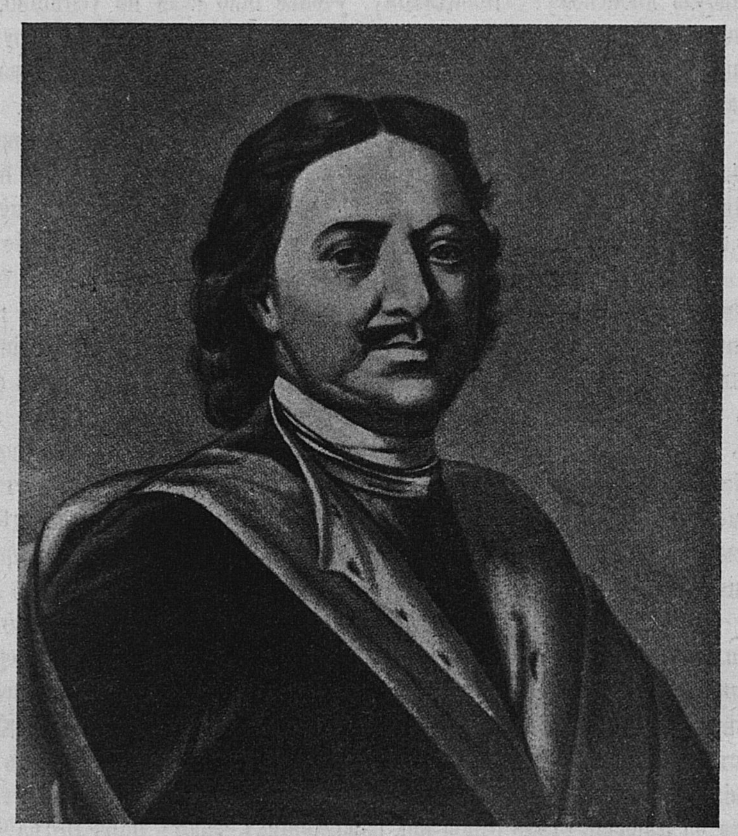
Заботясь такъ объ общеніи съ дальними, едва извѣстными Европѣ народами, Петръ, конечно, не упускалъ изъ виду страны ближайшей — Персіи, съ которой у русскихъ были стародавнія торговыя сношенія. Еще въ 1715 году туда назначенъ былъ посланникомъ Артемій Петровичъ Волынскій, человѣкъ умный и талантливый, которому дана была собственноручная царская инструкція — изслѣдовать особенности края и узнать, нельзя ли черезъ Персію «учинить купечество въ Индіи» и склонить шаха, чтобы повелѣно было армянамъ весь торгъ шелкомъ сырцомъ вести черезъ Россію. Волынскій доносилъ государю, что «у персіянъ ничего толковаго добиться нельзя, что у нихъ не только посторонніи, но и свои дѣла идутъ безпутно, безо всякаго разсужденія, а оттого видимо, что Богъ ведетъ къ паденію сію корону, ибо не только цѣлою арміею, но и малымъ корпусомъ великую часть страны къ Россіи присовокупить можно».

Сознаніе необходимости укрѣпиться на берегахъ Каспійскаго моря.

Петръ былъ чуждъ завоевательныхъ цѣлей, онъ думалъ только объ укрѣпленіи торговли на дальнемъ востокѣ, но, узнавъ о слабости Персіи, хорошо понялъ, что этою слабостью могутъ воспользоваться наши исконные враги — турки и что допустить этого нельзя. Царь предвидѣлъ, что въ такомъ случаѣ весь востокъ Россіи будетъ подвергаться ихъ нападеніямъ, и обезопасить себя съ этой стороны, не дать туркамъ утвердиться на Кавказѣ стало одной изъ важнѣйшихъ заботъ царя Петра. Въ мартѣ 1720 года онъ сдѣлалъ астраханскимъ губернаторомъ того же Волынскаго и повелѣлъ ему «мало-по-малу и въ великомъ секретѣ дѣлать всѣ приготовленія, нужныя для могущей возникнуть войны».

Волынскій готовился «по указу», и «удобный случай» дѣйствовать скоро представился. Распаденіе Персіи началось съ сѣвера и сопровождалось страшнымъ урономъ для русской торговли, такъ какъ возставшіе противъ шаха лезгины завладѣли Шемахой, гдѣ была сосредоточена русская торговля, перебили многихъ русскихъ купцовъ и совершенно разграбили русскіе товары. Это происшествіе, по мнѣнію Волынскаго, да-

вало поводъ къ начатію войны — и поводъ вполнѣ законный. такъ какъ царь «вступался за свое и начиналъ дѣло не противъ персіянъ, но противъ непріятелей ихъ и своихъ». Это письмо царь получилъ по заключеніи Ништадтскаго мира и сталъ рѣшительно готовиться къ походу. Приготовленія дѣлались въ такой тайнѣ, что никто въ народѣ не предполагалъ

Петръ I.
(Съ портрета К. Мора 1718 года.)

похода, думали, что войска сосредоточиваются около Москвы ради болѣе торжественнаго празднованія мира, но когда число войскъ уже слишкомъ увеличилось, Европа встревожилась: дворы съ безпокойствомъ запрашивали другъ друга, «куда направляется это движеніе» — и вздохнули спокойно, когда узнали, что императоръ занялся дѣлами восточными.

Въ началѣ 1722 года царь получилъ извѣстіе, что противъ шаха Гуссейна возстали еще афганцы, разбили его войско и овладѣли Испа-

ганью; тогда нельзя было уже медлить, такъ какъ турки могли воспользоваться паденіемъ Персіи и утвердиться на берегахъ Каспійскаго моря, которое Петръ считалъ необходимымъ дополненіемъ къ морю Балтійскому.

Походъ на Кавказское побережье.

Императоръ считалъ необходимымъ свое участіе въ походѣ на Персію и, отпустивъ часть гвардіи на судахъ по Москвѣ-рѣкѣ, самъ выѣхалъ 13 мая сухимъ путемъ въ Коломну, потомъ по Окѣ проѣхалъ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ пробылъ 4 дня. Здѣсь онъ, между прочимъ, долго молился надъ гробницей Минина и, первый оцѣнивъ по достоинству подвигъ великаго человѣка и гражданина, сказалъ: «Здѣсь лежитъ спаситель отечества». 18 іюля царь вмѣстѣ съ царицей и пѣхотой отплылъ въ море и черезъ 9 дней, 27 іюля вступилъ на Кавказскій берегъ въ Аграханскомъ заливѣ, гдѣ тотчасъ приказалъ сдѣлать небольшое укрѣпленіе и сталъ дожидаться кавалеріи, разсылая мелкимъ властителямъ незначительныхъ племенъ извѣщеніе о своемъ приходѣ съ оружіемъ и войскомъ. Царю и царицѣ приходилось жить въ землянкѣ, но они не тужили. Несмотря на страшныя жары, царь чувствовалъ себя бодро и забавлялся тѣмъ, что всѣхъ вновь прибывающихъ, не бывавшихъ въ Каспійскомъ морѣ, «крестилъ въ водахъ его». Для этого съ корабля на особомъ блокѣ спускался въ море небольшой плотъ съ новоприбывшимъ, котораго три раза окунали въ воду по поясъ или по горло при крикахъ «ура». Царь первый подвергся этой церемоніи. Дождавшись кавалеріи, 6 августа Петръ выступилъ въ походъ: властители мелкихъ племенъ сдавались безъ боя и сопротивленія, выражали покорность колѣнопреклоненіемъ, цѣлованіемъ рукъ царя и другими знаками почтенія. По дорогѣ къ Дербенту пришлось вступить въ бой только съ однимъ изъ мелкихъ владѣтельныхъ князей. Дербентскій же наибъ (намѣстникъ) встрѣтилъ державнаго полководца съ почтеніемъ: вышелъ къ нему навстрѣчу за версту отъ Дербента и, стоя на колѣняхъ, поднесъ серебряные ключи отъ города. Такимъ образомъ побѣды давались легко, но государь писалъ въ сенатъ: «Маршъ[1] сей зѣло труденъ отъ безкормицы людямъ и великихъ жаровъ».

Трудности похода со дня на день увеличивались: на Каспійскомъ морѣ начались сильныя бури, многія суда были разбиты, пришлось загнать нѣкоторыя галеры на мель и выгружать провіантъ на рукахъ, но все же множество муки погибло. Тогда созванъ былъ военный совѣтъ, на которомъ государь подалъ мнѣніе, что слѣдуетъ вернуться назадъ къ

---

[1] Маршъ — походъ.

Сулаку и тамъ заложить крѣпость для устрашенія жителей и для лучшаго «дѣйства» въ будущей кампаніи. Все было сдѣлано по указанію государя, и при устьѣ Сулака онъ собственноручно заложилъ крѣпость св. Креста, которая должна была прикрывать русскія границы вмѣсто Терской крѣпости, положеніе которой было признано неудобнымъ. 4 октября царь благополучно вернулся въ Астрахань, гдѣ сдѣлалъ распоряженіе о походѣ въ Гилянь, о мѣрахъ для взятія Баку, и тогда только

Пріѣздъ Петра Великаго въ Дербентъ.
(Картина Ф. Рубо.)

пустился въ обратный путь, а 13 декабря торжественно въѣхалъ въ Москву.

Выгодный договоръ съ Персіей.

Походъ можно было назвать удачнымъ, но гораздо важнѣе были результаты, достигнутые дипломатическими переговорами: нашъ посланникъ добился того, что персы признали нашъ походъ желательнымъ для шаха, какъ защиту противъ мятежниковъ, и этимъ дѣло наше значительно облегчилось. Такъ, когда въ 1723 году наше войско прибыло въ Баку, то предводитель его — Матюшкинъ послалъ сказать, что явился взять городъ въ защиту отъ бунтовщиковъ, а когда его не пустили и послѣ этого объявленія, то онъ могъ объяснить взятіе города тѣмъ, что боролся противъ ослушниковъ хана. Взятіе Баку было чрезвычайно важно для насъ, такъ какъ персы, испугавшись нашихъ успѣховъ и движенія вглубь страны, вступили въ переговоры объ уступкѣ взятыхъ нами

мѣстъ, и 12 сентября 1723 года въ Петербургѣ былъ подписанъ договоръ, по которому императоръ Всероссійскій обѣщалъ хану добрую дружбу и сильное вспоможеніе противъ его бунтовщиковъ, а шахъ уступалъ Россіи въ полное владѣніе Дербентъ и Баку со всѣми прилежащими къ нимъ землями, а также провинціи Гилянь, Мазандеранъ и Астрабадъ.

Отношенія съ Турціей.

Результаты, достигнутые Петромъ, были значительны: своимъ походомъ и искусными переговорами онъ предупредилъ турокъ, помѣшалъ имъ воспользоваться тяжелымъ положеніемъ Персіи и не далъ имъ захватить ее подъ свою власть. Этимъ онъ, конечно, вооружилъ противъ себя турецкое правительство, и послѣ перваго движенія войскъ на Кавказъ турки стали выражать свой протестъ, толкуя о неправильномъ захватѣ земель, хотя и признавали, что государь имѣетъ право наказать лезгинцевъ за ихъ поступокъ противъ русскихъ купцовъ. Чѣмъ успѣшнѣе шли наши дѣла на Кавказѣ, тѣмъ рѣзче и суровѣе дѣлались возраженія турокъ, и, наконецъ, они стали грозить войной. Но Петръ, приготовившись къ войнѣ, спокойно писалъ Неплюеву, своему резиденту — посланнику въ Константинополѣ: «До Каспійскаго моря намъ никакую другую державу допустить нельзя, и если Порта, безо всякой со стороны нашей причины, хочетъ нарушить вѣчный миръ, то мы предаемъ такой беззаконный поступокъ суду Божію и къ оборонѣ своей, съ помощью Божіею, потребные способы найдемъ». Англійскій посланникъ внушалъ Портѣ, что Петръ хочетъ завоевать не только Персію, но и самую Турцію, что вступить съ нимъ въ борьбу для Порты будетъ легко и выгодно, такъ какъ и кесарь и англійскій король станутъ ея союзниками. Но на этотъ разъ враждебныя воздѣйствія оказались безсильными, и 12 іюня 1724 года, послѣ многихъ споровъ, препирательствъ и всякаго рода поправокъ, подписанъ былъ миръ, по которому всѣ завоеванія, сдѣланныя русскими, остались за Петромъ, и царь сталъ оказывать покровительство христіанскимъ народамъ Кавказа — армянамъ и грузинамъ, которые массами переходили въ мѣстности, завоеванныя имъ.

Отношенія къ прочимъ государствамъ Европы.

Съ этой стороны дѣла были вполнѣ хороши, но отношенія съ цезаремъ и Англіей нельзя было назвать блестящими: и цезарь Карлъ VI, и англійскій король Георгъ вредили Россіи, какъ только и гдѣ только могли: то распространяли слухъ, что Россійскій императоръ потерпѣлъ пораженіе въ Персіи, что 50,000 русской конницы погибло въ походѣ, и потому слѣдуетъ воспользоваться бѣдственнымъ положеніемъ Россіи, чтобы заключить общій союзъ противъ «сѣвернаго медвѣдя», погубившаго самого себя необузданнымъ честолюбіемъ; то сообщали по секрету, что новый императоръ въ союзѣ съ Франціей хочетъ захватить какія-то земли въ

Германіи, и необходимо общимъ союзомъ положить конецъ его хищническимъ намѣреніямъ. Но эти внушенія дѣйствовали мало, такъ какъ Георгъ показалъ свое безсиліе въ дѣлѣ защиты Швеціи, и ему мало довѣряли съ тѣхъ поръ.

Данія, не имѣвшая достаточно средствъ и мужества для борьбы съ Петромъ, держалась двойственно: то поддавалась внушеніямъ Англіи, то искала союза съ императоромъ. Главной причиной такой двойственности было желаніе удержать за собою Шлезвигъ, уступку котораго Петръ считалъ неправильной со стороны Швеціи и занятіе котораго Даніей прямо называлъ хищеніемъ.

Передъ отправленіемъ въ Персидскій походъ Петръ отказался отъ какихъ-либо рѣшительныхъ дѣйствій для удержанія Шлезвига за герцогомъ гольштинскимъ и для доставленія ему наслѣдія короны шведской, боясь, что принужденъ будетъ сдѣлать «что-нибудь противъ пользы отечества своего, которое ему дороже жизни», но въ то же время не упускалъ изъ виду всѣхъ средствъ, которыми можно было достигнуть желаемаго безъ вреда для Россіи.

Дружественный договоръ со Швеціей.

Случай этотъ доставили могучему императору смуты, возникшія въ Швеціи изъ-за борьбы партій. Королевская партія хлопотала объ уничтоженіи притязаній герцога гольштинскаго на полученіе королевской короны и объ утвержденіи этой короны за Кассельскимъ домомъ; партія герцога гольштинскаго хлопотала о томъ же для своего претендента, а «патріоты» стремились къ сохраненію и расширенію конституціонныхъ правъ. Король, ради утвержденія и упроченія своей династіи, готовъ былъ вступить въ проектируемый союзъ противъ Петра, при чемъ предполагалось, что въ составъ союза войдетъ Швеція, Англія, Данія и Голландія. При этомъ король мечталъ о возстановленіи самодержавной власти, для чего ѣздилъ по провинціямъ, подкупая крестьянъ и призывая ихъ къ защитѣ королевской власти. Но этимъ онъ только сильно вооружилъ противъ себя партію «патріотовъ», которые ясно видѣли намѣреніе короля. На сеймѣ всѣ предложенія его были отвергнуты; депутаты прямо говорили, что не согласятся на усиленіе Кассельскаго дома, а скорѣе готовы отправить депутацію къ русскому императору съ просьбой о покровительствѣ, потому что по седьмому параграфу Ништадтскаго договора Петръ обязался поддерживать конституціонную форму правленія въ Швеціи. Русскій посланникъ Бестужевъ, воспользовавшись такимъ настроеніемъ умовъ, сообщилъ главѣ «патріотовъ», графу Горну, что императоръ Петръ приказалъ «наисильнѣйшимъ образомъ обнадежить партію патріотовъ и сказать, что онъ по обязательству мирнаго трактата не

оставитъ ихъ своею помощью и перемѣнить настоящую форму правленія не допуститъ».

Это обѣщаніе имѣло громадное вліяніе на всѣ дѣла сейма: «патріоты» просили Бестужева благодарить императора за его великія милости, король пріунылъ, а Бассевичъ, какъ представитель герцога гольштинскаго, подалъ на сеймѣ меморіалъ съ требованіемъ для герцога титула «королевскаго» высочества, что являлось первымъ шагомъ къ признанію его наслѣдникомъ шведскаго престола. Сеймъ согласился на это и въ томъ же засѣданіи опредѣлилъ признать за русскимъ государемъ императорскій титулъ. Король поспѣшилъ согласиться на всѣ требованія «патріотовъ» и даже на вступленіе въ оборонительный союзъ съ русскимъ императоромъ. Сеймъ поручилъ сенату выработать условія этого договора, и въ февралѣ 1724 года договоръ, заключенный на 12 лѣтъ, былъ обнародованъ. По этому договору Россія и Швеція обязывались помогать другъ другу, если одна изъ договаривающихся сторонъ подвергнется нападенію отъ какого-нибудь европейскаго христіанскаго государства, и обязались не входить въ союзы съ другими государствами безъ взаимнаго согласія на это.

Торжество Петра и Россіи.

Объявленіе объ этомъ договорѣ произвело потрясающее впечатлѣніе во всей Европѣ, особенно въ Даніи. Король заболѣлъ отъ волненія и огорченія, и всѣ признали Шлезвигъ потеряннымъ для себя. Англія стала искать примиренія съ Петромъ черезъ французское правительство, король прусскій снова выразилъ свое уваженіе и дружбу «императору Всероссійскому».

Трудный путь былъ пройденъ. Борьба за положеніе въ Европѣ была блестяще закончена: любимый народъ доказалъ свои силы; преграды на пути его къ дальнѣйшимъ успѣхамъ были сломлены.

И раздались предъ нимъ смущенные народы,
И мѣсто въ ихъ средѣ съ почетомъ занялъ онъ.

Глава XXVIII.

Внутреннія дѣла послѣ заключенія Ништадтскаго мира.

Борьба царя съ „неправдой черной“. — Привычка къ кормленію. — Бережливость царя. — Заботы царя о пробужденіи самодѣятельности народа. — Заботы о развитіи промышленности и торговли. — Результаты этихъ заботъ. — Заботы о насажденіи наукъ и переводѣ книгъ. — Проектъ Академіи Наукъ. — Заботы объ искорененіи суевѣрія и праздности. — Желаніе дѣйствовать на раскольниковъ мягкостью. — Непониманіе народомъ своего царя. — Уставъ о престолонаслѣдіи и сопротивленіе ему.

Борьба царя съ „неправдой черной“.

После заключенія союза со Швеціей императоръ Всероссійскій достигъ высшаго могущества и славы. Все, казалось, удавалось и улыбалось великому человѣку; но это такъ только «казалось». На самомъ дѣлѣ «тяжелыя тучи налегали на сердце Петра Алексѣевича и заставляли его удаляться въ свою токарню и запираться тамъ на многіе часы».

«Тяжелыя тучи», налегавшія на душу Петра — была неправда въ судахъ и сенатѣ, хищеніе и взяточничество среди ближайшихъ его сотрудниковъ, ужасное сознаніе одиночества въ борьбѣ съ равнодушіемъ къ общему благу, равнодушіемъ, какъ ржавчина разъѣдавшимъ всякое доброе начинаніе царя.

Борьба со шведомъ кончилась, были пріобрѣтены берега двухъ великихъ морей, впереди рисовалась картина великаго будущаго родимой страны, когда она станетъ просвѣщенной, великой, могущественной и славной; когда явится посредницей между Европой и Азіей, проповѣдницей Божіей правды и Христовой любви. А между этими мечтами и завѣтными цѣлями вставало ужасное сознаніе, что родная любимая отчизна, ради которой и сынъ былъ вырванъ изъ сердца,

Въ судахъ черна неправдой черной,
И лѣни мертвой и позорной
И всякой мерзости полна.

Эти мысли и сомнѣнія должны были одолѣвать великаго Петра, когда, отдохнувъ отъ напряженной борьбы со шведами, онъ могъ съ бо̀льшимъ вниманіемъ присмотрѣться ко всему окружающему. Только уѣхалъ онъ въ Персидскій походъ, какъ въ сенатѣ возникла распря между лицами, которымъ онъ ввѣрилъ наблюденіе за Сенатомъ и самими сенаторами, а въ распрѣ этой раскрылись новыя плутни его Алексаши, его «брата», какъ онъ называлъ когда-то Меншикова, открылась неправда его подканцлера Шафирова, которому онъ поручалъ важнѣйшія дѣла государства, и взяточничество оберъ-фискала Нестерова, который долженъ бы самъ былъ раскрывать и обличать неправду. Царь былъ въ ужасѣ, ужасенъ былъ и его гнѣвъ. Онъ осудилъ на казнь за взятки и сибирскаго губернатора Гагарина, и оберъ-фискала Нестерова, и подканцлера Шафирова.

Шафировъ былъ виноватъ меньше всѣхъ: онъ собственно взялъ только лишнее жалованье для брата своего и затратилъ государственныя деньги во время путешествія во Францію; но, будучи сенаторомъ и обязанный почтеніемъ къ законамъ, онъ позволилъ себѣ, вопреки всѣмъ правиламъ, кричать на своего врага, оберъ-прокурора Сената, позволилъ себѣ назвать его воромъ и не вышелъ изъ засѣданія, когда его просили объ этомъ, въ виду того, что производили ревизію почтоваго дѣла, находившагося подъ его вѣдѣніемъ. Императоръ призналъ необходимымъ казнить его, и только въ послѣднюю минуту замѣнилъ казнь ссылкой.

«Устрашенія ради» Петръ предалъ Нестерова грозной казни черезъ колесованіе, а когда повѣсили Гагарина, то приказалъ не убирать его тѣла, пока не истлѣетъ веревка, и тѣло само не упадетъ. Это было исполнено, и многіе мѣсяцы висѣвшій мертвецъ наводилъ ужасъ на жителей Петербурга.

Государь прибѣгалъ къ такимъ жестокимъ мѣрамъ ради устрашенія народа, но никакъ не могъ наказать какъ слѣдовало бы своего бывшаго любимца Меншикова. Сознавалъ Петръ всю черную неправду его дѣлъ и весь ужасъ его своекорыстія и казнокрадства, но всякій разъ, когда доходило до суда, самъ являлся его защитникомъ, представлялъ судьямъ его великія заслуги въ прошломъ и ограничивалъ дѣло сильными штрафами. Чего стоили ему эти дѣла, какъ тяжело ложились ему на душу всѣ продѣлки Меншикова видно изъ того, что послѣ каждаго такого дѣла онъ захварывалъ и по нѣскольку недѣль лежалъ въ постели.

Привычка къ кормленію.

Упорно, жестокими казнями боролся царь противъ хищенія и взяточничества, но привычка «брать мзду» за службу, привычка къ «кормленію» черезъ эту мзду была такъ сильна въ людяхъ того времени,

что одинъ изъ лучшихъ современниковъ Петра, знаменитый впослѣдствіи историкъ Татищевъ, человѣкъ образованный и горячій сторонникъ реформъ, серьезно увѣрялъ государя, что судья не виноватъ, если беретъ вознагражденія, и запрещать этого нельзя, потому что тогда уничтожится въ людяхъ служащихъ желаніе работать и произойдетъ замедленіе въ дѣлахъ. «Мзда» вездѣ и всюду; «мзда» за все и про все такъ возмущала царя, что разъ, по выслушаніи какого-то дѣла о взяточничествѣ, онъ, обратясь къ генералъ-прокурору Ягужинскому, воскликнулъ: «Напиши указъ, что если кто и настолько украдетъ, что можно купить веревку, то будетъ повѣшенъ». На это смѣлый Ягужинскій спокойно отвѣчалъ: «Государь, неужели вы хотите остаться императоромъ безъ служителей и подданныхъ? Мы всѣ воруемъ съ тѣмъ только различіемъ, что одинъ больше и примѣтнѣе, чѣмъ другой». И задумался государь и промолчалъ.

Бережливость царя.

Самъ глубоко честный, онъ дорожилъ каждой государственной копейкой и былъ прямо скупъ на траты для себя. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ по возвращеніи его изъ-за границы былъ отказъ отъ тѣхъ громадныхъ затратъ, которыя шли на содержаніе царскаго двора, и отдача этихъ денегъ на нужды государства. Ничего не оставилъ онъ отъ трехъ тысячъ выѣздныхъ лошадей, считавшихся необходимою принадлежностью царскихъ конюшенъ. Вмѣсто трехсотъ царскихъ поваровъ и поваренковъ, готовившихъ до трехъ тысячъ блюдъ ежедневно при дворѣ царей московскихъ, въ его кухнѣ справлялся одинъ поваръ съ двумя помощниками. Государь ограничивалъ свои траты во всемъ и возбуждалъ негодованіе иностранцевъ этой скупостью. Они возмущались тѣмъ, напримѣръ, что онъ по возможности уменьшалъ число лицъ своей свиты и писалъ Екатеринѣ, какъ ей экономить при переѣздахъ по Голландіи. Это казалось мелочнымъ въ глазахъ иноземцевъ. Но, если вспомнить, что это дѣлалось ради сохраненія средствъ бѣднаго народа, если разсмотрѣть, сколько «благороднаго безстрашія» было въ этой экономіи, въ безбоязненности прослыть скупымъ передъ лицомъ Европы, то, конечно, эта черта въ дѣятельности Петра можетъ быть зачтена только въ похвалу ему, а не въ порицаніе.

Одѣвался онъ съ удивительной простотой, даже прибѣгалъ къ такой экономіи, что рукава и спина его зимняго кафтана были подбиты простымъ лисьимъ мѣхомъ, и только полы дѣлались изъ соболя. Часто носилъ онъ чулки заштопанные самой императрицей и сапоги съ заплатами, которыя самъ ставилъ, говоря: «жалованія у меня немного, а съ государственными доходами нужно обращаться бережливо, во всякой копейкѣ надо отдать отчетъ Богу».

Но, несмотря на свою боязнь истратить лишній грошъ на себя, царь строилъ дворцы, разводилъ прекрасные сады, окружалъ дворъ жены большою пышностью, потому что считалъ, что этимъ онъ дѣйствуетъ на пользу общую, развивая чувство изящнаго въ своемъ народѣ и приближая его такимъ образомъ къ западно-европейскимъ народамъ. Потому всѣ его дворцы и сады, и собранія рѣдкостей и картинъ всегда были открыты для всякаго.

Заботы царя о пробужденіи самодѣятельности народа.

«Несмотря на всѣ разочарованія, несмотря на всѣ страшныя искущенія, Петръ вѣрилъ въ будущее Россіи, вѣрилъ въ русскихъ людей и въ возможность ихъ совершенствованія и неуклонно употреблялъ мѣры, которыми думалъ ускорить это совершенствованіе» [1]. Одною изъ мѣръ къ этому совершенствованію онъ считалъ пробужденіе самодѣятельности въ людяхъ, развитіе привычки къ общественному труду, къ отвѣтственности не только за себя, но и за ближнихъ, а потому старался, гдѣ возможно, ввести выборное начало. Онъ любилъ самъ слѣдить за выборами въ Сенатѣ и наблюдалъ, чтобы тутъ не было мѣста пристрастію или неправдѣ, толковалъ, какъ надо подавать голоса, указывалъ, какъ считать эти голоса. Хотѣлъ онъ ввести выборное управленіе и по губерніямъ, для чего была введена должность выборныхъ ландратовъ или земскихъ совѣтниковъ, среди которыхъ губернаторъ былъ бы «не яко властелинъ, но яко президентъ». Недостатокъ въ людяхъ заставилъ его отказаться отъ мысли ввести такое коллегіальное управленіе въ губерніяхъ, но не заставилъ отказаться отъ выборной системы, и въ 1724 году онъ предписалъ: «комиссаровъ, опредѣляемыхъ для сбора подушныхъ денегъ, выбирать самимъ помѣщикамъ и самимъ же судить и штрафовать такихъ комиссаровъ, если окажутся виновными».

Слѣдовательно, давались широкія права обывателямъ, только тѣ мало хотѣли или вовсе не хотѣли пользоваться этими правами, смотрѣли на право выбора какъ на тяжелую обязанность и старались освободиться отъ нея. Царь, однако, продолжалъ настаивать, продолжалъ будить народъ, призывая къ самодѣятельности. Завѣдываніе городскимъ хозяйствомъ онъ поручалъ самимъ горожанамъ, для чего по всѣмъ городамъ учреждены были «магистраты», которые по своему назначенію соотвѣтствовали нынѣшнимъ городскимъ думамъ, только носили иностранное названіе. Магистратамъ поручено было: «добрую полицію учредить, купечество и мануфактуры размножить и смотрѣть, чтобы правосудіе соблюдалось». Членамъ магистратовъ предписывалось все глав-

---

[1] Слова историка Соловьева.

нѣйшее дѣлать не иначе, какъ по совѣту со всѣми гражданами, призвать къ себѣ добрыхъ и умныхъ мужей со всего городского міра, и только съ общаго согласія раскладывать и собирать подати, слѣдить за недоимками, надзирать за воспитаніемъ сиротъ, учреждать больницы и богадѣльни.

Заботы о развитіи промышленности и торговли.

При Петрѣ некому было выполнять его широкую програму, не было и средствъ къ ея исполненію по скудости промышленности и торговли и къ тому, чтобы «разсыпанную сію храмину торговли и промышленности собрать и поднять» — устремлены были всѣ заботы императора въ послѣдніе годы его жизни. Придерживаясь мысли, что «народъ нашъ, яко дѣти, которыя никогда за азбуку не примутся, когда не приневолены бываютъ», великій преобразователь дѣйствовалъ больше принужденіемъ, и летѣли во всѣ стороны строгіе приказы — какъ сохранить лѣса, какъ разводить тонкорунныхъ овецъ, какъ торги устраивать, какіе товары производить, въ какомъ количествѣ, какого размѣра, какого матеріала, какими орудіями и пріемами. За неисполненіе этихъ приказовъ всегда грозили жестокими штрафами и наказаніями до смертной казни включительно. Но рядомъ съ угрозами и наказаніями шло всякаго рода поощреніе къ занятіямъ ремесломъ и торговлею. Такъ, напримѣръ, первый, кто устраивалъ заводъ, освобождался отъ трудной военной службы и всѣ товарищи его, которые вступали въ товарищество не позднѣе полутора лѣтъ отъ основанія завода, «понеже торговля и ремесло та же служба государству есть». Чтобы пріохотить къ заводской дѣятельности, государь устраивалъ казенные заводы, потомъ, снабдивъ ихъ всѣми нужными орудіями и машинами, сдавалъ въ долгосрочную аренду желающимъ на самыхъ льготныхъ условіяхъ. Къ купцамъ онъ относился съ полнымъ уваженіемъ и старался, насколько это было въ его силахъ, о томъ, чтобы они не терпѣли убытковъ.

Результаты этихъ заботъ.

Строгости и наказанія съ одной стороны, съ другой стороны — вниманіе государя ко всѣмъ нуждамъ торговыхъ и ремесленныхъ людей и уваженіе его къ этому труду, хотя и медленно, но все же приносили свои результаты: до начала дѣятельности Петра въ Россіи насчитывалось всего 7 заводовъ и фабрикъ, которые всѣ сосредоточивались подъ Москвою, — въ концѣ его царствованія ихъ было болѣе 200, и особенно улучшилась и усилилась дѣятельность горныхъ заводовъ на Уралѣ. Торговый оборотъ тоже увеличивался — и даже довольно быстро: въ 1718 году повелѣно было направить торговлю изъ Архангельска въ Петербургъ, и тогда пришло едва нѣсколько десятковъ кораблей; въ 1722 году, т. е. черезъ четыре года, число кораблей, прибывшихъ въ

Петербургъ, дошло до 116, а въ 1724 году въ Петербургъ прибыло уже 240 иностранныхъ судовъ, въ общемъ же (считая суда, прибывшія въ Ригу, Ревель, Нарву и Выборгъ) число всѣхъ иностранныхъ кораблей превышало 1,000, да изъ Риги было отправлено 235 судовъ съ товарами; и это уже никого не поражало, тогда какъ отправка первыхъ двухъ кораблей изъ Архангельска въ 1694 году возбудила общенародные толки, удивленіе и осужденіе царя. Въ этомъ успѣхѣ великій труженикъ находилъ нѣкоторое удовлетвореніе, и въ 1723 году, отстаивая свой взглядъ на необходимость надзора и принужденія, писалъ: «Не все ль нынѣшнее неволею сдѣлано? и ужъ за многое благодареніе слышится, отъ нѣкотораго уже и плодъ произошелъ».

Заботы о насажденіи наукъ и переводѣ книгъ.

Особеннаго плода ждалъ государь отъ развитія науки. «Тьма въ сердцахъ, потому что тьма въ умахъ», — говорилъ онъ и, стараясь разогнать эту тьму умственную, завелъ библіотеки, устраивалъ школы, заботился объ изданіи газеты, объ улучшеніи театра, о составленіи книгъ по всѣмъ важнымъ вопросамъ науки и жизни. Съ какимъ интересомъ относился государь къ книгамъ, какое значеніе придавалъ имъ и даже переводу ихъ — видно изъ того, что въ октябрѣ 1724 года, послѣ только что перенесенной серьезной болѣзни, нашелъ время написать и озаботился послать въ Синодъ собственноручный «Указъ трудящимся въ переводѣ экономическихъ книгъ».

Тутъ государь училъ, что переводить книги надо не слово въ слово, а съ разсужденіемъ: «Не надлежитъ рѣчь отъ рѣчи хранить, но самый смыслъ выразумѣвъ, на свой языкъ ужъ такъ писать, какъ внятнѣе, т. е. понятнѣе, чтобы только дѣла не проронить, а за штилемъ [1] ихъ не гнаться. Да не высокимъ славянскимъ штилемъ, а простымъ русскимъ языкомъ писать надобно». При этомъ, однако, государь требовалъ сохраненія всего существеннаго безъ измѣненій.

Проектъ Академіи Наукъ.

Онъ заботился о распространеніи знаній, вѣрилъ въ ихъ великую силу, и въ 1724 году, ровно за годъ до своей смерти, издалъ указъ объ открытіи Академіи Наукъ, уставъ которой былъ составленъ совершенно своеобразно и рѣзко отличался отъ формъ, принятыхъ въ Европѣ.

Вездѣ въ Европѣ Академіи Наукъ устраивались (и устраиваются теперь) для того, чтобы дать ученымъ возможность спокойно заниматься каждому по выбранной имъ специальности, совершенствуя и развивая науку, но Петръ, приглашая иностранныхъ ученыхъ въ свою академію, кромѣ того, обязывалъ ихъ читать лекціи и приготовлять изъ своихъ

---

[1] Штиль — стиль, слогъ.

слушателей учителей для наставленія дѣтей и юношей, которыхъ собирали въ той же Академіи Наукъ.

«Невозможно намъ [писалъ онъ] слѣдовать въ прочихъ государствахъ принятому образцу, но надлежитъ, чтобы одно зданіе [т. е. учрежденіе] съ малыми убытками то же бы съ великою пользою чинило, что въ другихъ государствахъ три разныя собранія [т. е. Академія, университетъ и гимназія] чинятъ».

Заботы объ искорененіи суевѣрія и праздности.

Очень заботился государь объ огражденіи умовъ отъ предразсудковъ и напрасныхъ страховъ, и по поводу ожидаемаго солнечнаго затменія писалъ, что надо объявить объ этомъ въ народѣ заранѣе, чтобы «въ чудо не ставили, чтобы никто ложныхъ чудесъ измышлять и къ народному соблазну оглашать не дерзалъ».

Петръ былъ человѣкъ глубоко вѣрующій, но тѣмъ не менѣе казался своимъ современникамъ вѣроотступникомъ, а въ глазахъ старовѣровъ былъ прямо антихристомъ, потому что преслѣдовалъ всякія измышленныя чудеса, отрицалъ обрядность, стѣсняя свободу монаховъ, заставлялъ и самые монастыри служить нуждамъ государства. Уже въ началѣ своего царствованія онъ учредилъ Монастырскій приказъ и тѣмъ лишилъ монастыри прежнихъ богатствъ и прежняго значенія. Въ концѣ же своего царствованія онъ наложилъ на монаховъ обязанность — или служить страждущему человѣчеству, или приготовлять ученыхъ на высшія должности церковныя. О причинахъ, заставлявшихъ его такъ поступать, и о взглядахъ своихъ на монаховъ государь очень подробно и собственноручно писалъ въ указѣ Синоду въ январѣ 1724 года. Тамъ онъ высказывалъ мысль, что въ большинствѣ монахи «тунеядцы суть», потому что почти всѣ они изъ поселянъ и, «поступая въ монастырь, не отреклись, но приреклись къ доброму и довольному житію», ибо дома каждый изъ нихъ былъ «троеданникъ, т. е. дому своему, государству и помѣщику служилъ», а въ монахахъ все готовое. Если же гдѣ и сами трудятся, то все же только одну долю отъ трехъ противъ поселянъ работаютъ». По его мнѣнію, «одинъ способъ житія трутнямъ симъ не праздно, и не зазорно, но богоугодно: это — служити прямымъ нищимъ, престарѣлымъ и младенцамъ». Вслѣдствіе этого опредѣлено было, чтобы больные и увѣчные воины и «прямые нищіе», т. е. калѣки, были распредѣлены по мужскимъ монастырямъ, и монахи должны были ухаживать за ними, служить имъ. Монахинямъ вмѣнено было въ обязанность ухаживать за больными и престарѣлыми женщинами, а также заниматься воспитаніемъ дѣвочекъ-сиротъ, обучая ихъ грамотѣ и рукодѣлью.

Въ главныхъ мужскихъ монастыряхъ Петербурга и Москвы опре-

дѣлено было открыть духовныя академіи. Монастырямъ, удаленнымъ отъ городовъ, предписывалось заниматься ручнымъ трудомъ и хлѣбопашествомъ, но «празднымъ отнюдь не быти, понеже корень всему злу — праздность».

Привычка къ праздности и желаніе жить на чужой счетъ были въ то время такъ велики, что свободные, трудоспособные люди добровольно калѣчили себя и нищенствовали или добровольно сковывали себя и ходили въ кандалахъ, какъ осужденные преступники, чтобы подъ видомъ колодниковъ выпрашивать подаянія. Глубоко возмущался этимъ царь и приказывалъ такихъ «добровольныхъ нищихъ», жестоко наказавъ батогами, опредѣлять на работы въ прядильныя фабрики или на заводы, «дабы отнюдь празднымъ не быти».

Желаніе дѣйствовать на раскольниковъ мягкостью.

Строгими наказаніями преслѣдуя праздность, устраивая «доброе дѣланіе» въ монастыряхъ, государь предписывалъ Синоду наставлять народъ въ вѣрѣ и любви, при чемъ въ дѣлѣ вѣроученія хотѣлъ дѣйствовать не устрашеніемъ и наказаніемъ, а убѣжденіемъ, говоря: «Господь далъ царямъ властвовать надъ народами, но надъ совѣстью людей властитель одинъ Христосъ».

Петръ не хотѣлъ преслѣдовать раскольниковъ и, выражая свой прямой взглядъ на это дѣло, говорилъ: «Съ противниками церкви съ кротостью и разумомъ поступать надлежитъ, а не такъ, какъ нынѣ — жестокими словами и отчужденіемъ».

Разсказываютъ, что однажды онъ спросилъ: «Каковы купцы изъ раскольниковъ?» Когда ему отвѣтили, что честны и прилежны, то онъ сказалъ: «Если они подлинно таковы, по мнѣ пусть вѣруютъ, чему хотятъ, и когда ужъ нельзя обратить ихъ отъ суевѣрія разсужденіемъ, то, конечно, не пособитъ ни огонь, ни мечъ, а мучениками за глупость быть — ни они той чести недостойны, ни государству въ томъ пользы нѣтъ».

Когда въ 1702 году во время движенія его изъ Архангельска къ устью Невы стали прокладывать прямую дорогу къ Онежскому озеру, то она должна была пройти прямо черезъ деревню Выгъ, гдѣ помѣщался старообрядческій скитъ подъ началомъ Анрея Денисова. Вся братія и сестры этого скита стали готовиться къ смерти «огненной», приготовили смолу и солому для самосожженія, но царь, узнавъ, что тамъ живутъ раскольники, отвѣтилъ: «Пускай живутъ, только обязать ихъ работой на повѣнецкихъ заводахъ». За эту работу на заводахъ старообрядцы получили свободу жить въ той Выговской пустыни, по старопечатнымъ книгамъ службы свои къ Богу отправлять, и даже имѣть своихъ выборныхъ старостъ, и самимъ управлять своими дѣлами.

Непониманіе народомъ своего царя.

Но дѣло въ томъ, что царь терпѣлъ раскольниковъ только съ условіемъ, чтобы тѣ «истово», т. е. добросовѣстно исполняли обязанности добрыхъ гражданъ и подданныхъ, и, не желая преслѣдовать безвредныхъ раскольниковъ, требовалъ, чтобы за право молиться «по-старинному» они помогали государству въ его великой денежной нуждѣ, платя двойной окладъ сборовъ. Чтобы опредѣлить число раскольниковъ, предписано было сдѣлать перепись старовѣрамъ и обѣщано было прекратить послѣ этого всякое преслѣдованіе за вѣру, но въ этомъ дѣйствіи царя невѣжественный народъ усмотрѣлъ «дѣйство дьявольское», «ухищреніе сатанинское». Толковали, что въ этой переписи скрыто ухищреніе врага антихриста, чтобы заставить православныхъ платить дань себѣ — врагу рода христіанскаго. И невѣжественные люди, боясь печати антихристовой, цѣлыми тысячами бросали свои насиженныя мѣста, уходили въ глубь лѣсовъ — въ скиты, въ срубы, гдѣ питались хлѣбомъ съ водой, терпѣли всякія лишенія и принимали «огненное крещеніе», т. е. сжигали себя живыми при приближеніи царскихъ воинскихъ отрядовъ. И шла нелѣпая ужасная борьба между подданными, считавшими своего царя антихристомъ, и царемъ, вся жизнь котораго была подвигомъ и работой на пользу этого народа, не понимавшаго и не цѣнившаго его.

Тяжело было царю такое отчужденіе, и работа дѣлалась тяжелѣе, но до конца не выпускалъ онъ ея изъ рукъ.

Уставъ о престолонаслѣдіи и сопротивленіе ему.

Одинъ изъ главнѣйшихъ вопросовъ, волновавшихъ царя, былъ вопросъ о престолонаслѣдіи, такъ какъ единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ его являлся внукъ Петръ Алексѣевичъ, котораго онъ боялся назвать наслѣдникомъ, думая, что въ такомъ случаѣ, во время малолѣтства царевича, вокругъ него соберутся всѣ сторонники покойнаго Алексѣя, люди враждебно настроенные противъ нововведеній, и тогда опять вокругъ трона поднимется вражда партій и междоусобія. Петръ не хотѣлъ отстранять внука отъ престола, но хотѣлъ, чтобы онъ показалъ себя достойнымъ этого престола, чтобы онъ заслужилъ престолъ своими трудами, охотой къ ученью, и потому въ 1722 году, еще во время торжествъ по случаю Ништадтскаго мира, издалъ новый уставъ о наслѣдованіи престола. Тамъ государь объяснялъ сначала, что все враждебное «дѣйство» царевича Алексѣя произошло только изъ-за того, что, увѣренный въ своемъ правѣ наслѣдовать отцу, онъ «ни на какое отеческое наказаніе смотрѣть не хотѣлъ», далѣе государь объявлялъ, что «ради попеченія о цѣлости своего государства благоразсудилъ новый уставъ учинить, дабы всегда въ волѣ правительствующаго государя было, кому онъ хочетъ, тому и опредѣлить наслѣдство».

Въ поясненіе и добавленіе къ этому манифесту Ѳеофанъ Прокоповичъ, по желанію государя, написалъ большое сочиненіе подъ названіемъ «Правда воли монаршей», но объясненія эти или остались непонятными, или толковались, какъ поступокъ враждебный по отношенію къ маленькому Петру Алексѣевичу.

Очень обезпокоились этимъ указомъ государя и въ Вѣнѣ, гдѣ считали своимъ интересомъ и своею обязанностью поддерживать права великаго князя Петра, родного племянника императрицы римской — со стороны матери. Начались протесты со стороны вѣнскаго двора, но Петръ не очень-то безпокоился этимъ, — гораздо больнѣе было ему, что собственный народъ не понимаетъ его повелѣній и всегда толкуетъ ихъ въ дурную сторону. Когда онъ пожелалъ, чтобы подданные присягнули въ признаніи его воли относительно назначенія наслѣдника, то во многихъ мѣстахъ возникли волненія и пошли въ народѣ толки, что «государь выбираетъ на свое мѣсто нѣмчина къ царевнѣ, а внука своего сослалъ и никто про него не вѣдаетъ», что «крестъ цѣлуютъ за шведа, одноконечно, и будетъ царствовать шведъ».

Доносили государю объ этихъ толкахъ, и для него всѣ эти темные слухи были больнѣе и тяжелѣе, чѣмъ протесты всѣхъ европейскихъ дворовъ.

Глава XXIX.

Болѣзнь и смерть императора.

Предчувствіе приближенія смерти. — Манифестъ о коронованіи Екатерины. — Коронованіе Екатерины и болѣзнь царя. — Перенесеніе мощей Александра Невскаго. — Усиленіе болѣзни. — Дѣло Монса и душевныя тревоги царя. — Подвигъ на Лахтѣ. — Казнь Монса и мнѣніе царя о необходимости казней. — Помолвка Анны Петровны съ герцогомъ гольштинскимъ. — Попытки больного царя работать. — Ужасныя страданія царя въ болѣзни. — Невозможность выразить послѣднюю волю. — Борьба партій при дворѣ. — Послѣднія минуты жизни великаго царя. — Смерть императора и провозглашеніе Екатерины императрицей. — Погребеніе.

Предчувствіе приближенія смерти.

Великій человѣкъ былъ измученъ борьбой «съ неправдой черной» и съ недовѣріемъ народа ко всѣмъ его начинаніямъ. Онъ чувствовалъ сильнѣйшее утомленіе, сталъ хворать больше прежняго и сознавалъ, что «конецъ приближается». Сознавая это, онъ сдѣлалъ два крайне важныхъ распоряженія, касавшіяся будущаго: во-первыхъ, распорядился собрать воедино всѣ свои указы, которые могли бы служить руководствомъ для его преемниковъ, во-вторыхъ, рѣшилъ короновать свою «Катеринушку», которую любилъ попрежнему, въ которой надѣялся найти себѣ послѣдовательницу и подражательницу.

Манифестъ о коронованіи Екатерины.

15 ноября 1723 года изданъ былъ манифестъ государя о желаніи его короновать Екатерину въ благодарность за то, что она «во всѣхъ трудахъ его ему великой помощницей была», за то, что она во многихъ походахъ, «отложа немочь женскую», участвовала и елико возможно вспомогала, а въ Прутской кампаніи съ турками «мужески, а не женски поступала». Манифестъ не вызвалъ никакого сопротивленія ни явнаго, ни тайнаго, но коронованію долго мѣшала болѣзнь Петра.

Онъ хворалъ всю зиму и только въ февралѣ 1724 года, послѣ за-

Императрица Екатерина I Алексѣевна.

ключенія союза со Швеціей, почувствовалъ себя настолько бодрымъ, что отправился на свои Кончезерскія воды, гдѣ пробылъ, однако, всего двѣ недѣли. По народнымъ сказаніямъ на Кончезерскихъ водахъ великому преобразователю предсказана была близкая смерть, но онъ вовсе не смутился этимъ, самъ ожидая ея приближенія и заботясь о приведеніи своихъ дѣлъ въ порядокъ.

Коронованіе Екатерины и болѣзнь царя.

7 мая 1724 года въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ совершилось коронованіе и мѵропомазаніе Екатерины. Любовью великаго человѣка простая крестьянка была возведена въ санъ императрицы Всероссійской, и, конечно, торжеству и радости ея не было предѣловъ, но государь былъ такъ слабъ, что едва достоялъ обѣдню и обрядъ мѵропомазанія, а послѣ этого долженъ былъ удалиться къ себѣ и только изъ окна смотрѣлъ, какъ веселился и гулялъ народъ на площади, какъ фонтаны били бѣлымъ и краснымъ виномъ. Непривычно было для его дѣятельной натуры оставаться въ вынужденномъ бездѣйствіи, и онъ, перемогаясь, принялся за дѣла, но вновь открывшіяся злоупотребленія Меншикова такъ разстроили его, что онъ слегъ на нѣсколько недѣль, и только извѣстіе о заключеніи вѣчнаго выгоднаго мира съ Турціей подбодрило его. Когда наступало временное облегченіе отъ болѣзни, онъ попрежнему работалъ, попрежнему всѣмъ распоряжался, но было въ немъ что-то особенное.

Какъ будто предчувствуя близкій конецъ, онъ хотѣлъ поручить свой любимый «парадизъ» высшему покровительству и заступничеству глубоко чтимаго имъ св. Александра Невскаго, а потому отдалъ приказъ перенести мощи святого изъ Владиміра въ Петербургъ.

Перенесеніе мощей Александра Невскаго.

Монастырь въ память св. князя былъ построенъ царемъ еще въ 1715 году, а 30 августа 1724 года совершилось торжественное перенесеніе мощей великаго народолюбца. Самъ Петръ на своей галерѣ съ важнѣйшими сановниками встрѣтилъ святыя мощи за 7 верстъ отъ Петербурга; гробъ святого благоговѣйно перенесли на царскую богато украшенную галеру, послѣ чего самъ царь взялся за руль, а адмиралы и генералы сѣли за весла. При неумолкаемомъ колокольномъ звонѣ и при пушечныхъ выстрѣлахъ галера остановилась у пристани. Императоръ и важнѣйшіе сановники подняли святую раку и понесли ее подъ балдахиномъ въ монастырь, гдѣ толпы народа падали ницъ и жарко молились. Въ придѣлѣ, вновь освященномъ, переложили мощи святого угодника въ новую раку и поставили на приготовленное мѣсто. Царь горячо молился, какъ бы поручая заступничеству своего святого предка и городъ свой и любимую имъ Россію.

Болѣзнь царя все усиливалась: въ началѣ сентября съ нимъ сдѣлался такой ужасный припадокъ, что лейбъ-медикъ [1] Блюментросъ не рѣшился лѣчить его одинъ; выписали изъ Москвы на консиліумъ (совѣщаніе) двухъ знаменитыхъ докторовъ, и по ихъ настоянію государь согласился на мучительную операцію — удаленіе камней изъ печени. Двѣ недѣли опасность была такъ велика, что доктора ни на минуту не оставляли его, но потомъ гигантскія силы государя побѣдили болѣзнь, онъ началъ поправляться, ходить по комнатамъ, и, тотчасъ съ возвращеніемъ

Усиленіе болѣзни.

Петръ Великій перевозитъ мощи св. Александра Невскаго.

(Картина проф. Басина, находящаяся въ Исаакіевскомъ соборѣ.)

здоровья, воскресла въ немъ жажда дѣятельности. Работа, особенно физическая, была для него отвлеченіемъ отъ горя и печалей, и онъ спѣшилъ приняться за нее, чтобы забыться, такъ какъ горе у него было страшное: опять открылись злоупотребленія Меншикова, такъ что государь принужденъ былъ отрѣшить его отъ должности президента Военной коллегіи, открылись злоупотребленія любимца государыни, правителя ея вотчинной канцеляріи Монса, и обвинены были во взяточничествѣ чины Высшаго суда и личный государевъ секретарь, Макаровъ.

Дѣло Монса и душевныя тревоги царя.

Было отъ чего придти въ отчаяніе, опустить руки! А тутъ еще рядъ подметныхъ писемъ, что и сама императрица не безъ грѣха въ

[1] Лейбъ-медикъ — придворный докторъ.

дѣлѣ взяточничества Монса и Меншикова, ужасная мысль, что жена измѣняетъ, не любитъ больше! Великій человѣкъ былъ въ то время слабымъ, безконечно несчастнымъ, минутами онъ готовъ былъ вѣрить клеветамъ на жену и разъ въ припадкѣ гнѣва, какъ говорятъ, разбивъ зеркало, грозно крикнулъ ей: «Видишь, какъ однимъ ударомъ уничтожилъ я зеркало, такъ уничтожу всѣхъ измѣнниковъ моихъ», — намекая на нее. Но она сумѣла гордымъ отвѣтомъ успокоить его, сказавъ: «И чего же достигъ — только лишился лучшаго украшенія своего дворца». Смолкъ государь и понялъ всѣмъ сердцемъ, что лишиться ея, своей Катеринушки, своего друга сердешненькаго, лучшей красы и отрады своей жизни онъ не въ силахъ, а что надо искать забвенія горю въ трудѣ. И съ лихорадочной поспѣшностью хватался императоръ за этотъ трудъ — трудъ на пользу родины. Работы же было достаточно. За время его болѣзни накопилось много нерѣшенныхъ дѣлъ, много упущеній было по разнымъ мѣстамъ, и царю необходимо было побывать и въ Шлиссельбургѣ, и на Олонецкихъ заводахъ, и на Ладожскомъ каналѣ, который проводился подъ наблюденіемъ Миниха. Когда докторъ попробовалъ удержать его отъ этой поѣздки, грозя усиленіемъ болѣзни, онъ отвѣчалъ: «Болѣзнь упряма — природа знаетъ свое дѣло и совершаетъ его, но пока есть силы, мнѣ надлежитъ пещись о пользѣ государства». И онъ поѣхалъ. Путешествіе нѣсколько помогло ему: несмотря на болѣзнь, онъ выковалъ на Олонецкомъ заводѣ желѣзную полосу въ три пуда, потомъ совершенно ожилъ, осматривая работы Миниха по Ладожскому каналу, и, возвратясь въ Петербургъ, заявилъ императрицѣ: «Я былъ боленъ, но труды моего Миниха сдѣлали меня здоровымъ». Онъ сталъ уже мечтать, какъ черезъ нѣсколько лѣтъ проѣдетъ по каналамъ изъ Петербурга въ Москву. Ободренный и успокоенный поѣздкой въ любимый Олонецкій край, Петръ предпринялъ поѣздку въ Старую Руссу для осмотра тамошнихъ солеваренъ, побывалъ по пути въ Новой Ладогѣ, въ Новгородѣ и уже въ октябрѣ возвратился въ Петербургъ, а черезъ два дня поѣхалъ на осмотръ Сестрорѣцкаго оружейнаго завода.

Подвигъ на Лахтѣ.

29 октября подъ вечеръ царь на небольшой шлюпкѣ съ нѣсколькими гребцами выѣхалъ изъ Петербурга, чтобы раннимъ утромъ поспѣть въ Сестрорѣцкъ къ началу работъ. Былъ сумрачный, осенній, чисто петербургскій день, моросилъ мелкій дождь и «вѣтеръ дулъ, печально воя». Привыкъ, казалось, царь къ такимъ печальнымъ днямъ своего «парадиза», но на этотъ разъ не выдержалъ, иззябъ и приказалъ причалить къ деревнѣ Лахтѣ, чтобы гдѣ-нибудь въ избѣ обогрѣться. Обрадовались и гребцы ожидаемому отдыху, но только что причалили къ берегу, какъ

услыхали съ моря призывные крики о помощи. Оказалось, что большой ботъ съ солдатами сѣлъ на мель, и волны грозили разбить его. Казалось, солдатамъ спасенія не было. Но тутъ былъ Петръ, и спасеніе совершилось. При крикахъ о помощи, при видѣ гибели, грозившей его солдатамъ, «дѣтямъ его сердца», какъ онъ называлъ ихъ подъ Полтавою — онъ все забылъ: и Катеринушку, и свою тоску при мысли о возможности ея измѣны, и болѣзнь свою, и приказаніе докторовъ беречься, — онъ загорѣлся одной надеждой — спасти погибающихъ, и быстро распорядился спустить лодки, летѣть къ тонущему боту и снять солдатъ съ мели. Всѣ, конечно, торопились и работали, сколько силъ хватало, но для огневой натуры царя все казалось недостаточно быстрымъ, и онъ, сѣвъ въ маленькую лодочку, самъ помчался на помощь тонувшимъ. Подойти къ боту было невозможно, и царь, выскочивъ изъ лодки, вступилъ на мель; вода доходила ему до пояса, но, забывая о болѣзни, онъ оставался въ водѣ, пока не снялъ съ бота послѣдняго солдата. Всѣ были спасены, но ужасной цѣной — царь простудился. Тутъ же на морѣ съ нимъ сдѣлался страшный припадокъ озноба — насилу могли перевести его на берегъ. Всю ночь трясла его лихорадка, а къ утру силы такъ упали, что онъ не могъ встать и долженъ былъ пролежать нѣсколько дней въ постели.

Казнь Монса и мнѣніе царя о необходимости казней.

2 ноября больной и слабый онъ вернулся въ Петербургъ, но не на радость, а на судъ надъ виновными: Меншиковымъ, Монсомъ и фрейлиной Гамильтонъ, обвиненной въ похищеніи важныхъ бумагъ изъ стола государя. Меншикова онъ помиловалъ, только отставилъ отъ предсѣдательства въ Военной коллегіи. Гамильтонъ и Монсъ были приговорены къ казни, а сообщники ихъ — къ наказанію кнутомъ и ссылкѣ. Царь счелъ своимъ долгомъ присутствовать при совершеніи казни, смотрѣлъ на муки казнимыхъ, слушалъ крики наказываемыхъ кнутомъ. Человѣкъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ не жалѣвшій жизни своей для спасенія солдатъ, смотрѣлъ хладнокровно на казнь близко извѣстныхъ ему лицъ! Эта ужасная подробность, бросающая тѣнь на великаго человѣка, не можетъ быть пропущена при разсказѣ о дѣлахъ, о его жизни, такъ какъ она вытекала изъ его убѣжденія, что онъ, какъ царь, не можетъ не казнить виновныхъ.

Послѣ совершенія казни надъ Монсомъ онъ занимался дѣлами, несмотря на болѣзнь, заботился о всѣхъ мелочахъ, о всѣхъ важныхъ дѣлахъ съ прежнимъ вниманіемъ, но не съ прежней энергіей, а черезъ силу.

Помолвка Анны Петровны съ

24 ноября, въ день имянинъ императрицы, произошла торжественная помолвка Анны Петровны съ герцогомъ Карломъ-Фридрихомъ

герцогомъ гольштинскимъ.

Гольштинскимъ. При этомъ всѣ узнали, что императоръ вовсе не хочетъ «поставить на свое мѣсто нѣмчина» (какъ говорили въ народѣ), такъ какъ великая княжна и герцогъ должны были передъ обрученіемъ подписать отреченіе отъ всѣхъ правъ на русскій престолъ — и за себя и за всѣхъ своихъ потомковъ. Празднества по случаю обрученія тянулись нѣсколько дней, но государь присутствовать на нихъ почти не могъ, выходилъ къ пировавшимъ только на время, чтобы не смущать общаго веселія; чувствуя все большую и большую слабость, онъ занимался дѣлами у себя въ кабинетѣ.

Попытки больного царя работать.

Наступленіе 1725 года было встрѣчено съ обычной торжественностью. 6 января царь, перемогаясь, присутствовалъ на водосвятіи на Невѣ, гдѣ уже окончательно простудился, и припадки болѣзни усилились, но онъ не поддавался имъ, боролся съ собою и занимался дѣлами. 7 января онъ утвердилъ проектъ о союзѣ съ Австріей и Испаніей и въ тотъ же день далъ собственноручно составленное наставленіе или инструкцію Камчатской экспедиціи, во главѣ которой былъ поставленъ Витузъ Берингъ съ порученіемъ отыскать, есть ли проливъ между Азіей и Америкой. Учитель императора — токарнаго дѣла мастеръ Нартовъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что государь, будто предчувствуя свою кончину, необыкновенно спѣшилъ (впрочемъ, когда же онъ не спѣшилъ?) при составленіи этой инструкціи и какъ-то успокоился и просіялъ, когда ее кончилъ. Призвавъ къ себѣ генералъ-адмирала Апраксина, царь трогательно просилъ его озаботиться составленіемъ экспедиціи, потому что, «оградя отечество безопасностью отъ непріятелей, надо искать ему славы черезъ искусство и науки». Далѣе государь разсказывалъ, какъ онъ въ юности мечталъ открыть дорогу черезъ Ледовитое море въ Китай и Индію, и прибавилъ: «На этой морской картѣ предполагаемый путь назначенъ мной не напрасно — въ послѣднемъ путешествіи моемъ, въ разговорѣ слыхалъ я отъ ученыхъ людей, что такое обрѣтеніе пути возможно. Надо попробовать. Не будемъ ли мы въ изслѣдованіи такого пути счастливѣе голландцевъ и англичанъ, которые неоднократно покушались изучать берега Америки».

Ужасныя страданія царя въ болѣзни.

Такъ мечты юности возродились въ душѣ уже почти умирающаго императора, такъ, больной и слабый, находилъ онъ отраду въ работѣ для будущей славы родной земли. Работалъ онъ настойчиво, но сильнѣйшія боли, начавшіяся 16 января, сломили его окончательно. Боли были такъ ужасны, что стоны и крики страдальца слышались на улицѣ чрезъ тройныя рамы, а на стоны царя (по выраженію одного современника) «народъ отвѣчалъ такими же стонами и плачемъ». Церкви день и ночь были

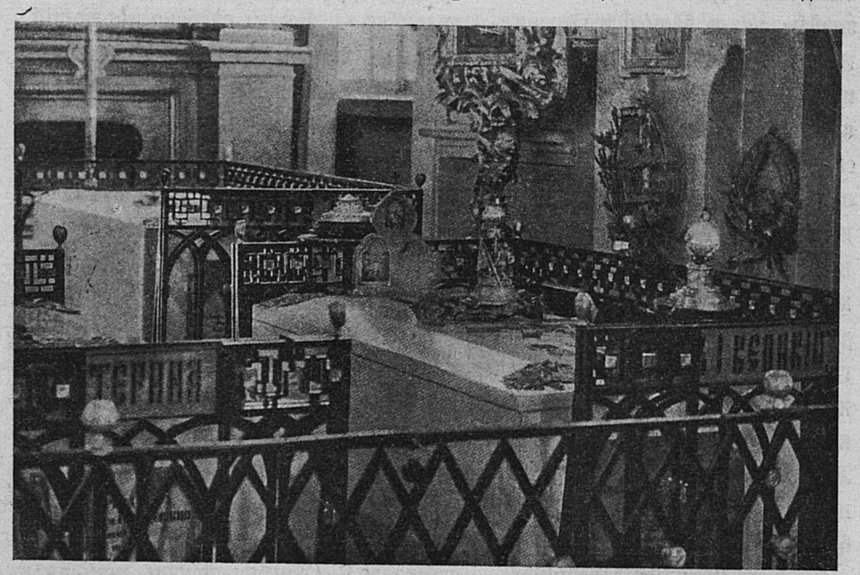
полны молящимися о здоровьѣ государя, молились искренно, отъ всей души, отъ всего сердца, такъ какъ для жителей его «парадиза» онъ былъ человѣкомъ близкимъ, доступнымъ и дорогимъ по своей простотѣ. Лейбъ-медикъ объявилъ императрицѣ о безнадежномъ состоянiи государя и просилъ послать курьеровъ къ лучшимъ врачамъ Европы, чтобы просить ихъ совѣта и помощи. Курьеры были отправлены немедленно, но еще быстрѣе двигалась болѣзнь: императоръ такъ ослабѣлъ, что уже не кричалъ, а только стоналъ отъ боли, лежалъ точно разбитый и, какъ бы извиняясь въ своей слабости, говорилъ окружающимъ: «Изъ меня познайте, какое бѣдное животное — человѣкъ». Всегда глубоко вѣрующiй, государь искалъ утѣшенiя и облегченiя въ молитвѣ, и 20 числа велѣлъ поставить въ сосѣдней комнатѣ походную церковь, чтобы хоть издали слышать церковную службу, а 22-го исповѣдывался и причастился св. тайнъ. 26-го ему стало особенно худо; тогда изданъ былъ манифестъ о прощенiи всѣхъ преступниковъ, кромѣ обвиненныхъ въ многочисленныхъ убiйствахъ, и надъ государемъ было совершено таинство елеосвященiя. Еще съ 16-го императрица не отходила отъ его постели и на колѣняхъ выпросила прощенiе Меншикову, такъ что тотъ вмѣстѣ съ другими министрами и духовенствомъ не оставлялъ дворца. «Птенцы гнѣзда Петрова» съ горемъ слѣдили за страданiями великаго императора и съ трепетомъ ждали выраженiя его монаршей воли относительно того, кому оставляетъ онъ наслѣдство? А онъ, измученный болѣзнью, казалось, забывалъ все на свѣтѣ въ своихъ страданiяхъ. 27-го были прощены всѣ дворяне, уклонявшiеся отъ службы и присужденные къ отобранiю отъ нихъ имѣнiй, освобождены всѣ приговоренные къ казни и ссылкѣ за нарушенiе военныхъ артикуловъ. Государь искалъ помощи и заступленiя себѣ въ ихъ молитвахъ. Самъ нуждаясь въ прощенiи Божiемъ, онъ прощалъ другихъ, но, вѣрный себѣ до конца, отказывался простить убiйцъ и разбойниковъ.

Невозможность выразить послѣднюю волю.

Съ минуты на минуту императору становилось все хуже, онъ сознавалъ приближенiе смерти. Во второмъ часу дня больной потребовалъ бумаги, попробовалъ писать, но рука, безвольно двигаясь по бумагѣ, чертила какiе-то непонятные знаки. Наконецъ, перо выпало изъ ослабѣвшей руки, и царь потребовалъ къ себѣ дочь Анну. Попробовалъ онъ продиктовать ей свою волю, но языкъ уже не слушался его, а изъ всего, написаннаго ослабѣвшей рукой когда-то могущественнѣйшаго человѣка, могли разобрать только два слова «отдайте все». Кому отдать все — осталось неизвѣстнымъ, и у постели умирающаго гиганта началась борьба партiй.

Борьба партій при дворѣ.

Вельможи вышли на совѣщаніе въ отдаленные покои дворца, и голоса по вопросу о преемникѣ императора раздѣлились: Рѣпнинъ — одинъ изъ братьевъ Апраксиныхъ, Голицынъ и Долгорукій стояли за маленькаго десятилѣтняго царевича Петра, Меншиковъ, генералъ-адмиралъ Апраксинъ и Толстой — за Екатерину, указывая на то, что коронованіемъ ея Петръ косвенно указалъ, что ее одну считаетъ достойной преемницей себѣ. Споры разгорались, послали за Екатериной. Бассевичъ вызвалъ ее изъ комнаты умирающаго и привелъ въ залу засѣданія. Императрица, вся въ слезахъ, заговорила о томъ, какъ опасно отдать

Гробница Петра Великаго въ Петропавловскомъ соборѣ въ Петербургѣ.

престолъ младенцу, сказала, что мѵропомазаніемъ получила права наслѣдованія послѣ мужа, но закончила увѣреніемъ, что не станетъ оспаривать престолъ у царевича Петра. «Я только сохраню ему престолъ, какъ священный залогъ до тѣхъ поръ, пока Богъ не соединитъ меня съ тѣмъ, кого скоро у насъ не будетъ». Послѣ этого императрица удалилась, а Толстой распорядился вызвать къ дворцу гвардейскія войска. Число совѣщавшихся сановниковъ увеличилось генералами и офицерами преданной императрицѣ гвардіи, и перевѣсъ явно склонился на ея сторону. Наконецъ Головкинъ объявилъ, что онъ соглашается съ Толстымъ и Меншиковымъ, что императоръ коронованіемъ Екатерины выразилъ свою волю; тогда составленъ былъ актъ, въ которомъ говорилось, что въ силу присяги, принесенной императрицѣ Синодомъ, Сенатомъ и народомъ,

сенатъ провозглашаетъ ее императрицей со всѣми правами, которыми пользовался императоръ Петръ Великій.

Послѣднія минуты жизни великаго царя.

А во время этого бурнаго тяжелаго совѣщанія тотъ, о наслѣдіи котораго шли споры, безсильный и безгласный, равнодушный уже ко всему земному, готовился къ послѣднему прощанію съ землей. Параличъ поразилъ всю лѣвую сторону его тѣла, но правая рука его еще двигалась. Онъ былъ въ памяти и понималъ, что происходило вокругъ, потому что, когда Ѳеофанъ Прокоповичъ сталъ говорить ему о переходѣ въ жизнь вѣчную, онъ отвѣчалъ наклоненіемъ головы, когда же его спросили, не желаетъ ли онъ еще причаститься св. тайнъ, лицо его просіяло, и онъ поднялъ правую руку, сдѣлалъ даже попытку поднять голову, но не въ силахъ былъ этого исполнить. Его приподняли, онъ съ усиліемъ поднялъ руку и произнесъ еле внятнымъ, прерывающимся голосомъ: «Вѣрую и уповаю». Во время чтенія причастной молитвы онъ съ трогательнымъ смиреніемъ чуть слышно произнесъ: «Вѣрую, Господи, и исповѣдую. Вѣрую, Господи, и помоги моему невѣрію», а послѣ причастія замолчалъ и лежалъ спокойно. Всѣмъ присутствующимъ показалось, что послѣдняя минута наступила, что все уже кончено, всѣ со слезами и стонами обступили кровать. Всѣ однако ошиблись — императоръ взглянулъ на всѣхъ сознательно и внятно произнесъ: «Послѣ». Всѣ, кромѣ родныхъ, вышли изъ комнаты. Жадно ловя каждый вздохъ умирающаго, стояли около него жена и дочери, надѣясь услышать еще хоть единое слово его, но эти надежды не исполнились. Еще 15 часовъ длилась борьба могучаго тѣла со смертью, 15 часовъ стонъ показывалъ, что страдалецъ еще живъ, но, наконецъ, стоны замолкли, и въ 6 часовъ утра 28 января 1725 года великій императоръ,

Памятникъ Петру I.

Смерть императора и провозглашеніе Екатерины императрицей.

великій человѣкъ кончилъ свое земное существованіе. Императрица, понявъ это, вскрикнула и лишилась чувствъ.

Комната наполнилась высшими чинами гвардіи, членами Синода и Сената. Убѣдившись въ смерти императора, всѣ сановники опять вышли и собрались въ залу совѣщанія, а когда Екатерина, подъ руку съ герцогомъ гольштинскимъ, вышла къ Сенату, сенаторы объявили ей свое рѣшеніе: она провозглашена была императрицей, и одновременно съ манифестомъ о кончинѣ Петра по Россіи, отъ Сената и Синода, былъ разосланъ манифестъ о восшествіи на престолъ Екатерины.

Тѣло императора набальзамировали и до дня погребенія, 8 марта, оно было открыто для поклоненія всѣмъ. Лицо покойнаго первые часы носило слѣды ужасныхъ страданій, потомъ приняло отпечатокъ величія и радостнаго спокойствія. Почилъ отъ трудовъ своихъ великій человѣкъ — «Смежилъ орлиныя очи въ покоѣ, почилъ безмятежно, зане совершилъ въ предѣлахъ земныхъ все земное», — какъ сказалъ поэтъ о смерти другого великаго человѣка — Гёте.

Погребеніе.

8 марта совершились торжественныя похороны. Ѳеофанъ Прокоповичъ сказалъ надъ гробомъ краткую рѣчь, но говорилъ ее долго, потому что прерывалъ ее безпрестанными слезами, — и слезами отвѣчали ему слушатели. Поэтъ Майковъ такими стихами передалъ ея содержаніе:

О чемъ мы плачемъ? Что мы стонемъ?
Что, Россіяне, мы творимъ?
Петра Великаго хоронимъ.
И что хоронимъ въ немъ и съ нимъ?...
Вѣдь въ бытіе онъ насъ, Великій,
Воздвигъ изъ тьмы небытія...

Академикъ и герой, бывшій вѣчнымъ работникомъ на тронѣ, успокоился отъ своихъ великихъ трудовъ, оставивъ намъ священный завѣтъ непрестанной работы на пользу родины, на пользу народа.

